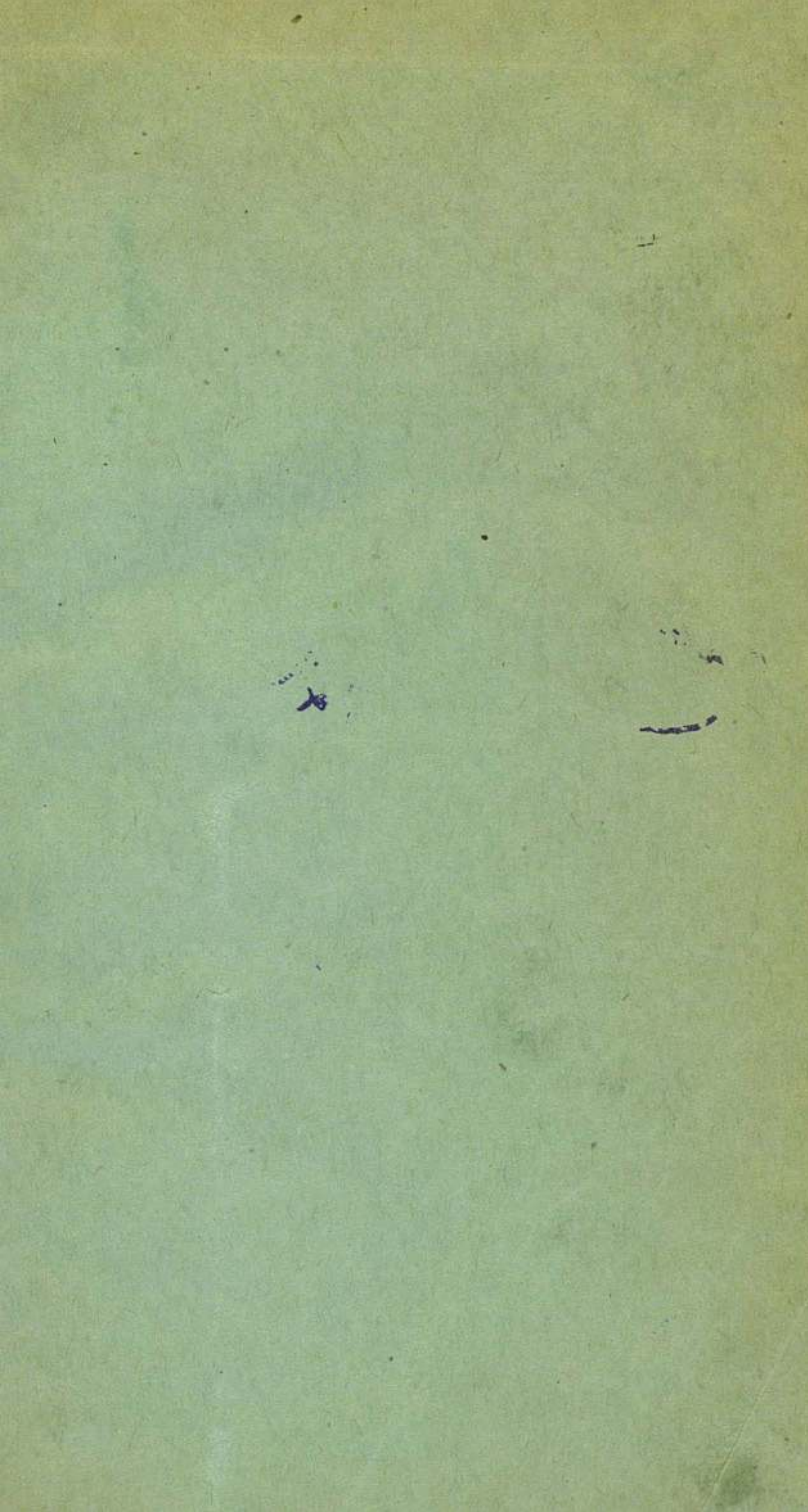

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

У Т Р Е Н Н І Й С В Ъ Т Ъ .

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О Е
И З Д А Н І Е .

Ч А С Т Ъ І .

Издание Второе

В Ъ М О С К В Ъ ,
Б Ъ У н и в е р с и т е т с к о й Т и п о г р а ф и и
1779 года .

Y T P E N I N I N
C R D I B
R E K E I T C R F H O R
N A T I H I E

B D M O R B S
B D V a n d e r b e n n e n t o n T a n o p o f f i n
1 8 5 2

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,

ГАВРИИЛУ,

АРХІЕПИСКОПУ

НОВГОРОДСКОМУ

И

САНКТПЕТЕРБУРГСКОМУ

*Высокими знаніями и добродѣтелями
украшенному*

АРХИПАСТЫРЮ ;

Сіе Изданіе

Усерднѣйше посвящаютъ

Издатели.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ТАБЛИЦА

ВЕСОВ

ГОЛОГОРОДЪ

И

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Възвѣшенъ въ 1812 году

Изданъ

АЛЕКСАНДЕРЪ

Съ Купца

Изданъ въ 1812 году

Въ Голландіи

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Благосклонный Читатель!

Издатели сего Журнала, приступая къ сему предпріятію, толико были обременены страхомъ и надеждою, что и теперь не находятъ себя въ состояніи, другъ открыть спое намѣренія.

Собраніе наше состоитъ только изъ десяти; а сложивъ вмѣстѣ время нашея жизни, составитъ не болѣе тридцати лѣтъ. Такоя молодость едва достигаетъ и до Упреннаго свѣша въ нашей жизни; почему, какъ то и со пѣми молодыми людьми быпаетъ, мы хотя и пеликую полагаемъ надежду на спое прилѣжаніе и трудолюбіе, однакожъ не смѣемъ упопать, что по желанію удостоятъ насъ многіе споймъ чтеніемъ.

Болѣе десяти дней размышляли мы о средствѣхъ, которымибъ могли снискать многихъ читателей. Собраніе наше подобно было Аѳинскому Ареопагу. Имѣло оно столь пажный и почтенный видъ, что и сама грознопидная Минерва былабъ имъ допольна; однакожъ со пѣмъ тѣмъ не могли мы ни на что рѣшиться. Все, что ни было предлагаемо, казалось намъ или песьма молодымъ, или крайнѣ старымъ; или очень искрипленнымъ, или съ лишкомъ прямымъ; или песьма краткимъ, или безмѣрно протяженнымъ: слопомъ, при окончаніи пѣхъ нашихъ соптотъ, примѣтили мы, что наше желаніе быть Издателями, не сопряжено не только съ допольною смѣлостію, но ниже подстрекаемо тщеслапиемъ, самолюбіемъ или гордостію.

Наконецъ пыступилъ одинъ изъ нашихъ полюбленныхъ Сочленовъ, коего малыя, глубока спадшія и проницаніемъ украшенныя очи, и длинный носъ, остѣняющій на сухомъ лицѣ его сильно изображенныя черты, предсказывающія псегда, о чемъ онъ помышляетъ; и который пріобыкъ не прежде начинать гопорить, какъ только когда Венера проходитъ чрезъ Солнце. Таковой то Сочленъ нашъ пыступилъ, попросаеъ: „Друзья! упѣрены ли пы, что наши „сограждане охотно будутъ читать лучшія, по „пашему мнѣнію, пнопы избранныя сочиненія? „Раздѣ перья наши очинены по новѣйшей Фран- „цузской модѣ? Раздѣ снабдила насъ Англія и „Немѣцкая земля матерією къ писанію? „Прогопоришь сіе, садится онъ паки съ пажностью, и потираеъ зардѣдшее чело спое.

Подобно, какъ сильнымъ громопымъ ударомъ мрачныя тучи разгоняются, и солнечнымъ лучамъ даюъ спободное прохожденіе, тако отъ сего попроса души наши вдругъ исполнилися спѣтомъ. Сколько ученые наши споры о избраніи сочиненій были прежде жипы и громогласны, толико по семъ настало глувокое молчаніе. Долгое время пзирали мы другъ на друга, не зная, что намъ думать, гопорить, или дѣлатъ должно; и для того просили мы его, что бы онъ насъ споймъ полезнымъ содѣтомъ изъ сего ноцаго затрудненія изторгнулъ. Сіе ты, гопорили мы, содѣлатъ долженъ для того, что немилосердо принудилъ насъ позпрянуть отъ сна, песьми для насъ пріятнаго. Долго мы принуждены были просить сего протипу слабостей, погрѣшностей и порокопъ неукротимаго нрапоучителя. Наконецъ патріотическая репность къ полюбленному Отечеству, преодолѣла его упрямество. Пылающее его желаніе пріоб- щить

щитъ чтолибо къ пользѣ и благосостоянію
споихъ согражданъ, разперзло его челоѣколюбі-
емъ тронутое сердце, и началъ онъ дѣлать тако.

„Друзья! о чемъ я пасъ прежде попрошалъ,
„ безъ сомнѣнія есть столь пажное дѣло, что пы
„ о немъ пѣ прежнихъ нашихъ совѣтопаніяхъ и
„ помышлять не могли. Всѣ наши старанія и
„ изыщныя предпріятія, псѣ наши съ непре-
„ станными вѣдѣніями издапаемые ученые тру-
„ ды были бы тщетны и бесполезны, естьлибъ
„ они читателямъ нашимъ не понравились. Я
„ песьма далекъ отъ сомнѣнія о любви ко чте-
„ нію нашихъ единоземцевъ; но мы не пѣ состоя-
„ ніи нынѣ заключить о такомъ дѣлѣ, которое
„ претмя рѣшить должно. Однакожъ положимъ
„ хотя безъ утпержденія, что любовь ко чтенію
„ не по псѣхъ еще Россійскихъ городахъ сопершен-
„ но разпространилася: будемъ ли мы тѣмъ осло-
„ бождены отъ нашей должности, которую обя-
„ заны къ нашимъ единоземцамъ, когда нѣкото-
„ рые изъ нихъ сами къ себѣ спой долгъ поза-
„ быпаютъ? Въ семъ случаѣ не должно ли наше
„ усердіе о благѣ такихъхъ наипаче усугублять-
„ ся? Не должны ли мы тогда псѣ наши стара-
„ нія съ большимъ предумотрѣніемъ и благора-
„ зуміемъ учреждать, дабы читающимъ согражда-
„ намъ достаплять удопльстіе, а нечитающихъ
„ приплекать къ собстенной ихъ пользѣ? Оболя-
„ щенные нѣкоторыхъ иностранныхъ Писателей
„ сочиненіями, подобными влеску сусальнаго зо-
„ лота, скоро могутъ прійти сами пѣ себя,
„ естьли мечтательныя оныхъ красоты, подо-
„ бно пѣ нашемъ воздухѣ зимою влещащимъ
„ снѣжнымъ частицамъ, увидятъ разтапающи-
„ ми и пѣ ничто обращающимися при посхожде-
„ ніи Солнца правды. И такъ попросъ мой не
„ долженъ былъ приподить пасъ пѣ сомнѣніе, пѣ

„ пашемъ намѣреніи , но только сдѣлать пасѣ
 „ осторожными по исполненіи онаго ; ибо онѣ
 „ придодитъ пасѣ другъ ко псему распо-
 „ женію сего нашего Журнала , и дѣ молчаніи
 „ подлетѣ содѣтѣ : будеше полезны для благоразум-
 „ ныхъ .

„ Симъ могъ бы я окончать мое слово , а
 „ прочее оставитъ пашей достохпальной репно-
 „ сти , естли вѣ еще не усматриалѣ изъ очей па-
 „ шихъ нетерпѣливаго желанія , узнать подро-
 „ бнѣйшія мои заключенія . И такъ , противу
 „ моего сдойства , хочу я теперь нѣсколько
 „ обстоятельнѣе и пространнѣе гопорить . Я ду-
 „ маю , что лучшимъ предмѣтомъ настоящихъ
 „ трудовъ нашихъ избрать не можемъ , какъ
 „ сердца и дѣши позлюбленныхъ нашихъ едино-
 „ земцевъ . Сіи наши единомысленцы суть разум-
 „ ныя существа , изъ тѣла , души и духа со-
 „ стоящія . Мы оставимъ перукмахерамъ , порт-
 „ нымъ и изобрѣтательницамъ нопыхъ модъ ,
 „ украшать ихъ наружность ; оставимъ искус-
 „ нымъ Врачамъ , имѣть попеченіе о пользаніи
 „ ихъ тѣлесныхъ болѣзней ; но души и духъ ихъ
 „ да будутъ единственнмъ предмѣтомъ нашимъ ;
 „ имъ то прачепаніе , укрѣпленіе и тому подоб-
 „ ное предлагать станемъ . И для того , изда-
 „ паемыя нами листы должны наполнять истин-
 „ нами , дѣ природѣ челоѣческой основаніе свое
 „ имѣющими ; истиннами отъ естества произ-
 „ текающими , и тѣмъ же самымъ естествомъ
 „ обясняемыя . Нужно ли памъ , что вѣ я сіе
 „ утвердилъ доказательствами ? изрядно : по-
 „ слушайте меня еще нѣсколько минутъ .

„ Естли небо , землю , поду , воздухъ и огонь ,
 „ словомъ , все естество будемъ по намѣренію
 „ изслѣдывать , то намъ по первыхъ не иное
 „ что представитя , какъ челоѣкъ , для коего
 „ все

„ все произведенное натурою достойно рассу-
 „ жденія. Величественное солнце, со псѣмъ пели-
 „ колѣпнымъ сонмомъ зпѣздъ, было бы не до-
 „ стойно нашего приниманія, если бы благодпо-
 „ рящія оныхъ пліянія, не показывали намъ,
 „ что онѣ немало споспѣшествуютъ нашему
 „ благу. Всѣ три царства природы были бы
 „ для насъ немногочѣнны, если бы намъ опыты
 „ не доказывали, что челопѣкъ всего онаго со-
 „ тпоренъ пладыкою. Все пространное поле
 „ Наукъ и Художествъ превратилось бы въ пу-
 „ стое, безплодное и спѣденія недостойное меч-
 „ таніе, ежели бы оныя не стремились ко испра-
 „ пленію челопѣческаго сѣрдца, ко споспѣшество-
 „ панію челопѣческому благополучію, и къ раз-
 „ ширенію души и силъ ея. Все намъ доказы-
 „ ваетъ, что между пидимыми пещами, кои въ
 „ теченіи толикихъ лѣтъ мы узнали, ничего
 „ преизящнѣе, величественнѣе и благороднѣе че-
 „ лопѣка и его отъ Источника благъ производя-
 „ щихъ спойствъ не находимъ; а изъ того и слѣ-
 „ дуетъ, что мы не несправедливо судимъ, —
 „ и кто можетъ сіе великое и благородное само-
 „ любіе похулить? если челопѣкъ за истин-
 „ ное средоточіе сей сотпоренной земли и псѣхъ
 „ пещей почитаемъ! Ни что полезнѣе, пріянтнѣе
 „ и нашихъ трудовъ достойнѣе быть не можетъ,
 „ какъ то, что тѣснѣйшимъ союзомъ спязано
 „ съ челопѣкомъ и предметомъ споймъ имѣетъ
 „ довродѣтель, благоденствіе и счастье его.

„ Всѣ мы ищемъ себя по псебъ: побужда-
 „ ющія насъ къ тому причины были бы слабы
 „ и недѣйствительны, если бы мы предпринима-
 „ что нибудь, самихъ себя, или надежду нашего
 „ удопольствія, нашего счастья и благосостоянія
 „ изъ пиды упускали. И такъ нѣтъ ничего для
 „ насъ пріянтнѣе и прелестнѣе, какъ сами себѣ.

„Удивительно ли, когда съ охотою пнемлемъ
 „разговорамъ о насъ, и естьли безпрестанно ал-
 „чемъ знати, что другіе о насъ разсуждаютъ?
 „Какое благородное движеніе души примѣчаемъ
 „даже и пѣ неосторожномъ юношествѣ, когда
 „онаго дѣла удостоиваемъ нашея похвалы?
 „Самый непорядочный челоѣкъ не долго будетъ
 „протицитися, естьли о его завлужденіяхъ ста-
 „нутъ ему доказыпать кроткимъ образомъ. И
 „такъ естьли бы позможно было, людей припе-
 „сти къ тому, чтобъ они сперпа поовще севя,
 „какъ средоточіе пѣхъ пещей, почитали за
 „образъ благонрація и добродѣтели; тогда въ
 „мы каждаго особливо находили склоннымъ,
 „признапать себя за пажную и достойную ча-
 „сть сего средоточія. — Какъ, вы, друзья
 „мои, могли сомнѣваться пѣ пріобрѣтеніи мно-
 „гихъ читателей такопа Изданія, которое бу-
 „детъ пѣщать о самихъ читателяхъ, естьли
 „только вы постараетесь, подапать помощь
 „прожденному пѣ людяхъ желанію, ко пріобрѣ-
 „тенію знанія, пашимъ искуснымъ извраніемъ
 „сочиненій?

„Великимъ споспѣшествопаніемъ служить
 „памъ будетъ незнаніе многихъ, что до самихъ
 „себя касается. Большая часть странствуя
 „мыслями по безпредѣльной обширности міра,
 „ищутъ познанія пѣхъ позможныхъ, пѣхъ
 „сущестующихъ пещей, а пѣ спомъ собстен-
 „номъ маломъ мірѣ превыпаютъ неизпѣтны
 „и чужды. Многие науку познанія самихъ себя
 „не почитаютъ за нужную и требующую пе-
 „ликаго прилѣжанія: но яко не приносящую
 „допальной пользы, считаютъ за домашнее ре-
 „месло и легчайшее ко изученію. Другіе отъ
 „части думаютъ, что сей, какъ лучшей наукѣ,
 „тогда обучатся должно, когда уже псе пѣ
 „ихъ

ихъ понятіе смѣщено будетъ. Иныя же — т
 сколько есть такоыхъ! подпержены псегдш-
 нимъ непостоянствамъ, подобно алчнымъ пче-
 ламъ, летаютъ отъ одного цѣта познанія
 ко другому; пространство сего поля, и мно-
 жество на немъ красотою своею привлекаю-
 щихъ цѣтопъ, суть причиною, что они на
 сихъ прелестныхъ поляхъ теряются, и ни-
 когда не могутъ дозраться ко благоуха-
 ющему Амаранту самихъ себя. Наконецъ
 другіе, коихъ числомъ болѣе цѣхъ, мѣняютъ
 нужныя пещи на безполезныя; теряютъ пря-
 мый путь, почитая малость за нѣчто па-
 жное; и для того никогда сами до себя не до-
 стигаютъ. И такъ удивительно ли, когда
 познаніе самаго себя есть наука между людъ-
 ми мало еще извѣстная?

„ Не можемъ отрещи, чтобъ не было и та-
 кихъ людей, которые всю свою жизнь
 только по томъ проодятъ, что псегда зри-
 раютъ на себя; но они разсматриваютъ одну
 поперхность челоука. И сіе ихъ познаніе са-
 михъ себя не то, а коемъ намъ дрепніе Еги-
 петскіе и Греческіе мудрецы толь много пре-
 пыспренняго и полезнаго овѣщаютъ.

„ Такоое познаніе, друзья мои, не можетъ
 намъ по намѣреніи пашемъ позпрепятство-
 вать, но еще тѣмъ болѣе способствовать будетъ,
 еслии вы нѣкоторыхъ, перемѣнчивостію ва-
 боукамъ подобныхъ, со кротостію поставите
 предъ зеркаломъ истинны, и покажете по
 ономъ путь, по коему могутъ они съ попер-
 хности тѣла нисходить до пнутренность
 сердецъ ихъ.

„ Все пространство поля, пысокаго, сре-
 дняго и общаго нравоученія, открыто наше-
 му предпріятому труду. Обрящемъ на
 ономъ нѣкоторыя мѣста пусты и необрабо-

„ танны. Не будемъ страшиться насмѣшливыхъ
 „ и уничижающихъ острякоу, которые нраво-
 „ учительныя сочиненія за нѣчто старое и излиш-
 „ нее разглашаютъ. Весьма униженную на свѣтѣ
 „ добродѣтель позлести паки на ея величествен-
 „ ный престолъ, а порокъ, яко гнусное и чело-
 „ вѣческой природѣ противорѣчащее пещество,
 „ представитъ свѣту по псей его наготѣ, та-
 „ копыхъ трудовъ и одно намѣреніе уже достой-
 „ но похвалы, хотябъ душепныя силы и не въ
 „ состояніи оныхъ поддерживать. Чѣмъ больше
 „ намъ сердца наши подають пажное спидѣтель-
 „ ство, что никакія другія намѣренія не бу-
 „ дутъ упражнять нашего пера: тѣмъ покой-
 „ нѣе и равнодушнѣе станемъ мы сносить и слу-
 „ шать всѣ посмѣянія и ругательства, касаю-
 „ щіяся до нашего Упреннаго свѣта, доколѣ на-
 „ конецъ великое солнце все просвѣщающаго ду-
 „ ха, посреди нашея тверди явится; и тогда
 „ мы съ радостію въ лучахъ его свѣта исчез-
 „ немъ.

„ Человѣкъ, какъ я уже прежде сказалъ,
 „ есть нѣчто возвышенное и достойное. Спя-
 „ щенное откровеніе научаетъ насъ притомъ,
 „ что онъ прежде всѣхъ твореній получилъ свое
 „ образование по образу Всевышняго, и что жи-
 „ вотворящее дивное Всемогущаго даровало
 „ ему жизнь. Сіе обстоятельство само по себѣ
 „ есть только велико и важно, что можетъ въ
 „ насъ пперить подовострастіе къ такой твари,
 „ которая самимъ творцемъ почтенна толикими
 „ преимуществами; слѣдовательно и должны мы,
 „ важности сего дѣла соразмѣрныя писанія упо-
 „ треблять, и важно о такихъ свойствахъ
 „ пѣсати. Да будетъ намъ дозволено, съ тѣ-
 „ ми только людьми иначе поступать, кои са-
 „ ми свое высокое человѣческое достоинство ногами

„попирають, и достойное почтенія спойство
 „уничужаютъ; которые протидятыя прожден-
 „нымъ благороднымъ повужденіямъ; отрицаютъ-
 „ся споепольно отъ чистыхъ челоуѣческихъ чу-
 „стпопаній. Такіе люди конечно заслужишаютъ,
 „чтобъ мы ихъ за дикихъ пѣ челоуѣческомъ
 „только образѣ скитающихся зпѣрей почитали,
 „и къ чести челоуѣчестпа строжѣе съ ними по-
 „ступали, нежели наша склонность ко крото-
 „сти намъ поделѣцаетъ. И такъ псеовщая
 „сатира да будетъ бичемъ, коимъ мы станемъ
 „пороки и сихъ нечелоуѣкоу называть. Да
 „будетъ также сіе не нарушимымъ для насъ за-
 „кономъ, чтобъ дапать позчувстпопать сіе на-
 „казаніе единымъ токмо порокамъ, а не осо-
 „бамъ, по елику они суть челоуѣки. Порокъ
 „и челоуѣкъ, сіи два предмѣта, должны пѣ на-
 „шихъ листахъ быть подобны двумъ паралель-
 „нымъ линіямъ, которыя пѣчно одна другой
 „прикоснуться не могутъ. Станемъ, друзья
 „мои, прежде псего стараться, быть челоуѣ-
 „колюбицыми, дабы псе терпя и не касаясь
 „личной укоризны, могли мы удобнѣе писать
 „ко споспѣшестпопанію довроуѣтели; и естли
 „при семъ предполагаемое нами псеовщее чело-
 „уѣколюбіе будетъ намъ служить полярною
 „звѣздою, то легко позможемъ пройти скпозъ
 „камни, насъ окружающіе, и сильное учинить
 „нападеніе на одни пороки, злобу, и безчелоуѣчіе.

„Дредность оставила многія прекрасныя
 „и преизящныя сочиненія о такопыхъ пажныхъ
 „матеріяхъ. Время и обстоятельство большую
 „часть оныхъ погревли подъ ихъ разпалинами.
 „Исторгнемъ оныя оттуда, друзья мои; пре-
 „дадимъ ихъ нашимъ согражданамъ на ихъ соб-
 „стпенномъ языкѣ. Такимъ образомъ честь

дрзности спасемъ, для пользы нашего отечества; и притомъ будемъ часто имѣть случай, читателей нашихъ препропождать ко перьямъ добраго вкуса и разумнаго познанія. Ноцѣйшія времена должны благодарить нѣкоторымъ, пысокимъ разумомъ одареннымъ людямъ, за обрѣтеніе стезей и пути къ познанію челоуѣка и его естества. Многіе великіе души дерзали проникать по глубину челоуѣческаго сердца, и примѣчанія свои обнаружовали. Не презримъ мы ничего намѣренію нашему полезнаго, хотябъ оно предразсужденіями и испорочено было.

„Да будетъ для насъ неощѣненно все, что предмету нашему, то есть благу согражданъ нашихъ, споспѣшествовать можетъ. Я знаю, друзья мои, сколь мы далеко отстоимъ отъ ненависти и гордости, и сколь алчно желаемъ, чтобъ всѣ наши позлюбленные сограждане присоединили свои труды къ нашимъ, для достиженія единаго намѣренія. И для того позвольте, чтобъ всѣ, которые по всеобщемъ знаніи челоуѣка и самихъ себя пріобрѣли откровенія, могли наполнять своими сочиненіями нѣсколько нашихъ листовъ. Просите и поощряйте ихъ явно къ сему полезному для общества труду; утѣрьте ихъ, сколь много они насъ обяжутъ, если свои писанія намъ сообщать будутъ. Они могутъ присылать письма свои ко книгопродавцу, у котораго продаваться будетъ нашъ журналъ, а мы уже о прочемъ съ великимъ удопольстіемъ стараться не преминемъ. Какая пріятная надежда питаетъ мое сердце! Симъ случаемъ познакоимся мы со многими великими умами, съ истинными патріотами, и съ прямыми челоуѣками. Во дрзности Діогенъ искалъ ихъ съ фонаремъ, но

„и пѣ нынѣшнее время, друзья мои, не на
 „цѣхъ улицахъ они петрѣчаютъ съ нами!

„Наконецъ нужно для отпращенія пѣ ко-
 „рыстолюбіи подозрѣнія, чтобъ пы предъ согра-
 „жданами не сокрытали, съ какимъ намѣрені-
 „емъ прібытокъ отъ сего Журнала получать
 „желаете. Почто не дать знать свѣту, что
 „пы пѣ пыручаемыя деньги отъ продажи се-
 „го Журнала, опредѣлили къ содержанію учи-
 „лищъ для вѣдныхъ дѣтей?

„Ирада не псегда должна шуйца пѣдать
 „о добрыхъ дѣлїяхъ десницы; да и когда благо-
 „дѣянія ядно пропопѣдышаются, тогда лиша-
 „ются онѣ пнутренней споей цѣны, и благо-
 „тпорители уподобляются Фарисеямъ. Но здѣсь
 „сопѣтъ иное: учрежденіе такопыхъ школъ не
 „можетъ быть тайно. Онѣ требуютъ знатна-
 „го и постояннаго подкрѣпленія. Добрый пашъ
 „примѣръ можетъ побудить другихъ добронра-
 „пныхъ людей. Любовь ихъ къ вѣднымъ по-
 „спитанія неимущимъ согражданамъ чрезъ сіе
 „поострится; потщатся помогать пѣ подѣя-
 „тіи времени, которое позлагаютъ на рамена
 „спои нѣкоторые охотно на то согласившіеся;
 „время легкое, прїятное и никого не удручаю-
 „щее, и которое однакожъ челопѣчестпу и дол-
 „жности къ отечестпу деликую честь прино-
 „ситъ. И такъ гдѣ доброе дѣло требуетъ ядна-
 „го примѣра, тамъ хулы достойна стыдлипость
 „застапляющая сокрывать честныя намѣре-
 „нія и благородныя дѣйствїя. Смѣлость и
 „неустрашимость имѣютъ псегда пѣ себѣ
 „нѣчто прївлекающее, что люди часто какъ
 „бы непреодолимую силу употребляютъ прину-
 „ждены. Плущархъ по споемъ сочиненіи о случаѣ
 „написавъ, что безъ угрызенія сопѣсти о до-
 „брыхъ спокхъ дѣлахъ гонорить поэмжно, мо-
 „жетъ

„ жетъ быть о такомъ намѣреніи не помыш-
 „ лялъ. Я думаю, что мы, безъ всякаго опа-
 „ сенія быть почитаемы тщеславными, мо-
 „ жемъ не только о семъ познѣстить, но еще
 „ и долгъ нашъ требуетъ, чтобъ мы сіе обноро-
 „ довали. Ежели мы чрезъ сіе, нашимъ либез-
 „ нымъ согражданамъ отпоримъ ношья прата,
 „ покажемъ ношый путь ко благу челоуѣчества,
 „ то и отспратимъ отъ нихъ нареканіе, что
 „ имъ случаетъ не доставало, оказать ихъ лю-
 „ боу къ челоуѣкамъ, къ ихъ согражданамъ, и
 „ ихъ позлюбленному Отечеству.

Симъ прекратилъ свое предложеніе нашъ
 любезный Сочленъ. По строгомъ разысканіи
 нашли мы, что онъ исключая послѣднее поло-
 женіе, ничего такого не сказалъ, въ чемъ бы
 мы съ нимъ совершенно согласны не были. Мы
 положили, чтобъ сіе мнѣніе его было напеча-
 тано вмѣсто предисловія къ нашему Журналу;
 для того, что предисловіе при всякомъ попомъ
 сочиненіи, обыкновенно связано съ нѣкоторыми
 трудностями. Можетъ быть мало было тако-
 пыхъ Писателей, которые при поступленіи ко
 своему сочиненію не трепетали. По счастью,
 любезный нашъ Сочленъ отъ сего насъ избавилъ;
 и мы не должны умилостивлять хулу, или
 стараться прилекать вниманіе. Узнаютъ и
 безъ того наши почтенные читатели все наше
 намѣреніе, и чего они прредъ отъ нашихъ ли-
 стоу ожидать могутъ.

По примѣру Оукидида, не запѣщали мы
 имъ на пѣки своего сокровища, а потому и
 не должны имъ познѣщать о цѣнѣ онаго. Изпѣ-
 стны уже они, какъ о нашемъ намѣреніи, такъ
 и о нашемъ страхѣ: и время покажетъ, оснопа-
 тельно ли было то и другое!

УТРЕННІЙ СВѢТЪ.

I.

ЖИТІЕ и СВОЙСТВА СОКРАТОВЫ.

Сократъ, премудрѣйшій и добродѣтельнѣйшій мужъ изъ Грековъ, произошелъ на свѣтъ отъ *Софроника* Испуканщика, и *Фенареты*, повивальныя бабки, въ *Алотецинской* части города *Аѳинъ*, въ четвертомъ годѣ, семьдесятъ седмья *Олимпιάды* (*).

Отецъ *Сократовъ* обучалъ сына своего *каменорѣзъвному* художеству, въ которомъ и оказалъ онъ довольные успѣхи, ежели вѣришь, что *одѣтыя* *Грации*, споявшія на спѣнахъ *Аѳинскихъ*, позади *Минерпина* испукана, были его искусства: ибо во времена *Фидія*, *Цей-*
Часть I. А жсиса

(*) По объявленію другихъ Историковъ родился онъ лѣта отъ с. м. 3481, т. е. за 2027 лѣтъ до Рождества Христова.

ксиса и *Мирона*, не допустили бы занимать такое важное мѣсто никакому посредственному искусству.

Спустия довольное время по смерти *Софроникопой*, *Сократъ* упражнялся еще въ художествѣ своемъ болѣе по нуждѣ, нежели по склонности. На приписаномъ годѣ онъ рожденія его, познакомился съ нимъ знашый Афинянинъ *Критонъ*, и, примѣшивъ въ немъ дарованія его, заключилъ, что онъ разсужденіями своими несравненно болѣе принесетъ пользы роду человѣческому, нежели художествомъ. *Критонъ* взялъ *Сократа* изъ училища художественнаго, и отдалъ его въ наученіе славнѣйшимъ *Мудрецамъ* того времени, дабы научился онъ постигать высочайшій порядокъ и красоту, и старался бы подражать онымъ.

Ибо когда художество направляетъ насъ неодушевленное творить подобнымъ одушевленному, и изъ камня производить подобіе человѣческое: то напрошивъ сего премудрости ищемъ въ конечномъ подражать безконечному, и душу человѣческую приближать къ первоначальной красотѣ и совершенству, поелику то въ жизни сей возможно. *Сократъ* пользовался направленіями и обхожденіемъ славнѣйшихъ мужей во всѣхъ наукахъ и художествахъ, изъ коихъ ученики его упоминающъ объ *Архелавъ*, *Анаксагорѣ*, *Продикѣ*, *Эпенѣ*, *Исимахѣ* и *Теодорѣ*.

Критонъ снабдилъ его всѣмъ потребнымъ къ жизни. *Сократъ* прилѣжалъ сперва съ великимъ стараніемъ къ *Физикѣ*, бывшей по-

гда въ великой славѣ; но онъ скоро увидѣлъ, что уже время обратишь премудрость отъ размысленія о естествовѣ къ размысленію о человекѣ. Се истинный путь, по которому Философія всегда слѣдовать должна! Прежде всего надлежитъ ей разсмапривать виѣшніе предмѣты, но однакожъ при каждомъ шагѣ обращаясь къ человеку, и всѣ свои попеченія усремляя къ доставленію ему истиннаго блаженства. Ежели движеніе планетъ, свойство шѣлъ небесныхъ, природа стихій, и тому подобное, имѣютъ вліяніе во блаженствѣ наше, хотя по крайней мѣрѣ токмо посредственно: то человекъ конечно не назначенъ разыскивать оныя. Сократъ былъ первый, говоритъ Цицеронъ, который призналъ Философію съ небесъ, подпорилъ ее по грады, пришелъ оную въ жилище человекѣкопъ, и принудилъ разсуждать о дѣлахъ и поступкахъ ихъ. Но однакожъ, по обыкновенію вводишель новостей, преспунилъ онъ съ другой стороны предѣлы, и говаривалъ иногда о высочайшихъ наукахъ съ нѣкоторымъ родомъ неуваженія, который мудрому разыскашелю вещей нимало неприличенъ.

Около сихъ временъ во Греціи былъ особый родъ ученыхъ, которые спаралися всякими ложными доказательствами и хитростями одобряя закоренѣлыя предразсужденія и заспарѣлое суевѣріе: а чрезъ сіе самое и были они въ великомъ почтеніи у народа. Сіи ученые приняли названіе *Софистовъ* (*), ко-

А 2

рое

(*) По первоначальному происхожденію слово сіе значитъ учителя премудрости.

рое чрезъ ихъ злоупотребленіе учинилось названіемъ гнуснымъ. Они спарались о воспитаніи юношества, и съ великою похвалою наславляли въ общенародныхъ училищахъ, и въ домахъ особенныхъ людей, во всякихъ художествахъ, наукахъ, нравоученіи и законѣ. Они вѣдали, что въ демократическомъ правленіи краснорѣчіе всему предпочитается, что вольный человѣкъ охотно слушаетъ политическіе разговоры, и что любопытство пусыхъ головъ довольствуется всего лучше сказками: и для того наблюдали въ рѣчахъ своихъ опмѣнное краснорѣчіе, и такъ хитро сопледали ложную политику съ безумными баснями, что народъ слушалъ ихъ съ великимъ удивленіемъ, и щедро награждалъ оныхъ. Со жрецами жили они въ согласіи; ибо обѣ стороны наблюдали сіе мудрое правило: *рука руку моетъ, или, поборонъ поборону глаза не цыклепыщаетъ.* Когда пиранство льстецовъ сихъ не могло уже долѣе держать свободный разумъ человѣческой подѣ игомъ своимъ: тогда предспали мнимые друзья испинны, чшобы вести его по ложнымъ дорогамъ, замѣшашъ природныя понятія, и всякое различіе между испинны и лжи, справедливости и неправды, между добромъ и зломъ, чрезъ зашмѣвающія и обманчивыя правила опровергнушь. У нихъ были слѣдующія правила: въ Теоріи: *все можно доказать, и все можно опровергнуть*; Практическое же, чшобы незнаніемъ другаго и споймъ препосходствомъ пользоваться наиболѣе, сколько возможно. Не шрудно опгадать, что послѣд-

слабднее правило они скрывали опѣ народа, и не сообщали онаго никому, кромѣ любимцевѣ своихѣ, желавшихѣ въ искусствѣ ихѣ участвовати; однакожѣ и преподаваемое ими публично нравоученіе, не менѣе было вредно человѣческому сердцу, какѣ и полишика ихѣ правамѣ вольности и блаженству человѣческаго рода.

Они были такѣ хитры, что систему господствующаго закона совокупили со своею корыстію; чего ради, желавшему прекрапити обману ихѣ, потребно было не токмо швердоспѣ и мужеспво; но и испинный другѣ добродѣтели не могѣ предприняти сего безѣ самыя величайшія оспорожности. Нѣшѣ ни единыя, копорая бы такѣ искажена была, чтобы въ ней ничего не находилося могущаго придавати свяспоспѣ должностямѣ человѣческава, копорыя человѣколюбца долженѣ почипати, и къ копорымѣ исправитель нравовѣ не долженѣ прикасатися, еспѣли не желаетѣ опѣ прошивоборспивовати своимѣ намѣреніямѣ. Ибо въ вещахѣ, касающихся до закона, бываетѣ очень легкой переходѣ опѣ сомнѣнія къ легкомыслию, опѣ небреженія обрядовѣ Богослуженія ко презрѣнію всея Божіея службы; а наипаче у людей, копорыми управляетѣ не разумѣ, но скупоспѣ, любочеспіе или сласплюбіе. Жрецы суевѣрія швердо полагаются на сіе укрѣпленіе, и какѣ скоро чинится на нихѣ нападеніе, то шотѣ же часѣ прибѣгаютѣ къ оному, яко ко свяспоспи не долженспвующей нарушатися.

Такія-по прудности и препяшствія пред-
спояли *Сократу* въ пущи его, когда пред-
пріялъ онъ великое намѣреніе распроспранить
добродѣшель и премудрость между подобныхъ
ему. Съ одной спороны надлежало ему по-
бѣдить собспвенныя предразсужденія воспиша-
нія своего, просвѣпить невѣжество другихъ,
испребить учене *Софистоу*, шерпѣшь злоспъ,
зависпъ, клеветы и ругательства онъ про-
спивниковъ своихъ, сносишь бѣдность, пограпъ
ушвержденную власпъ, да чшо еще всего пруд-
нѣе, разогнашь мрачный ужасъ суевѣрія. Съ
другой спороны щадить слабые умы согра-
жданъ своихъ, убѣгашъ негодованія, и спа-
рапъся, чшобы благое впечатеніе, которое и са-
мый безразсудный законъ имѣетъ во нравы
проспомысленныхъ людей, не обрапимъ во
смѣхъ. Всѣ сіи прудности преодолѣлъ онъ со
премудростию испиннаго Философа, съ шер-
пѣніемъ свяпаго, съ безкорыспною добродѣ-
шелію челоуѣколюбца, со швердоспю Ироя,
съ попереяніемъ всѣхъ благъ и веселій земныхъ.
Здравіе, могущество, спокойспвіе, пишину,
наконецъ и самую жизнь опдалъ онъ со удо-
вольспвіемъ для блага подобныхъ ему. Толи-
ко сильно дѣйспвовали въ немъ любовь къ до-
бродѣшели и справедливоспи, и ненарушимоспъ
должностей ко *Тпорцу* и *Хранителю* всяче-
скихъ, копорыя позналъ онъ единымъ своимъ
разумомъ.

Однакожъ сіи высокія предпріяшія граж-
данина всего свѣша, не препяшспвовали ему
исполняшь и обыкновенныхъ должностей въ
раз-

разсужденіи опечесства своего. На припцать шесномъ годѣ онѣ рожденія своего, служилъ онѣ въ войнѣ противъ *Потидея*, жителя одного города во *Фракии*, возставшихъ на *Аѳинянъ*, копорымъ они долженствовали плащидань. Тудѣ не уускалъ онѣ ни малѣйшаго случая приобучиди шѣло свое къ шягосшамъ военнымъ, и къ жеспокосшамъ непогоды, а душу къ неуспрашимости и ко презрѣнію опасности, Единогласно онѣ сошварищей своихъ назначенъ онѣ былъ къ полученію награжденія, яко храбрѣйшій изо всѣхъ; но онѣ успулъ оное *Алкипиаду*, копораго онѣ любилъ, и чрезъ сіе хощѣлъ ободриди его, чшобы онѣ шаковые знаки чести, оказываемые опечесствомъ, спарался получиди впредь собшвенными своими заслугами. Не задолго предъ шѣмъ въ одномъ сраженіи спасъ онѣ ему жизнь. — Городъ *Потидея* былъ осаждаемъ во время жеспочайшаго хлада. Многіе охраняди себя онѣ спужи, но *Сократъ* пребылъ въ обыкновенной одеждѣ, и ходилъ босыми ногами по льду. Во спанѣ, и въ самыхъ *Аѳинахъ*, свирѣпшвовала шогда моровая язва. Едва можно вѣриди повѣспвуемому *Діогеномъ Лаэртиемъ* и *Еліаномъ*: они пишущъ, что изо всѣхъ оспавался единый *Сократъ*, до копораго язва сія не коснулась. Не заключая ничего изъ обшпешельсшва сего, копорое могло приключидишя нечаянно, (*) можно сказашъ съ шочностию,

А 4

чшо

(*) Искусные по працевной наукѣ стараются утвердиди опытами, что язва шадиди наименѣе людѣй крѣпкаго сложенія.

что онъ былъ твердаго и крѣпкаго сложенія, и умѣлъ сохранить оное умѣренностію, упражненіемъ и удаленіемъ отъ всякаго срасположенія, и что онъ укрѣпилъ себя противу всякихъ прудностей сея жизни. Однакожъ и во время похода не преспавалъ онъ не только упражнявъ душевныя свои силы, но и со чрезвычайностію напрягалъ оныя. Иногда видали, что онъ цѣлые дваццать чепыре часа стоялъ на одномъ мѣстѣ, не взирая никуда, углубленъ въ размышленія подобно какъ бы душа его оставила тѣло, такъ повѣствуетъ *Аплъ-Геллій*. Не лзя спорить, чтобы такія восхищенія не были по крайней мѣрѣ отдаленнѣйшимъ основаніемъ фанатизма, и въ теченіи его жизни примѣчается, что онъ онаго былъ онъ не совсѣмъ освобожденъ. Но при всемъ томъ фанатизмъ сей былъ безвреденъ, и не происходилъ ни отъ гордости, ни отъ ненависти къ человѣкамъ, и который въ погдашнемъ его положеніи былъ ему полезенъ. Можетъ быть, что обыкновенныя силы природы суть недоспащочны, возбудишь человека къ такимъ высокимъ мыслямъ, и къ столь мужественному намѣренію,

По окончаніи похода возвратился онъ въ отечество свое, и началъ съ ревностію проповѣдывать ученію *Софистовъ* и суевѣрію, а согражданъ своихъ наставлялъ въ добродѣтели и премудрости. На площадяхъ, на гуляніяхъ, въ баняхъ, въ домахъ, въ рабочихъ избахъ художниковъ, однимъ словомъ, гдѣ только находилъ людей, которыхъ думалъ испра-

исправиль; шамъ онъ ихъ и оспанавливалъ, вступалъ съ ними въ разговоръ (*), изъяснялъ имъ, что справедливо и что нѣшъ, что благо и что зло, что свято и что грѣшно; говорилъ имъ о промыслѣ и владычествѣ Бога, о средствѣхъ оному угодить, о блаженствѣ чело-вѣковъ, о должностяхъ гражданина, опца, семейства, мужа, и шакъ далѣе. Но все сіе предлагалъ онъ не шакъ, какъ учитель, но яко другъ, который совокупно съ ними искалъ истину. Однакожъ онъ споль искусно умѣлъ доводить до шого простыми и дѣшскими вопро-сами, что и безъ особливаго напряженія силъ, можно было ему послѣдовать онъ одно-го вопроса за другимъ, и наконецъ приходишь къ почной мешѣ, и казалось, что истиннѣ сей не учились, но сами находили оную. Я подражаю маперѣ моей, говаривалъ онъ въ

А 5

шуп-

(*) Слѣдующимъ образомъ познакомился онъ со Ксенофонтомъ. Онъ встрѣтилъ его пѣ одномъ узкомъ проходѣ. Хорошій и скромный пидѣ сего молодого челоука такъ ему понравился, что онъ поставилъ передъ нимъ свою палку, и не позволяя ему итти далѣе: Юноша! ска-залъ ему: знаешь ли ты, гдѣ получить мож-но все нужное для жизни? — Конечно! отпѣ-чалъ Ксенофонтъ. — Но знаешь ли ты, гдѣ приоврѣтается добродѣтель и честность? — Молодой челоукъ оторопѣлъ, и глядѣлъ на него. — Такъ слѣдуй за мною, продолжалъ Сократъ, я тебѣ покажу мѣсто сіе. Онъ по-слѣдовалъ за нимъ, и былъ потѣмъ дѣрнѣй-шій ученикъ его; извѣстно, сколь онъ ему благодаритъ долженъ.

шупкахъ: она уже болѣе не рождаетъ, одна-кожъ знаетъ такіе приемы и обращенія, чрезъ копорые способствуетъ другимъ въ родинахъ. Подобно такимъ же образомъ заскупаю и я у друзей моихъ мѣсто повивальныя бабки. Я такъ долго ихъ испытываю и спрашиваю, пока наконецъ скрытый плодъ разума ихъ не выйдетъ на свѣтъ.

Сей способъ, выпрашивать истинну для опроверженія *Софистовъ*, былъ наиспособнѣйшій. Ежели дѣло доходило до насющаго спора, то сравнясь съ ними было невозможно. Ибо они знали сполько увершкѣ, сказокъ, ложныхъ правилъ, и такое множество риторическихъ фигуръ, что слушатели шѣмъ ослѣплялись, и думали уже бытъ увѣренными. Рѣдко случалось, чтобы не послѣдовало спорамъ ихъ всеобщее рукоплесканіе. Предсавшежъ себѣ поржествующій ихъ видъ, съ копорымъ взирали сіи учители на учениковъ своихъ, а иногда и на самихъ сопровивниковъ. Что же при такомъ случаѣ дѣлалъ *Сократъ*? Онъ купно со другими такъ же билъ въ ладоши; но припомъ задавалъ легкіе, и опъ оспориваемаго дѣла опдаленные вопросы, на копорые высокоученый мужъ, почиая ихъ безумными, опвѣчалъ изъ одного сожалѣнія. Мало по малу приближался онъ къ споримой вещи, но всегда вопросами спарался прошивниковъ своихъ удалить опъ продолжительныя рѣчи. Чрезъ сіе были они принуждены раздѣлять яснѣе мысли свои, принимая справедливыя изъясненія, и изъ ложныхъ предложеній ихъ выводилъ наибе-

безумнѣйшія слѣдствія. Наконецъ находили они себя такъ смятенными, что начинали сердиться. Чтожъ до него касается, то онъ никогда не разгорячался, но и самыя ихъ грубости сносилъ терпѣливо, и не преспано продолжалъ объяснять мысли ихъ, пока напоследокъ испекающія изъ софистическихъ ихъ правилъ безумія наипростѣйшему изъ слушателей чинились вняшными. Такимъ-то образомъ и у самыхъ учениковъ своихъ спановились они посмѣшищемъ.

Въ разсужденіи священнаго закона, кажешся, имѣлъ онъ слѣдующія правила: каждое ложное ученіе или мнѣніе, очевидно къ развращенію ведущее, и слѣдовательно блаженству рода человѣческаго прошивное, ни подъ какимъ образомъ онъ не щадилъ, но явно и въ присутствіи льстецовъ, *Софистовъ*, и проспаго народа, опровергалъ, дѣлалъ смѣшнымъ, и обличалъ всѣ безумныя онаго слѣдствія. Такого рода были ученія баснеписателей, кои богамъ своимъ приписывали слабости, неправосудіе, порочныя желанія и страсти. Въ разсужденіяхъ о несправедливыхъ понятіяхъ о промыслѣ и владычествѣ Бога, равномѣрно о награжденіи за благое, и о наказаніи за злое, не сокрывалъ онъ никогда ничего, даже и для вида никогда ни малѣйшаго не имѣлъ сомнѣнія, но всегда съ твердоспїю и съ величайшею неуспрашимоспїю защищалъ истинну, что и запечатлѣлъ своею жизнью. Но спкое ученіе, которое ложно было только въ еворіи, и не могло нравамъ причинять вреда, какой бы произошелъ отъ новости, не только оста-

оспавляялѣ всегда безѣ поврежденія, но напрошивѣ того признавалѣ господствующее мнѣніе, наблюдалѣ основанныя на ономѣ церемоніи и обряды церковныя, однакожѣ сколько можно убѣгалѣ всѣхѣ случаевѣ, заводящихѣ къ рѣшительнымѣ объясненіямѣ; ежелижѣ не можно было того миновать, то всегда имѣлѣ въ готовноспи убѣжище: онѣ защищалѣ себя *незнаніемѣ* своимѣ.

Вѣ семѣ случаѣ помогалѣ ему опмѣнно способѣ его ученія, который, какѣ мы по видѣли, избралѣ онѣ для другаго намѣренія. Понеже ученія свои никогда не преподавалѣ онѣ гласомѣ гордаго и всезнающаго человѣка, такѣ что самѣ ничего не утверждалѣ, но паке всегда спарался чрезѣ вопросы свои испортнуть испинну онѣ слушащелей своихѣ: то и позволялося ему не знать того, чего онѣ не хотѣлѣ или не смѣлѣ вѣдать. Чеспособіе, на всѣ вопросы опвѣщивоващѣ, обмануло многихѣ разумныхѣ людей, такѣ что они утверждали такія вещи, коимѣ бы сами они смѣялись, ежелибѣ оныя онѣ другихѣ слышали. *Сократѣ* удаленѣ былѣ онѣ чеспособія сего: о вещахѣ, которыя были свѣше понящія его, признавался онѣ сѣ опкровенноспію и чеспособіемѣ: *этого я не знаю*. Когдажѣ онѣ примѣчалѣ, что ему разспавлены были сѣпи, и онѣ него спарались получить нѣкоторыя признанія, тогда удаляясь оныхѣ говорилѣ: *я ничего не знаю!* Дельфисское прорицалище объявило его мудрѣйшимѣ изѣ смерпныхѣ. Какѣ кажешся, то жрица имѣла при семѣ хипрое на-

намѣреніе, оною лестію приманишь на свою сторону для нее толь спрашнаго мужа, и принудить его объявить прорицанія ея самыми справедливѣйшими, ежели бы онъ восхотѣлъ почипаемъ быть мудрѣйшимъ изъ смертныхъ. Но *Сократъ* дѣлу сему далъ совѣмъ иный видъ: „знаете ли вы, сказалъ онъ, для чего *Аполлонъ* почипаетъ меня мудрѣйшимъ человекомъ? Для того, что другіе по большей части думаютъ знать то, чего они не знаютъ; но я вижу и признаюсь, что все, что я ни знаю, состоитъ въ томъ, что я ничего не знаю.

Слава о *Сократѣ* распространилась по всей *Греціи*. Знаменѣйшіе и ученѣйшіе мужи изъ всѣхъ мѣстъ съѣзжались къ нему, что бы пользоваться дружескою его бесѣдою и наставленіемъ. Друзья его имѣли такую великую охоту его слушать, что нѣкопорые изъ нихъ подвергали жизнь свою опасности, токмо бы ежедневно у него быть. Въ *Афинахъ* запрещено было подъ смертною казнію, чтобъ никто изъ *Мегарцовъ* не являлся въ областяхъ ихъ; однакожъ *Епклидъ*, житель *Мегарскій*, другъ и ученикъ *Сократовъ*, не взирая на то, посѣщалъ своего учителя. Ночью обернувшись въ простое женское платье, ходилъ онъ изъ *Мегары* въ *Афины*, а передъ свѣтомъ паки назадъ возвращался; разстояние было двадцать тысячъ шаговъ. При всемъ томъ *Сократъ* жилъ въ крайней бѣдности и недостаткѣ, и не хотѣлъ ничего брать за ученіе, хотя *Афиняне* были столь щедры, что

конечнобѣ заплашили великія суммы, ежелибѣ только онѣ сего похощѣли. *Софисты* сею щедростію пользовались гораздо лучше.

Тѣмѣ болѣе спойло ему сносить бѣдность сію, что извѣстная *Ксантита* жена его была не изъ умѣренныхъ женщинѣ; сверхъ сего онѣ долженѣ былѣ стараться о дѣтяхъ своихъ, ошѣ его руки пропитанія своего ожидавшихъ. Не можно сказать съ почностію, была ли *Ксантита* такого злаго нрава, какѣ обѣ ней обыкновенно думающѣ, или нѣшѣ. Извѣстные о ней къ спыду ея басни, происходяшѣ ошѣ поздныхъ писателей, копорые упоминали о ея поступкахѣ по однѣмѣ только наслышкамѣ. *Платонѣ* и *Ксенофонтѣ*, кои о семѣ наилучше знашѣ должны, по видимому почитающѣ ее за женщину посредственную, о копорой ни хорошаго ни худаго сказать много не можно. Въ слѣдующихъ разговорахъ, подраженныхъ *Платонопымѣ*, находимѣ мы, что она въ послѣдній день *Сократовой* жизни была у него въ пемницѣ и со младенцемъ своимѣ, и смертію его чрезвычайно огорчалась. Все, что мы въ достоверныхъ писателяхъ сихъ къ безславію ея находимѣ, еспѣ слѣдующее мѣсто изъ словыхъ бесѣдъ *Ксенофонта*, гдѣ нѣкто спрашиваетъ *Сократы*, для чего взялѣ онѣ такую жену, копорая споль мало обходительна? На что сей отвѣчаетѣ ему обыкновеннымъ своимъ образомъ:

„Кпо хочешѣ научиться обходиться съ ло-
 „шадьми: шотѣ для упражненія своего ни-
 „ когда смирную не выбираешѣ, но такую,

„копорая горяча и съ прудомъ усмиришься
 „можешъ. Я же спараюсь научишься обхо-
 „жденію съ людьми, и для того выбралъ се-
 „бѣ такую жену, копорая несносна, дабы
 „шѣмъ лучше могъ я научишься всякія нравы
 „людей сносишь съ терпѣніемъ,,. Сей же
 писатель представляешъ въ другомъ мѣстѣ
Дампрокла сына *Сократа*, жалующагося
 отцу своему на жестокость, бранчивый и не-
 сносный нравъ матери своей. Однакожъ изъ
 опѣша *Сократа* явствуетъ къ похвалѣ ея,
 что она при сварливомъ обычаѣ всѣ должности
 матери семейства исправляла съ раченіемъ;
 дѣтей своихъ любила, и пеклась о нихъ на-
 длежащимъ образомъ. Сіе свидѣтельство му-
 жа ея опровергаешъ явно всѣ поносительныя
 басни на счетъ ея выдуманныя, и чрезъ ко-
 торыя представляющъ ее попомкамъ примѣ-
 ромъ злыя жены. Съ великою вѣроятностію
 думать можно, что *Сократъ* искусство обхо-
 диться съ людьми не вообще употребилъ съ
 женою своею; напротивъ можно утверждать,
 что онъ неушомимымъ терпѣніемъ, угожде-
 ніемъ, кротостію и сильными увѣщаніями,
 побѣдилъ жестокость нрава ея, приобрѣлъ лю-
 бовь, и такъ ее исправилъ, что она изъ не-
 сносныя женщины доброю матерію семейства,
 и какъ поступокъ ея при концѣ его показы-
 ваешъ, нѣжною женою учинилась. Но какъ
 бы то ни было, однакожъ домашнія обстоя-
 тельства бѣдность его должны были дѣлать
 несноснѣе; ибо онъ долженъ былъ дать от-
 четъ о дѣлахъ своихъ не шокмо себѣ, но цѣ-
 лому

лому семѣйству, да можешъ бытъ и такому еще семѣйству, которое на спругую умѣренность его жаловалось. Никто не зналъ лучше должности отца семѣйства, какъ *Сократъ*. Онъ безъ сомнѣнiя вѣдалъ, что онъ обязанъ столько приобрѣсть и промыслишь, чтобы нужно было для честнаго содержанiя своего семѣйства. Естественную сiю должность старался вперить и въ друзей своихъ. Что же принадлежало до него, то въ души его предстояла ему вышняя должность, препящивовавшая исполнить выше упомянутую. Развращенныя времена, гдѣ все чинилось для корысти, а особливо подлое сребролюбiе *Софистовъ*, которые вредное ученiе свое продавали за чистыя деньги, и для обогащенiя себя на счетъ обманываемаго ими народа, употребляли средства наигнуснѣйшiя; сiе принуждало его подлему сребролюбiю прошивопоставить крайнее безкорыстiе, дабы чистыя и добрыя намѣренiя его не возможно было исполковать въ худую сторону. Онъ желалъ лучше перпѣшь, и ежели съ лишкомъ угнѣпашъ будешъ недоспашокъ, жить подаянiемъ, нежели нѣкопрымъ образомъ своимъ примѣромъ оправдать подлое сребролюбiе сихъ ложныхъ учителей мудрости.

Онъ прервалъ благодѣшельныя упражненiя свои, и наки пошелъ охотою въ походъ прошивъ *Вiотiянъ*. *Афиняне* проиграли сраженiе близъ *Делiя*, и были совершенно разбиты. *Сократъ* оказалъ свою храбрость во время битвы, и когда уже спускали. „Ко-

„гда бы каждый такъ исполнялъ свою дол-
 „жность, говорилъ Предводитель *Лахесъ* во
 „*Платонъ*, какъ *Сократъ*, по кончѣнобъ день
 „сей не былъ для насъ несчастливъ„. Когда
 уже всѣ побѣжали, то и онъ зачалъ опспу-
 пасть, однакожъ шагъ за шагомъ, иногда же
 обращаясь назадъ, чтобы крѣпко наступавше-
 му непріятелю учинить сопротивленіе. Онъ
 нашелъ *Ксенофонта*, который былъ сбѣгъ съ
 лошади, и лежалъ раненъ; взялъ его на свои
 плеча, и принесъ невредима.

Жрецы, *Софисты*, Орапоры и прочіе,
 разумъ свой употреблявшіе во зло, и которыми
Сократъ былъ, такъ сказать, спицею въ глазу,
 воспользовались его опспусквіемъ, и спарались
 всѣхъ прошиву его возмутить. При возвраще-
 ніи своемъ нашелъ онъ цѣлую шайку прошивъ
 него стоворившихся, которые все, что шокмо
 ему вредило, нимало безчестнымъ не почи-
 пали. Они, какъ то думать должно, подку-
 пили *Аристофана*, писателя комедій, чтобы
 онъ чрезъ игрища, тогда называемыя комедіи,
 спарался сдѣлать *Сократа* у народа смѣш-
 нымъ и ненависнымъ, дабы чрезъ то опъ
 часпи узнать мнѣніе народа, опъ часпи же
 приготошить, и ежели сіе удастся, то и нѣ-
 что важнѣйшее предпріять. Сіе игрище име-
 новалось *Облака*. *Сократъ* былъ главнымъ въ
 ономъ лицемъ; фигура играющаго сей роль,
 спаралась, какъ можно, бытъ ему сходнѣе. Оде-
 жда, походка, шѣлодвиженія, голосъ, однимъ
 словомъ все съ нимъ было чрезвычайно сходно.
 Самое сіе сочиненіе, въ честь гонимаго *Фило-*
Часть I. Б софа,

софа, сохранилось еще до нынѣшнихъ временъ. Едва можно ли предсавишь себѣ что нибудь безумнѣе сего!

Сократъ никогда не посѣщалъ *Театра*, развѣ когда предсавлялись сочиненія *Еприлидопы*, (въ коихъ, по объявленію нѣкопорыхъ, и самъ онъ участвовалъ). Но въ сей день, когда было представленіе пасквиля сего, находился онъ въ числѣ зрителей. Онъ слышалъ, какъ нѣкопорые изъ чужестранцевъ спрашивали, кто шаковъ *Сократъ*, которому на театрѣ ругались? Тогда взшелъ онъ на средину театра, и стоялъ до окончанія представленія, гдѣ всякъ могъ его видѣть и сравнить съ копіею. Сей поступокъ былъ жестоко вреденъ и для сшихотворца, и для его сочиненія. Самыя смѣшныя мѣста не имѣли ужѣ ни малѣйшаго дѣйствія; ибо знашность *Сократова* возбудила во всѣхъ почтеніе, и нѣкопорый родъ удивленія къ неуспрашимо-сти его. И шакъ сіе сочиненіе не заслужило ни малѣйшія похвалы. Сочинитель перемѣнилъ сочиненіе свое, и на другій годъ впо-рично оное предсавилъ; но съ такимъ же худымъ успѣхомъ. И шакъ непріятели Фило-софа сего намѣреніе свое принуждены были оставишь до удобнѣйшаго времени.

Не успѣли окончашь войну съ *Вістіяна-ми*, какъ ужѣ принуждены были набиратьъ новое войско, чшобъ учинишь сопротивленіе *Лахедемонскому* Полководцу *Вразиду*, который отобралъ у нихъ многіе города во *Фракіи*, и между прочими важный городъ *Амфиполь*. Со-
кратъ

кратъ , не взирая на опасность , копорой подвергло его послѣднее ошсущствіе , не преминулъ и сей разъ служить опечеству своему . Сей разъ былъ послѣдній , въ копорый ошпалялъ онъ городъ своего рожденія . Послѣ сего времени не выходилъ ужѣ онъ никогда изъ предѣловъ *Аѳинскихъ* , и не переспавалъ ни мало собирающееся къ нему юношество наслаждашь своею бесѣдою , и какъ ученіемъ , такъ и собесѣдникомъ внушалъ любовь къ добродѣтели . Но какъ онъ во всемъ любилъ красоту , то и выбирая друзей своихъ смѣрѣлъ на ихъ тѣлесную пріятность . Онъ говаривалъ : *хорошее тѣло обѣщаетъ хорошую душу* ; ежели же примѣчаніе сіе иногда обманывается , то конечно оно было въ небреженіи . И для того упошреблялъ онъ всѣ возможности , чшобъ внутренность особъ сихъ опшвѣчала внѣшности . Ни о комъ однакожъ сполько онъ не спарался , какъ объ *Алхиппадѣ* , молодомъ человѣкѣ , необыкновенныя красоты и великихъ дарованій , копорый былъ высокоумренъ , смѣлъ , легкомысленъ , и чрезвычайно горячаго сложения . О семъ имѣлъ онъ безпреспанное попеченіе ; при всякомъ случаѣ всшупалъ съ нимъ въ разговоры , дабы дружескими увѣщаніями и пріятными выговорами опшврашишь его ошъ чрезмѣрнаго честолюбія и сладострастія ; къ чему онъ имѣлъ ошъ природы великую склонность . *Платонъ* часто приводитъ упошребленныя *Сократомъ* въ разсужденіи его такія выраженія , кои почти изображаютъ человека влюбленнаго : ошъ сего - шо взяли въ

послѣдующія времена, что будто *Сократъ* имѣлъ съ молодыми людьми обхожденіе достойное наказанія. Однакожъ и сами непріятели *Сократопы*, *Аристофанъ* во своей комедіи, а *Мелитъ* въ обличеніи, ничего объ ономъ не упоминающъ. Правда, *Мелитъ* обвиняетъ его, что онъ поршилъ юношество; но изъ *Сократова* отвѣща явствуетъ, что сіе касалось токмо до правъ закона и полицики, къ которымъ онъ ихъ дѣлалъ будто равнодушными. Положимъ, что развращенность нравовъ тогдашняго времени и шакъ далеко простиралась, что сей проповоестественный порокъ почищаемъ былъ почти за естественный; тобъ конечно непріятели сего случая не умолчали, ежелибъ не очевидная была невозможность, чтобъ служившаго образцемъ цѣломудрія и воздержанія обвинялъ такою скопскою спраснію. Пускай прочтутъ спрогіе выговоры, которые дѣлаетъ онъ *Критію* и *Критодузу*; пускай прочтутъ свидѣтельство, которое даетъ распаленный и почти совсѣмъ упившійся *Алкипиадъ*, во *Платоновыхъ* столовыхъ бесѣдахъ. Молчаніе непріятелей и клеветниковъ, и проповное свидѣтельство друзей его, совершенно насъ увѣряющъ, что обвиненіе сіе совсѣмъ несправедливо, и есть не иное что, какъ клевета достойная наказанія. Выраженія *Платонопы*, какъ странны ни кажутся ушамъ моимъ, они ничего болѣе не доказываютъ, какъ токмо, что сія чрезъестественная учтивость была въ тогдашнее время обыкновеннымъ языкомъ; равно какъ и въ

наши

наши времена и самый угрюмый человекъ, ежели онъ пишемъ къ женщинѣ, не можемъ избѣгнуть, чтобъ не представилъ себя почти влюбленнымъ.

Въ разсужденіи Демона (*), который, по объявленію *Сократа*, воздерживалъ его отъ всякаго зла, ежели онъ когда нибудь оное предпринялъ намѣрялся, мнѣнія ученыхъ суть различны. Нѣкоторые думаютъ, что *Сократъ* въ семъ случаѣ употребилъ выдумку, дабы чрезъ то имѣлъ къ себѣ довѣренность суевѣрнаго народа; однакожъ кажется, что сіе съ обыкновенною его искренностію нимало не согласуется. Другіе же чрезъ *Демона* сего разумѣютъ изощренное чувствованіе добра и зла, чрезъ великіе опыты, размышленія, и безпреспаннымъ упражненіемъ пріобрѣщенное разсужденіе, учинившееся въ немъ, такъ сказать, врожденнымъ чувствованіемъ, по которому могъ онъ каждое вольное дѣяніе разбирать по слѣдствіямъ и дѣйствіямъ онаго, не бывъ въ соспояніи дать самому себѣ опчеши въ разсужденіи своемъ. Но мы находимъ во *Ксенофонтѣ* и *Платонѣ* различныя происшествія, гдѣ *Сократъ* *Демонъ* предсказывалъ такія вещи, которые не можно исполковать изъ естественныхъ силъ душъ. Можетъ быть, что ученики его выдумали оныя изъ добраго намѣ-

(*) Древніе Философы подъ названіемъ демона разумѣли то, что разумѣемъ мы подъ Ангеломъ хранителемъ, а отнюдь не разумѣли діавола, или духа злаго.

намѣренія ; можетъ быть *Сократъ*, который, какъ мы видѣли, былъ склоненъ къ восхищеніямъ : самую слабость сію , или заблуждающееся воображеніе , однимъ словомъ , сіе сильное нравственное чувство , котораго и самъ исполковать не могъ , превратилъ въ добраго *Демона* , дабы наконецъ приписать ему врожденные свои чувствованія , происходившія совсѣмъ изъ другаго источника . Или добродѣтельный мужъ долженъ быть отъ всѣхъ слабостей и предразсужденій свободенъ ? Вдохновеніе нынѣ за достоинство уже не почитается . Можетъ быть , что во времена *Сократовы* потребна была помощь *Демона* , которую и употребилъ онъ съ пользою . Онъ и безъ того имѣлъ обыкновеніе , какъ уже о томъ сказано выше , шептѣть всякое суевѣріе , ежели оное непосредственно не вредило нравамъ .

Блаженство рода человѣческаго было единое его ученіе . Какъ скоро какое нибудь предразсужденіе , или суевѣріе подавало способъ къ явному насилію и угнѣщенію правъ человѣческихъ , или къ развращенію нравовъ , и къ сему подобному ; то ничто въ свѣтѣ не могло его удержатъ , не взирая на опасностъ и гоненіе , онымъ соприсяжались . Между *Греками* было древнее суевѣріе , что шѣни непогребенныхъ должны сто лѣтъ ходить по берегу *Стиги* , пока будутъ чрезъ оную перепущены . Можетъ быть , что первый учредитель обществъ вперилъ мнѣніе сіе непросвѣщенному народу съ намѣреніемъ достойнымъ похвалы . Но во времена *Сократовы* , чрезъ гнусное злоупо-

упопробленіе, лишало оно жизни многихъ честныхъ гражданъ. *Аѳиняне* при оспровѣ *Аргимусѣ* получили надѣ *Лакедемонянами* совершенную побѣду; но чрезѣ возспавшую бурю предводищели шоржествующаго флота не могли похоронить шѣлесѣ убитыхъ. И такѣ при возвращеніи ихъ вѣ *Аѳины*, не взирая на спыдѣ, публично обвиняли ихъ небреженіемѣ сего. Того дня *Сократѣ* былѣ предсѣдателемѣ *Пританскаго* Сенапа, управлявшаго все-народными дѣлами. Злоспѣ нѣкопорыхъ сильныхъ людей республики, лицемѣрство Жрецовѣ, подлоспѣ сребролюбивыхъ Ораповѣ и *Софистовѣ*, все соединилось, чпобы слѣпую ревноспѣ народа возбудищѣ противѣ сихъ защитниковѣ опечеспва. Народѣ пребоващѣ сѣ великимѣ крикомѣ, чпобы ихъ приговорили. Нѣкопорая часпѣ Сенапа клониласѣ такѣже ко мнѣнію народному; а оспальные не имѣли довольно мужеспва, чпобы прошивищѣя общему бѣщенспву. И такѣ всѣ согласилисѣ сихъ несчастныхъ гражданъ приговорить ко смерти. Одинѣ *Сократѣ* имѣлѣ смѣлоспѣ защищасѣ невинноспѣ, пренебрегая угрозы сильныхъ, и яроспѣ раздраженнаго народа; спалѣ онѣ одинѣ на споровѣ гонимыя невинноспи, и говорилѣ, чпо онѣ лучше всякое пресперпитѣ несчастіе, нежели когда нибудѣ согласисѣ на шакое безбожное неправосудіе. Однакожѣ всѣ его спаранія о ихъ благѣ были шщешны. Онѣ имѣлѣ неудовоальспвіе видѣщѣ, чпо слѣтая ревноспѣ одержала верхѣ, и чпо республика сама себѣ причинила спыдѣ, пожершвовавѣ безсмысленному

ному предразсужденію своими нахрабрѣйшими защитниками. Чрезъ одинъ годъ послѣ происшествія сего, *Афиняне* разбины были на голову отъ *Лакедемонянъ*, флотъ ихъ испребленъ, главный городъ осажденъ и въ такую приведенъ крайность, что они принуждены были сдать побѣдителямъ своимъ на ихъ волю. Вѣроятно, что недоспапокъ знающихъ предводителей наиболѣе въ несчастіи семъ участвовалъ.

Лисандръ, *Лакедемонскій* Полководецъ, который взялъ городъ сей, способствуя учинившемуся въ ономъ возмущенію, демократическое правленіе превратилъ въ олигархическое, и учредилъ совѣтъ, состоявшій изъ прищипы челоуѣкъ, которые извѣстны подъ названіемъ прищипы пиранновъ. Наижесточайшіе злодѣи не могли бы такъ звѣрствовать въ городъ семъ, какъ сіи чудовища. Подъ видомъ наказанія за преступленіе противъ опечества, или возмущеніе, наидобродѣтельнѣйшіе люди лишаемы были жизни или имѣнія. Расхищашъ, грабашъ, въ ссылку посылашъ, казнишъ одного явно, другаго тайно; сіи по были дѣла, которыми они открыли правленіе свое. Но должно ли было *Сократо* сердце обливашъся кровію, видя *Критія* . прежняго ученика своего, предводительствовавшаго сими злодѣями; и сей *Критій*, бывшій его другъ и слушапель, явился теперь явнымъ его злодѣемъ, и искалъ случая ему вредитъ. Добродѣтельный мужъ сей выговаривалъ ему нѣкогда очень строга за скопскую и чрезбесшественную его спрашъ, и сѣ

съ того времени извергъ сей шайно на него сердился, а теперь искалъ случая ему опомспить.

Какъ онъ и Хариклъ избраны были законодателями, то дабы подбискашься надъ Сократомъ, сдѣлали они законъ, чшобы никто не училъ краснорѣчію. Помомъ услышали они, чшо Сократъ ихъ осуждалъ, и часто говорилъ: хощя и удивительно, когдабъ паспухи ввѣренное имъ спадо дѣлая меньше и хуже, желали припомъ слышь добрыми паспухами; однакожъ еще удивительнѣе, когда бы правили какой нибудь земли, уничижая гражданъ, и дѣлая ихъ хуже, желали именоваться добрыми правителями. Почему призвали его къ себѣ, показали ему помянутый законъ, и запрешили, чшобъ онъ со младыми людьми не вступалъ въ разговоры. „Позволено ли, сказалъ Сократъ, спросишь о томъ, чего я въ запрещеніи семъ не разумѣю? — Для чего нѣшь, отвѣчали они ему. — Я говорю, про должалъ Сократъ, слѣдовашь сему закону: но опасуюсь, чшобы онъ незнанія прошивъ онаго не проспупись: и для того прошу исполковашъ мнѣ, чшо вы разумѣете подъ краснорѣчіемъ, искусство ли говоришь справедливо или несправедливо; ежели первое, то долженъ я воздержашъ, чшобъ никому не рассказывашъ, какъ онъ долженъ говоришь справедливо; ежели же послѣднее, то я не буду никого научашъ, какъ ему говоришь несправедливо.“

Хариклъ разсердился, и сказалъ: „ежели ты сего не разумѣешь, то мы сдѣлаемъ

„ тебѣ понятнѣе, и точно запрещаемъ, что-
 „ бы ты съ молодыми людьми не говорилъ. —
 „ Но чтобъ я зналъ, какимъ образомъ и въ
 „ семъ случаѣ поступать долженъ, то означь-
 „ те мнѣ время, сколь долго почишаете вы
 „ человека молодымъ? До того времени, оп-
 „ вѣчалъ *Харикль*, пока не имѣетъ мѣсяца въ
 „ совѣтѣ, то есть, пока разумъ его не созрѣ-
 „ етъ до тридцати лѣтъ, „.

„ Но ежели, продолжалъ *Сократъ*, желаю
 „ я чтонибудь купить у молодаго человека,
 „ могу ли я спросить у него, какъ дорого?
 „ Сіе тебѣ не запрещается, сказалъ *Харикль*;
 „ но ты часно спрашиваешь о томъ, что ты
 „ самъ уже знаешь; опъ такихъ вопросовъ
 „ впередъ воздержись! — А отвѣчать, про-
 „ должалъ *Сократъ*? Ежели ктонибудь изъ
 „ молодыхъ людей меня спроситъ, гдѣ живетъ
 „ *Харикль* или *Критій*? могу ли я ему оп-
 „ вѣчать? Да, да, сказалъ *Критій*; но воз-
 „ держись опъ дурныхъ примѣровъ и сраене-
 „ ній ремесленниковъ, плотниковъ и кузнецовъ.
 „ Безъ сомнѣнія, сказалъ *Сократъ*, шакже и
 „ опъ понятнѣй о правосудіи, свящоспи, сми-
 „ ренномудріи, и прочемъ, копорыя я чрезъ
 „ оныя примѣры объясняю? Конечно, опвѣ-
 „ чалъ *Харикль*, а всего болѣе опъ примѣ-
 „ ровъ паспуховъ. Помни сіе, иначежъ я опа-
 „ саясь, чтобъ шобою не уменьшилось шпало, „.

Сократъ сполько же презиралъ ихъ угро-
 зы, какъ и безсмысленный законъ, копорый
 они прошивъ здраваго разсужденія, и прошивъ
 естественнаго закона, ни малѣйшаго права учи-

нишь не имѣли. Онъ продолжалъ попеченіе свое о благѣ юношества, и объ испиниѣ, съ величайшимъ рвеніемъ; однакожь пираны не осмѣлились напасть на него прямо. Они искали къ нему привязаться, и спарались замѣшавъ и его во свои несправедливости: и для сего приказали ему, и еще другимъ чепыремъ гражданами, взявъ *Льпа Саламинскаго*, и привести въ *Анины* дабы его казнить; но *Сократъ* объявилъ, что онъ никогда въ несправедливомъ дѣлѣ способствовать не будетъ. И такъ, сказалъ *Харикль*, ты желаешь имѣть свободу говоришь, что ты хочешь, и за сіе ничего не терпишь? *Всякое зло, опшѣчалъ онъ, хочу я терпѣть, токмо чтобъ никому не учинить несправедливости.* *Харикль* замолчалъ, а прочіе смолчали одинъ на другаго. Но *Сократъ* за всѣ сіи вольности заплашилъ бы наконецъ своею жизнію, ежелибъ народъ, угнѣшаемый жестокостію пиранновъ, не сдѣлалъ возмущенія, и знашнѣйшихъ предводителей не лишилъ жизни, а другихъ изъ города не выгналъ.

Но и въ семъ паки возстановленномъ демократическомъ правленіи, поступали съ *Сократомъ* не лучше. Старые его злодѣи *Софисты*, *Жрецы* и *Орашоры*, нашли шеперь давно ужѣ желаемый случай преслѣдовать его съ лучшимъ прежняго успѣхомъ, и наконецъ совѣмъ его истребили. *Анитъ*, *Мелитъ* и *Ликонъ*, суть имена злодѣевъ, которые были употреблены въ подломъ семъ дѣлѣ. Они клеветали въ народъ, будто бы *Сократъ* внушилъ

шилъ *Критію* правила пиранспва, копорыя сей въ недавномъ времени исполнялъ съ пакою неслыханою жестокостію. Кому извѣсны легковѣрносць и непоспоянсво народа, пошѣ нимало не удивился, что *Аѳиняне* повѣрили такой явной клеветѣ, хопя и каждый зналъ происходившее между *Сократомъ* и пиранномъ. Предъ тѣмъ за нѣсколько лѣтъ *Алкипиадъ*, человекъ великихъ дарованій, но припомъ бѣшенанаго нрава, бывъ въ сообществѣ молодыхъ людей, ему подобныхъ, разбилъ *Меркуриепъ* испуканъ, и явно насмѣхался *Елепзинскимъ таинстпамъ*, за что и принужденъ былъ градъ рожденія своего оставишь. Теперъ паки возобновили произшествіе сіе; *Сократопы* злодѣи говорили, что *Сократъ* молодому сему человеку внушилъ презрѣніе къ закону. Ничто такъ не прошивно ученію и поведенію *Сократа*, какъ подобное сему оклеветаніе. Всенародное богослуженіе всегда онъ почипалъ, какбы суевѣрно оно ни было; чпожъ касаетсѣ до *таинстпъ Елепзинскихъ*, то всѣмъ друзьямъ своимъ совѣповалъ просвѣпипшь себя оными, хопя самъ можешъ бышь имѣлъ свои причины не чинишь онаго. Надлежитъ думашъ, что великія *Елепзинскія таинстпа* были не иное что, какъ ученіе испиннаго еспеспвеннаго закона, и разумное толкованіе басенъ. Что *Сократъ* поспоянно прошивился приняшь сіе просвѣщеніе, сіе вѣрояшно дѣлалъ онъ для того, чпобъ безпрепятственнао проповѣдывашъ *таинстпа* сіи, въ чемъ ему чрезъ просвѣщеніе Жрецы воспрепятспвовашъ хошѣли.

Когда

Когда уже клеветники думали, что чрезъ такіе злодѣйскіе слухи народъ довольно изгнотовили: тогда *Мелитъ* принесъ на *Сократа* надлежащую жалобу, о чемъ правленіе того же часа народу извѣстило. Почему собранъ былъ совѣтъ *Гелиса*, и члены, коимъ дѣло сіе надлежало судить, выбраны были по жребію. Сія жалоба состояла въ слѣдующемъ: *Сократъ* поступаетъ противно законамъ, 1.) не почитаетъ Боговъ града сего, и старается истребить ное Божество. 2.) Разпращаетъ юношество, пнушая оному презрѣніе ко всему тому, что есть свято; и за то должно его казнить смертію.

Друзья его предлагали ему весьма хорошаго слова рѣчи для его защищенія. „Онъ „ очень хорошъ, сказалъ *Сократъ*, но для меня спараго чловѣка такое искусство неприлично. „ Не напишешь ли ты самъ что нибудь ко оправданію своему, говорили они ему. „ Самое „ лучшее оправданіе, которое я сочинить могу, „ есть то, что я во всю мою жизнь никому и „ никакого зла не сдѣлалъ. Я нѣсколько разъ „ принимался писать оправдательную рѣчь, но „ Богъ всегда мнѣ въ томъ препящствовалъ. „ Можешь быть ему угодно, чтобъ я въ сихъ „ лѣпахъ умеръ легкою смертію, пока не „ прійду въ такую спарость, которая по „ добна болѣзни; и чтобъ я ни самому себѣ „ ни друзьямъ моимъ не былъ въ тягость. „ Нѣкто въ нынѣшніе времена изъ оныхъ словъ выводитъ доказательство, что *Сократъ* былъ шрусъ, который боялся болѣе безпокойства

старости, нежели самыя смерти. Не мало попребно дерзоспи, чшобѣ осмѣлиться уеѣрять о семѣ чипашеля.

Вѣ назначенный для рѣшенія сего дѣла день предшали *Мелитѣ*, *Анитѣ* и *Ликонѣ*, первый за спихопворцевѣ, вшорой за народѣ, а послѣдній за орашоровѣ, и всходя одинѣ за другимѣ на орашорское мѣсто, говорили рѣчи, преисполненныя яда и оклеветанія противѣ *Сократа*. Послѣ нихѣ взошелѣ *Сократѣ* безѣ трепеша и спраха, спараяся, по обыкновенію поглашняго времени, гореспнымѣ своимѣ видомѣ возбудишѣ вѣ судіяхѣ своихѣ жалоспѣ, но сѣ холоднымѣ духомѣ и безбоязненнымѣ видомѣ, кошорый мудроспи его приличесшвовалѣ. Хошя рѣчь его была безо всякаго искуспва и неприготовленная; однакожѣ сильная и весьма выразительная. Вѣ оной опровергалѣ онѣ клеветы и разсѣянныя прошиву его злодѣйскіе слухи, однакожѣ безо всякаго сердца; доносишелей же своихѣ оспыдилѣ, показавѣ имѣ вѣ собственныя жалобы ихѣ прошиво. рѣчіе и безумсшво. Прошивѣ судей своихѣ имѣлѣ онѣ надлежащее почшеніе; однакожѣ говорилѣ такимѣ швердымѣ и преимущесшво его являющимѣ голосомѣ, чшо рѣчь его часшо была прерываема шумомѣ, происходившимѣ онѣ неудовольсшвія. Онѣ окончалѣ слѣдующими словами:

„ Не негодуйте на меня, о *Аѣиняне*!
 „ чшо я, прошивѣ обыкновенія обвиняемыхѣ,
 „ не говорю вамѣ со слезами, и чшобы возбу-
 „ дитѣ вѣ васѣ сожаленіе, не привелѣ сюда ни
 „ дѣ-

„дѣшей моихъ, ни сродниковъ, ни друзей.
 „Не гордоснь моя или презрѣнїе къ вамъ се-
 „му причиною; но понеже почишаю за непри-
 „спойноснь умилоспивлять судей моихъ, и
 „спарашься привлекашь ихъ на мою спорону
 „инымъ, кромѣ правоснїи дѣла моего. Судїя
 „обязываешся кляшвою судишь по законамъ
 „и по справедливоснїи, и при рѣшенїи дѣла не
 „преклоняшься ни къ жалоснїи ни ко гнѣву.
 „И шакъ мы обвиненные послушаемъ прошив-
 „но законамъ и честноснїи, ежели нашею жа-
 „лоснїю спараемся учинишь васъ кляшвопре-
 „спупниками; и оказуемъ къ вамъ презрѣнїе,
 „ежели почишаемъ васъ бышь къ оному спосо-
 „бными. Я ни подѣ какимъ видомъ не же-
 „лаю спаснїи мою жизнь шакими средствами,
 „кои правосудїю, честноснїи и спраху Божїю
 „прошивны; особливо же въ шакое время, ког-
 „да *Мелитъ* обвиняетъ меня безбожіемъ.
 „Ежелибъ я спарался учинишь васъ кляшво-
 „пресупниками; шо самымъ бы симъ дока-
 „залъ, что я не вѣрю Богамъ; и слѣдспвенно
 „самое оправданїе мое обвиняло бы меня без-
 „божіемъ. Но нѣшъ, вѣдайте, что я болѣе
 „увѣренъ въ бышнїи Бога, нежели обвиняющїе
 „меня; и для шого предаю себя Богу и вамъ,
 „судише по справедливоснїи, и поступайте со
 „мною шакъ, какъ вы для себя самихъ и для
 „меня за лучшее разсудише. „

Судьи были чрезвычайно недовольны не-
 устрашимымъ его духомъ, шакъ что, когда
Платонъ взошелъ на рипорское мѣсто, и хо-
 шѣлъ говорить, шо они до сего его не допу-
 спили.

спили. „ Я хопя и юнѣйшій , началъ *Платонъ* , изо всѣхъ , кои на сіе мѣсто когда ни-
„ будь восходили , — „ Сойди долой , кричали
они ему , и далѣе говорить не дозволяли . *Со-
кратъ* по большинству шридцати прехъ голо-
совъ признанъ былъ виноватымъ .

Въ *Афинахъ* было обыкновеніе , что при-
говоренные сами избирали себѣ наказаніе день-
гами , заключеніе или ссылку , дабы чрезъ шо
учиненный имъ приговоръ признашь нѣкоото-
рымъ образомъ справедливымъ , или чрезъ шо
признашья во своихъ пресупленіяхъ . *Сокра-
ту* приказывали избирать ; но онъ не хопя
бышь прошиву самого себя несправедливымъ , и
признашья виновнымъ , говорилъ шакъ :

„ Ежели я могу говорить свободно , чего я
„ достоинъ ; шо вѣдайте *Афиняне* ! я думаю ,
„ что за всѣ мои къ Республикѣ услуги досто-
„ инъ я бышь содержанъ въ *Пританей* на об-
„ щемъ иждивеніи . „ По прозьбѣ своихъ дру-
зей согласился онъ на малое денежное наказа-
ніе , но не хотѣлъ однакожъ , чшобъ они со-
брали болѣе назначенныя суммы .

Судьи совѣшоваши между собою , какое по-
ложить ему наказаніе ; но злосць его непріа-
телей учинила , что онъ приговоренъ былъ ко
смерши : „ Вы были очень скоры въ рѣшеніи
„ вашемъ , *Афиняне* ! сказалъ *Сократъ* , и чрезъ
„ шо клеветникамъ града сего подали случай
„ попрекашь вамъ , что вы мудраго *Сократа*
„ лишили жизни ; ибо они будущъ называють
„ меня мудрымъ , хопя я не есмь онымъ , да-
„ бы чрезъ шо лучше васъ осуждають . Не дол-

„го бы вамъ дожидаться, я бы и безъ васъ умеръ.
 „Вы видите, сколь я близокъ уже ко смерти
 „(*). Сіе говорю я вамъ, осудившимъ меня на
 „смерть! Не думайте, о *Аииняне!* чпобы
 „мнѣ не достало словъ склонить васъ на мою
 „спорону, и увѣрить въ невинности моей,
 „ежелибъ я былъ такого мнѣнія, чпо все мо-
 „жно дѣлать и говорить для полученія мило-
 „спиваго рѣшенія. Безъ сомнѣнія нѣтъ.
 „Ежели я побѣждаюсь, по чинишься сіе не отъ
 „недостатка словъ и предспавленій, но отъ
 „недостатка безспыдства и подлости, го-
 „ворить вамъ о такихъ вещахъ, кои слуху
 „вашему пріятны, но всякому честному мужу
 „произносить неприлично. Ласкапельспивовать,
 „упопать во слезахъ, и другія, для приведе-
 „нія въ жалость судей своихъ, подлыя сред-
 „ства, къ коимъ вы привыкли, суть меня
 „недостойны. Я уже съ самаго начала пред-
 „пріять лучше поперять мою жизнь, нежели
 „сохранить оную какою либо подлостью. Ибо
 „я думаю, чпо предъ судомъ споль же мало
 „позволяешься дѣлать все для избѣжанія смер-
 „пи, какъ и на войнѣ. Сколь много такихъ
 „случаевъ, гдѣ человекъ во время сраженія мо-
 „жетъ избѣгнуть смерти, ежели онъ броситъ
 „оружіе, и предасся преслѣдующему его!
 „Равно и въ жизни человѣческой множество
 „случаевъ, гдѣ можно избавишься смерти,
 „ежели только будешь споль безспыденъ,
 „чпо все спанешь дѣлать и говорить, чпо къ
 „Часть I. В „сему

(*) Онъ былъ тогда семидесяти лѣтъ.

„сему потребно. Избѣгнутьъ смерти, о *Ави-*
 „*няне!* не споль прудно, но избѣгнутьъ ошѣ
 „спыда гораздо пруднѣе: ибо оный скороче-
 „чнѣе, нежели смерть. И для того - то я,
 „медлительный и преспарѣлый мужъ, медли-
 „пельнѣйшимъ способомъ и погибаю; а обви-
 „няющіе меня, яко здоровые и свѣжіе люди,
 „скорѣйшимъ спыдомъ преслѣдованы будутъ.
 „Я иду ко смерти, на которую вы меня осу-
 „дили; а вы ко спыду и безчестію, которыя
 „опредѣлили вамъ *Истинна* и *Прапосудіе*. Я
 „рѣшеніемъ вашимъ доволенъ; думаю, что и
 „вы также довольны. И такъ дѣла наши
 „текутъ по нашему желанію. Я съ моея
 „спороны и въ семъ нахожу пуши жребія мо-
 „его справедливыми и священными.

Помомъ сказавъ судіямъ, обвинившимъ
 его нѣкоторыя испинны, однакожъ безо всяка-
 го сердца, обратился къ шѣмъ, кои невинность
 его защищали, и бесѣдовалъ съ ними разсуж-
 дая о жизни, смерти и безсмертіи, прилично
 погдашнему понятію проснаго народа. Но ко-
 гда ужѣ былъ наединѣ со своими учениками,
 и короткими пріятелями: то о самомъ же
 семъ изъяснялся гораздо основательнѣе и яснѣе;
 и для того намѣренъ я во слѣдующихъ раз-
 говорахъ предложитъ моему чипашелю зрѣлыя
 мысли сего *Философа*, избавя его ошѣ экзоте-
 рической философіи.

Сократъ опведенъ былъ въ темницу, ко-
 торая по словамъ *Сенеки*, присушствіемъ му-
 жа сего всю гнусность свою потеряла; ибо
 тамъ не можетъ быть темница, гдѣ нахо-
 дился

дился *Сократъ*. На дорогѣ встрѣпились ему нѣкопорые изъ его учениковъ, кои о случившемся съ нимъ были неупѣшны. „О чемъ плачете вы, говорилъ имъ мудрецъ сей? Не при самомъ ли рожденіи моемъ осудило еспешиво меня на смерть? Ежели бы смерть лишила меня истиннаго и пвердаго блага, тогдабъ и пѣ, кои меня любяпъ, безъ сомнѣнія имѣли причину о жребіи моемъ болѣзновашъ. Но когдажъ я ничего здѣсь не оставляю, кромѣ болѣзни и горесци, то друзья мои должны желашъ мнѣ счастливаго пуши.“

Аполлodorъ, коего описываютъ весьма добросердечнымъ, но припомъ нѣсколько проспымъ человекомъ, не могъ нимало ушѣшишься, что учитель и другъ его долженъ былъ умереть споль невинно. Любезный *Аполлodorъ*! говорилъ ему *Сократъ* улыбаяся, и положи свою руку ему на голову, не ужелибъ ты лучше желалъ, чтобъ я умеръ виновнымъ?

Впрочемъ, что происходило въ темницѣ и въ послѣдніе часы умирающаго *Сократа*, о помъ чинашель увѣдаешъ изъ слѣдующихъ разговоровъ. Оспаешся шокмо одинъ разговоръ со *Критономъ*, изъ котораго *Платонъ* слѣлалъ особый. За нѣсколько дней передъ казню *Сократа*, пришелъ къ нему *Критонъ* въ темницу еще до разсвѣша, и нашедъ его покоющагося во сладкомъ снѣ, сѣлъ возлѣ поспели весьма шихо, чтобъ его не разбудить. *Сократъ* пробудившись вопрошалъ его: „Къ че-

„ му сего дня пришелъ ты такъ рано? Дра-
 „ жайшій *Критонъ!* „ Сей ему объявилъ, что
 будущего дня исполнится его приговоръ. „ Еже-
 „ ли такъ Богу угодно, отвѣчалъ *Сократъ* съ
 „ обыкновенною холодностію, да будешь такъ!
 „ однакожь я не думаю, чтобы завтре сіе
 „ учинилось. Въ самое то время, какъ ты ко
 „ мнѣ пришелъ, снился мнѣ сонъ весьма при-
 „ ятный. Мнѣ явилась женщина необыкно-
 „ венныя красоты, во длинныхъ бѣлыхъ ри-
 „ захъ, и назвавъ меня по имени, говорила:
 „ чрезъ три дни прибудешь ты по плодono-
 „ сную тцою *Плюю.* „ Чрезъ сіе далъ онъ
 уразумѣшь, что сполько же жаждешь будущія
 жизни, какъ въ *Омирѣ* раздраженный *Ахиллъ*
 желалъ возвратиться изъ спановища въ оше-
 чество свое *Плюю.* Но *Критонъ* имѣлъ на-
 мѣренія совсѣмъ другія. Онъ открылъ сво-
 ему другу, что онъ подкупилъ караульныхъ,
 и все приговорилъ, чтобы въ ночное время
 увести его изъ шемницы; и что шемерь за-
 виситъ онъ него, хочетъ ли онъ избѣжать
 поносныя смерти. Онъ старался ему дока-
 зать наиважнѣйшими доводами, что онъ учи-
 нить сіе долженъ и обязанъ. Зная любовь
 его ко своему ошечеству, представлялъ ему,
 что онъ долженъ употребить всѣ возможности,
 чтобы *Афиняне* не проливали крови невинныя;
 къ сему еще присовокуплялъ, что онъ долженъ
 сіе учинить изъ любви ко своимъ друзьямъ,
 кошорые, исключая горести о потеряннн его,
 будуще подвергнуты попреканію, что о из-
 бавленнн его не старались. Наконецъ не оспа-
 вилъ

вилъ и сего: описалъ ему несчастіе безпомощныхъ его дѣшей, лишающихся опеческого на-
сильствія, примѣра и покровительства. На-
сіе ему *Сократъ* оповѣщивалъ: „Дражайшій
„мой *Критонъ*! дружеское швое попеченіе по-
„хвалю, и я бы долженъ приняшь оное со-
„благодарностію, ежели бы шокмо оно согла-
„совалось со здравымъ разсудкомъ. Ежели же
„оное ему прошивно, шо шѣмъ наипаче дол-
„жны мы его осиперегаться. И для шого на-
„длежишъ намъ во первыхъ разсмопрѣшь,
„справедливо ли швое предложеніе, и согласно
„ли съ разумомъ или нѣшъ. Я пріобыкъ ни-
„чего не предпринимаешъ, какъ по довольномъ
„разсужденіи, и нашедъ оное наилучшимъ. Не
„вижу никакой причины, для чегобъ и ше-
„перь не исполняешъ мнѣ до сего времени на-
„блюдаемыхъ мною правилъ, хошя и нахожусь
„въ шакомъ соспоянніи, какъ шы меня видишь:
„онѣ кажутся мнѣ въ шакомъ же свѣѣ, и для
„шого не могу я почишашъ ихъ недрагоцен-
„ными.„ Опровергнувъ его ложныя правила, и
„показавъ чѣмъ разумный человекъ обязанъ за-
„конамъ и опечеству, продолжалъ онъ шакъ:
„Ежелибъ я намѣрялся шеперь убѣжать, и
„въ самое сіе время явилась бы мнѣ республи-
„ка со своими законами, и спросила меня: Ска-
„жи *Сократъ*! чшо шы хочешъ дѣлать? Раз-
„вѣ не думаешъ, чшо сіе намъ, законамъ и
„цѣлой Республикѣ гоповишъ паденіе? Или
„мнишь, чшо можетъ спояшь шо царство,
„и неопшмѣнно не разрушится, въ коемъ на-
„родные приговоры не имѣюшъ силы, и онѣ

„каждыя частныя особы могутъ бытъ уни-
 „чужены? Что я могу на сіе отвѣчать, ска-
 „жи мнѣ дражайшій мой? — Что со мною
 „посупающъ несправедливо, и что я того не
 „достоинъ, чѣмъ меня осудили: не сіе ли я
 „долженъ отвѣчать? — *Критонъ*: почто такъ,
 „о *Сократъ*! — *Сократъ*: но ежели законы
 „на сіе скажутъ: какъ, *Сократъ*! не обязался
 „ли ты намъ повиноваться всѣмъ законамъ
 „Республики? Тогда я буду удивляться; но
 „они будутъ продолжатъ: не удивляйся *Со-*
 „*кратъ*! и отвѣчай; ибо ты охотникъ до во-
 „просовъ и отвѣповъ. Скажи, что тебѣ въ
 „насъ и въ Республикѣ такъ прощивно, что ты
 „желаешь намъ паденія? Не нравятся тебѣ
 „законы брака, слѣдуя коимъ отецъ твой,
 „женясь на швоей маперѣ, произвели тебя
 „на свѣшъ, они ли тебѣ не нравятся? —
 „Нѣтъ! отвѣчалъ бы я на сіе. Можемъ бытъ
 „не полюбился тебѣ образъ нашъ воспиты-
 „вань и научать дѣпей? Развѣ учрежденіе,
 „кое мы сдѣлали къ намѣренію сему, и по
 „копорому отецъ твой научилъ тебя музыкѣ
 „и гимнастикѣ (*), не суть похвальны? Весь-
 „ма похвальны; долженъ бы я отвѣтствовашъ.
 „— И такъ ты признаешь, что долженъ
 „намъ своимъ рожденіемъ и воспитаніемъ, и
 „слѣдственно какъ тебя, такъ и твоихъ пред-
 „ковъ, можемъ мы называть нашими сынами и
 „нашими подданными. Ежели же сіе такъ, то
 „ „ МЫ

(*) Упражненіе силъ душевныхъ называлось му-
 зыкою, а тѣлесныхъ гимнастикой.

„мы спрашиваемъ: имѣешь ли ты съ нами одина-
„кiя права; и присвоишь ли ты себѣ право
„плашишь намъ равнымъ возмездіемъ? Ты
„конечно не пребуешь равнаго права съ ош-
„цомъ, или господиномъ швоимъ? Безъ со-
„мнѣнiя: ежели ты ошъ нихъ шерпишь, то
„не спарашся дать имъ возчувшвовать шого
„же? И ежели они тебя обижаютъ, то не
„обидишь ихъ ни дѣломъ ни словами? Для
„чегожъ желаешь ты съ опечешвомъ и съ за-
„конами имѣшь одинакiя права? Ты почиша-
„ешь себя обязаннымъ прошивишься намъ,
„какъ скоро нѣчто мы прошивъ тебя предпри-
„нимаемъ? Ты спарашся, по елику ошъ те-
„бя зависишь, учинишь нарушение законамъ
„опечештва, и ты думаешь, что при семъ
„посшупаешь справедливо; ты пекущійся
„бышь добродѣтельнымъ? Такъ въ этомъ-то
„сосшоишь швоя премудрость, дабы нимаго
„не помышляшь, что ошѣтъ, мать и предки
„швои, никогда не могутъ бышь споль по-
„чтенны, драгоцѣнны и святы у Боговъ, и
„у всѣхъ разумныхъ человѣковъ, какъ опеч-
„ештво? Продолжая такимъ образомъ присо-
„вокупяишь они еще слѣдующее: Подумай Со-
„кратъ! справедливо ли ты съ нами посшупа-
„ешь? Мы тебя родили, воспишали и научи-
„ли; тебя и каждого *Аѣинскаго* гражданина,
„по елику то ошъ насъ зависѣло, учинили мы
„участникомъ всѣхъ благодѣнiй, какiя шок-
„мо опешешвенная жизнь представить можешъ;
„пришомъ каждому гражданину, поселивше-
„муся въ *Аѣинахъ*, дали мы свободу, ежели

„ онѢ по довольномѢ размышленіи найдетѢ ,
 „ чшо наше правленіе ему не угодно , и сѢ се-
 „ мѢйспвомѢ своимѢ опѢ насѢ удалишья и
 „ жить , гдѢ онѢ за благо разсудитѢ . *Авин-*
 „ *скіе* врага для каждаго , кому во градѢ
 „ не нравитья , стоятѢ опшверспы . ОнѢ мо-
 „ жетѢ взятѢ имѢніе свое безпрепятственнo .
 „ Но ежели кто знавѢ , какѢ мы поскупаемѢ ,
 „ и какимѢ образомѢ опдаемѢ справедливостѢ ,
 „ припомѢ однакожѢ у насѢ оспался , потѢ
 „ безсловесно заключилѢ согласіе повиноватѢся
 „ всему , чшо мы ему ни прикажемѢ . Когда
 „ же онѢ не повинуетья , то чинитѢ проякую
 „ несправедливостѢ ; вопервыхѢ , не повинуетья
 „ родителемѢ , во впорыхѢ , воспитавшимѢ
 „ училемѢ своимѢ , а вѢ шретъихѢ наруша-
 „ етѢ учиненный сѢ нами договорѢ . Любез-
 „ ный мой другѢ *КритонѢ* ! мнѢ кажетья ,
 „ чшо я всѢ сіи слова слышу , подобно какѢ
 „ *Кориданты* воображаютѢ слышатѢ гласѢ сви-
 „ рѢли ; слова сіи споль крѢпко дѢйствуютѢ во
 „ ушахѢ моихѢ , чшо я ужѢ ничего другаго
 „ слышатѢ не могу . „ *КритонѢ* пошелѢ опѢ
 „ него увѢренѢ , однакожѢ и недоволенѢ , чшо
 „ предложеніе его было прошивно разсудку .

II.

ФЕДОНЪ

или

Разговоры о безсмертіи души.

РАЗГОВОРЪ ПЕРВЫЙ.

Ехекратъ, Федонъ, Апполлодоръ, Сократъ, Кецитъ, Критонъ и Симмій.

Ехекратъ. Дражайшій *Федонъ*! самъ ли былъ ты у *Сократа* въ то время, когда онъ принялъ ядъ, или кшо шебъ объ ономъ разсказывалъ?

Федонъ. Я самъ былъ при помъ.

Ехекр. И такъ ты можешь намъ разсказать, какимъ образомъ сей мудрой мужъ умеръ, и чшо онъ говорилъ при концъ своемъ. Наши *Флизианцы* очень рѣдко бывають въ *Афинахъ*, да и ошшуду ужè давно никшо не бывалъ, слѣдственно и никшо не могъ насъ увѣдомишь о семъ произшествіи. Мы знаемъ шолько, что *Сократъ* принялъ ядъ и умеръ, а болѣе ничего.

Фед. Какъ! вы ничего не знаете о приговѣрѣ его?

Ехекр. Очень мало. Всего болѣе удивляетъ насъ долгоша времени, между приговоромъ его и смерщю прошекшая: какая бы шому была причина?

Фед. Нечаянной случай: ибо на канунъ приговора, *Афиняне* увѣнчали корабль, кошорой ежегодно посылають они въ *Диль*.

Ехекр. Какой это корабль?

Оед. Ежели вѣришь *Аѳинянамъ*, то корабль сей есть самый шопѣ, на кошоромъ *Оисей* отвозилъ нѣкогда семь паръ опроковъ въ *Критъ*, и истребя *Минотапра*, какъ себя, такъ и сихъ избавилъ отъ смерти. *Аѳиняне* отправляя опроковъ сихъ, обѣщались посылать ежегодно *Аполлону* драгоценные дары, ежели Богъ сей соблаговолилъ юношей оныхъ принявъ во свое покровительство; и по сіе время обѣщанія своего еще не пресступали.

Когда корабль сей бываетъ въ готовноснн къ отбѣзду, то священникъ *Аполлоноу* украшаетъ корму онаго вѣнками, изъ цвѣтшвъ сдѣланными; и съ сего времени начинается празднество называемое *Георія*. Оное продолжается со дня отплытія корабля, до дня возвращенія его. Въ сіе время, во всемъ городѣ, никакого пролитія крови не чинишя; законы запрещающіе казнишь пресступниковъ; почему и пользующіяся они довольнымъ временемъ, ежели случишя, что корабль сей удержанъ бываетъ прошивными вѣтрами. Сіе-то празднество было причиною, что смерть *Сократа*, споль долго была отсрочена.

Ехекр. Но чтожъ, любезный *Оедонъ*, происходило въ послѣдній день сей? Что онъ говорилъ? Что онъ дѣлалъ? Кто были изъ друзей его, когда онъ скончался? Или *Архонты* никогда къ нему не допускали, и онъ преспаивался, не имѣя никого изъ друзей своихъ.

Оед. Напрѣшишь: ихъ было очень много.

Ехекр.

Ехекр. Држайшій *Θεодонъ*, ежели ничпо шебъ не мѣшаетъ, шо пожалуй разскажи намъ всѣо обспояшельно.

Θед. Я имѣю свободное время; и шакъ сѣ охотно удовольсшвую желаніе ваше. Чшо можешъ бышь для меня пріятнѣе, какъ воспоминаніе любезнаго моего *Сократа*? Говоришь о немъ, или слушаешь, какъ другіе говорятъ?

Ехекр. Любезный *Θеодонъ*! слушатели твои шакого же мнѣнія; и для шого разскажи намъ всѣо шакъ обспояшельно, какъ шолько можешъ.

Θед. Я былъ изъ числа шѣхъ, кои присушсшвовали въ сіе плачевное время. Ахъ, мой другъ! мнѣ кажешся, чшо я и шеперь еще вижу сіе произсшсшвіе! Я не чувсшвовалъ шогда ни жалосши, ни содроганія сердца, чшо обыкновенно бываешъ, ежели кшо изъ друзей кончается въ рукахъ нашихъ. *Сократъ*, піющій ядъ, казался мнѣ бышь счастливымъ и достойнымъ позавидованія. Въ очахъ его написано было веселіе; а крошкіе разговоры, показывали шшшину и спокойсшвіе сѣрдца. Посшупки его не приличсшвовали нимао человѣку, опходящему преждевременно къ шѣнямъ *Оркусопымъ*. Онъ казался бышь безсмершнымъ, копорой опходишь въ обѣянія вѣчносши, и надѣешся наслаждашься счасшіемъ никогда ненарушимымъ. Такъ же могъ я имѣшь спрашныя сіи чувсшвованія, кои происходятъ въ насъ, взирая на обыкновенно умирающихъ человѣковъ? Однакожъ Философическіе разговоры Учишеля нашего, ужѣ не производили въ насъ сего чистаго веселія, къ коему пріобыкли. Мы чувсшво-

вали нѣкое чудное и необыкновенное смѣшеніе веселія и горести; ибо удовольствіе наше было безпрестанно провождаемо слѣдующею мыслію: *пскорѣ лишимся мы его на пѣки*. Мы всѣ были въ странномъ состояніи семѣ, коего противныя дѣйствія споль же странно изображались на лицахъ нашихъ. Иногда мы смѣялись, иногда плакали; а часто случалось, что мы улыбались, и въ то же самое время глаза наши наполнены были горчайшими слезами; во всемъ же томъ превосходилъ насъ *Апполлоторъ*; ты знаешь его, и вѣдаешь, сколь онъ мягкосердеченъ.

Ехекр. Какъ мнѣ его не знашь?

Фед. Онъ находился въ безпрестанномъ движеніи; чувствованія его были гораздо живѣе нашихъ; онъ восхищался, когда только улыбались; когда же мы чувствовали жалость, тогда онъ ушопалъ во слезахъ; такъ что мы почти болѣе пронупы были имъ, нежели взоромъ умирающаго друга нашего.

Ехекр. Скажи же мнѣ, кто были тогда у *Сократа*?

Фед. Изъ здѣшнихъ жителей были *Апполлоторъ*, *Критопулъ*, *Критонъ* Опецъ его, *Ирмогенъ*, *Епитенъ*, *Ехинъ*, *Антисвенъ*, *Ктезитъ*, *Менексенъ*, и еще нѣкоторые. Я думаю, что *Платонъ* былъ боленъ.

Ехекр. Былъ ли кто изъ чужестранцевъ?

Фед. Изъ *Фиды* были *Симмій*, *Кепитъ* и *Федонтесъ*; а изъ *Мегары*, *Едклидъ* и *Терсионъ*.

Ехекр.

Ехекр. Какъ? Развѣ *Аристиппъ* и *Клеомротъ* при томъ не были?

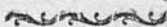
Фед. Нѣтъ: они были тогда въ *Егинѣ*.

Ехекр. Болѣе никого не было?

Фед. Еще никого я не помню.

Ехекр. Скажижъ, любезный *Федонъ*, о чемъ вы говорили?

Фед. Я расскажу тебѣ всё, съ начала до конца. Со времени заключенія *Сократа* въ темницу, ходили мы къ нему каждой день, собираясь въ той судебной палатѣ, въ которой сдѣланъ приговоръ его: ибо она близко темницы; гдѣ и упражнялись до тѣхъ поръ въ разговорахъ, покамѣсь въ темницу опворяли: что чинилось обыкновенно не очень рано; какъ же скоро была опперша, то входили мы къ *Сократу*, и по большей части провождали тамъ цѣлой день. Въ послѣднее утро, собрались мы гораздо ранѣе; ибо на канунъ дня сего, уведомились мы о пришествіи корабля изъ *Дила*; и для того вознамѣрились приплыти въ послѣдній разъ сей, какъ можно, ранѣе. Какъ ужѣ были мы вмѣстѣ, то пришелъ къ намъ спражъ, который обыкновенно оппиралъ темницу, и просилъ насъ немного пообждать до того времени, какъ онъ насъ позываетъ: ибо теперь у *Сократа*, говорилъ онъ, находится одиннадцать мужей, для снятія съ него оковъ и для объявленія, что онъ сего дня долженъ умереть. Не много спустя позвалъ онъ насъ. Вошедъ въ темницу, увидѣли мы *Сократа*, безъ оковъ лежащаго на постелѣ. *Ксантиппа*, ты знаешь ее, сидѣ-

ла подлѣ его въ горестномъ молчаніи, держа на колѣняхъ дымя свое; какъ скоро увидѣла насъ, то произнесла великой вопль. *Ахъ Сократъ! друзья твои видятъ тебя въ послѣдній разъ, и ты болѣе ихъ не увидишь.* При сихъ словахъ залилась она слезами. Сократъ обратившись къ Критону, сказалъ: *мой другъ! пели стщести ее домой.*

Критонъ и служители повели ее вонъ; а она произносила великой вопль, и била себя въ груди. Мы же стояли, какъ нѣмые. Наконецъ Сократъ сѣлъ на постѣль, и попирая бывшую въ оковахъ ногу, сказалъ: *Друзья мои! сколь странна кажется мнѣ вещь сія, которую обыкновенно называютъ пріятностію! Сколь она удивительна! Съ перваго взгляда кажется, что чувствованіе сіе совсѣмъ прошивное непріятности; ибо ничто не можеть быть чело-вѣку пріятно, и въ поже самое время непріятно; однакожъ не можно имѣть одного изъ двухъ чувствованій сихъ, не чувствуя вскорѣ попомъ и другаго; кажется будто концы ихъ между собою связаны. Ежели бы примѣшилъ сіе Есопъ, то можеть быть сочинилъ бы онъ слѣдующую басню: „Боги, желали соединить спорющія между собою чувствованія; но какъ сдѣлать сего было имъ не возможно, то свя-зали они концы оныхъ; и съ того времени, слѣдуютъ онъ безпрестанно, одно за дру-гимъ.„ Я теперь оное испыталъ. Оковы причиняли мнѣ болѣзнь, а по опнытіи оныхъ воспослѣдовало чувствованіе пріятное.*

Хорошо, что ты вспомнилъ мнѣ *Сократъ*, сказалъ *Кепитъ*, перебивъ его рѣчь. Говоряшъ, что ты бывъ въ шемницѣ, упражнялся во стихотворствѣ, но ешь преложилъ въ стихи *Есопопы васни*, и сочинилъ одинъ *Имнѣ* въ честь *Аполлона*. Многіе, а особливо Стихотворецъ *Епенъ*, спрашиваютъ меня, что бы тебя къ сему побудило; ибо ты никогда вредъ симъ въ Стихотворствѣ не упражнялся. Скажи мнѣ, что я имѣ ошвѣлспвовашь долженъ, ежели объ ономъ спрашивать будущъ? *Епенъ* конечно не преминешъ спросить.

Скажи ему сухую правду, любезный *Кепитъ*, продолжалъ *Сократъ*, что я писалъ стихи не въ шомъ намѣреніи, чшобъ его превзойти во стихотворствѣ; ибо я знаю, сколь прудно сіе предпріятіе: но единспвенно слѣдуя сновидѣнію, которому намѣрился я во всемъ повиноваться: почему и въ семъ родѣ Музыки, желалъ испытать силы свои. Я извѣсно тебѣ сіе. Въ прошедшія времена, очень часто снился мнѣ одинъ сонъ: оный казался мнѣ въ различныхъ видахъ, но всегда приказывалъ одно: *Сократъ, прилагайся къ Музыкѣ, и упражняйся пѣ оной*. По сіе время, приказаніе сіе почивалъ я не за иное что, какъ за одобреніе, которое чиняшъ бѣгающимъ въ запуски; сонъ сей, думалъ я, не приказываетъ ничего новаго: ибо наисовершеннѣйшая Музыка ешь *Философія*, къ которой я всегда прилѣжалъ; слѣдспвенно, хочешъ онъ возбудить мою любовь и ревность къ мудрости, чшобы оныя не проспыхли. Но какъ ужѣ при-

приговоръ мой былъ сдѣланъ, и *Аполлонопо* празднество смерть мою на нѣсколько времени удалило, тогда впало мнѣ въ мысль, не въ обыкновенной ли Музыкѣ вѣдно упражняюсь; почему имѣя довольно свободнаго времени, и не хотѣлъ я мысль сію безплодную оставить. Я началъ Похвальною Пѣснью въ честь Бога, котораго празднество тогда отправлялось. Послѣмъ вздумалъ я, что кпо хочеть бышь Писмомъ, шомъ долженъ писашь выдумки, а не разсужденія; Похвальные же Пѣсни никакихъ выдумокъ въ себѣ не заключающъ. Но какъ я самъ дара къ выдумкамъ не имѣю, то воспользовался выдумками другихъ, и преложилъ въ списки нѣсколько *Есоподыхъ басень*, первыя, которыя мнѣ попались. — Вотъ, любезный *Кепитъ*, что ты можешь сказать *Епену*; не забудь припомъ ему ошъ меня поклониться; ежели онъ мужъ мудрый, то конечно скоро мнѣ послѣдуешъ. Что до меня принадлежишь, то кажешся по всему, что я по приказанію *Авинянь*, еще сего же дня, въ путь мой отправляюсь.

И ты желаешь сего *Епену*? сказалъ *Симмій*. Я его знаю очень коронко, и сколько о немъ судить могу, то конечно не будетъ онъ благодарить за желаніе швое. — Какъ! перебилъ его рѣчь *Сократъ*: развѣ *Епенъ* не Философъ? — Я почишаю его Философомъ, ошвѣчалъ *Симмій*. — Когда то шакъ, продолжалъ *Сократъ*, то онъ и всѣ шѣ, которые заслужили имя сіе, съ охотою послѣдовашь мнѣ будутъ; я не говорю, чтообъ онъ самъ себя

себя убилъ: всякому извѣстно, что дѣло сіе не позволено. — Говоря сіе, спустилъ онъ обѣ ноги свои съ постѣли, чпобѣ въ семъ положеніи продолжаясь разговоръ свой. Чпозжѣ сіе значилъ, *Сократъ*? спросилъ *Кепитъ*; ты говоришь, что не позволено убивать себя, однакожъ всякой Философъ долженъ съ охотою слѣдовать умирающему?

Какъ, *Кепитъ*! отвѣчалъ *Сократъ*: ты и *Симмій* слушали ученіе *Филолая* Философа; развѣ никогда онъ сего вамъ не сказывалъ? — Ничего, любезный *Сократъ* — Хорошо же: я очень много слышалъ о дѣлѣ семъ, и для того съ охотою вамъ оное сообщу. Мнѣ кажется, что желающій путешествовать, долженъ стараться узнать состояніе той земли, куда онъ ѣхать намѣренъ, дабы имѣть обѣ одной доброе понятіе; и такъ разговоръ сей согласуется съ шеперешнимъ состояніемъ моимъ; а сверхъ сего я не думаю, чпобѣ сего дня до захожденія солнца, могли мы предпринять чтонибудь сего важнѣе. — Чѣмъ можно доказать; спросилъ *Кепитъ*, чпо самоубійство есть дѣло непозволенное? Хотя *Филолай* и другіе учили очень часто говорили, чпо сіе не позволено, но ничего однакожъ болѣе никшо изъ нихъ о семъ мнѣ не сказалъ. — Очень хорошо: посмотримъ, не найдемъ ли мы чего болѣе. Какъ ты думаешь, *Кепитъ*? Я утверждаю, чпо самоубійство во всѣхъ возможныхъ случаяхъ не позволено. Намъ извѣстно, чпо есть люди, коимъ бы лучше было умереть, нежели жить. Можешь бышь

Часть I. Г пока-

покажешся тебѣ весьма странно, что свящоспъ
обычаеѣ запрещаетъ несчастнымъ дѣлать
себѣ добро, но повелѣваетъ ожидать онаго отъ
благодѣтельной руки другаго. — Одинъ Юпи-
теръ можетъ сіе исполковать, ошвѣчалъ Ке-
питъ, улыбаяся.

Со всѣмъ тѣмъ однакожъ опровергнушь
сіе видимое несогласіе не великаго труда спод-
ишь. Хотя то, что въ Таинствахъ сказыва-
ютъ, будто человеки распавлены на землѣ
сей на подобіе часовыхъ, и слѣдственно не
позволяются имъ оставлять свои мѣста, пока
ихъ не смѣнятъ; хотя, говорю я, сіе и не
безъ основанія: но не легко понять можно;
однакожъ я имѣю такіа доказательства, ко-
торыя очень не трудны. Я дѣлаю, что слѣ-
дующее правило неоспоримо; и слѣдовательно
не требуетъ доказательства: Боги (или те-
перь могу я сказать Богъ: ибо здѣсь никого
нѣтъ, кто бы намъ опасенъ былъ) *Богъ
есть нашъ Владыка, а мы его достояніе,
и проидѣніе его старается о нашемъ благѣ.*
Ясны ли предложенія сіи?

Очень ясны, ошвѣчалъ ему *Кепитъ*. —
Такой невольникъ, который находится у до-
браго господина, достоинъ наказанія, ежели
онъ провинился намѣреніямъ онаго. Неправда
ли? — Безъ сомнѣнія. — Ежели невольникъ
сей пишетъ хотя малую искру справедливо-
сти въ сердцѣ своемъ, то съ радостію дол-
женъ онъ исполнять желанія господина своего,
тѣмъ наипаче, ежели онъ увѣренъ, что всѣ
сіи желанія единственно клонящя къ соб-
ствен-

спвенному благу его. — Очень хорошо, любезный *Сократъ*.

Но какъ же, *Кепитъ*? Когда Безначальный Архипекторъ сошворилъ споль хипро соспавленное человѣческое шѣло, и вложилъ въ оное разумное существо, по какія имѣлъ онъ при томъ намѣренія, благія или злыя? — Безъ сомнѣнія благія.

Ежелибъ онъ съ волею человѣка совокупилъ намѣренія злыя, по въ такомъ случаѣ долженъ бы онъ былъ измѣнить существу своему, по еспь безконечной благоспи. Но чтожъ бы ты сказалъ о такомъ Богѣ, копорый измѣнилъ бы существу своему?

Любезный *Сократъ*! я бы почелъ сего Бога вымышленнымъ, копорому легковѣрной народъ приписуемъ различные виды. Я помню доказательсва швои, копорыми ты, при нѣкопоромъ случаѣ, опровергнулъ порочное заблужденіе сіе.

Томъ же Богъ, любезный *Кепитъ*, копорый сошворилъ шѣло, даровалъ ему и силы, его укрѣпляющія, содержащія и охраняющія опъ безвременнаго уничтоженія. Не должно ли бы и силамъ симъ преблагія намѣренія предчисать? Можемъ ли мы какія другія предспавить? Слѣдспвенно, какъ вѣрноподданные, обязаны мы должностъ сію почищать свято, дабы чрезъ по допусшишь созрѣшь намѣреніямъ нашего Владыки, и не упопреляшь насилія въ печеніи оныхъ; но наипаче спарашься, чтобъ всѣ наши дѣйспвія согласовались съ оными. Для шого-по я и сказалъ, любезный

Кепитъ, что Философія естъ наисовершеннѣйшая Музыка; ибо она научаетъ насъ, чтобъ мы, сколько намъ возможно, согласовали мысли наши и поспупки съ намѣреніями Всевышняго. Ежели Музыка естъ такая наука, копорая учипъ согласовашъ слабое съ сильнымъ, грубое съ нѣжнымъ, и непріятное съ пріятнымъ: по конечно никакая Музыка не можетъ уподобиться Философіи, учащей насъ, не только мысли наши и дѣйствія между собою, но и дѣйствія конечнаго съ намѣреніями безконечнаго, и мысли жителей земли сей, съ мыслями всевѣдущаго, согласовашъ и приводить въ спройство, преисполненное чудесъ. — Ахъ *Кепитъ*, кто же такъ дерзокъ изъ смертныхъ, копорый бы осмѣлился разрушить сіе восхищающее согласіе?

Таковой смертный, любезный *Сократъ*, достоинъ ненависти боговъ и человекѣвъ.

Скажи же мнѣ, любезный другъ! Сіи естественныя силы, не суть ли служебники Божества и исполнили его повелѣній? — Конечно.

Слѣдовательно они суть вѣрнѣйшіе провозвѣстники воли и намѣреній Божества, нежели внушенности приносимыхъ жерствъ. Ибо конецъ, къ копорому клонятся сотворенныя Всевышнимъ силы наши, безъ сомнѣнія естъ не что иное, какъ повелѣніе онаго. Не правдали? — Кто можетъ сему противорѣчить?

И такъ сколь долго помянушыя провозвѣстники насъ увѣдомляютъ, что сохраненіе жизни нашей принадлежитъ къ намѣреніямъ Бога.

га, споль долго и мы обязаны согласовать поспупки наши съ волею его, не имѣя ни малѣйшаго права, чинить сопротивленіе силамъ укрѣпляющимъ естество наше, или служителямъ Всемудраго во исполненіи должностей ихъ препящивовавъ. Обязательство сіе продолжается до того времени, какъ Всевышній, чрезъ шѣхъ же самихъ провозвѣспниковъ, со-благоволишь намъ обѣявить именно, чпобъ мы жизнь сію оставили, подобно какъ я сего дня такое повелѣніе получилъ.

Я совершенно увѣренъ, сказалъ *Кепитъ*. Однакожъ шѣмъ менѣе понимаю сіе. Любезный *Сократъ*! какъ ты предъ симъ сказаешь могъ, чпо каждый Философъ долженъ желать слѣдоваешь умирающему? Ежели утверждаемое побою правда, чпо мы есмы Божіе достояніе, и чпо онъ печется о благѣ нашемъ: по помянутое предложеніе кажется мнѣ бышь не разсудительнымъ. Какъ? Не долженъ ли каждый разумный человекъ соболѣзноваешь, ежели онъ принужденъ оставишь службу такого благодѣтельнаго Господа, копорой всѣми силами печется о благѣ его? Хошя бы онъ и надѣяшься могъ получишь свободу чрезъ смерть свою, и сдѣлашься собственнымъ своимъ господиномъ: по какъ же бессмысленный младенецъ ласкашься можешь, чпо онъ счастливѣе будетъ подъ собственнымъ своимъ управленіемъ, нежели подъ присмотромъ премудрѣйшаго Воспитателя? Напротивъ я считаю за великое безуміе, ежели кто упорствуюя, спараешся получишь свободу, и не хочешь надъ собою пер-

пѣшь преблаженнаго Гóспода. Разумный чело-
вѣкъ, съ радостію подвергаетъ себя призрѣ-
нію другаго, ежели почитаетъ его за разум-
нѣйшаго предъ собою. И такъ я дѣлаю за-
ключеніе совсѣмъ швоему прошивное, и гово-
рю, что мудрый умирая долженъ болѣзно-
вашь, а безумный радовашься.

Сократъ слушалъ его съ великимъ внима-
ніемъ, и казалось, что веселился оспроуміемъ
его. Пошóмъ обратившись къ намъ сказалъ:
кто хочешь спорить прошивъ *Кепита*, шотъ
будетъ имѣшь довольно много шруда.

Однакожъ, любезный *Сократъ*, сказалъ
Симмій, мнѣ кажется, что сей разъ спра-
ведливосшь на сторонѣ *Кепита*. И въ самомъ
дѣлѣ, что можетъ побудить разумнаго чело-
вѣка, чтобы онъ безъ сожалѣнія лишился
призрѣнія премудрѣйшаго Надзирашеля? Еже-
ли я, любезный *Сократъ*, не ошибаюсь, то
всѣ *Кепитопы* доказашельства клоняшья един-
швенно прошивъ шеперешняго поведенія шво-
его. Ибо не шолько шы насъ, копорыхъ смершь
швоя такъ огорчаетъ, спокойно и съ ошопою
оспавляешь, но лишаешь призрѣнія и попе-
ченія шакого Владыки, копораго шы самъ на-
училъ насъ почиташь, за премудрѣйшее и все-
блажайшее Сущешво.

Мнѣ кажется, сказалъ *Сократъ*, что вы
меня обвиняете; и такъ мнѣ должно оправ-
дашься надлежащимъ образомъ.

И конечно, сказалъ *Симмій*.

Хорошо, продолжалъ *Сократъ*; я поста-
раюсь, чтобы сія оправдашельная рѣчь моя,
была

была нѣсколько лучше той, которую говорилъ я предъ моими судьями.

Послушайте, *Симмій* и ты *Кепитъ*. Ежелибъ я въ помѣ мѣспѣ, куда я теперь схожу, не надѣялся 1) быть подѣ призраніемъ того же блажайшаго надзирашеля, 2) не обрѣсть душъ умершихъ, коихъ сообщество или обхожденіе гораздо превосходнѣе здѣшняго: но конечно презирашь смерть самопроизвольно и бросаешься въ объятія оныя, былобъ дѣло безумное. Но я имѣю наилучшійшую надежду, что ни первое ни второе отъ меня опнишо не будетъ. Признаюсь, что послѣдняго изъ двухъ сихъ съ почностію не утверждаю; что же принадлежитъ до того, что Божіе попеченіе и шамъ надо мною проспирашья будетъ: то сіе, любезные друзья, утверждаю съ такимъ вѣрояніемъ и съ такою надеждою, съ каковыми еще ничего и никогда во всю мою жизнь не утверждалъ. И для того что не огорчаетъ меня кончина моя: ибо я знаю, что не все еще кончается со смертію нашею; за смертію слѣдуетъ другая жизнь, но еще такая, которая, слѣдуя древнимъ преданіямъ, гораздо блаженнѣе для добродѣтельныхъ, нежели для порочныхъ.

Ахъ! дражайшій *Сократъ*, сказалъ *Симмій*, перебивъ рѣчь его: ты хочешь взять съ собою сладостное утѣшеніе сіе, заключающееся во внутренности сѣрдца швоего? По справедливости долженъ ты высочайшее благо сіе удѣлить друзьямъ швоимъ; когда ты увѣришь

насъ во мнѣніи своемъ, по самымъ пѣмъ и оправдаешся.

Я поспараюсь, сказалъ *Сократъ*; однакожь пускай напередъ говоришь *Критонъ*: мнѣ кажешся, что онъ уже давно нѣчто говоришь хочешь.

Я? я ничего не намѣренъ говоришь, любезный другъ, отвѣчалъ *Критонъ*. Но сей человекъ, долженъ спвующій тебѣ принести ядъ, не даешь мнѣ покоя, и велишь тебя просить, чтобъ ты не такъ много говоришь. Онъ сказываетъ, что ты разгорячишься, отъ чего пише оное не будетъ имѣшь надлежащаго дѣйства; такимъ образомъ часно долженъ онъ былъ дѣлать второе, а иногда и прешее пише, ежели не воздерживающся отъ разговоровъ.

Пускай идетъ онъ съ Богомъ, сказалъ *Сократъ*, и исправляетъ должностъ свою. Онъ можетъ приготопить вторичное или прешичное пише, ежели думаетъ имѣшь въ томъ нужду. Я уже ожидалъ отвѣща сего, сказалъ *Критонъ*; однакожь человекъ сей не будетъ доволенъ симъ отвѣпомъ. Охъ! оспавъ ево, сказалъ *Сократъ*; я долженъ шеперь дать опчешъ судіямъ моимъ, для чего человекъ, который соспарѣлся въ любви ко Премудрости, при послѣднемъ концѣ своемъ долженъ бышь веселаго духа, ожидая по смерти своей наивѣличайшаго блаженства. Какими же доказательствами я сіе ушверждаю, поспараюсь вамъ, любезные *Симмій* и *Кепитъ*, объяснить.

Не многимъ извѣстно, друзья мои! что въ самомъ дѣлѣ предавшіеся любви ко Премудро-

дроспи, всю жизнь свою употребляюшъ только на то, чпобъ познашь смерть, и научишься умирать. Ежели сіе правда, то какое же бы было неразумительное дѣло, во всю свою жизнь всѣ желанія и всѣ спаранія клонить къ одному концу; достигнувши же столь давно желаемого конца, огорчаться.

Симмій засмѣявшись вскричалъ: божусь тебѣ *Юпитеромъ*; я принужденъ смѣяться, хотя и очень мало склонности къ тому имѣю: что ты теперь говоришь, то народу покажется не столь странно, какъ ты думаешь; особливо здѣшней народъ можетъ тебѣ сказать, что онъ знаетъ, сколь охотно Философы желаютъ смерти, и для того способствуютъ тебѣ достигнуть желанія своего.

Я на всю съобою, *Симмій*, согласенъ: но чпобъ оное было извѣстно народу, на сіе никогда не соглашуся. Онъ не знаетъ той смерти, которую Философы столь жадно желаютъ, и не вѣдаетъ, по колику они оную заслуживаютъ. Но что мнѣ до народа? Я говорю теперь съ моими друзьями.

Ужè ли смерть есть чтонибудь такое, чего не можно исполковать?

Для чего нѣтъ, отвѣчалъ *Симмій*.

Смерть сія не иное что, какъ отдѣленіе души отъ тѣла. Не то ли называется умереть, когда душа тѣло, а тѣло душу взаимно такимъ образомъ осваятъ, что ужè никакого сообщенія между собою не имѣютъ, но каждая изъ нихъ и спавается особо? Не можешь ли ты яснѣе исполковать, что смертію называютъ?

НѣшѢ, Любезный *Сократъ*.

Подумай, любезный другъ! сходны ли мысли твои съ моими? Какъ тебѣ кажется, прилѣпился ли любитель истинной Премудрости, къ такъ называемому сластолюбію, и будешь ли онъ спарашься о дорогихъ напичкахъ, или о богатомъ сполѣ?

Всево менѣе, отвѣчалъ *Симмій*.

Предастъ ли онъ себя любви?

Споль же мало.

Въ разсужденіи же прочихъ тѣлесныхъ спокойствъ, на примѣръ, во одеждѣ, будешь ли онъ наблюдать пышность и богатство, или токмо удовольствуешься необходимымъ, а излишнее презришь?

Безъ чего токмо обойшися можно, отвѣчалъ *Симмій*, о томъ никогда Мудрый не печется. Но не можно ли сказать вообще, продолжалъ *Сократъ*, что Философъ спарашься отъ всѣхъ излишнихъ попеченій о тѣлѣ своемъ освободиться, дабы тѣмъ удобнѣе углубляясь въ познаніяхъ о душѣ своей?

Конечно.

И такъ не опличаешься ли онъ ужè и симъ отъ прочихъ людей, что не допускаешь тѣлеснымъ попеченіямъ овладѣть собою, но наипаче опучаетъ душу свою отъ всякаго сообщенія съ тѣломъ?

Такъ кажется.

Ахъ, *Симмій*! большая часть людей тебѣ скажутъ, что тотъ не достоинъ быть на свѣтѣ, который не хочетъ наслаждаться жизнью своею. По ихъ мнѣнію, тотъ желаетъ смер-

смерти, копорый прошивиися плоскимъ хотѣніямъ, и отъ всякаго сласполюбія воздерживаешся.

Самая правда, любезный *Сократъ*.

Я продолжаю далѣе. Тѣло наше не мѣшаетъ ли часно любящимъ Философію въ размышленіяхъ ихъ; и могутъ ли они надѣяшся нарочитаго успѣха въ Философіи, ежели не научашся преодолѣвашъ плоскіе предмѣты? — Я изъяснюсь. — Чинимыя зрѣнію и слуху нашему, различными предмѣтами, впечатленія не суть еще истинны, но токмо причины чувствованій; ибо, чшобы сдѣлашся шакowymi, надлежитъ, чшобы разумъ выводилъ оныя изъ предмѣтовъ. Не правда ли?

Безъ сомнѣнія.

Но и тогда, какъ они суть простыя чувствованія, не должно на нихъ полагашся съ основаніемъ. Справедливо изреченіе нѣкопорыхъ Спихопворцевъ, чшо чувства насъ обманывающъ, и чшо онѣ ничего ясно не понимаютъ. Все, чшо мы видимъ, или слышимъ, преисполнено безпорядкомъ и шемношою: но когда ужè симъ обоимъ чувствамъ не можемъ мы приписать ясныи, то о прочихъ чувствахъ, копорыя гораздо сихъ шемнѣе, и думаемъ не чего.

Конечно такъ.

Но чшо же должна душа наша дѣлать, ежели хочетъ постигнушь истинну? Мы видимъ, чшо ежели она полагается на чувства, шо бываетъ обмануша.

Справедливо.

Слѣдовательно, надлежитъ ей размышлять, рассуждать, заключаешь и находишь, дабы симъ образомъ проникнуть въ существо вещей, по елику по возможно.

Такъ.

Но когда же можно свободнѣе размышлять? Я думаю въ то время, когда мы, такъ сказать, сами себя не чувствуемъ, и когда намъ ни зрѣніе, ни слухъ, ни пріятныя или непріятныя чувствованія не напоминаютъ о бытіи нашемъ. Тогда - по душа наша не внимаетъ шѣлу, и поелику по можно, оспавляетъ съ нимъ сообщеніе, дабы, собравъ всѣ силы свои, шѣмъ удобнѣе могла разсмащривать не чувствованія, но существо вещей, не впечатленія въ шомъ видѣ, въ какомъ мы получаемъ ихъ, но единственнo шѣ истинны, которыя они заключающъ.

Справедливо.

Вотъ еще случай, гдѣ душа должна убѣгать шѣла, и сколько по можно, спарашься его удалять.

Всеконечно такъ.

Но чтобъ еще болѣе объяснить: Всевышнее Совершенство есть ли одна мысль, неимѣющая внѣшняго предмѣта, или подлинное существо, внѣ насъ бытіе свое имѣющее? — Конечно подлинное, безграничное и внѣ насъ пребывающее, которому бытіе, любезный *Сократъ*, преимущественно предъ другими приписать должно.

А Всевышняя Благодать, и Всевышняя Премудрость, не суть ли и сіи, чтонибудь существующія?

Ко-

Конечно такъ: онъ сунъ нераздѣлимья свойства Всесовершеннѣйшаго Существова, безъ коихъ и бытъ они не могутъ.

Но кпоже научишь насъ познавать Существо сие? Видали ли мы его когда глазами нашими?

Конечно нѣтъ.

Равнымъ образомъ, не слыхали и не осязали; никогда и никакое внѣшнее чувство не представляло намъ Премудрости, Благости, Совершенства, Красоты, Силы мыслишь, и проч: однакожъ мы знаемъ, что всѣ онѣ существующи въ самой вещи, да и въ вычочайшемъ степенн. Можешъ ли кпо изъяснишь намъ, коимъ образомъ получаемъ мы сн понятія?

Единый гласъ *Юпитера*, сказалъ *Симмий*, дражайшій *Сократъ*: я впорично на него пошлюся.

Какъ? Друзья мои! ежелибъ мы услышали, что кпо-шо въ другой комнатѣ играетъ очень хорошо на флейшѣ, не побѣжалиль бы мы всѣ шуда, чпобъ узнать того, кпо такъ слухъ нашъ забавляетъ.

Можешъ бытъ не въ сей часъ, отвѣчалъ *Симмий* улыбаясь: ибо мы шеперь слышимъ преизящнѣйшую музыку.

Ежели мы разсмащриваемъ картину, продолжалъ *Сократъ*, то всегда стараемся узнать мащпера, написавшаго оную. Но когда же въ насъ самихъ ещъ такое совершеннѣйшее изображение, какое шолько божескія и человѣческія глаза когда нибудъ видали; изображение всевышняго Совершенства, Благости, Прему-

дроспи, Красоты и проч: то для чего не стараемся, узнать живописца, начертавшего оныя?

Я теперь вспомнилъ, сказалъ *Кепитъ*, прервавъ рѣчь его, что я когда-то слышалъ отъ *Филолая* изъясненіе, сходственное разговору сему.

Любезный *Кепитъ*! сказалъ *Сократъ*, не хочешь ли ты мнѣніе блаженнаго *Филолая* сообщить друзьямъ твоимъ?

Съ радостію, отвѣчалъ *Кепитъ*, ежели друзья мои не хотятъ охотнѣе слышать изъясненія *Сократа*. — *Филолай* сказывалъ, что всѣ понятія, кои имѣетъ душа наша о вещахъ нешѣлесныхъ, получила она не отъ внѣшнихъ чувствъ, но сама отъ себя, примѣчая собственныя свои дѣйствія, и чрезъ то научилась, познавать существо и качества свои. — Чтобъ представить сіе яснѣе, то часто присовокуплялъ онъ къ сему слѣдующую баснь: „Займемъ у *Омира*, говаривалъ онъ, „ двѣ тѣ бочки, копорыя спояшъ въ прихожей „ у *Юпитера*; но припомъ испросимъ позволеніе, чтобъ не наполняемъ оныя счастьемъ или „ несчастіемъ, но споящую на правой сторонѣ „ истиннымъ существомъ, а споящую на лѣ- „ вой, недоспашками и безпорядкомъ. — Какъ „ скоро Всемогущество *Юпитера* намѣрено со- „ ворить какой нибудь духъ, то почерпаетъ „ изъ обѣихъ бочекъ сихъ, проспираетъ зорь „ свой на вѣчную судьбу, и по расположенію ея, „ шворитъ смѣшеніе существа и недоспашковъ,

„ которое и соспавляетъ въ себѣ совершенное
 „ основаніе будущаго духа. Для того-то и на-
 „ ходимъ мы между всѣми душевными сущест-
 „ вами удивленія доспойное сходство; ибо всѣ
 „ онѣ почерпнуты изъ однѣхъ бочекъ, а разли-
 „ чающся только смѣшеніемъ. Слѣдственно,
 „ ежели душа наша, которая почно также не
 „ чпо иное есть, какъ такое же смѣшеніе су-
 „ щества и недоспашковъ, начнетъ сама себя
 „ разсматривать: то получитъ понятіе о су-
 „ ществѣ духовъ и предѣлахъ ихъ, о могуще-
 „ ствѣ и безсиліи, о совершенствѣ и недоспа-
 „ шкѣ, о разумѣ, мудрости, силѣ, намѣре-
 „ ніи, красотѣ, правосудіи, и о множествѣ дру-
 „ гихъ вещей безшѣлесныхъ, о коихъ внѣшнія
 „ чувства наши оставили насъ навсегда во глу-
 „ боцаишемъ невѣжествѣ „.

Какъ это хорошо! сказалъ *Сократъ*. Ахъ
 любезный *Кепитъ*! ты владѣлъ такимъ сокро-
 вищемъ, а не хотѣлъ мнѣ показати онаго до
 смерти моей. Постараемся же разсмотрѣть,
 коимъ образомъ можемъ мы, наслаждаться
 онымъ до смерти нашей. *Филолай* говаривалъ
 такъ: душа разсматривая саму себя, по-
 знаетъ и другіе духи подобные ей. Не такъли?

Такъ почно.

Разсматривая собственныя свои способности,
 получаетъ она понятіе о вещахъ нешѣ-
 лесныхъ, и чпобъ удобнѣе различитъ оныя,
 то каждой даетъ особливое имя?

Конечно такъ.

А ежели захочетъ она думать о существѣ
 ее превосходящемъ, на примѣръ, о *Демонѣ*:

по откуда получаешь она понятія, къ оному принадлежащія?

Кепитъ молчалъ, а *Сократъ* продолжалъ далѣе. Ежели я не ошибаюсь, по мнѣніе *Филолая* есть слѣдующее: хотя душа никогда не можетъ представить себѣ совершенно о существѣ, оную превосходящемъ, или о способностяхъ совершеннѣйшихъ, нежели шѣ, которыя она сама имѣетъ; однакожъ она совершенно можетъ себѣ представить возможность такой вещи, которой принадлежитъ болѣе сущесва, нежели недоснашковъ, по еспь, копорая болѣе совершенна, нежели она сама: или не инаковоль полковалъ сіе *Филолай*?

Нѣтъ.

И о всевысочайшемъ Сущесствѣ, о всевысочайшемъ Совершенствѣ имѣетъ она также не болѣе, какъ сей блескъ, воображенія. Она не можетъ представить себѣ сущесва его во всемъ его проспранствѣ; (*) однакожъ разсуждая о сущес-

(*) Нѣкоторые философы хотятъ насъ уничтожить споймъ разсужденіемъ, будто мы ничего не знаемъ о Богѣ, что онъ есть, а пѣдаемъ токмо то, что онъ не есть; и не примѣтнымъ образомъ пыподятъ такое заключеніе, что намъ о Богѣ и о свойствахъ его ни малѣйшаго не извѣстно. Признаться надлежитъ, что мы отъ истиннаго понятія о какой вещи отстоимъ еще гораздо далеко, ежели только знаемъ, что она того или сего имѣть не можетъ. Но сколь часто, притомъ же и съ основаніемъ примѣчено, что мы все-

существомъ своемъ, по, что находимъ въ немъ справедливаго, благаго и совершеннаго, опредѣляемъ въ мысляхъ своихъ оныя недоспашковъ, съ коими они смѣшаны; и симъ образомъ постигаемъ она такую вещь, которая соспоитъ покломъ изъ существа Справедливости, Благости и Совершенства. — *Аполлодоръ*, который по сие время повпорялъ пихо слова *Сократопы*, пришелъ здѣсь въ такое восхищеніе, что вскричалъ: *которая состоитъ изъ единого существа, изъ единой истинны, изъ единого сопершенства.*

Часть I.

Д

Со

сопершеннѣйшему Существу отрицаемъ одни недостатки и ограниченность; и что сей родъ отрицанія радняется со утвержденіемъ. Если мы иногда качества Бога изъясняемъ отрицательно, то надлежитъ сие приписать началу мыслей нашихъ о Богѣ, которое происходитъ отъ отрицанія собственныхъ нашихъ слабостей и недостатковъ. На примѣръ, слово непремѣнность есть отрицаніе несопершенства, пѣ самомъ же дѣлѣ есть оно понятіемъ утвердительноымъ, а сие и есть все тоже; а что мы сие понятіе изъясняемъ отрицательнымъ образомъ, причиною тому, что понятіе оное получили мы, отрицая премѣнность пѣ насъ самихъ находящуюся. И слѣдственно пѣ разсужденій семъ, пышепомянутае предложение не оснопательно: ибо мысли наши о Богѣ не означаютъ того, чего онъ не имѣетъ, но то, что онъ имѣетъ. Если же предложениемъ симъ хотятъ показать, что мы утвердительноымъ качествъ Божіихъ не цидали,

Сократъ же продолжалъ далѣе : видите , друзья мои ! сказалъ онъ , сколь прилѣжно любящіе премудрость удаляться должны отъ чувствъ и отъ предмѣловъ ихъ , ежели желаютъ познать всевышнее и совершеннѣйшее Существо , въ которомъ познаніи сѣспоимъ блаженство истинное ? Упражняющейся въ такихъ размышленіяхъ долженъ , зашворить глаза свои и уши , удалитъ отъ себя плоскія пріятности , и , ежелибъ по было возможно , совершенно забыть о шѣлѣ своемъ , дабы шѣмъ удобнѣе могъ онъ себя опредѣлить на душевныя свои мысли , и внушенія оныхъ дѣйствія .

При

и не имѣли обѣ нихъ никакого самими нами чувствуемаго представленія : то на сіе соглашаюся , заключивъ тѣ слѣдствія , кои иной бы захотѣлъ пыести изъ сего по себѣ невиннаго предложенія . Малое понятіе , которое мы имѣемъ о Богѣ , не теряетъ чрезъ сіе ни правды ни истинны , ни силы ни упѣренности споей . Хотя мы и не можемъ сами чувствовать безконечнаго Божія совершенства ; однакожъ разсмотрѣвъ внутренно сами себя , научились познавать основаніе совершенства сего , которое съ сопокупленнымъ отдѣленіемъ недостатковъ и границъ , дѣлаетъ намъ множество правилъ и заключеній совершенно истинными . Заундерзонъ не чувствовалъ никогда спѣту , однако же общее сходство зрѣнія съ прочими чувствами учинило возможнымъ , что онъ чрезъ слово получилъ нѣкоторое понятіе о Лучахъ , и на сихъ правилахъ основанная Теорія Оптики , которую изъяснялъ онъ слушателямъ своимъ , не менѣе была основательна .

При такихъ размышленіяхъ шѣло не только бесполезной, но и пягоспной поваришь разуму своему: ибо здѣсь ищетъ онѣ не краски и не величины, не голоса и не движенія; но такое существо, которое всѣ возможные цвѣшны, величины, тоны, движенія, и, что еще болѣе, всѣ возможные духи наияснѣйшимъ образомъ себѣ предспавляетъ, и во всѣхъ возможныхъ порядкахъ самѣ произвеспъ можеспъ. Какой же бесполезной шоваришь въ пущи семѣ шѣло наше?

Сколь высокія, но припомѣ сколь справедливыя мысли! вскричалъ *Симмій*.

Испинные Философы, сказалъ *Сократъ*, размышляющіе о правилахъ сихъ, не могутъ имѣть другаго мнѣнія, какъ слѣдующее: они говорятъ одинѣ другому: Смощри! здѣсь ложная дорога, которая отъ часу далѣе ведетъ насъ отъ цѣли нашей, и всю надежду нашу дѣлаеспъ шщепною. Мы увѣрены, что познаніе испинны еспъ единспвенное желаніе наше. Однакожѣ сколь долго мы здѣсь на земли связаны съ шѣломъ; сколь долго душа заражена земною язвою: споль долго не возможно ласкаться намѣ, успѣть совершенно въ желаніи нашемъ. Намѣ надлежитъ искасть испинну. Но ахъ! Тѣло наше не даетъ намѣ свободнаго времени къ важному предпріятію сему. Сего дня къ содержанію онаго пошребно все спараніе наше; заупра заразишся оно болѣзнями, копорыя паки намѣ въ желаніи нашемъ препяшспвуютъ; помомѣ слѣдуютъ прочія плоскія забощы, любовь, спрахъ, хощѣнія, желанія,

лания, пустыя мысли и глупости, копорыя безпреспанно насъ занимающъ, манящъ насъ отъ одной суешы къ другой; и такимъ образомъ испинной предмѣстъ желанія нашего, шо еспь, премудрость, остаеца шщешнымъ,

Кшо между человѣками производитъ брань, возмушенія, ссоры и несогласія? Кшо же другой, какъ не шѣло наше, и его ненасыщныя желанія? Ибо всѣхъ безпокойствъ испочникъ еспь сребролюбіе; и ежелибъ душа не должна была спарашься о жадныхъ желаніяхъ шѣла нашего, шо конечнобъ никогда, и никакого богашства не пожелаала. Такимъ образомъ всегда мы находимся во упражненіи, и рѣдко имѣемъ свободное время ко премудрости. Наконецъ получа свободное время, гошовимся обнящъ испинну; но шѣло, сей блаженства нашего нарушитель, паки предспанетъ въ души нашемъ, и вмѣсто испинны предлагаетъ намъ шѣни свои. Чувства, прошивъ воли нашей, предспавляютъ намъ обманчивые свои виды, и наполняютъ душу заблужденіемъ, темношою, лѣноспію и безумствомъ. Какъ же можетъ она, находясь въ шакомъ безпорядкѣ, искащъ и посшигнущъ испинну? Никакъ невозможно! И пакъ должны мы ожидащъ блаженныхъ минушъ сихъ, въ копорыя находясь со внѣ и внутри въ покоѣ, бываемъ споль счастливы, чшо совершенно забываемъ шѣло наше, и можемъ разсмащриващъ испинну душевными очами. Но сколь же рѣдки, и сколь крашки блаженцыя сіи минушы! —

Теперь ясно видимъ, что мы не прежде можемъ достигнуть цѣли нашей, по еспь, премудрости, какъ по смерти нашей; сколь же долго живемъ, по никакой надежды къ оному не имѣемъ. Ибо ежели душа наша находясь въ плѣтѣ не можетъ истинну познашь ясно, по должны мы полагашь одно изъ двухъ: или мы никогда оную не познаемъ; или познаемъ ее по смерти нашей, ибо тогда плѣло ославляетъ душу, и такъ, чаятельно, въ достиженіи премудрости будешь она менѣе имѣшь препятствія. Но ежели мы и въ сей жизни желаемъ изготовиться ко блаженному познанию оному, по надлежитъ намъ не болѣе позволяшь плѣлу нашему, какъ чего необходимость пребудетъ; воздерживаешь отъ желаній и хотѣній его, и, сколько возможно, чаще упражняешь въ размышленіяхъ, доколѣ Всевышній не соизволишь освободить насъ. Тогда-по освободясь отъ размышленій плѣсныхъ, можемъ мы надѣяться, взираешь на источникъ истинны, всевышнее и совершеннѣйшее Существо, ясными и здоровыми чувствами; и можемъ увидѣшь, что и другіе купно съ нами будешь наслаждаешь блаженствомъ симъ. Вотъ, любезный *Симмій!* разговоры прямо любящихъ истинну, когда они рассуждаютъ о соспоянніи своемъ; мнѣ кажется, что они такимъ образомъ мыслишь должны; или ты думаешь иначе?

И я швоего же мнѣнія, любезный *Сократъ!*

Слѣдственно, ежели мнѣніе сіе справедливо, каждый сего дня за мною слѣдующій долженъ имѣть высочайшую надежду, что въ помѣ мѣспѣ, куда мы придемъ, гораздо скорѣе получимъ то, чего мы во всю нашу жизнь поль щещно желали.

Безъ сомнѣнія!

И такъ и сего дня отправляюся въ путь мой съ доброю надеждою, купно со мной и всякъ любящій истинну, ежели онѣ помыслишѣ, что не очиспившимъ и не приготовившимъ себя не дозволено приступать къ шайнствамъ премудрости.

Противъ сего не можно спорить, сказалъ *Симмій*.

Но сіе очищеніе есть не что иное, какъ удаленіе внѣшнихъ чувствъ отъ души, и всегдашнее упражненіе въ размышленіи о существѣ и качествахъ души нашей, удаляя отъ нее все не принадлежащее къ ней; однимъ словомъ, стараніе, какъ въ здѣшней, такъ и въ будущей жизни, освободить душу отъ шѣла нашего, дабы шѣмъ удобнѣ могла она себя разсмапривать, и достигнуть познанія истинны.

Безъ сомнѣнія.

Отдѣленіе шѣла отъ души называется смертію.

Конечно.

И такъ истинные любители премудрости употребляютъ всѣ возможные старанія, чтобы, сколько можно, приближиться смерти, и научиться умирать. Не правда ли?

Кажется такъ.

Но не было ли бы сіе неразумительно , ежели бы человекъ спарающійся во всю свою жизнь научился умирать , ежели бы такой человекъ , говорю я , при приближеніи смерти огорчался? Не было ли бы сіе доспойно посмѣяннѣ я? Безспорно .

И такъ , любезный *Симмій* , смерть не можетъ никогда истинному Философу казаться спрашною , напрошивъ всегда долженъ онъ ей радоваться . Товарищество съ шѣломъ онягощающъ ихъ при всѣхъ возможныхъ случаяхъ ; ибо , поелику они желаютъ достигнуть предмета бытія своего , по шоліку должны они спараться различить душу свою отъ шѣла , дабы , такъ сказать , всѣ свои силы собрать въ одно мѣсто . Но сіе разлученіе , сіе споль давно желаемое освобожденіе души отъ шѣла , есть смерть . Какое же безуміе , препенать и болѣзновать , видя ее приближающуюся ! Съ радостію и удовольствіемъ должно намъ опправляться въ такую путь , чрезъ которую надѣмся мы прийти въ обьянія любви нашей , по есть премудрости , и избавимся шягоснаго сотоварища , причинившаго намъ шоліко горестей . Какъ ? Просые и незнающіе люди , у которыхъ смерть пожрала любовницъ ихъ , женъ или дѣшей , въ горести своей ничего съ такою жадностію не желаютъ ; какъ оставитъ свѣтъ сей , и соединимся съ предметомъ ихъ любви и желанія . А сіи , по есть , Философы , которые увѣрены , что нигдѣ любовь свою въ такомъ сіяніи не увидятъ , сіи преисполнены ужаса ? Сіи препенутъ , и безъ

радости опсправляюща вѣ пущь сей? — Ахъ, любезный другъ! нѣтъ ничего безумнѣе такого Философа, который боится смерти.

Какъ сіе прекрасно, вскричалъ *Симмій*!

Трепещъ и боязнь при приближеніи смерти не суть ли знаки, что такой человекъ любилъ не премудрость, но тѣло свое, богатство, честь, или все прикупѣ.

Безъ сомнѣнія.

Кому приличествуетъ болѣе добродѣтель, называемая мужество; не Философамъ ли?

Никому болѣе.

А умѣренность, сію добродѣтель, состоящую въ привычкѣ обуздывать желанія свои, и быть благонравну и оспроумну въ поспупкахъ своихъ, не должно ли искасть, преимущественно предъ прочими, у презирающихъ тѣло свое и прилѣпляющихся къ единой Философіи?

Неопмѣнно.

Мужествожъ и умѣренность прочихъ людей покажутся тебѣ безуміемъ, ежели ты разсмотришь оныя съ примѣчаніемъ.

Почему, любезный *Сократъ*?

Ты вѣдаешь, продолжалъ онъ, что большая часть людей почипающъ смерть за великое зло.

Это правда.

Слѣдственно, ежели такъ называемые храбрые и мужественные люди умирающъ съ неустрашимостію, то сіе чинятъ они, убѣгая зла еще большаго.

Не инако.

Слѣдственно все мужеспвенные люди, исключая Философа, бывающъ не успрашимы ошъ спраха. Неуспрашимость же, происходящая ошъ спраха, не прошивна ли совсѣмъ разсудку? Безспорно.

То же самое и съ умѣренностию. Ошъ неумѣренности бывающъ они умѣренны и воздержны. Можешъ бышь покажется сіе невозможнымъ; однакожъ почно такова безразсудная умѣренность сія. Они воздерживающъ ошъ нѣкопрыхъ сласполобій, дабы шѣмъ покойнѣе наслаждашья другими, копрыхъ они болѣе желаютъ. Они для того надъ первыми господствующъ, чшобъ раболѣпствовашъ симъ послѣднимъ. Спроси ихъ; они безъ сомнѣнія шѣбъ скажутъ, чшо опдашь себя во власшь желаній своихъ, есть неумѣренность; но и сами они чрезъ то покмо получили власшь надъ нѣкопрыхъ желаніями, чшо опдались въ невольничесство другимъ еще порочнѣйшимъ. Не можно ли же сіе назвашъ бышь воздержну чрезъ неумѣренность?

Кажешъ такъ.

Ахъ! дражайшій *Симмій*! мѣняшь сласполобие на сласполобие, болѣзнь на болѣзнь, страхъ на спрахъ; подобно какъ размѣнивашъ большую монету на большее число мѣлкихъ! Нѣшъ: эшо конечно не пушь ко истинной добродѣтели; одна шолько есть справедливая монета, за копорую всю опдашь должно, то есть премудрость. Имѣя оную, получишь все добродѣтели, храбрость, умѣренность и правосудіе. Однимъ словомъ, премудрость есть ис-

почникъ добродѣтели, власти надъ желаніями, надъ пороками и надъ всѣми спрасями; безъ премудрости не можно ничего получитьъ, кромѣ что промѣняешь спраси на одинъ пустой видъ добродѣтели, раболѣпствующей пороку, и ничего здраваго или истиннаго въ себѣ не имѣющей. Истинная добродѣтель есть исправленіе нравовъ, очищеніе сѣрдца, а не премѣненіе однихъ желаній на другія. Правосудіе, умѣренность, мужество, мудрость не суть мѣна одного порока съ другимъ. Предковъ нашихъ, которые установили *Телеты* или празднества совершеннаго примиренія, безъ сомнѣнія за мудрыхъ людей почишаъ должно: ибо чрезъ сію загадку хотѣли они даъ знаютъ, что кто не примирившись, или не освятивъ себя, оставитъ свѣтъ сей, тотъ будетъ жестокайше наказанъ; а очистившейся и примирившейся, по смерти своей, съ Богами обиташъ будетъ. Исправляющіе таинства сего празднества обыкновенно говорятъ: *много носящихъ Тирсита или Вакха, но мало прохнопенныхъ*. По моему мнѣнію, чрезъ *прохнопенныхъ* разумѣютъ они шѣхъ, кои посвятили себя истинной премудрости. Я во всю мою жизнь ничего не щадилъ, но напрошивъ употреблялъ всевозможное раченіе, чшобъ сдѣлаться такимъ *прохнопеннымъ*; были ли старанія мои тщетны, или колько я успѣлъ въ намѣреніи своемъ, о семъ я обстоятельно узнаю въ томъ мѣстѣ, куды я, когда Богу угодно, приду скоро. —

Вопѣ мое оправданіе, *Симмій* и ты *Кепитъ*! Вопѣ для чего безѣ горести я оставляю наилучшихъ своихъ друзей, и споль мало препену, видя приближающуюся смерть. Хотя проспые люди тому и не вѣрятъ; однакожѣ я надѣюсь найти памѣ лучшихъ друзей, и лучшую жизнь, нежели шѣ, которыхъ я здѣсь оставляю.

Ежели шеперешнее оправданіе мое принято вами лучше, нежели говоренная мною предѣ судьями рѣчь, то я совершенно доволенѣ.

Сократъ окончалѣ рѣчь свою, а *Кепитъ* началѣ говорить: эшо правда, любезный *Сократъ*, ты совершенно оправдался; однакожѣ утверждаемое побою о душѣ многимѣ покажешся невѣрояшно: ибо они думаютѣ обыкновенно, что душа оставивѣ шѣло, уже нигдѣ болѣе не находится, но шопѣ же часѣ послѣ смерти челоѣка пропадаетѣ и уничтожается; и что она на подобіе паровѣ или тонкаго дыму, выходитѣ изѣ шѣла, и подымается на воздухѣ, гдѣ пропадаетѣ, и такимѣ образомѣ совсѣмѣ кончаетѣ бытіе свое. Ежелибѣ возможно было доказать, что душа можетѣ существовать сама собою, не имѣя нужды, сопряженною бытъ сѣ шѣломѣ, то надежда, которою ты ласкаешся, имѣла бы не малую вѣроятность. Ибо какѣ скоро можетѣ бытъ лучшее состояніе по смерти нашей; по всякій добродѣтельный челоѣкѣ долженѣ сѣ основаніемѣ надѣяться, что онѣ вѣ самомѣ дѣлѣ будетѣ имѣть лучшую участь. Однакожѣ и единую возможность, что души послѣ смерти думаютѣ, что они

имѣюшъ волю и разсужденіе, единое сіе, съ шрудомъ, говорю я, поняшь можно; и пакъ, любезный *Сократъ*! сіе пребуешъ еще доказательства.

Ты справедливо говоришь, *Кепитъ*! отвѣчалъ *Сократъ*. Но что же дѣлать? Не поснарапъся ли намъ, изыскашь на сіе доказательства?

Я имѣю великое желаніе, отвѣчалъ *Кепитъ*, узнать о семъ миѣніе швое.

По крайней мѣрѣ, продолжалъ *Сократъ*, ежелибъ кто услышалъ разговоръ нашъ, хотя бы онъ былъ писатель комедій, то и шотъ бы не могъ мнѣ попрекнушь, что забавляюся бреднями, копорыя ни пользы ни важности въ себѣ не имѣюшъ. Напрошивъ, предпринимаемое нами разсужденіе такой ешъ важности, что каждый стихотворецъ прежде приступленія къ разсужденію оному позволишь намъ призвашь на помощь копорое нибудь Божество. — Онъ замолчалъ, и сидѣлъ углубленъ въ мысляхъ; попомъ началъ говорить: Однако же, друзья мои! я думаю, что достойнѣйшее молишвоприношеніе единому Божеству, могущему насъ покровишелствовашь, ешъ исканіе истинны чистымъ сердцемъ. И пакъ приступимъ къ намѣренію нашему.

Смершь, любезный *Кепитъ*, ешъ не что иное, какъ еспешвенная перемѣна соспоянія челошческаго. Поспараемся же разсмопрѣшь, какимъ образомъ происходишь перемѣна сія, какъ въ шѣлѣ челошческомъ, пакъ и въ душѣ его. Не пакъ ли?

Надлежитъ намъ во первыхъ разыскашь вообще, что такое естественная переменна, и какимъ образомъ природа производитъ переменны свои, не только что въ разсужденіи челоука, но и въ разсужденіи звѣрей, произрастеній и вещей неодушевленныхъ? Мнѣ кажется, что такимъ способомъ приблизимся мы къ нашему намѣренію.

Способъ сей кажется мнѣ удачливымъ, сказалъ *Кепитъ*, и такъ во первыхъ надлежитъ намъ сдѣлать изъясненіе, что такое есть переменна.

Я думаю, опивчалъ *Сократъ*, мы говоримъ, что вещь переменилась, ежели изъ двухъ противоположныхъ, и ей принадлежащихъ предопредѣленій, одно пресшаешь, а другое начинаешь имѣшь наспоющее бытіе свое. На примѣръ: хорошо и дурно, правосудно и неправосудно, благо и зло, день и ночь, сонъ и бдѣніе, не суть ли противоположныя опредѣленія, которыя могутъ бышь въ одной и самой тойже вещи.

Конечно.

Ежели завянешъ роза, и поперяешь прекрасный образъ свой, не говоримъ ли мы тогда, что она переменилась?

Конечно.

А ежели неправосудный челоукъ пожелаетъ переменить образъ житія своего, то не долженъ ли онъ принять противоположное и сдѣлаться правосуднымъ?

Какъ же иначе?

Такимъ же образомъ, ежели въ чемъ нибудь произошла переменна, то неопимѣнно на-

длежитъ, чпобы предъ симъ прошивное оной было. Такимъ образомъ бываешъ день послѣ ночи, а ночь послѣ дня; вещь спановишся хорошею, великою, тяжелою, казисною, и пакъ далѣе, бывъ предъ симъ гадкою, малою, легкою и неказисною. Не пакъ ли?

Такъ дѣйствительнаго.

И пакъ перемѣна вообще естъ не чшо иное, какъ послѣдованіе противоположныхъ назначеній, одного за другимъ, копорыя въ одной и въ самой тойже вещи возможны. Оспанемся ли мы при семъ изъясненіи? Кажешся, чшо *Кепитъ* еще не рѣшился?

Самая малость, любезный мой *Сократъ*, слово *протиположно* приводитъ меня въ нѣкопорое сомнѣніе. Мнѣ кажешся невѣрояшно, чпобы два совершенно одно другому противоположныя соспоянія, могли слѣдовать одно за другимъ непосредственно.

Справедливо, опвѣчалъ *Сократъ*. Мы видимъ, чшо природа во всѣхъ перемѣнахъ своихъ находитъ среднее соспояніе, копорое, пакъ сказать, служитъ ей переходомъ отъ одного соспоянія къ другому противоположному; на примѣрѣ, за днемъ слѣдуешъ ночь посредствомъ сумерекъ, за ночью же слѣдуешъ день посредствомъ упренней зари. Не правда ли?

Конечно.

Природа дѣлаешъ большое малымъ посредствомъ нечувствительнаго умаленія, а малое большимъ чрезъ приращеніе.

Справедливо.

Хотя мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходамъ симъ и никакихъ именъ не даемъ; однакожъ не можно сомнѣваться, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ не существовали, ежели каждое состояніе непременно должно слѣдовать проивоположенному ему: ибо не должно ли, чѣмъ переменны, которыя должны быть естественны, производились силами въ томъ же естествѣ находящимися?

Безъ того какимъ образомъ были бы онѣ естественными?

Но оныя начальныя силы находящіяся въ безпрестанномъ дѣйствіи и въ безпрестанной живости; ибо ежели бы онѣ хотя на одну минуту престаили дѣйствовать, то уже бы ихъ ничто, кромѣ всемогущества, къ дѣйствію пакъ возбудишь не могло. Но то, что всемогущество сдѣлать можетъ, не назовемъ ли мы природою?

Какъ возможно? Сказалъ *Кепитъ*.

Въ томъ, любезный другъ, что теперь производящія естественныя силы, работали онѣ уже искони: ибо онѣ праздными никогда не были, но покуда дѣйствіе оныхъ мало по малу спало бытъ видимо; на примѣръ, сила естества, переменяющая денное время, и теперь работаетъ, чѣмъ привести на оризонѣ ночь, а она пущь свой ведетъ чрезъ полдень и вечеръ; сіи же сущь переходы онѣ рожденія дня до смерти его.

Справедливо.

Во время сна, жизненныя силы работающія къ будущему бдѣнію, равно какъ во время бдѣнія приговоряющія онѣ сонъ.

Безъ

Безспорно.

Однимъ словомъ, ежели какое нисестъ состоянїе должно слѣдовать за противоположнымъ ему, какъ сіе при всѣхъ естественныхъ чинихся переменнахъ: тогда безпрестанно дѣйствующія естества силы, напередъ ужè надъ сею переменною работаютъ, и, такъ сказать, въ предвидущемъ состоянїи сѣютъ сѣмена ко произведенію будущаго. Не слѣдуетъ ли жѣ изъ сего, что природа должна проходить чрезъ всѣ средственныя состоянїя, ежели намѣрена произвести состоянїе противное первому?

Безъ сомнѣнїя.

Помысли о семъ хорошенько, любезный другъ, чпобы послѣ не быль въ сомнѣнїи, и не думашь, что ты много со мною согласился. Ко всякой естественной переменѣ потребны при вещи: предвидущее состоянїе, которое переменитъ должно; состоянїе слѣдующее за онымъ, которое противоположно первому; наконецъ переходы, или состоянїя, находящїяся между первыми двумя, которыя, такъ сказать, очищаютъ путь естеству отъ одного состоянїя къ другому. Согласенъ ли ты со мною?

Конечно, вскричалъ *Кепитъ*, конечно. Я не понимаю, какъ можно сомнѣваться въ истиннѣ сей.

Посмотримъ, сказалъ *Сократъ*, покажется ли тебѣ и слѣдующее также справедливо. Я думаю, что *все то, что премѣнно, не можетъ пребыть непремѣнно ни единого мнѣнїя ока*; но что время безпрестанное имѣяще

печеніе, и непрерывно опсылая будущее ко прошедшему, превращаетъ и все, что премѣнно, и каждое мгновеніе ока показываеиъ его въ новомъ видѣ. Не одного ли пы со мною миѣнія, любезный *Кепитъ*?

По крайней мѣрѣ оно кажется миѣ върояпно.

Я же думаю, что оно неоспоримо: ибо все премѣнное, ежели оно естъ имѣющее дѣйствіе и не одно только понятіе, должно имѣть силу дѣйствовать, и способность къ спраданию. И такъ хотя оно дѣйствуетъ, или спраждаетъ, безъ сомнѣнія инако уже становится, нежели предъ симъ было; и какъ силы естествова никогда въ покоѣ не бывають: то что же можетъ прошивишься спремленію премѣнности въ пуи онаго, хотя на малое мгновеніе ока?

Теперь я прямо удостоверяю.

Сіе нимало справедливости не противно, когда нѣкоторыя вещи кажутся намъ нѣскольکو времени бытъ непремѣнными: ибо хотя пламя кажется намъ безпрестанно поже; однакожъ оно естъ не что иное, какъ пылающее печеніе изъ горящаго тѣла, безпрестанно воздымающееся, и дѣлающееся наконецъ невидимымъ. Цвѣты иногда кажутся бытъ глазамъ нашимъ непремѣнны; но однакожъ солнечныя лучи безпрестанно одни другихъ перемѣняють. Когда же мы изыскиваемъ истину, то о вещахъ должны разсуждать по существу ихъ, а не по обманчивымъ представляющимся намъ видамъ.

Божусь *Юпитеромъ*! сказалъ *Кепитъ*: сія испинна опкрываетъ намъ не менѣе новыя, какъ и восхитительныя виды въ природѣ вещей. Друзья мои! продолжалъ онъ обратившись къ намъ: отношеніе сего ученія къ еспе-спзу нашея души, кажется миѣ, обѣщаваетъ наиважнѣйшія слѣдствія.

Прежде, нежели приступлю къ разыска-нію сего, сказалъ *Сократъ*, оспается миѣ еще одно предложеніе сдѣлать. Мы согласились, что *премѣняющееся* не можетъ быть непре-мѣннымъ ни на единое мгновеніе ока; но по-елику прошедшее время становится старѣе, по толику возрастаетъ и цѣпь связанныхъ однѣхъ съ другими перемѣнъ, которыя во вре-мя сіе происходили. Помысли же теперь, *Кепитъ*! какимъ порядкомъ текутъ мгновенія времени одно за другимъ, прерывающимся или непрерывающимся?

Я не понимаю, сказалъ *Кепитъ*, что ты чрезъ сіе сказать хочешь.

Мнѣніе мое обѣясню я тебѣ примѣрами. Намъ кажется, что вся поверхность пихой воды течетъ безостановочно, такъ сказать, единымъ шѣломъ, и что каждая водяная ча-стица имѣетъ съ окружающими ее общія гра-ницы; напротивъ же того въ песчаномъ при-го-кѣ, состоящемъ изъ множества песчинокъ, каждая песчинка кажется имѣетъ особія пре-дѣлы. Не правда ли?

Эпо я понимаю.

Когда я выговариваю слово *Кепитъ*, не слѣдующъ ли шумъ два слога одинъ за дру-гимъ,

гимбъ, между копорыми никакого шрешьяго не находится?

Такъ!

Слѣдовашельно слово *Кепитъ*, не идетъ въ непрерывающемся порядкѣ, но слоги, изъ копорыхъ оно состоитъ, слѣдуютъ въ прерывающемся связаніи одинъ за другимъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ особыя границы.

Конечно.

Однакожъ въ понятіи, копорое привязываетъ духъ мой ко слову сему, не находяшся ли часши, имѣющія особыя границы?

Я думаю, что нѣтъ.

И справедливо: ибо всѣ часши и означенія сложнаго понятія имѣютъ печеніе свое въ шаккой связи, что никакъ не можно назначить предѣловъ, при копорыхъ бы однѣ окончывались, а другія начинались; почему и составляютъ онѣ непрерывающееся цѣлое; написавъ же шого каждой слогъ имѣетъ определенныя границы; и многіе совокупленные слоги, составляющіе какое нибудь слово, слѣдуютъ одно за другимъ прерывающимся порядкомъ.

Это очень ясно.

И шакъ шеперь спрашиваю я о времени: чему шы его уподобляешь? Выговариваемому ль слову, или понятію? Составляющія его мгновенія, слѣдуютъ ли одно за другимъ въ непрерывающемся или прерывающемся порядкѣ?

Въ непрерывающемся, отвѣчалъ *Кепитъ*.

И конечно шакъ, сказалъ *Симмій*; ибо видъ чрезъ послѣдованіе нашихъ понятій по-

знаемъ мы время; и такъ какимъ же образомъ бышь можешь, чшобъ свойство слѣдствія не было одинако во времени и въ понятияхъ?

По этому, продолжалъ *Сократъ*, часши времени слѣдуютъ въ непрерывномъ порядкѣ, и имѣютъ общія границы?

Конечно.

Малѣйшая часшица времени, есть такое слѣдствіе мгновений, и можешь еще въ гораздо меньшія часшицы раздѣлишься, копорыя одинакожъ всегда сохраняютъ въ себѣ всѣ свойства, времени принадлежащія. Не такъ ли?

Кажешь, что такъ.

И такъ нѣтъ двухъ мгновений, копорыябы были одно къ одному самыя ближайшія, по есть, между копорымибы не можно было полагать еще шрешьяго?

Сіе слѣдуетъ изъ утвержденнаго прежде. Движенія, и вообще всѣ перемѣны въ естество происходящія, въ шакомъ же ли порядкѣ идутъ; какъ и время, или нѣтъ?

Въ шакомъ же.

И такъ онѣ слѣдуютъ одна за другою въ непрерывающейся связи, подобно какъ и время?

Точно такъ.

Слѣдственно не можно себѣ предсавить двухъ сосшояній, копорыя былибы между собою самыя ближайшія, по есть, между копорымибы не находилось еще шрешьяго.

Такъ, кажешь.

Безъ сомнѣнія: чувствамъ нашимъ кажешь, будшо перемѣны вещей происходятъ съ разшановкою; ибо сіи перемѣны примѣчаютъ онѣ

не

не прежде, какъ уже по нѣкоторомъ чувствительномъ прошеченіи времени; однакожь природа не преспааетъ нимало, пушемъ своимъ шествовать, и вещи перемѣняешъ по тихоньку и въ непрерывающемся слѣдствіи. Малѣйшая сего слѣдствія часница естъ сама слѣдствіемъ премѣнѣ; и какъ бы кто ни старался, всевозможно шѣснѣ соединить два состоянія, однакожь всегда останешся между ними переходъ, совокупающей ихъ, и который, такъ сказать, показываетъ природѣ путь отъ одного ко другому.

Я совершенно, сказалъ *Кепитъ*, все сіе понимаю.

Друзья мои! вскричалъ *Сократъ*, теперь по время приближись къ намѣренію нашему. Мы собрали основанія, защищающія вѣчность нашу, и я предвозвѣщаю себѣ совершенную побѣду. Но послѣдую обыкновенію полководцевъ, не осмотримъ ли еще прежде вступленія въ бой, силы наши, дабы шѣмъ надежнѣе познашь ихъ крѣпость и слабость?

Аполлодоръ просилъ, что бы повпорить вкратцѣ всѣ прежде приведенные доводы.

Положенія, сказалъ *Сократъ*, о истиннѣ которыхъ мы болѣе уже не сомнѣваемся, суть слѣдующія:

I.) Ко всякой естественной перемѣнѣ, потребны три вещи: 1) Окончаніе состоянія перемѣняющейся вещи, 2) Состояніе, заступающее мѣсто предъидущаго, и 3) Среднія состоянія, или переходы, дабы перемѣна не чинилась вдругъ, но мало по малу.

II.) Чпо премѣнно, шо не можешъ ни на единое мгновеніе ока оставашься непремѣннымъ.

III.) Слѣдствіе времени идешъ непрерывающимся порядкомъ, такъ чпо нѣшъ двухъ мгновеній, копорыя былибъ одно ко другому самыя ближайшія.

IV.) Слѣдствіе премѣнъ подобно слѣдствію времени, и равномѣрно идешъ въ шакомъ же непрерывающемся порядкѣ, и въ шакой же связи, такъ чпо не можно привести двухъ состояній, коибъ между собою самыя ближайшія были, или между копорымибъ не находилось какого перехода. Вишь мы о сихъ пунктахъ во всемъ согласны?

Конечно согласны, сказалъ *Кешитъ*.

Жизнь и смерть, любезный *Кешитъ*, суть состоянія противоположныя. Не правда ли?

Безъ сомнѣнія.

А умираешь, не ешь ли переходъ отъ жизни ко смерти?

Конечно.

Сія великая перемѣна, чаятельно, касаеться равно до души и до тѣла: ибо въ жизни сей оба сіи существа въ тѣснѣйшемъ союзѣ.

По всему такъ кажется.

Чпо дѣлается съ тѣломъ по семъ важномъ произшествіи, сіе можемъ познашь изъ опытовъ: ибо все величину имѣющее можно осязать чувствами; но какъ, гдѣ, и чпо будетъ душа по сей жизни, сіе постигается однимъ разумомъ; понеже душа, посредствомъ смерти, теряетъ способность, бышь подтвержена чувствамъ нашимъ.

Безъ

Безъ сомнѣнія.

Не разберемъ ли мы напередъ, дражайшій мой, *пидимое* во всѣхъ премѣнахъ его, а попомъ, ежели по можно, *непидимое* сравняемъ съ *пидимымъ*?

Мнѣ кажется, что это наилучшей способъ, отвѣчалъ *Кепитъ*.

Въ тѣлѣ всякаго живошнаго, любезный *Кепитъ*! безпреспанно происходитъ, что однѣ частицы умираютъ, а другія соспавляются вмѣстѣ, и что сіе клонится по къ сохраненію, по къ разрушенію живошной машины. При самомъ, шакъ сказаши, рожденіи живошнаго, зачинаютъ ужè смерть и жизнь между собою боротся.

Сіе видимъ изъ ежедневныхъ опытовъ.

Какъ называемъ мы по соспояніе, спросилъ *Сократъ*, въ копоромъ всѣ чинящіяся въ наслаждающейся жизни махинѣ перемѣны, клонящіяся болѣе къ сохраненію, нежели къ разрушенію тѣла? Не называемъ ли мы оное здравіемъ?

Конечно.

Напрощивъ же, перемѣны клонящіяся къ разрушенію великой машины сей, умножаются болѣзнями или спаросшію, копорую назваши можно естешвенною болѣзнію.

Конечно.

Разрушеніе сіе чинится непримѣтнымъ образомъ мало по малу. Наконецъ рушится зданіе сіе, и распадается на самыя малѣйшія частицы. Но что же тогда чинится? Переспаютъ ли частицы сіи перемѣняеяся? Пере

спаютъ ли онѣ дѣйствовать и страдать, или онѣ совсѣмъ уничтожаются?

Я не думаю, сказалъ *Кепитъ*.

Этому конечно бытъ не можно, продолжалъ *Сократъ*, ежели по испинно, въ чемъ мы уже согласились: ибо естъ ли какая середина между бытіемъ и небытіемъ?

Никакой.

Слѣдственно, бытіе и небытіе супъ два состоянія, слѣдующія одно за другимъ непосредственно, и одно другому ближайшія: но мы видѣли, что природа не можетъ произвести такихъ перемѣнъ, которыя бы чинились вдругъ и безъ переходовъ. Памянуешь ли ты сіе предложеніе?

Очень помню, отвѣчалъ *Кепитъ*.

И такъ природа не можетъ произвести ни бытія ни уничтоженія.

Конечно не можетъ!

И такъ при разрушеніи шѣла ничто не пропадаетъ; разпавшіяся части продолжаютъ существовать, дѣйствовать, страдать, составлять и раздѣляться, до того времени, какъ чрезъ безконечные переходы, превращаясь онѣ въ части другаго составленнаго шѣла. Иное будетъ пылью, иное сыростию, одно подымется въ воздухъ, другое входитъ въ произрастѣніе, а изъ произрастѣнія входитъ въ живое, ославяжъ звѣря служивъ пищею червяку. Не сходно ли сіе съ опытами?

Совершенно, любезный *Сократъ*, отвѣчали *Кепитъ* и *Симмій* въ одно время.

И пакъ мы видимъ, друзья мои! что природа не такъ раздѣлила жизнь опъ смерти въ разсужденіи шѣла, какъ по чувства наши показываютъ. Онѣ суть члены непрерывающей-ся связи перемѣнъ, постепенными переходами наибъснѣйше между собою соединенные. Нѣтъ такой минушы, въ которой бы по спрогоспи сказать можно было: *Теперь животное умираетъ*, равнобрно также сказать не можно: *теперь оно заболѣло*, или *теперь оно выздоровѣло*. Безъ сомнѣнія перемѣны сіи должны чувствамъ нашимъ казаться какъ раздѣленными: ибо мы не прежде ихъ примѣчаемъ, какъ по нѣкоторомъ времени; но довольно мы знаемъ, что онѣ въ самой вещи раздѣлены бытъ не могутъ.

Мнѣ пришелъ теперь въ мысль одинъ примѣръ, который объяснишь предложеніе сіе. Очи наши ограниченныя на нѣкоторое пространство земли, различаютъ ясно утро, полдень, вечеръ и полночь. И намъ кажется, будто сіи времена отдѣлены онѣ прочихъ. Но ежели кто разсмаприваетъ весь земный шаръ вообще, то совершенно познаетъ, что переходы дня и ночи находятся въ шѣснѣйшемъ между собою союзѣ; и слѣдственно, нѣтъ такого мгновенія ока, которое не былобъ, въ самое одно время, и утромъ, и вечеромъ, и полднемъ и полночью.

Омиру, какъ стихотворцу, позволяется раздѣлитьъ дѣла божговъ своихъ на четыре дневныя времени, какъ будтобъ такому Существу, которое не ограничено на малую часъ земнаго ша-

ра. Дневныя времена казались въ самомъ дѣлѣ раздѣленными эпохами, и каждая минута не была въ одно время и днемъ и ночью. Спихопворцамъ позволяется приниматьъ подобіе за самую истинну; но слѣдуя справедливости, *Апроръ* надлежалобъ своими розовыми перспами безпреспанно небесныя враша держатъ опверзными, и желшую епанчу переносить съ одного мѣста на другое; равнымъ образомъ, какъ и боги, ежели они хотяшѣ спать шолько ночью, должны или спать безпреспанно, или никогда не спать. — Разсуждая вообще шакимъ же образомъ, не можно ризличить и дней въ недѣлѣ; ибо неразрывное и одно съ другимъ связанное не можно раздѣлить на часши, какъ шокмо въ одномъ воображеніи, или нашими обманчивыми чувспвами; напрошивъ разумъ научаетъ насъ, не оспанавливаться шамъ, гдѣ нѣшѣ дѣйствительнаго опдѣленія. Ясно ли сіе, друзья мои?

Очень ясно, отвѣчалъ *Симмій*.

Тоже самое примѣчается при жизни и смерти живошныхъ и произрастѣній. Въ слѣдствіи перемѣнъ, кошорыя какая нибудь вещь прешерпѣла, шогда шокмо, по разсужденію чувствъ нашихъ, начинается эпоха, когда оная вещь дѣйствительно предшавляется чувспвамъ нашимъ произрастѣніемъ, или живошнымъ; а сіе и называемъ мы восхожденіемъ произрастѣнія, и рожденіемъ живошнаго. Вшорую эпоху, шо есть шу, когда движенія произрастѣній или живошныхъ опвлекаются опъ чувствъ нашихъ, называемъ мы смертью; а шрешіе, когда

когда наконецъ образъ живописнаго или произрастѣнія исчезаетъ, и становится невидимымъ, называемъ разрушеніемъ живописнаго или произрастѣнія. Но въ природѣ, всѣ сіи перемѣны суть членами неразрывной цѣпи, суть поспешенно производящими разверсіями и затвореніями самой вещи, копорая безчисленными видами закрывается и раскрывается. Не имѣете ли о семъ какогонибудь сомнѣнія?

Ни малѣйшаго, отвѣчалъ *Кепитъ*.

Когда мы скажемъ, продолжалъ *Сократъ*, что душа умираетъ, то должно намъ положить одно изъ двухъ: или всѣ ея силы, способности, и всѣ дѣйствія и спраданія, перестаютъ вдругъ, и она, такъ сказать, во мгновеніе ока исчезаетъ; или подобно шѣлу претерпѣваетъ многія поспешенно слѣдующія превращенія, безчисленные преобразованія, непрерывающимся порядкомъ происходящія; а въ семъ, такъ сказать, печеніи бываетъ такая эпоха, въ копорой она не дѣлается уже болѣе душою человѣка, но претворяется въ нѣчто другое, подобно какъ и шѣло, по безчисленнымъ перемѣнамъ, претаетъ бышь шѣломъ человѣка, но превращается въ пыль, воздухъ, произрастѣнія, или въ части другаго живописнаго. Есть ли же еще шрешій случай, какъ душа умираетъ, такой, говорю, случай, копорой бы инако назывался, нежели *другъ* или *мало по малу*!

Нѣтъ, отвѣчалъ *Кепитъ*. Раздѣленіе сіе совсѣмъ разрушаетъ возможность.

Хорошо, сказалъ Сократъ. И такъ сомнѣвающіеся, не можешь ли душа быть смертною, пускай выбираютъ одно изъ двухъ: хотѣли ли они, чѣмобъ она умирала вдругъ; или, чѣмобъ она мало по малу кончала бытіе свое. Любезный Кецитъ! не примешь ли ты на себя заслупишь ихъ мѣсто, и сдѣлаешь выборъ сей?

Но надобно вѣдать, отвѣчалъ Кецитъ, будутъ ли они довольны мнѣніемъ повѣреннаго ихъ? Не лучше ли разсмотримъ намъ оба сіи обстоятельство; ибо ежели не будутъ они довольны и оспануся при своемъ мнѣніи, то можешь уже заврѣ не будешь такого человека, который бы могъ опровергнуть ихъ мнѣніе.

Любезный Кецитъ! отвѣчалъ Сократъ: Греція есть проспанное государство, да и между варварами конечно много такихъ найдется, которые сердечно ищутъ имѣть о семъ познаніе. — И такъ постараемся оба сіи обстоятельство разсмотримъ. Первое изъ оныхъ есть слѣдующее: *можетъ быть душа погибаетъ вдругъ, и исчезаетъ въ одно мгновение ока.* Сей образъ смерти въ себѣ и по себѣ есть возможенъ. Но можешь ли онъ произведенъ быть природою?

Никакимъ образомъ: ежели по испинно, въ чемъ мы всѣ предъ симъ согласились, чѣм природа не можешь произвеси никакого униженія.

Да и не имѣли ли мы права, на оное согласишься, спросилъ Сократъ? Между бытіемъ и небытіемъ находишься такая ужасная пропасть, чрезъ которую безпрестанно

постепенно дѣйствующая вещьми природа, никакъ перескочить не можеть.

Совершенная правда, сказалъ *Кепитъ*; но ежели уничтожится она сверхъестественною силою, или Божествомъ, то что ты на сѣ скажешь?

О дражайшій мой! вскричалъ *Сократъ*: колико мы счастливы, колико блаженны, ежели ничего болѣе не спрашимся, кромѣ непосредственной десницы единого Чудотворителя! Мы опасались, что не смертно ли существо души нашея само по себѣ; и опасность сию спараемся опровергнуть основательными разсужденіями; но что, можеть быть, Богъ, всеблагій Творецъ и Хранитель вещей, уничтожитъ ее чрезъ нѣкое чудо? — Ахъ нѣтъ, любезный *Кепитъ*! скорѣе можно опасаться, чтобъ солнце не превратило насъ въ кусокъ льда, нежели ожидать отъ самосуществующей Благости того въ основаніяхъ своихъ злаго поступка, то есть, разрушенія насъ какимъ чудотвореніемъ.

Я не подумалъ, сказалъ *Кепитъ*, чтобъ мое возраженіе было почти богохуленіемъ.

И такъ сей образъ смерти, сказалъ *Сократъ*, то есть, мгновенное уничтоженіе, уже не успрашаетъ насъ болѣе; ибо оно не возможно для природы. Но друзья мои! помыслимъ и о слѣдующемъ. Положимъ, чтобъ оно было возможнымъ, то спрашивается: Когда, и въ которое время должна исчезнуть душа наша? Чаятельно въ то время, когда уже тѣло болѣе не имѣетъ въ ней нужды, тѣсць, во мгновеніе смерти? Ка-

Кажется, что такъ.

Но мы видѣли, что нѣтъ такого мгновенія, когдабъ сказать было можно: *теперь* живошное умираетъ. Разплѣніе живошной махины давно уже начало свое приняло прежде еще, нежели дѣйствія онаго учинились примѣтными; ибо въ живошномъ всегда находящся такія движенія, копорыя сохраненію цѣлаго прошивны; но шокмо онѣ мало по малу умножаются до тѣхъ поръ, какъ уже движенія всѣхъ частей не стануть согласно къ одному концу спремиться, но каждое изъ нихъ имѣть будетъ особую цѣль: и тогда-шо уже машина сія разрушается. Сіе чинишся такъ нечувствительно, и въ такомъ непрерывающемся порядкѣ, что каждое состояніе можно именовать общимъ предѣломъ предвидушаго съ послѣдующимъ, дѣйствіемъ предвидушаго и причиною послѣдующаго. Вишь мы шакже согласились въ этомъ?

Конечно согласились.

И такъ, ежели смерть тѣла должна бытъ шакже и смертію души: шо равномѣрно не можетъ бытъ такого мгновенія окъ, въ которое бы сказать можно было: *теперь* душа исчезаетъ: но подобно, какъ движенія въ частяхъ махины мало по малу ошъ предспавленной имъ цѣли удаляются, и душа шеряетъ силы и внушреннее дѣйствіе свое. Не такъ ли, любезный *Кепитъ!*

Конечно такъ.

Но разсмопри: какой чудной оборотъ прішло разсужденіе наше; оно, подобно спашуѣ

пра.

прадѣда моего *Дедала*, кажется, чрезъ нѣкую внутреннюю пружину, соврашилось со своего прежняго мѣста.

Какъ это?

Мы положили, что пропивники наши онаяются, что душа уничтожается вдругъ, и хотѣли разсмотрѣть, основательнѣ ли сей страхъ ихъ, или нѣтъ. Помощью разбирали мы, въ которое мгновеніе моглабы она уничтожиться; сіе самое разбирапельство привело насъ къ прошивности нашему предположенію, то есть, что душа не вдругъ исчезаетъ, но внутренняя оной сила и дѣйствование уменьшаются мало по малу.

Тѣмъ лучше, отвѣчалъ *Кепитъ*. Символъ полагаемое мнѣніе опровергнулося, такъ сказать, само собою.

И такъ опасается намъ еще разсмотрѣть, не могутъ ли внутреннія силы души мало по малу исчезнуть, подобно какъ части машины одна отъ другой отдѣляются.

Это правда.

Послѣдуемъ же неоплучно за сими вѣрными поварищами, то есть, за душою и шѣломъ, которые и смерть должны имѣть общю, чтобъ увидѣть, гдѣ они наконецъ останавливаются. Сколь долго шѣло пребываетъ здраво, сколь долго большая часть движеній машины клонятся къ сохраненію и къ благосостоянію цѣлаго, сколь долго орудія чувствованій сохраняютъ принадлежащія имъ свойства; сколь долго и душа пребываетъ въ полной силѣ своей, чувствуетъ, мыслитъ, любитъ,

опц.

опвращается, понимаетъ и желаетъ. Не правда ли?

Безспорно.

Тѣло впадаетъ въ болѣзнь. Тогда примѣчается въ машинѣ чувствительное неспроисво движеній ея: ибо многія изъ нихъ уже несогласно спремятся къ сохраненію цѣлаго, но каждое изъ нихъ имѣетъ особенную цѣль, пропивоборствующую прочимъ. Чтожъ тогда дѣлается съ душою?

Опытъ насъ научаетъ, что она тогда ослабѣваетъ, чувствуешь непорядочно, мыслишь ложно, и часто дѣйствуетъ несходно мыслямъ своимъ.

Очень хорошо: я продолжаю. Тѣло умираетъ: по есмь, кажется, что уже все движенія не клонятся болѣе къ жизни и къ сохраненію цѣлаго; однакожъ внутренно могушь бышь еще нѣкоторыя слабыя движенія, доставляющія душѣ нѣкія темныя представленія: и шакъ сила души нѣкопорое время должна шолько надъ оными упражняться. Не шакъ ли?

Всеконечно.

Помомъ слѣдуетъ исполненіе. Часпи, которыя до сего времени имѣли одинъ общій конецъ, и соспавляли одну машину, получающъ шеперь разныя предопредѣленія, и спавнятся разнообразными часпиями совсѣмъ различныхъ машинъ. А душу, любезный *Кешитъ*, гдѣ оставимъ? Машина ея уже разрушилась. Оспавшія отъ оной часпи, уже не принадлежатъ болѣе ей, и не соспавляютъ уже

уже цѣлаго, которое могло бы быть одушевлено. Уже нѣтъ болѣе членовъ чувствъ, уже нѣтъ болѣе орудій осязанія, посредствомъ которыхъ могло бы она имѣть какое чувствованіе. И такъ развѣ все въ ней должно быть пусто? Развѣ исчезли всѣ ея чувствованія и мысли, воображенія, желанія, и опрашенія, склонности и спрашенія, не оставивъ по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ?

Это быль не можеть, сказалъ *Кепитъ*. Ибо сіе было бы не что иное, какъ совершенное уничтоженіе; а мы видѣли, что никакое уничтоженіе не состоить во власи природы.

Чтожь вы думаете? друзья мои! — Душа наша не можеть во вѣки уничтожиться; ибо послѣдній шагъ, сколько ни разширяй оной впередъ, пребудеть всегда такимъ опъ бытія къ ничтожеству скачкомъ, которой ни въ существѣ одной какой вещи, ни въ цѣлой связи основанія имѣть не можеть. И такъ она будеть продолжаться, она будеть существовать вѣчно. Еслижь она существовать будеть, то надлежитъ ей дѣйствовать и спрадать; а когда будеть она дѣйствовать и спрадать, то должно ей имѣть понятія: ибо чувствованья, мысли и желанья суть единыя дѣйствія и спраданія, принадлежащія существу мыслящему. Понятія происходятъ опъ чувствованія чувствъ. Опъ чего же могутъ происходить чувствованія чувствъ, ежели нѣтъ ни орудій, ни членовъ чувствъ?

Мы кажешся, сказалъ *Кепитъ*, что ничего не можеть быль справедливѣе, какъ сіе

слѣдствіе заключеній; однакожъ со всѣмъ шѣмъ ведетъ оно къ явному прошиворѣчію.

Одно изъ двухъ, продолжалъ *Сократъ*; или душа должна бытъ уничтожена, или и по истинѣи шѣла должна она имѣть понятія. Хотя и кажешся, что оба сіи случаи невозможны; однакожъ одинъ изъ нихъ долженъ бытъ неопшѣнно. Постараемсяжъ, не найдемъ ли какого выхода изъ *Лапифиноа* сего? Съ одной стороны духъ нашъ не можетъ естественнымъ образомъ бытъ уничтоженъ. На чемъ же основывается невозможность сія? — Не огорчайшесь, друзья мои! слѣдуя за мною по пути перніемъ исполненномъ: онъ приведетъ насъ въ одну изъ прекраснѣйшихъ странъ, каковыми духъ челоука врядъ ли когда восхищался. Ошвѣтшувуйще мнѣ: не слѣдуетъ ли изъ нашего справедливаго объясненія о силѣ и естественной премѣнѣ, что природа не можетъ никакого произвестъ уничтоженія?

Безъ сомнѣнія.

И пакъ съ сей спорны не можемъ мы никакого надѣяться выходу: должно намъ обратиться. Душа не можетъ исчезнуть, но должна и послѣ смерти существовать, дѣйствовать, спрадать и мыслишь. Здѣсь предстоитъ намъ невозможность, чтообъ душа наша безъ вичашлѣній на чувства могла имѣть понятія; но кто же ошвѣчаетъ намъ за невозможность сію? Не чрезъ опыты ли мы знаемъ, что мы въ здѣшней жизни, безъ вичашлѣній на чувства наши, не можемъ мыслишь?

Не инако.

Но по какому праву хопимъ мы опышность сїю распроспранить и за предѣлы сея жизни, и природу неопимѣнно лишить возможности, чпобы она душѣ нашей подавала мысли, и безѣ сего изѣ членовѣ соспавленнаго шѣла? Какѣ ты думаешь, *Симмій!* не показался ли бы намѣ шакой человекѣ чрезвычайно смѣшнымѣ, копорой бы не выѣзжая никогда изѣ *Аѣинскихѣ* стѣнѣ, захошѣлъ изѣ собспвенныхѣ своихѣ опышовѣ вывеспъ слѣдспвіе, чпо и на всемѣ земномѣ шарѣ день и ночь, лѣпо и зима бывающѣ вѣ одно время, какѣ у насѣ вѣ *Аѣинахѣ*.

Ничего не можетѣ быпъ безразсуднѣе.

Ежелибѣ дшпя могло думать еще во упробѣ мапери своей, могли ли бы его увѣрипъ, чпо онѣ, ошдѣлившись опѣ корня своего, на вольномѣ воздухѣ прїяпнѣйшимѣ свѣпомѣ солнца наслаждапъся будешѣ? Не могло ли бы оно напропивѣ вздумашѣ, изѣ наспоящихѣ его обспояпельспвѣ доказашѣ намѣ невозможность шакого состоянїя?

Кажешся, чпо шакѣ.

А мы слѣпопспвующїе, умнѣе ли мыслимѣ, когда заключены вѣ жизнь сїю, хопимѣ собспвенными опышами доказашѣ шп, чпо природа можетѣ произвеспъ и послѣ сей жизни? — И единый шолько взорѣ на неизчерпаемую многообразность природы, можетѣ удосповѣрипъ насѣ вѣ неосновательности заключенїй нашихѣ. Сколь бы недоспапчна, сколь слаба былабѣ она, еспьлибѣ могущеспво ея не далѣе опышовѣ нашихѣ проспиралось!

Конечно.

И такъ сію опышность можемъ, съ справедливымъ основаніемъ, опвергнушь, проотивуполагая оной совершенную невозможность, чинобъ уничижился духъ нашъ. *Омиръ*, не безъ причины Ирою своему влагаетъ во уста рѣчь сію: *поистиннѣ, и пѣ самыхъ жилищахъ Оркуса душа еще движется, хотя усопшее тѣло туда и не пходитъ.* (*) Поняпія, которыя подаешъ намъ *Омиръ* объ *Оркусѣ* и о спранспвуюющихъ пѣняхъ, хопя и не во всемъ сходны съ истинною; однакожъ, любезные друзья! по подлинно, чпо духъ нашъ и надъ смерцію и надъ исплѣніемъ поржеспвуетъ; оспавляетъ мерпвое тѣло, которое во исполненіе намѣреній Всевышняго, пріемленъ пысящу разнообразныхъ видовъ, и самъ возносіпся поверхъ праха, и продолжаетъ ужѣ по другимъ еспеспвеннымъ, но свышеземнымъ законамъ, озираетъ дѣла Творца своего, и наполняетъ мыслями о силѣ Безконечнаго. Но помыслите, друзья мои! ежели душа наша, и по смерпн тѣла своего, живешъ и мыслишь: по не будетъ ли она и тогда, подобно, какъ и въ нынѣшнемъ соспоянніи, спарашься о блаженспвѣ своемъ?

Ка-

(*) Платонъ принялъ сей *Омироцъ* стихъ пѣ другомъ смыслѣ, нежели нопѣйшіе толкопатели, и приподитъ его пѣ 3 книгѣ республики спогей, яко хулы достойный. Но я надѣюсь, что мнѣ позволено принять его здѣсь пѣ наипыгоднѣйшемъ означеніи.

Кажется очень вѣроятно, сказалъ *Симмій*; однакожъ я уже болѣе не довѣряю миѣніямъ моимъ, а лучше бы желалъ знать свои доказательства.

Доказательства мои суть слѣдующія, отвѣчалъ *Сократъ*: ежели душа мыслима, то должно, чшобы въ ней понятія перемѣнялись понятіями, чшобы иныя мысли ей были пріятны, а другія непріятны, но еспь, чшобъ она имѣла волю; ежелижъ она имѣетъ волю, то къ чему другому можеть воля сія стремиться, какъ не къ пріобрѣщенію высочайшаго степеня благосостоянія или блаженства?

Сіе было всѣмъ ясно. Но какъ? продолжалъ *Сократъ*: въ чемъ же состоить благосостояніе духа, неимѣющаго болѣе нужды, спараться о нуждахъ шѣла своего? Его не прельщаютъ ни ѣспвы, ни пишіе, ни любовь, ни сладоспастіе; восхищающее въ жизни сей осязаніе, обоняніе, зрѣніе и слухъ шамо не заслуживаетъ болѣе вниманія его; едва оспалось ему слабое, и можеть бышь раскаяніемъ исполненное напоминаніе о сладоспастяхъ, копорыя вкушалъ онъ въ бесѣдѣ шѣла своего. Возжелаетъ ли же онъ ихъ всего болѣе?

Споль же мало, отвѣчалъ *Симмій*, какъ разумной человекъ пожелаетъ дѣшскихъ игрушекъ.

Такъ не пожелаетъ ли онъ великихъ богатствъ?

Какъ можеть сіе бышь въ шакомъ состояніи, гдѣ, чаятельно, никакой собственности и никакого богатства имѣть не можно?

Однакожь честолюбіе естъ такая спрась, копорая, по видимому, можеть еще оспашься и оидѣленному оубъ шѣла духу; ибо сколько судить можно, по она мало зависить оубъ плопскихъ попребноспей: но въ чемъ же будетъ безпѣлесной духъ сей полагашь преимущества, дославляющія ему честь? Конечно не въ могуществѣ, не въ богатстввахъ и не въ благородствѣ: ибо всѣ сіи глупости покидаеть онъ съ шѣломъ на землѣ.

Безъ сомнѣнія.

И такъ ему ничего болѣе не оспашься, чтобъ могло его опличить оубъ прочихъ подобныхъ ему швореній, какъ премудрость, любовь, добродѣшель и познаніе истинны. Сверхъ же сего благороднаго честолюбія, еще восхищашься онъ пріятными душевными чувствованиями, копорыя душа безъ шѣла своего вкушала, бывъ еще на землѣ, по естъ красопою, порядкомъ, равномѣріемъ и совершенствомъ. Сіи чувствования споль шѣсно соединены съ естествомъ духа, что никогда оспавить его не могутъ. Слѣдственно кто на землѣ спарался о душѣ, кто въ жизни сей упражнялся въ премудрости, въ добродѣтели и въ чувствованіи истинныя красопы: тотъ, говорю я, надѣяшься можеть, и въ будущей жизни упражняшься въ оныхъ, и поспепенно приближашься ко Всевышнему, яко первоначальному существу, источнику всей премудрости, собору всѣхъ совершенствъ, словомъ, къ самой красотѣ. Друзья мои! вспомяните восхищашься васъ оныя минушы, копорыми вы наслаждались, когда душа

ша ваша, будучи влекома духовными красотами, забывала шло и пошребности его, и не внимала ничего, кромѣ небесныхъ чувствованій. Какая сладость! какое восхищеніе! Одно шокмо ближайшее присушствіе Божества въ сосшояніи произвешъ высочайшее сіе восхищеніе. Да и въ самой вещи, каждая мысль о красотѣ душевной ешъ не что иное, какѣ согляданіе божественнаго Существа; ибо примѣчаемое нами хоршее, порядочное и совершенное, ешъ одно шокмо слабое подражаніе красоты, порядка и совершенства Безначальнаго. Я памяшую, что при иѣкошоромѣ случаѣ исполковалъ я сіи понятія довольно ясно; и для шого шеперь выведу шолько сіе слѣдствіе: ежели правда, что по жизни сей, премудрость и добродѣшель сосшавяшъ наше чешполубіе, а спараніе о пріобрѣшеніи красоты душевной, порядка и совершенства будущъ нашими желаніями; шо непрерывающееся шамо пребываніе наше будешъ непрерывнымъ Божества созерцаніемъ, будешъ небеснымъ веселіемъ, которое, сколь ни мало шеперь понимаемъ оно, служимъ добродѣшельному, безконечною наградою за благородные труды его. Суешы міра сего не ешъ ли прахъ въ сравненіи съ шакою вѣчностію? Ничшо сущъ бѣдность, презрѣніе и поносѣйшая смерть, ежели онѣ пригошовающъ насъ къ шакому блаженству. Друзья мои! кшо имѣешъ чисшую совѣсть въ пошупкахъ, шомъ не можешъ печалиться, опшравляясь въ блаженной пущъ сей. Пускай, взирая на прагъ смерти, шрепещешъ шомъ, кшо въ жизни сей

и боговъ и челоуѣковъ озлобилъ; кшо время свое проводилъ въ скопскомъ сласполюбїи; кшо обоготворяемой имъ чесни заклалъ челоуѣческія жершвы; шакой челоуѣкъ, говорю, не можетъ воззрѣшь на прошедшее безъ раскаянїя, а на будущее безъ ужаса. Но какъ я, благодарю Бога! не могу себѣ ничемъ шакимъ попрекашь; ибо во всю мою жизнь съ великою ревностїю искалъ испинны, а добродѣшель любилъ болѣе всего: шо радуюсь, слыша гласъ Божїй, призывающїй меня, наслаждашься онымъ свѣпомъ, копораго я, бывъ здѣсь во мракѣ, искалъ толико. Вы же, друзья мои! разберите прилѣжно основанїя моей надежды; и ежели онѣ и васъ увѣряшь, шо благословише пущь мой, и живише шакъ, чшобъ, когда позоветъ васъ смерть, безъ робости могли ей слѣдовать. Можетъ бышь Божество и соединишь насъ нѣкогда въ дружбѣ нашей. Съ какимъ же шогда восхищенїемъ вспомянемъ мы нынѣшнїй день!

РАЗГОВОРЪ ВТОРЫЙ.

Учитель нашъ преспавъ говоришь, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, подобно челоуѣку въ глубокїя размышленїя погруженному. Мы всѣ сидѣли и молчали, размышляя о прежнемъ разговорѣ нашемъ: шолько *Кепитъ* и *Симмїй* говорили между собой пошихоньку. *Сократъ* оглянувшись, спрашивалъ ихъ: для чего

чего такъ тихо говорите, друзья мои? Развѣ не хотите намъ сказать, что во учиненныхъ нами положеніяхъ надлежитъ поправить? Я очень вѣдаю, что къ совершенной ясности не достаешь еще многого. И такъ ежели вы теперь разговариваете о другихъ дѣлахъ, то я не хочу вамъ препятствовать; если же говорите о подлежащей намъ матеріи, то пожалуйста откройте намъ возраженія и сомнѣнія ваши, дабы оныя всѣ мы вмѣстѣ изслѣдовавъ или могли опровергнуть, или прислать къ сторонѣ вашей. Тогда *Симмій* сказалъ: я долженъ тебѣ, *Сократъ*, признаться, что мы оба имѣемъ нѣкоторыя возраженія, и давно уже другъ другу советуемъ открыть оныя, желая оба слышать изъ устъ своихъ на нихъ опроверженіе; однакожъ каждый изъ насъ боится, чтобъ тебѣ, въ настоящихъ своихъ несчастіяхъ, не причинилъ тебѣ какой досады. *Сократъ* услышавъ сіе, усмѣхнулся и сказалъ: Эй! любезный *Симмій*! сколь прудно для меня будетъ увѣрить другихъ, что я общоупольщенъ мои не столь худыми почиаю, когда и вы еще мнѣ не вѣрите, и помышляете, будто я сдѣлался теперь гораздо прискорбнѣе и печальнѣе прежняго. О лебедяхъ говоряшъ, что они при смерти поютъ гораздо пріятнѣе, нежели во всю свою жизнь. Когда сіи птицы, какъ по описываютъ, посвящены *Аполлону*, то можнобъ сказать, что ихъ Богъ даетъ имъ, при послѣднемъ концѣ ихъ, чувствовать нѣкоторое предвозвѣщаніе блаженства будущія жизни, и что онѣ, симъ чувствіемъ услаждаясь,

съ пріятностію воспѣваюмъ. Я точно въ подобномъ съ ними соспояннїи. Я жрецъ сего Бога: и поиспиннѣ, онѣ напечапльлѣ въ душѣ моей нѣкое предвозвѣщапельное чувспвовање блаженства по смерпнї, которое прогоняетъ всякое прискорбіе, и при концѣ дней моихъ, побуждаетъ меня бытъ гораздо веселѣе, нежели каковымъ былъ я во все печеніе моея жизни. Откройшежѣ мнѣ, безъ всякихъ окопчностпей, ваши сомнѣнїя и возраженїя. Вопрошайше меня, о чемъ вопрошашь хошпше, пока одиннапщашь мужей по дозволяюшѣ.

Изрядно! сказалъ *Симмїй*, я начну, а *Кепитъ* за мной послѣдуетъ. Но мнѣ должно напередъ объяснпшься, что ежели имѣю сомнѣнїя о *везсмертїи души*, то онѣ касающься не до истпнны сего ученїя, но до возможности доспгнупшь называемаго доказательствомъ, едпными просвѣщенїями разсудка, или паче до того способа, которьй пы, о *Сократѣ*! избралъ, что бы въ помѣ удостовѣрпшь насъ сампмъ разумомъ. Впрочемъ же сіе утѣшптельное ученіе прїемлю всѣмъ сердцемъ не только, какъ пы намъ предложпль оное, но и какъ предали намъ его дрепнѣйше мудрецы, исключая нѣкопторыя ложности, прибавленныя къ пому пїншами и баснопворцами.

Гдѣ душа наша не обрѣпаептъ никакого основанїя подлпнпности, пшмо, кажешься, должна она ввѣрпшься мнѣнїямъ успокоевающпмъ и превозносящпмъ быпше ея; ибо сіи мысли, подобно кораблямъ на бездонномъ морѣ, ведушъ насъ яснымъ небомъ чрезъ волны жизни сея.

Я чувствую, что учению о безсмертіи души и о возмездіи добродѣтели по смерти нашей, не могу проповорѣчь, не видя возстанія проповѣв меня безконечныхъ запрудненій, и не лишивъ удосповѣрипельности все по, что почипалъ за испинное и хорошее. Ежели душа наша смертна, то разумъ есть не что иное, какъ сонъ, посланный къ намъ *Юпитеромъ*, чтобъ насъ бѣдныхъ обмануть. Тогда добродѣтель перяетъ все сіяніе свое, которое предспавляло намъ ее божественною: въ такомъ случаѣ, прекрасное и изящное, какъ правспвенное, такъ и Фисическое, уже не изъясляешъ подобія совершенствъ Божіихъ; (ибо ничто плѣнное не можетъ получить ниже слабѣйшаго луча существа сущеспвенно безсмертнаго): тогда и мы кажемся посспавлены на землю, чтобы подобно скопамъ, искать пищу и попомъ умереть. Въ такомъ случаѣ все для меня равно будетъ, былъ ли я украшеніемъ шворенія или спыдомъ онаго, спарался ли приумножать число блаженныхъ или несчастныхъ: тогда и самый гнуснѣйшій смертныи имѣетъ власть, опрещися отъ владычества надъ собою Божія, и кинжалъ можетъ прервать попомъ союзъ священный, коимъ человекъ соединенъ съ Богомъ. Ежели душа наша исчезаетъ, то премудрѣйшіе законодатели и основатели обществъ человѣческихъ, или насъ или самихъ себя обманули: слѣдспвенно весь родъ человѣческій, такъ сказать, согласился производить ложь, и изъяслять почпеніе къ обманщикамъ, выдумавшимъ оную; а попому и общеспво, со-
споя-

сстоящее изъ свободныхъ и мыслящихъ существъ, есть не что иное, какъ стадо безмысленныхъ скоповъ; а человекъ, — (Я ужасаюсь, разсмапривая его въ подломъ семъ сосояніи!) лишенный надежды безсмертія, сіе, говорю, чудесное твореніе есть наибѣднѣйшимъ скопомъ на землѣ, который къ несчастію своему долженъ помышлять о своемъ сосояніи, спрашивая смерти, и опчаяваясь. И по сему не всемилостивый Богъ, веселящійся блаженствомъ творенія своего, но нѣкакое злобою ушѣшающееся существо одарило человека преимуществами, заспавающими его шѣмъ болѣе чувствовашъ свое несчастіе.

Я не знаю, какій пренетъ и ужасъ объемлютъ душу мою, когда поставляю себя на мѣсто сихъ несчастныхъ! Горестное напоминовеніе смерти должно всѣ радости ихъ наполнять желчію. Когда хошашъ наслаждаться дружесвомъ, познашъ истинну, творишъ добродѣшель, почиашъ Творца своего, и взирая на красоту и совершенство, припши въ восхищеніе: тогда ужасная мысль уничиженія, на подобіе спрашилища, воспашъ въ душѣ ихъ, и ожидаемое отъ того удовольствіе превращашъ въ опчаяніе. Малѣйшая остановка дыханія или біенія пульса, лишашъ ихъ всѣхъ сихъ веселій; и существо, почишающее Бога, превращашся въ прахъ, пину и пѣніе.

Благодарю Боговъ, что я избавленъ сего страха, который всѣ прохлады жизни моея наполнилъ бы змѣинымъ ядомъ. Понятія мои о Богѣ, о добродѣтели, о достоинствѣ человека

вѣка, и о отношеніи его къ Богу, не дозволяютъ мнѣ сомнѣваться о его предопредѣленіи. Надежда будущія жизни разрушаетъ всѣ сіи запрудненія, и истинны, о коихъ мы различнымъ образомъ увѣрены, приводитъ паки въ согласіе. Надежда сія оправдываетъ Божество, возвращаетъ блгородство добродѣтели, красота придаетъ ея сіяніе, веселію доставляетъ пріятности его, улаживаетъ бѣдность, да и самыя горести жизни сеядѣлаютъ въ очахъ нашихъ любезными, когда всю крайность ихъ сравниваемъ съ безчисленнымъ множествомъ слѣдствій вѣчнаго блаженства, изъ оныхъ происпекающаго. Ученіе согласующееся съ великимъ множествомъ извѣстныхъ и неоспоримыхъ истинъ, и посредствомъ котораго побороли мы столь многія запрудненія непринужденнымъ образомъ; такое ученіе, говорю, заслуживаетъ, чтобъ бытъ приняту, и почти болѣе никакихъ просперантѣйшихъ доказательствъ не требуетъ. Ибо взявъ сіи основанія порознь, хотя нѣкопорыя изъ нихъ и не имѣютъ высочайшаго степени подлинности; однакожъ всѣ совокупно съ такою убѣдительностію, и съ такою поржествующею силою насъ увѣряютъ, что въ совершенное приводятъ насъ спокойствіе, и всѣ сомнѣнія наши уничтожаютъ.

Но, любезный *Сократъ*! запрудненіе находится въ томъ, что всѣ сіи правила не можно такъ часто и съ надлежащею имъ силою имѣть предъ глазами, дабы съ ясностію вдругъ усмотрѣть согласіе оныхъ съ познаніемъ причины. Помощь оныхъ потребна намъ во всякое время, и при всякихъ случаяхъ жизни
сея;

сея: однако же ни время и не всякія обстоятельства жизни сея доспавляющѣ намѣ по спокойствію и по размышленію души, чшобы можно помнишь всѣ оныя основанія, и чувствовашь силу истинны, обрѣпающіяся въ ихъ соединеніи. Ежели мы нѣкошоруо часть оныхъ совѣмѣ себѣ не представимѣ, или хощя и представимѣ, но не съ надлежащею живостію, по истинна першешь ужѣ силу свою, и спокойствію души нашей находшся въ опасости. Но ежели шомѣ пущѣ, кошорый ты, *Сократъ*, избралѣ, ведешь насѣ ко истиннѣ проснымѣ слѣдствіемѣ неоспоримыхъ правилѣ: по можемѣ надѣяшся, удосповѣришь себя во прямомѣ доказательствѣ, и во всякое время имѣшь оное въ нашей власши. Гораздо легче удержашь въ памяти нашей цѣль ясныхъ заключеній, нежели согласованіе многихъ истиннѣ, шребующихъ, шакѣ сказать, особаго для нихъ положенія мыслей. Будучи побужденѣ оными причинами не опасуюсь я предложшшь тебѣ сомнѣнія мои шакимѣ образомѣ, какѣ бы по учинилѣ наисмѣлѣйшій оприцашель безсмертія.

Ежели я тебѣ понялѣ, по доказательствшвое было слѣдующее: *душа и тѣло* находяшся въ шѣснѣишемѣ союзѣ; послѣднее мало по малу разрушается на части, а первая должна или унищожшться или имѣшь представленія. Силы еспешства не могутѣ ничего унищожшть; а изѣ сего еспешственнымѣ же образомѣ слѣдуешь, чшо *душа* никогда не можетѣ прешашь мыслишь. Но любезный *Сократъ*! ежели я тебѣ докажу подобными же положеніями, чшо гармонія

монія должна продолжаться, хопя лира и разбила; или чпо хопя всѣ камни разбросаны и въ прахѣ разсыпаны: однакожъ порядокъ зданія сущестшовать долженъ. Гармонія шакже и Симметрія, скажу я, соспавляютъ нѣчто: не правда ли? Конечно никто не будетъ прошивъ сего спорить; одна съ лирою, а другая со зданіемъ находящая въ шѣснѣйшемъ союзѣ: и на сіе безъ сомнѣнія со мною согласяща. Сравнижежъ лиру и зданіе съ шѣломъ, а гармонію или симметрію съ душою, тогда выйдешъ доказательство, чпо голосъ, происходящей отъ струнъ далѣе продолжаться долженъ, нежели самыя струны, а равномѣріе будетъ споятъ долѣе самаго зданія; и какъ сіе положеніе въ разсужденіи гармоніи и симметрії, совсѣмъ безразсудно; ибо когда онѣ ничего иного не озвѣчаютъ, какъ образъ и порядокъ соспавленія: то можешъ ли же спастъся, чпобъ онѣ продолжались долѣе, нежели само соспавленіе.

Тожъ самое сказашъ можно и о здравіи. Оно естъ качество изъ членовъ соспавленнаго шѣла, и которое нигдѣ индѣ не находится, какъ шамъ, гдѣ всѣ дѣйствія сихъ членовъ клоняща къ сохраненію цѣлаго. Оно принадлежитъ соспавленному; а какъ скоро соспавленное разрушается на часпи, то и здравіе исчезаетъ. Вѣроятно и съ жизнію чинища самое шже. Жизнь каждаго произрастѣнія кончается въ то время, когда всѣ движенія въ часпяхъ онаго клоняща къ разрушенію цѣлаго. Животное преимуществуетъ предъ произрастѣніями, органами чувствъ и чув-

чувствованіемъ; а человекъ имѣетъ предъ всѣми преимуществу разумомъ своимъ. Можешь бышь, что въ живописныхъ чувствованіе, да и самый разумъ въ человекъ, суть свойства составленнаго, подобно какъ жизнь, здравіе, гармонія и прочее, которыя по качеству и существу своему, не могутъ долге продолжаться, какъ составленіе оное, съ которыми онѣ неразрывны. Ежели искусство созиданія можешь произрастѣнію и живописному дашь жизнь и здравіе, то можешь бышь нѣкое высочайшее искусство въ состояніи, дашь живописному чувствованіе, а человеку разумъ. Мы слабомысленные не понимаемъ ни шого ни другаго. Чудесное составленіе самаго малѣйшаго листочка превосходитъ разумъ человека, и содержишь въ себѣ такія таинства, на опроверженіе коихъ не доспанешь ни прилѣжанія, ни оспроумія и самыхъ позднѣйшихъ попомковъ нашихъ: по какимъ же образомъ хотимъ мы изъяснить, что можешь сохраниться чрезъ дѣйствіе орудій чувствъ, или что нѣтъ? Не предпишемъ ли границъ Всемогуществу и Премудрости Творца нашего? Мнѣ кажется, что одно изъ двухъ необходимо послѣдуешь, естли ничтожество наше должно будетъ рѣшиться, что и самое искусство Всемогущаго не въ силахъ произвешъ ни чувствованія, ни мысли, чрезъ образованіе тончайшаго вещества.

Ты видишь, любезный *Сократъ*, чего не доспаетъ ученикамъ твоимъ къ совершенному и непоколебимому удословренію. Ежели душа есть нѣчто такое, что Всемогущій, сотворя

внѣ

внѣ шѣла и соспавленія его, соединилъ съ нимъ; но конечно справедливо, что душа и послѣ смерти продолжась и предспавленія имѣшь будетъ; однакожъ кто можетъ намъ за сіе ручаться? Опыты показываютъ намъ паче совѣмъ прошивное. Сила мыслишь шворится купно съ шѣломъ, купно съ нимъ возрастаетъ, и купно съ нимъ подвержена единымъ переменамъ. Всякая болѣзнь шѣла совокуплена со слабостию, съ разслабленіемъ, съ безсиліемъ въ душѣ. А особливо дѣйствованія мозга и внушренносшей находящяся въ шакомъ шѣсномъ союзѣ съ дѣйствованіями силы мыслишь, что мы побужденіи бываемъ приписывать имъ одинъ источникъ, и слѣдовательно шолковать о невидимомъ по видимому: подобно какъ свѣтъ и шеплошу выводяшъ изъ одной причины, понеже въ переменяхъ своихъ имѣющъ они великое сходство.

Симмій замолчалъ, а *Кепитъ* началъ говорить. Мнѣ кажется, что другъ нашъ *Симмій*, сказалъ онъ, хочешь шокмо надежно имѣшь обѣщанное ему. Чшожъ касается до меня, любезный *Сократъ*, то я желаю имѣшь болѣе, нежели сколько ты намъ далъ надѣяшся. Хотя бы прошивъ всѣхъ доказательствъ швоихъ ничего противорѣчишь было не можно, то однакожъ ничего болѣе изъ нихъ не слѣдуетъ, какъ шолько, что душа, по смерти шѣла, продолжается и имѣешь предспавленія: но какимъ же образомъ будетъ она существовать? Можетъ бышь подобно какъ въ обморокъ, или во время сна. Душа спя-

шаго не можетъ быть совершенно безъ мыслей; окружающіе его предмѣты должны дѣйствовать слабымъ образомъ надъ чувствами его, и въ душѣ по крайней мѣрѣ слабыяжъ возбуждашь чувствованія: а безъ того усиливающіяся мало по малу впечатлѣнія не моглибъ его разбудить (а). Но чтожъ это за мысли? Нѣкое темное чувствованіе, безъ познанія самого себя, безъ напоминанія: нѣкое состояніе, удаленное отъ разсудка, въ которомъ мы прошедшаго не помнимъ, и которое впредь никогда на мысль намъ не придетъ. Ежелижъ душа наша, по раздѣленіи съ тѣломъ, будетъ погружена въ такомъ же снѣ, или безпамятствѣ; по какую пользу получимъ отъ продолжающагося ея существованія. Кажется, что безумное бытіе болѣе удалено отъ безсмертія, котораго мы надѣемся, нежели блаженство живыхъ отъ блаженства духа познающаго Бога. Ежели то, что приключившися съ нею послѣ смерти нашей, для насъ важно, и здѣсь уже производитъ въ насъ страхъ и надежду; по должно, чтобъ и въ будущей жизни сохраняли мы сіе внутреннее чувствованіе, которое въ сей жизни, не дозволяетъ намъ о бытіи нашемъ сомнѣваться: чтобъ мы могли то, что мы будемъ, сравнивать

вашь

(а) Ежели сильныя впечатлѣнія производятъ сильныя чувствованія, то и самыя слабѣйшія способны безъ дѣйствія быть не могутъ. Они производятъ чувствованія, которые различаются отъ первыхъ единою силою.

вашъ съ тѣмъ, что мы были, и рассуждавъ объ ономъ. Такъ, любезный *Сократъ*! Если я себя уразумѣлъ, то ты по смерти своей ожидаешь лучшей жизни, величайшаго просвѣщенія разума, благороднѣйшихъ и изящнѣйшихъ побужденій сердца, нежели каковыя имѣютъ наиблаженнѣйшіе на землѣ человеки. На чемъ же основывается ласковая надежда сія? Описуешь познанія самого себя, въ душѣ нашей, хотя на краткое время, не есть состояніе невозможное: ежедневные опыты въ томъ насъ увѣряютъ. Что же будетъ, если и по смерти нашей состояніе сіе продолжится вѣчно?

Правда, ты намъ показалъ, что премѣняющееся должно безпрестанно перемѣняться; и изъ сего-то ученія произтекаетъ для меня нѣкоторый лучъ надежды, что всѣ страхи мои суть неосновательны; ибо, ежели душа наша должна претерпѣть безчисленные премѣны: то вѣроятно, что не предопредѣлена она въ вѣчности всегда только унижаться, и ошъ часу болѣе лишаться божественной красоты своей; но что по крайней мѣрѣ чрезъ нѣкоторое время, она возвысится, и паки придетъ на ту степень, на которой находилась при сотвореніи своемъ, то есть, будетъ созерцательницею творенія Божія; а для насъ и не нужно болѣе, какъ высочайшей степени вѣроятности, дабы утвердиться во мнѣніи нашемъ, что добродѣтельнымъ предстоитъ жизнь лучшая! Однакожъ, любезный *Сократъ*! я бы желалъ слышать швое о семъ мнѣніе; ибо знай, что

всѣ свои сегодняшнія слова впечатлѣнны пребудутъ въ душѣ моей, и никогда изъ оной не изгладятся.

Мы слушали съ великимъ вниманіемъ, и какъ послѣ другъ другу признались, съ немалымъ неудовольствіемъ, видя, что намъ дѣлали сомнительнымъ и неизвѣстнымъ такое ученіе, въ копоромъ ужѣ всѣ мы казались бышь увѣрены. Не токмо сіе ученіе, но и все, что мы думали и знали, казалось намъ тогда сомнительнымъ и колеблющимся: ибо мы видѣли, что или не въ состояніи были различить правду отъ заблужденія, или что ихъ самихъ по себѣ различить было не возможно.

Ехек. Меня, любезный *Федонъ*, ни мало не удивляетъ, что ты такъ думалъ: ибо и я слушая тебя, былъ въ такомъ же положеніи. *Сократоны* доказательство совершенно меня убѣдили, и я ужѣ ни мало, казалось, не помышлялъ, чтобъ въ безсмертіи души возмогъ впредь сомнѣваться; однакожъ возраженіе *Симміепо* привело меня наки въ нерѣшимость; и я памятую, что за нѣсколько времени предъ симъ былъ сего же мнѣнія, что сила мысли есть свойство составленнаго, и основывается на дѣйствіи орудій чувствъ, и на стройномъ согласіи частей. Но скажи мнѣ, любезный *Федонъ*, какъ принялъ *Сократъ* сіи возраженія? Былъ ли онъ сколько же недоволенъ, какъ и вы, или отвѣчалъ за оныя со свойственною ему кротостию? Удовольствовалъ ли васъ отвѣтъ его, или нѣтъ? Я бы желалъ вѣдать обо всемъ обстоятельно.

Фед. Ежели я когда нибудь, любезный *Ехекратъ*, удивлялся *Сократу*, то сіе было при случаѣ семъ. Чпо онъ гововъ былъ на все опвѣстствовашь, сіе ни мало не удивитель-но; но мнѣ казалось доспойно удивленія, во первыхъ благосклонность, пріятность и кро-пость, съ коими принялъ онъ разсужденія юно-шей сихъ. Помомъ скорость, съ копорою при-мѣшилъ онъ, какія впечатлѣнія произвели въ насъ сіи возраженія, и какимъ образомъ спѣ-шилъ онъ намъ на помощь, и, такъ сказашь, оспановя насъ въ побѣгъ нашемъ, самъ къ бою нами предводительствовалъ.

Ехек. Какимъ образомъ было сіе?

Фед. Я все тебѣ разскажу. Я сидѣлъ у не-го на правой споронѣ возлѣ постели, на ни-зенькомъ спулѣ, а онъ сидѣлъ не много меня выше. Взявши меня за голову, разбиралъ мои волосы, распушенные по плечамъ, какъ по обыкновенно онъ забавлялся оными: завшра, любезный *Федонъ*, сказалъ онъ, завшра можешь ты сими власами усыпашь гробъ друга шво-его. — Чаяпельно, опвѣчалъ я.

Ахъ! не дѣлай сего, сказалъ онъ, пере-бивъ рѣчь мою.

Для чего? спросилъ я его. Еще сего же дня, продолжалъ онъ, должны мы обрѣзашь власы наши, ежели благое ученіе наше шакимъ образомъ разрушился, и мы не въ сосшояніи будемъ, паки ушвердимъ оное на непоколеби-момъ основаніи. Когдабъ я былъ на швоемъ мѣстѣ, и мнѣбъ разрушили подобное сему ученіе; то бы я, по примѣру нѣкошораго *Ар-*

госца, положилъ на себя обѣтъ, не опрощать мои волосы до того времени, покабъ не опровергнулъ мнѣнїи *Симмія* и *Кепита*. Есть пословица, сказалъ я ему: и *самъ Геркулесъ съ двоими не сможетъ*. Пока еще день, сказалъ онъ, по призови меня къ себѣ на помощь вмѣсто *Юлаіа* своего. Хорошо! отвѣчалъ я, я призову себя на помощь, но не такъ, какъ *Геркулесъ Юлаіа*, но какъ *Юлай Геркулеса*. Все равно, отвѣчалъ онъ; но должно всего болѣе стараться, чшобъ не учинишь намъ одного просупка. Какого? спросилъ я. — Чшо бы не сдѣлашься намъ ненависниками разума, какъ нѣкопорые люди бывають ненависники чело-вѣка. Никакое несчаспїе съ онымъ сравнишься не можешъ. Ненависъ разума и чело-вѣка одинакимъ образомъ происходипъ. Нена-висъ чело-вѣка происходипъ обыкновенно, еже-ли съ начала ввѣримъ себя кому нибудь слѣ-по, и почишаемъ его во всѣхъ дѣлахъ вѣрнымъ, искреннимъ и честнымъ чело-вѣкомъ; а попомъ узнаемъ, чшо онъ ни шо ни другое; особливо ежели сіе случипся нѣсколько разъ, да и въ разсужденїи шакихъ, коихъ почишали мы за лучшихъ и вѣрнѣйшихъ себѣ друзей. Въ та-комъ случаѣ бываемъ мы огорчаемы, обра-щаемъ ненависъ нашу на всѣхъ людей безъ различїя, и уже ни въ комъ и ни малѣйшей честности бышь не чаемъ. Не примѣшилъ ли ны, чшо сіе почти обыкновенно происходипъ? Очень часшо, сказалъ я. — Но не стыдно ли сіе? Не называешся ли сіе желанїемъ, пользо-вашся обществомъ чело-вѣческимъ, не имѣя ни малѣй-

малѣйшаго спознанія человѣческаго сердца? Ежели кто хотя мало размышлялъ, пошѣ весьма легко найдетѣ среднюю дорогу, которая и въ самомѣ дѣлѣ имѣетѣ со своей стороны истину. Очень мало такихъ людей, которые бы совершенно были добрые, или совершенно злые. Большая часть держится середины. Какимъ образомъ? Спросилъ я. —

Подобно, продолжалъ онѣ, какъ въ разсужденіи великоши и малоси, или другихъ свойствъ. Что рѣже какъ человекъ, собака, или другое швореніе, коибѣ были чрезвычайно велики, или чрезвычайно малы, весьма быспры или весьма медлѣнны, крайнѣ хороши, дурны, черны, бѣлы и такъ далѣе? Не примѣшилъ ли ты, что во всѣхъ вещахъ обѣ чрезвычайности очень рѣдки, а посредственное напрошивъ въ великомѣ множествѣ? Такъ кажешся, отвѣчалъ я. Какъ думаешь ты, сказалъ онѣ? Ежелибѣ за чрезмѣрные пороки было положено награжденіе, конечнобѣ не многіе получили оное. Вѣроятно, отвѣчалъ я. И очень вѣроятно, примолвилъ онѣ. Однако же въ семѣ случаѣ нахожу я между разумомѣ и между человѣческимѣ родомѣ больше несходства, нежели сходства, и ты меня своими вопросами опвелъ отѣ прямаго пути. Сходствіе же видишся тогда, ежели кто, безѣ надлежащаго разсужденія и безѣ познанія свойства человѣческаго разума, принимаетѣ какое нибудь заключеніе за справедливое и убѣдительное, но вскорѣ пошомѣ представляешся оно ему паки несправедливымѣ, хотя оно само по себѣ спра-

ведливо, или нѣтъ. А особливо, когда съ нимъ случалось по многаяжды въ разсужденіи дружбы. Въ семъ случаѣ уподобляется онъ славнымъ Софисшамъ онымъ, которые все имъ предлагаемое до тѣхъ поръ упверждающъ и опровергающъ, пока наконецъ вообразятъ себѣ, что они самые мудрѣйшіе изъ смертныхъ; и что одни они усмошрѣли, что разумъ подобно, какъ и прочія на землѣ вещи, ничего основательнаго и подлиннаго въ себѣ не имѣетъ, но что все, подобно, какъ въ Египтѣ во время прилива и отлива, во всѣ стороны колеблется, и ни единого мгновенія ока на одномъ мѣстѣ не бываетъ.

Но положимъ, любезный *Федонъ*! продолжалъ онъ, что истинна не шокмо сама по себѣ подлинна и непремѣнна, но и разуму человеческому не совсѣмъ непоспижима: то еспь либъ кпо оными, одно другаго опровергающими ложными положеніями споль много обманулся, чшобъ раздражась наконецъ, приписалъ ихъ не себѣ и не неспособности своей, а единспвенно самому разсудку, и для шого бы въ оспальное время жизни своей, всякое разсужденіе возненавидѣлъ, и всякое познаніе началъ опъ себя удаляши: не было либъ доспойно сожалѣнія несчастіе человека сего?

Божусь шибѣ Юпитеромъ! отвѣчалъ я, крайнѣ доспойно сожалѣнія. — И шакъ прежде всего должны мы убѣгашъ заблужденія сего, и спарашься себя увѣришь, что истинна сама по себѣ подлинна и непоколебима, но что разумъ нашъ бываетъ иногда шакъ слабъ, что

мы не можемъ ее проникнуть и сохранять. И для того - по должно намъ усугубить силы наши и мужество, и безпрестанно опваживаться на новыя нападенія. Друзья мои! мы всѣ къ тому обязаны; вы ради предстоящей вамъ жизни, а я ради приближающейся смерти: а сверхъ того имѣю я еще и нѣкошорую побудительную причину, кошорая, слѣдуя просныхъ людей мнѣнію, покажется можеть бытъ болѣе желаніемъ имѣть право на моей споронѣ, нежели любовью ко истиннѣ. Ежели шаковые люди разсуждаютъ о какомъ нибудь сомнительномъ дѣлѣ, по нимало не заботясь о существѣ дѣла сего, а спараются токмо утвердить мнѣніе свое, и получить согласіе присутствующихъ. Въ одномъ буду я опъ нихъ полько опмѣненъ. Ибо спараніе увѣришь присутствующихъ о истиннѣ мнѣнія, будетъ у меня дѣло побочное; но главное мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чшобъ увѣришь самого себя, чшо мнѣніе мое согласно съ истинною, понеже я нахожу въ томъ великія выгоды. Ибо, любезный другъ, вопъ какъ я разсуждаю. Ежели утверждаемое мною ученіе есть справедливо, по я дѣлаю очень хорошо, чшо въ немъ увѣряюся; и ежели умирающіе никакой надежды болѣе не имѣютъ послѣ сей жизни, по по крайней мѣрѣ я выигрываю по, чшо при смерти моей не буду друзьямъ моимъ въ шягость моими жалобами. Я часто восхищаюсь сею мыслию, чшо все доставляющее роду человѣческому утѣшеніе и существенныя выгоды, есплибъ оно было истин-

но, имѣетъ уже для сего единого великую вѣро-
 роянность, что оно истинно. Ежели сомнѣва-
 ющіеся во ученіи о Богѣ и добродѣтели, дѣ-
 лаютъ слѣдующее возраженіе: оное де ученіе
 есть полипическая выдумка, для общаго бла-
 га человѣческаго рода составленная: то я на сіе
 имѣ скажу: о друзья мои! выдумайте шакое уче-
 ніе, которе обществу человѣческому былобъ
 споль же необходимо; я буду бишься обѣ за-
 кладѣ, что оно справедливое и истинное. Родѣ
 человѣческой назначенѣ къ общежитію, подобно,
 какъ каждый членѣ онаго къ блаженству. Все
 то, что ведемъ насѣ общимъ, швердымъ и
 непоколебимымъ образомъ къ намѣренію сему,
 все то, говорю я, сошворено Всемудрымъ Твор-
 цемъ вещей всѣхъ, и назначено бышь спосо-
 бомъ къ доспиченію намѣренія онаго. Сіи
 лесныя предспавленія и воображенія заклю-
 чаютъ въ себѣ несказанное ушѣшеніе, и по-
 казываютъ намъ, въ какомъ сношеніи человекъ
 находится со Творцемъ. И для того-то я ни-
 чего споль жадно не желаю, какъ увѣришься о
 истиннѣ оныхъ. Но сіе будетъ весьма не
 хорошо, ежели незнаніе мое еще на долгое
 время продолжись. Нѣшъ: я вскорѣ опѣ
 онаго освобождуся.

Въ семѣ-то расположеніи, любезные мои
Симмій и *Кепитъ*, обращаюсь я къ возражені-
 ямъ вашимъ. Друзья мои! Ежели желаете послѣ-
 довать совѣщю моему, взирайте болѣе на истинну,
 нежели на *Сократа*. Ежели вы найдете, что
 я пребуду вѣренѣ истиннѣ, то дайте мнѣ
 согласіе ваше; ежели же нѣшъ, то прошивше-

ся мнѣ безъ малѣйшаго упущенія, дабы я, бывъ очень хорошаго мнѣнія, ни васъ ни себя не обманулъ, и не распался съ вами на подобіе пчелы, оставляющей жало свое. И такъ приступимъ, друзья мои, къ намѣренію нашему; прошу припомъ напоминашь мнѣ, ежели я пропущу доказательства ваши, или инако предлагаешь ихъ буду.

Симмій утверждаетъ, что сила мыслишь, или сотворена особо или произведена чрезъ сошпавленіе и образование шѣла нашего: не такъ ли?

Точно такъ.

Въ первомъ случаѣ, по еспь, разсмапривая дѹшу, какъ существо само по себѣ особо сошворенное и безшѣлесное, соглашаешь онъ на слѣдствіе заключеній, которыми я доказывалъ, что душа не преспаешь съ разрушеніемъ шѣла, и не можешь инако исчезнуть, какъ по особливому соизволенію Всемогущаго Творца ея. Согласны ли вы на сіе, или еспь кпо изъ васъ прошивнаго мнѣнія?

Мы всѣ согласны.

И что сей Всеблагій Творецъ никогда никакого шворенія своего не уничтожаетъ: сколько я помню, по и прошивъ сего никпо не спорилъ.

Никпо.

Однакожъ *Симмій* опасается того, что можешь бышь сила чувшвованъ и мыслишь не еспь особо сошворенное существо; но на подобіе гармоніи, здравія или жизни произрасшѣній и живощныхъ, еспь свойство искусно сошпавленнаго шѣла; не сего ли ты опасается?

Сего

Сего самаго, любезный мой *Сократъ!*

Посмотримъ, сказалъ онъ. Ежели мы предскажемъ себѣ по, что уже намъ о душѣ нашей извѣстно, и всегда, когда сего только пожелаемъ, узнаемъ въ силахъ, по не будемъ ли тогда опасность своя невозможною? Что происходитъ при искусномъ прообразованіи, или, составленіи вещей: не должно ли при ономъ нѣкоторыя вещи, до сего однѣ онѣ другихъ удаленныя, соединить тѣснѣйшимъ союзомъ?

Безъ сомнѣнія.

Оныя вещи, совокупленныя предъ симъ съ другими, совокупляются теперь между собою, и составляютъ части дѣлающія цѣлое, которое мы называемъ *составленное*.

Конечно.

Черезъ сіе соединеніе частей, происходитъ во первыхъ нѣкоторый порядокъ болѣе или менѣе совершенный, въ слѣдствіе того, какимъ образомъ и порядкомъ оныя соединены.

Конечно.

Помощь силы и дѣйствованіе частей сихъ, бывающъ болѣе или менѣе переменяемы, смотря какъ онѣ чрезъ дѣйствія и производствія бывающъ иногда останавливаемы, иногда способствуемы, а иногда опвращаются отъ прямого направленія ихъ. Не правда ли?

Такъ кажется.

Создатель такого составленія, иногда взираетъ шокмо на сосуществованіе частей оныхъ: на примѣръ въ Архипектурѣ ничего болѣе не примѣчается, какъ порядокъ сосуществующихъ красота и равномѣрія; а иногда взираетъ онъ

онъ на переменяющіяся дѣйствія частей къ составленію служащихъ, и на слѣдующую изъ оныхъ силу составленнаго, какъ то нѣкоторыя пружины и махины; часпожъ видимъ мы и то, что художникъ взираетъ на оба вдругъ, то есть, на порядокъ частей, и на перемену ихъ дѣйствій.

Человѣческой художникъ, сказалъ *Симмій*, рѣдко, но Творецъ природы всегда и наисовершеннѣйше совокупляетъ намѣренія сіи.

Очень хорошо, отвѣчалъ *Сократъ*; однакожъ я не намѣренъ далѣе продолжатъ бесспорныхъ разсужденій сихъ. Скажи мнѣ только сіе, любезный *Симмій*: можетъ ли чрезъ составленіе произоиши въ цѣломъ такая сила, котораябъ не имѣла начало свое въ дѣйствіи частей, оное составляющихъ?

Что ты чрезъ сіе разумѣешь, любезный мой *Сократъ*?

Ежели всѣ части матеріи будупъ найдутся одна возлѣ другой въ мершвомъ соединіи, безъ дѣйствія и сопрощивленія: можетъ ли тогда художественный порядокъ и перемененіе частей оныхъ, произвествъ въ цѣломъ какое нибудь движеніе или сопрощивленіе, однимъ словомъ, какую нибудь силу?

Кажется, что не можетъ, отвѣчалъ *Симмій*; ибо изъ недвижущихся частей не возможно составишь что нибудь цѣлое, которое бы двигалось могло.

Хорошо, сказалъ онъ; и такъ мы можемъ приняшь сіе правило. Однакожъ мы примѣчаемъ, что въ цѣломъ могутъ бышь согласіе и рав-

равномѣріе, хотя каждая составляющая часть особенно ни согласія ни равномѣрія въ себѣ не имѣетъ: какимъ же образомъ чинится сіе? Одинъ тонъ не производитъ никакого согласія: но многіе сославляющъ согласіе. Искусно распорядженное зданіе можетъ состоять изъ камней, ни равномѣрія, ни спройства въ себѣ неимѣющихъ. Почему же могу я составить изъ несогласныхъ частей цѣлое согласное, а изъ неспройныхъ совершенно спройное?

О! разность сія очевидна, сказалъ *Симмій*; ибо равномѣріе, согласіе, спройство, порядокъ, и прочее не можно себѣ представить безъ многообразія; ибо онѣ означаютъ мѣру различныхъ впечатлѣній, коимъ образомъ намъ онѣ представляются всѣ вмѣстѣ, и въ сравненіи одного съ другимъ. И пакъ къ понятіямъ симъ принадлежатъ собраніе, подобіе и сравненіе различныхъ впечатлѣній, сославляющихъ цѣлое; слѣдственно и не могутъ онѣ находиться въ каждой части особенно.

Продолжай, любезный *Симмій*: вскричалъ *Сократъ* со внутреннимъ удовольствіемъ, видя оспрошу своего друга; скажи намъ и сіе: естлибъ каждый тонъ особенно не могъ произвести въ слухъ нашемъ впечатлѣнія, могло ли бы изъ многихъ такихъ тоновъ произойти согласіе?

Не возможно.

Равнымъ образомъ и равномѣріе: каждая часть должна дѣйствовать на зрѣніе наше, дабы изъ многихъ частей рождалось то, что мы называемъ равномѣріемъ. Не

Неоптмѣнно.

И такъ мы видимъ ясно, что въ цѣломъ не можетъ быть движенія, ежели онаго основаніе не положено въ частяхъ составляющихъ цѣлое; и что все прочее, что ни происходитъ изъ сейспвѣ первоначальныхъ основаній и составляющихъ цѣлое частей, какъ то: порядокъ, симметрія и тому подобное, должно исходить въ образъ и порядокъ составленія. Увѣрены ли вы, друзья мои, въ семъ положеніи?

Совершенно.

И такъ при всякомъ, даже при самомъ искуснѣйшемъ составленіи примѣчающся двѣ вещи: во первыхъ, слѣдствіе и порядокъ частей составляющихъ цѣлое, въ разсужденіи времени или пространства; во вторыхъ совокупленіе первоначальныхъ силъ, и какимъ образомъ являющся онѣ намъ чувствительными въ составленномъ. Правда, чрезъ распоряженіе и положеніе частей, и простиѣйшихъ силъ дѣйствія будущъ ограничены, опредѣлены и перемѣнены; однакожъ никогда изъ составленія не можетъ произойти сила или дѣйствіе, которыхъ бы основаніе не находилось въ частяхъ составляющихъ цѣлое. Друзья мои! я остановился немного при сихъ понятихъ размышленіяхъ, подобно, какъ бѣгающіе я въ запуски нѣсколько отдыхають, дабы съ большею ревностію преслѣдовать бѣгъ свой, и дабы, ежели Боги даруютъ счастье и славу, тѣмъ удобнѣе одержать побѣду. Разсмотри со мною, любезный мой *Симмій*! Ежели наша сила мыслишь и чувствованъ не есть существующее

щество особливо созданное, но свойство сопоставленного: то не должна ли она, на подобие согласия и равновѣрія, происходить изъ нѣкотораго расположенія и порядка частей, или подобно какъ сила сопоставленного, имѣетъ основаніе свое въ дѣйствіи частей сопоставляющихъ цѣлое.

Сіе конечно быть должно: ибо мы видѣли, что прѣшняго случая быть не можетъ.

Въ разсужденіи согласія мы видѣли, что на примѣръ одинъ тонъ не имѣетъ въ себѣ согласія, но согласіе состоитъ въ собраніи и сравненіи различныхъ тоновъ: нѣтъ ли въ семъ какого сомнѣнія?

Никакого.

Тоже самое примѣчаемъ мы въ симметріи и въ строеніи зданія: онѣ состоятъ въ соединеніи и сравненіи многихъ несвойныхъ частей. Сіе не оспоримо. Но сіе сравненіе иное ли что, какъ дѣйствіе силы мыслишь? И находишься ли оно индѣ гдѣ въ природѣ, какъ въ такомъ существѣ, которое мыслишь?

Симмій не зналъ, что на сіе отвѣщать.

Въ немыслищей природѣ, продолжалъ *Сократъ*, слѣдуютъ только одни простые тоны, и камни одинъ за другимъ. Гдѣ же шумъ согласія, симметрія или строеніе? Ежели не будетъ при томъ какогонибудь мыслящаго существа, которое бы различныя части собрало, сравнивало оныя, и въ сравненіи семъ примѣтило нѣкоторое сходство: то я не знаю, гдѣ бы найшешь можно было согласіе, строеніе и прочее. Можешь ли ты, любезный *Симмій*, найшешь слѣды оныхъ въ бездушной природѣ?

Я долженъ признашья въ недостаткѣ силъ моихъ, опивчалъ *Симмій*, хотя и вижу, къ чему все сіе клонится.

Счастливое предвѣщаніе! вскричалъ *Сократъ*: когда уже самъ сопровивникъ чувствующій слабосиль свою. Однакоже, любезный другъ, опивчай мнѣ не огорчаяся; ибо ты не малое имѣешь участіе въ сей побѣдѣ, кошую мы надъ шобою одержавъ надѣемся: можно ли начало какой нибудь вещи исполковашъ изъ дѣйствій оныхъ? Можно ли шѣнь, происходящую отъ дерева, почестъ за начальную причину дерева сего, или благоуханіе за причину цвѣтша?

Никакъ не можно.

Порядокъ, равномѣріе, согласіе, стройность, однимъ словомъ, всѣ опкошенія, перебующія собранія и сравненія различныхъ часпей, супъ дѣйствіями силы мыслишь. Не предполагая мыслящаго существа, не принимая сравненія и сличенія различныхъ часпей, самое стройнѣйшее зданіе будешъ шокмо куча песку, а пѣніе соловья непріятнѣе пѣнія совы. Да, я утверждаю, что безъ сей силы сравненія не можно сказавъ, чтобъ въ природѣ было шакое цѣлое, которагобъ части существовали порознь; ибо каждая изъ сихъ часпей имѣешъ особенное свое бытіе; а оныя часпи должно сличить, сравнить, соединить, разсмотрѣть и почишавъ ихъ, яко сопряженными, ежели хошимъ увѣрить, что онѣ соспавляютъ цѣлое. Во всей природѣ единая шокмо сила мыслишь можешъ, чрезъ внутреннее дѣйствіе, совершенно

сличать, сравнивать и соединять: и для того, начало всего сопоставленного, чиселъ, величинъ, симметрии, согласія и прочаго, должно приписывать единственно силѣ мыслящей, по елику пребуютъ онѣ сравненія и сличенія. Когда вы на сіе соглашаетесь, то и сама сія сила мыслишь, причина всѣхъ сравненій и счисленій, не можетъ произойти изъ собственныхъ дѣйствій своихъ, не можетъ находиться въ сравненіи, въ согласіи и симметрии; вообще скажемъ, не можетъ быть цѣлымъ, которое составлено изъ частей порознь пребывающихъ: ибо всѣ сіи вещи предполагаютъ дѣйствія и упражненія мыслящаго существа, и не могутъ иначе существовать, какъ чрезъ самыя оныя дѣйствія.

Это очень ясно, оповѣчалъ *Симмій*.

Понеже всякое цѣлое, состоящее изъ частей однѣхъ внѣ другихъ пребывающихъ, предполагаетъ дѣйствіе сравненія и сличенія частей сихъ; сіи же сравненіе и сличеніе должны необходимо быть дѣйствіемъ силы мыслишь: то и не могу я сію самую силу мыслишь приписать цѣлому, которое состоитъ изъ частей однѣхъ внѣ другихъ существующихъ, не полагая, что какая нибудь вещь можетъ произойти отъ дѣйствія своего. Сколько я знаю, то и самыя писатели басней не осмѣлились предлагать безумія сему подобнаго. Еще никто не приписалъ происхожденіе флейты, отъ согласія звуковъ ея, или происхожденіе солнечныхъ лучей, отъ радуги.

Сколько я примѣшишь могъ, любезный *Сократъ*, но уже сомнѣніе мое опровержено.

Однакожъ сіе сомнѣніе, сказалъ на по *Сократъ*, заслуживаетъ, что бы размыслишь о немъ гораздо прилѣжнѣе. Но я опасуюсь, что бы чрезъ прудныя разсужденія сіи не наскучишь перпѣливости вашей. Не опасайся, любезный мой другъ, вскричалъ *Критонъ*, наскучишь перпѣливости ихъ. По крайней мѣрѣ не пощадишь пы моей, когда я пребоваля исполнишь предложеніе..... Но что говоришь, сказалъ *Сократъ* перебивъ рѣчь его, о такомъ дѣлѣ, которое уже окончано. Намъ еще должно разсуждать о такихъ, которыя еще подвержены сомнѣнію. Однакожъ о семъ уже болѣе не сомнѣваемся, что наша сила чувствованья и мыслишь, не находится въ положеніи, образованіи, порядкѣ и согласіи шѣлесныхъ часней, составляющихъ цѣлое: сіе опровергнули мы, не касаясь ни Всемогущества ни Премудрости Бога. Но можетъ бышь, что сія сила мыслишь естъ дѣйствіе составленнаго, подобно какъ сила движенія, распространенія и проч: кои отъ положенія и образованія шѣхъ часней, по существу своему, хотя и отличны, однакожъ нигдѣ, кромѣ составленнаго, не находяцца. Любезный *Симмій*! не сіе ли шокмо ошало отъ сомнѣнія, которое мы опровергаемъ? Ничего болѣе.

И шакъ разсмотримъ случай сей, продолжалъ *Сократъ*, и положимъ, что душа наша естъ дѣйствіемъ составленнаго. Мы видѣли, что всѣ дѣйствія составленнаго должны изне-

капъ изъ силъ часпей составляющихъ цѣлое. И такъ слѣдуя положенію нашему, не должны ли часпи, составляющія мыслящее цѣло, имѣть силы, кои въ составленномъ производятъ силу мыслящъ?

Безъ сомнѣнія.

Но силы сихъ часпей, составляющихъ цѣлое, какого же должны быть существа? Должны ли онѣ мыслящему дѣйствию сходствовать, или нѣтъ?

Сей вопросъ, сказалъ *Симмій*, я не разумѣю.

Одинъ слогъ, сказалъ *Сократъ*, имѣетъ съ цѣлою рѣчью по сходству, что онѣ примѣненъ въ ней; но однако же цѣлая рѣчь имѣетъ разумъ, а одинъ слогъ никакого: не правда ли?

Точно такъ.

Хотяжъ одинъ слогъ производитъ примѣнное, но безъ всякаго разума, чувствованіе: однакожъ изъ собранія оныхъ происходитъ смыслъ, дѣйствующій въ душѣ нашей. Вы видите, что здѣсь дѣйствіе цѣлаго происходитъ отъ силъ часпей, съ ними несходственныхъ.

Теперь я понимаю.

Въ разсужденіи согласія, порядка и красоты примѣнили мы самое поже. Удовольствіе, которое производятъ онѣ въ душѣ нашей, происходитъ отъ впечатлѣнія часпей, составляющихъ цѣлое, которыхъ ни удовольствія, ни отвращенія сами по себѣ произвести не могутъ.

Хорошо.

И такъ это еще примѣръ, что дѣйствіе дѣлаго можетъ произойти отъ силъ часпей составляющихъ дѣлое, копорыя съ оными нимало несходны.

Я согласенъ.

Не знаю, можетъ быть уже я далеко иду, любезный другъ! но я представляю себѣ, что всѣ дѣйствія вещей шѣлесныхъ, могутъ имѣть свое происхожденіе отъ такихъ силъ первоначальнаго вещества, копорыя нимало съ ними не сходны. На примѣръ можетъ быть, что дѣвѣтъ можно раздѣлить на такія впечатлѣнія, копорыя никакой краски въ себѣ не имѣютъ, да можетъ быть, и самое движеніе происходитъ отъ первоначальныхъ силъ, кои ни всего менѣе суть движеніемъ.

На сіе требуется доказательство, сказалъ *Симмій*.

Теперь намъ нѣтъ нужды, здѣсь останавливаться, продолжалъ *Сократъ*; довольно, что изъяснилъ примѣрами, что я разумѣю подъ словами: что дѣйствіе дѣлаго можетъ происходить отъ силъ часпей, составляющихъ оное, копорыя нимало съ ними не сходны. Ясно ли это?

Очень ясно.

И такъ, слѣдую положенію нашему, силы часпей составляющихъ дѣлое, былибъ сами силою мыслить, и слѣдственно, сходственными силъ дѣлаго, изъ нихъ происходящей, или онѣ былибъ совсѣмъ другаго существа, и слѣдственно несходными. Есть ли еще прешій случай?

Не можетъ быть.

Ошвѣспивуй же мнѣ, любезный другъ, и на сіе: ежели изъ просныхъ силъ происходишъ въ соспавленномъ сила онымъ несходственная, шо гдѣ же находишся новопроизшедшая сія сила? Виѣ мыслящаго существа, силы цѣлаго сущь не что иное, какъ силы нераздѣлимыхъ просныхъ частейъ соспавляющихъ цѣлое, какъ шо онѣ, дѣйствіями и прошивудѣйствіями, однѣ другихъ перемѣняютъ и ограничиваютъ. Однакожъ, чрезъ дѣйствіе и прошиводѣйствіе не можетъ произойти никакая сила, копораябъ имѣ была несходна. И такъ ежели мы желаемъ имѣть въ цѣломъ нѣчто несходное, шо должно паки прибѣгнушь къ мыслящему существу, копорое сравнивая и соединяя помянутыя силы, представляемъ себѣ инако, неже либъ оныя представили себѣ по одиначкѣ и безъ соединенія. Исключая согласіе, мы видимъ сему примѣръ, въ цвѣтахъ. Сложи двѣ различныя краски въ шакое малое пространство, чпобы взоръ нашъ не могъ ихъ различить: виѣ насъ будущъ онѣ всегда раздѣлены, и каждая пребываетъ особо; но чувствованіе наше соспавишъ изъ нихъ, шакъ сказать, прещію, съ первыми двумя совѣмъ несходную. Точно шо же самое и со вкусомъ, и ежели я не обманываюсь, шо и со всѣми нашими ощущеніями и чувствованіями. Хошя чрезъ соспавленіе и соединеніе не могутъ онѣ сами по себѣ быть инаковы, каковы онѣ сущь каждое порознь; однако же мыслящему существу, копорое не въ состояніи различить ихъ

ихъ ясно, могутъ онѣ инаковы казаться, нежели прежде соединенія ихъ.

На сіе можно согласиться, сказалъ *Симвій*.

И такъ можешь ли существо мыслящее имѣть начало свое въ простыхъ силахъ, кои не суть мыслящія?

Невозможно. Ибо мы видѣли предъ симъ, что сила мыслишь не можешь имѣть начало свое въ такомъ цѣломъ, которое составлено изъ многихъ частей.

Совершенно такъ, отвѣчалъ *Сократъ*: соединеніе простыхъ силъ, изъ которыхъ должна произойти несходственная сила составленнаго, предполагаетъ существо мыслящее, которому онѣ въ соединеніи своемъ кажутся инаковыми, нежели каковыми онѣ суть въ самомъ дѣлѣ; слѣдственно изъ сего соединенія, и изъ сего сравненія, не можешь произойти существо мыслящее. И такъ ежели чувствованье, думанье, однимъ словомъ, представляшь, есть сила составленнаго: то не должны ли силы частей составляющихъ цѣлое сходствовать съ силою цѣлаго, и слѣдственно также быть силами воображенія?

Не иначе: ибо претвяго случая быть не можешь.

Да и части частей составляющихъ цѣлое, доколѣ можно раздѣляшь ихъ, не должны ли также имѣть дѣйствій воображенія?

Безъ сомнѣнія. Ибо каждая часть силъ составляющихъ цѣлое, какъ состоишь изъ множества малѣйшихъ частицъ дѣлающихъ цѣлое; и такимъ образомъ можемъ мы раздѣленіе сіе

продолжаясь разсужденіемъ, пока наконецъ дойдёмъ до частей первоначальныхъ, которыя суть одинаковы, и не состоятъ изъ многихъ.

Скажи мнѣ, любезный *Симмій*! не примѣчаемъ ли мы въ душѣ нашей почти безчисленное множество мыслей, познаній, склонностей, и страстей, которыя насъ безпрестанно упражняютъ?

Безъ сомнѣнія.

Но ежелибъ душа составлена была изъ частей, тогдабъ были всѣ сіи разныя приспособія раздѣяны, нѣкоторыя въ одной, а другія въ другой части, и никогдабъ не повпорялись; или по крайней мѣрѣ есть одна изъ частей сихъ, въ которой соединены всѣ сіи приспособія?

Безъ сомнѣнія одно изъ двухъ бытъ должно, сказалъ *Симмій*; и какъ мнѣ думается, то первой случай бытъ не можетъ: ибо всѣ представленія и склонности души нашей, внутренно такъ тѣсно соединены и связаны, что неопмѣнно должны, гдѣбъ по ни было, находиться въ одномъ мѣстѣ и нераздѣльно.

Любезный *Симмій*! пы большими шагами мнѣ предшесивуешь. Мыбъ не могли ни памятовать, ни разсуждать, ни сравнивать, ни думать, да мы бы не были пою особою, которою мы были мгновеніе ока предъ симъ, естлибъ наши мысли были раздѣлены между многими частями, и не находились гдѣнибудь тѣснѣйшимъ союзомъ соединены. И такъ по крайней мѣрѣ должно намъ принять такое существо, которое всѣбъ мысли частей, цѣлое

составляющихъ, въ себѣ соединяло; но существо сіе состоитъ ли изъ частей? — Не возможно; ибо иначе надлежалобъ паки сличать и сравнивать, дабы изъ частей сдѣлалось цѣлое, и такимъ образомъ придемъ опять шуды, откуда вышли.

И такъ оно будетъ простое.

Неопредѣнно.

И безъ пространства? Ибо пространство раздѣляется, а что раздѣляется, то не есть простое.

Безъ сомнѣнія.

И такъ есть въ шѣлѣ нашемъ хотя единое существо, которое безъ пространства и безъ составленія, но простое, имѣющее силу мыслишь, и всѣ наши понятія, желанія и склонности въ себѣ соединяющее. Чшожь препращиваетъ намъ названъ существо сіе душою?

Это все равно, сказалъ *Симмій*, какъ мы оно ни назовемъ; довольно, что мое возраженіе опровергнуто, и всѣ разсужденія свои прошивъ неразрушенія мыслящаго существа суть неоспоримы.

Разсмотримъ еще сіе, сказалъ *Сократъ*: ежелибъ въ человѣческомъ шѣлѣ были многія подобныя сему существа, и ежелибъ мы даже всѣ первоначальныя шѣла нашего спихии шакowymi существами полагали, не потерялибъ тогда своей силы доказательства мои? Или шакое положеніе не принудилолибъ насъ, вмѣсто одного неизчезаемаго духа, принять многіе, и слѣдственно болѣе согласиться, нежели пребывали? Ибо каждое изъ сихъ существъ,

какъ мы то видѣли, заключало бы въ себѣ собраніе всѣхъ предспавленій, желаній и вожденій человѣка, и слѣдственно, что принадлежишь до обширности знанія, сила оныхъ не была бы ограниченнѣе силы цѣлаго.

Конечно неограниченнѣе.

Что же принадлежишь до ясности, истинны, точности и жизни познанія; то пускай многія смѣшанныя, ложныя и пусыя мысли соединяшь вмѣстѣ: однакожь изъ сего произойдетъ ли мысль ясная, совершенная и опредѣленная?

Кажется, что нѣтъ.

Ежели не будешь припомѣ духа, который бы ихъ сравнилъ, и чрезъ размышленіе и разсужденіе, получилъ объ нихъ совершеннѣйшее познаніе; то вѣчно пребудешь онѣ скопищемъ смѣшанныхъ, ложныхъ и пусыхъ мыслей.

Безъ сомнѣнія.

И такъ части состава мыслящей матеріи, должны имѣть предспавленія, столь же ясныя, справедливыя и совершенныя, какъ и предспавленія цѣлаго; ибо не возможно, чтобы чрезъ составленіе изъ замѣшанныхъ, ложныхъ и пусыхъ мыслей могло произродиться знаніе, которое имѣло бы гораздо высочайшей степени совершенства.

Не оспоримо.

Но не значить ли сіе, что вмѣсто одного разумнаго духа, который мы полагаемъ въ каждомъ человѣческомъ шлѣ, принимаемъ ихъ множество и безъ всякой нужды?

Конечно.

И очень вѣроятно, что сіи безчисленные мыслящія существа не будутъ имѣть всѣ одинаковой степени совершенства; ибо таковыя безполезныя умноженія не могутъ быть въ благоустроенномъ мірѣ семъ.

Всевышнее Совершенство Создателя міра не дозволяетъ намъ о семъ сомнѣваться.

Слѣдственно изъ сихъ мыслящихъ существъ, которыя полагаемъ мы въ человѣческомъ мірѣ, будетъ одно предъ прочими совершеннѣйшее и способнѣйшее къ пониманію самымъ яснымъ и просвѣщающимъ. Не правда ли?

Безъ сомнѣнія.

Сіе существо простое, неимѣющее пространства, обладающее способностями воображенія; совершеннѣйшее изъ всѣхъ существъ мыслящихъ, во миѣ обитающихъ, и заключающее въ себѣ всѣ мысли мои, въ великой ясности, справедливости и подлинности, не есть ли душою моею?

Конечно не что иное, любезный *Сократъ*, какъ душа.

Теперь время, любезный *Симмій*, обратить взоръ нашъ на пошъ лупъ, которой мы уже прошли. Мы положили, что сила мысли есть свойство соспавленного; но сколь чудно! изъ сего самаго положенія, слѣдствіемъ разсужденій, выходитъ предложеніе совершенно противное, то есть, что чувствовашъ и мыслишь, суть необходимыя качества простаго, а не соспавленного: не ясно ли сіе доказательство, что помянутое положеніе невозможно,

само

само себѣ прошиворѣчитъ, и слѣдственно должно бытъ опвергнуто?

Никто не можешь о семъ сомнѣваться.

Пространство и движеніе, продолжалъ *Сократъ*, суть начальныя мысли, въ кои, какъ мы видѣли, все можешь раздѣляться, что шокмо принадлежитъ къ соспавленному. Пространство есть вещество, а движеніе источникъ, изъ коихъ всѣ перемѣны происходятъ. И то и другое въ соспавленномъ являюща въ тысящѣ различныхъ видахъ, и въ шѣлесномъ ешесствѣ предспавляющъ безконечную цѣпь чудесъ соспроеній, начиная отъ малѣйшей солнечной пылинки, даже до самаго великолѣпія небесныхъ шаровъ, гдѣ спихотворцы жилище Боговъ поспановляющъ. Всѣ сіи различныя соспавленія имѣющъ между собою то общее, что матеріею ихъ есть пространство, а дѣйствіемъ движеніе. Но усматриваешь, сравниваешь, заключаешь, желаешь, хощешь, чувствовашь, веселишься и скорбѣешь, все сіе пребуешь существа совсѣмъ ошмѣннаго отъ пространства и движенія, совсѣмъ другаго свойства матеріи, и совсѣмъ другаго источника перемѣнъ. Въ семъ случаѣ пребуешься, что бы въ простомъ ешесствѣ происходило воображеніе вещей видимыхъ и ошдѣленныхъ, собраніе частей порознь и сравненіе того, въ чемъ вещи между собою сходствуюшъ или разнствуюшъ. Все, что въ семъ обширномъ пространствѣ шѣлеснаго свѣта разсѣяно, собирается здѣсь, такъ сказаешь, въ одну точку, дабы соспавившъ одно цѣлое, и чего уже болѣе нѣтъ,

то

но въ предстоящемъ соспояннїи, сравнивается съ шѣмъ, что еще впредь будашъ. Здѣсь не познаю я ни проптяженїя, ни цвѣшовъ, ни покоя, ни движенїя, ни проспранства, ни времени, но единственно внушренно дѣйствующее существо, которое и проптяженїе, и цвѣпы, и покой, и движенїе, и проспранство, и время себѣ представляешъ, соединяешъ, раздѣляешъ, сближаешъ, сравниваешъ; которое выбираешъ, и способно ко множеству другихъ свойствъ, неимѣющихъ никакого отношенїя къ проспранству и движенїю. Веселїе и печаль, желанїя и отвращенїя, надежда и страхъ, блаженство и несчастїе, не составляютъ согласно съ разными мѣстами происходящихъ перемененїй малѣйшихъ солнечныхъ пылинокъ. Скромность, человеколюбїе, благожеланїе, восхищенїя, дружбы, и превосходное чувство страха Божїя, суть нѣчто болѣе, нежели теченїе крови, и бїенїе жилъ, что обыкновенно при томъ происходишъ. И пакъ, любезный *Симмїй*! вещи толико разнаго свойства, и пакихъ различныхъ качествъ, не могутъ, безъ величайшей неоспорожности, бытъ приняты одна за другую.

Я совершенно доволенъ, сказалъ *Симмїй*.

Прежде нежели я, любезный *Кепитъ*! обращусь къ швоему возраженїю, должно мнѣ сдѣлать одно примѣчанїе. Первое, что мы знаемъ о шѣлѣ и его свойствахъ, не есть ли нѣчто болѣе, нежели томъ образъ, которымъ оно чувствамъ нашимъ представляется?

Скажи, любезный *Сократъ*, немного пояснѣе?

Пространство и движеніе суть въ мыслящемъ существѣ представленія того, что внѣ его въ самомъ дѣлѣ существуетъ: не правда ли?

Согласенъ.

Хотя бы мы, ко увѣренію нашему, что всё внѣ насъ находящіяся вещи не инаковы суть, какъ намъ онѣ представляются, и наисновательнѣйшія имѣли доказательства; однакожь не взирая на сіе, не примѣчаемъ ли мы, что представленіе идетъ всегда впередъ, а увѣреніе, что предметъ представленія сего въ самомъ дѣлѣ существуетъ, слѣдуетъ за онымъ?

Да иначе и бытъ сіе не можетъ, сказалъ *Симмій*; ибо бытіе вещей, внѣ насъ находящихся, не познаемъ мы иначе, какъ чрезъ впечатлѣніе, оными въ насъ чинимое.

И такъ въ слѣдствіи нашего познанія, мыслящее существо всегда предшествуетъ существу пространству имѣющему; прежде всего познаемъ мы, что есть мысли, и слѣдственно такое существо, которое понимаемъ; а изъ сихъ понятій уже и заключаемъ о совершенномъ бытіи тѣла и качества его. О истиннѣ сего можемъ мы увѣришься и тѣмъ разсмотрѣніемъ, что тѣло, какъ оно уже видѣли, безъ дѣйствія мыслящаго существа, не можетъ соспавить цѣлаго, и что самое движеніе, ежели не сравнивать прошедшаго съ будущимъ, не было бы движеніемъ. И такъ съ кою стороною сіе ни разсматриваемъ, прежде всего представляется намъ душа со

сво-

своими дѣйствованиями, а за оною слѣдуетъ уже шло съ переменными его. Понимающее существо предшествуетъ всегда тому, что только лишь понимать можно.

Мысль сія кажется мнѣ, друзья мои, очень изобильна, сказалъ *Кепитъ*.

Мы можемъ, продолжалъ *Сократъ*, всю цѣпь существъ раздѣлить на три члена, начиная съ Безконечнаго, даже до малѣйшей солнечной пылинки. Первой членъ постигаемъ все, но колораго никто другой понять не можетъ; онъ покомъ единъ, коего совершенство есть превыше всѣхъ кончающихся понятій. Сосвоенные души и дѣши составляютъ второй членъ; сіи понимаютъ, но и сами могутъ быть понятны. Тѣлесный свѣтъ составляетъ послѣдней членъ; оный для обоихъ первыхъ понятенъ, однакожъ самъ понимать не можетъ. До познаній предметовъ сего послѣдняго члена достигаемъ мы не иначе, какъ помощью предсавленія, происходящаго о томъ въ духъ; и такъ мы не можемъ быть удостовѣрены въ ихъ существованіи, когда прежде не удостовѣримся въ существованіи мыслящаго существа. И пошому ясно, что подлинность существованія шло предполагаетъ существованіе духовъ. Согласны ли вы на сіе?

Когда уже мы, сказалъ *Симмій*, на прежнее согласились, то безъ сомнѣнія должно согласиться и на сіе.

Однакожъ, продолжалъ *Сократъ*, мнѣніе человека слѣдуетъ пушемъ совѣмъ противнымъ. Первое, въ чемъ мы думаемъ быть удо-

удостоверены, есть существование шѣла и его перемѣнѣ. Сіе мнѣніе пакѣ сильно нами обладаетъ, что мы нѣкошорое время почишаемъ машерію единою въ еспешивѣ существующею вещью, а прочія почишаемъ за свойства сея самыя машеріи.

Меня крайнѣ веселишѣ, сказалъ *Симмій*, ясное признаніе швое, что и самѣ шы шешивовалѣ пропиинымѣ симѣ путемѣ.

Эшо правда, любезный другѣ, отвѣчалѣ *Сократѣ*; первыя мнѣнія всѣхѣ смершныхѣ одиѣ сѣ другими сходспвуютѣ. Сія-шо есть признань, изѣ которой онѣ всѣ ошправляющся въ пущѣ, ища истинны, блуждаютѣ онѣ взадѣ и впередѣ по морю мнѣній, доколѣ разумѣ и размышленіе, дѣши *Юпитерошы*, не подуютѣ въ парусы ихѣ, и не предвѣспяшѣ имѣ счастливаго признанища. Разумѣ и размышленіе взявѣ духѣ нашѣ, при впечатлѣніяхѣ чувствѣ шѣлеснаго свѣша, опводяшѣ его въ настоящее его жилище, шо есть, въ царствѣ шешивѣ мыслящихѣ: во первыхѣ кѣ подобнымѣ ему шешивамѣ совершеннымѣ, кои ради конечности своея могутѣ и другимѣ бышѣ понятны; пошомѣ ошѣ нихѣ возвышаютѣ его кѣ шому первоначальному Источнику понимающаго и понятію предверженнаго, кѣ оному все поспигающему, но никому непоспижимому Существу, о коемѣ, ко ушѣшенію нашему, вѣдаемѣ, что все шо, что мы шолько въ шѣлесномѣ и душевномѣ свѣшѣ видимѣ хорошаго, прекраснаго и совершеннаго, все шо ошѣ Него бышѣе свое имѣешѣ, и Всемогущешвомѣ Его сохраняешся.

Ни

Ничто болѣе не попребно ко успокоенію и блаженству нашему въ сей и въ будущей жизни, какъ бышь увѣрену во истиннѣ сей, и ушвердишь оную во внушренности душѣ нашихъ.

РАЗГОВОРЪ ТРЕТІЙ.

По нѣкоторомъ молчаніи, *Сократъ* обратившись къ *Кепиту* еказалъ: любезный *Кепитъ*! шеперь получивъ почтнѣйшее понятіе о существѣ безсмертныхъ, что думаешь ты о пѣшахъ, копорые не рѣдко предспавляютъ намъ Бога, зависшвующаго достоинствамъ смершнаго, и изъ единой ненависти непріязнь къ нему являющаго?

Ты знаешь, любезный *Сократъ*, какъ научились мы думать объ нихъ и о ихъ вымыслахъ.

Ненависть и зависть, сіи подлыя и чело-вѣческому роду споль поносныя еспраши, не совѣмъ ли прошиворѣчатъ Свяспни боже-спвенной?

Конечно.

И такъ ты совершенно увѣренъ, и ни мало не сомнѣваешься, что всеспвятое Существо насъ сошворившее, ни тебѣ, ни мнѣ, ни прочимъ челошкамъ не завидуешь, и ни къ кому не имѣешь ненависти, и никого не изгоняешь; но напрошивъ того, всѣхъ насъ наинѣжнѣйше любишь?

Безъ сомнѣнія.

И такъ въ семъ пвердомъ упованіи можешь ли ты спрашишься, чшобъ Всевышній осудилъ шебя на вѣчныя бѣдспвія, и чшо ты всегда будешь несчастливъ, хошябъ былъ виновенъ, или невиновенъ?

Никогда, никогда! вскричалъ *Аполлдоръ*, хошя сей вопросъ и не до него касался. *Кепитъ* же отвѣчалъ, чшо сей спрахъ оскорбишеленъ Божеспву.

И такъ, продолжалъ *Сократъ*, предложеніе, чшо *Богъ* не назначилъ насъ къ пѣчному несчастію, возмемъ за основаніе подлинности познанія нашего, сколь часпо будеспъ рѣчь о вещахъ будущихъ, единспвенно опъ воли Всевышняго зависящихъ. Изъ еспеспважъ и качеспвъ сошворенныхъ вещей, не можемъ мы въ семъ случаѣ никакого учинить заключенія съ подлинностію: ибо изъ оныхъ слѣдуюшъ только такія предложенія, кои сами по себѣ непремѣнны; и пошому не опъ соизволенія Всевышняго, но опъ познанія Его зависяшъ. При шакovýchъ разсужденіяхъ должно намъ прибѣгнушъ къ совершенспвамъ Божіимъ, и спарашься испышашъ, чшо съ оными согласуешя, и чшо имъ прошиворѣчшъ. Въ чемъ мы увѣрены, чшо не согласуешя съ оными, шо можемъ опвергнушъ и пошпашъ споль за невозможное, какъ бы оно прошиворѣчило еспеспву и сущеспву разсмашриваемыя вещи. Подобно шакой же вопросъ, любезный *Кепитъ*, имѣемъ мы и шеперь разсмашривашъ, по причинѣ возраженія швоего. Ты согласенъ, любезный другъ! чшо душа еспъ сущеспво преспое,

спое, имѣющее бытіе свое безъ шѣла: не правда ли?

Совершенно такъ.

Ты соглашаешься также, что она есть неизчезаема?

Я совершенно въ семъ увѣренъ.

До сего, продолжалъ *Сократъ*, достигли мы нашими понятиями о естествовѣхъ проспрансва и представленія. Но теперь происходишь сомнѣніе о будущемъ жребіи человѣческаго духа, поелику онъ зависить единственно отъ воли и соизволенія Всевышняго. Сошворилъ ли Онъ его такимъ образомъ, чтобы онъ вѣчно продолжался въ бдѣшемъ состояніи и съ познаніемъ прошедшаго и насоящаго? Или назначилъ ему, чтобы онъ по смерти шѣла, погруженъ былъ въ состояніе, подобное сну, и никогдабъ паки не проснулся? Не въ помѣ ли ты еще сомнѣвался?

Въ самомъ эпомъ, любезный мой *Сократъ*.

Что совершенное опмяніе познанія себя и памяти, хотя на краткое время, не есть дѣло невозможное, по показуемъ намъ сонъ, обморокъ, въ головѣ закруга, восхищеніе, и тысяча другихъ опышовъ. Однакожъ душа наша, во всѣхъ сихъ случаяхъ, совокуплена еще съ шѣломъ, и должна располагаться по состоянію мозга, который во всѣхъ слабостяхъ сихъ представляемъ ей почти непримѣнныя и скоро проходящія черпы. — А изъ сего и не можно сдѣлать никакого заключенія о состояніи души, послѣ раздѣленія оныя съ шѣломъ; ибо тогда всякое сообщеніе между шѣломъ и ду-

шею прервется; шѣло не будетъ уже болѣе орудіемъ духа, а душа имѣетъ слѣдовать по законамъ, копорые онѣ предпоставленныхъ ей здѣсь совѣмъ опличны.

Однакожъ и сего уже довольно для сомнѣнія нашего, что опсуществіе яснаго познанія себя, какъ то чинишя во время сна, не прошиворѣчишъ природѣ духа; и ежели сіе справедливо, то страхъ нашъ не совѣмъ неоснователенъ.

Но ежели мы желаемъ освободиться онѣ спрашнаго сомнѣнія сего, то чего намъ болѣе искашь, какъ того, чтообъ увѣришя, что спасеніе наше прошивно Божіимъ намѣреніямъ, и что Онѣ столь же мало желаетъ сего, какъ и вѣчнаго несчастія шворенію своему?

Безъ сомнѣнія, сказалъ *Кепитъ*; ежели мы не пребуемъ шакого увѣренія, копорое прошивно естествоу разсуждаемья нами вещи. Любезный другъ мой! когда я предлагалъ тебѣ сомнѣнія мои, то я самъ приводилъ правила, заняшья изъ намѣреній Творца, копорья ученію швоему придають великую вѣроятность; но я желаю слышашъ онья изъ устъ швоихъ, чего со мною купно желаютъ и друзья мои.

Посмотримъ, сказалъ *Сократъ*, могу ли я васъ удовольствовашъ. Опвѣстшуй мнѣ, любезный *Кепитъ*! Когда ты опасашся, что при самой смерти на вѣки поперяешь, бдящее познаніе себя, боишся ли ты, что оной жребій предопредѣленъ всему человѣческому роду вообще, или шокмо нѣкопорой часши онаго?

Всѣхъ

Всѣхъ ли насъ пожреть смерть, и, говоря по спихопшворчески, приведетъ насъ въ объявляя старшаго своего брата, вѣчнаго сна? Или нѣкошорые изъ земныхъ жипшелей назначены, чшобы небесная Аврора возбуждала ихъ къ безсмертности? Какъ скоро мы согласимся, чшо нѣкошорой части рода человѣческаго назначено истинное безсмертіе: шо конечно *Кепитъ* не будетъ ни мало сомнѣваться, чшо сіе блаженство предосшавлено правосуднымъ, и друзьямъ Боговъ и человѣковъ.

Конечно нѣшъ, Любезный *Сократъ*! Безъ сомнѣнія Боги не раздѣляютъ такъ несправедливо вѣчную смерть, какъ Авинцы временную. А сверхъ сего я думаю, чшо въ премудрѣйшемъ планѣ шворенія, одинакія существова имѣютъ и одинакое назначеніе, и слѣдственно всему роду человѣческому, послѣ жизни сей, предшопитъ одинакой жребій. Или всѣ они паки возбуждаются къ шовому познанію себя; и въ шакомъ случаѣ и самъ *Амитъ* и *Мелитъ* не возмогутъ сомнѣваться, чшобы гонимой невинности не предшопялъ лучшій жребій, нежели гонимелямъ ея; или всѣ они съ сею жизнью оканчиваютъ предопредѣленіе свое и возвращаются въ шо сосшояніе, изъ кошораго при рожденіи ихъ взяты были. Роли ихъ не долѣе продолжаются, какъ на позорищѣ жизни сея: шо окончаніи же онаго комедіаншты становящя паки шѣмъ, чѣмъ они были въ общежипшіи. Я ужасаюсь, дражайшій другъ мой, и не смѣю далѣе продолжать мнѣнія

моего: ибо я вижу, что оно ведетъ меня къ очевидному безумію.

Нѣтъ ничего, *Кепитъ*, ошвѣчалъ *Сократъ*: мы должны спараться и о тѣхъ, которые при безсмысленномъ заключеніи не шакъ легко краснѣютъ. Ты утверждаешь, дражайшій мой, что по всеумдрѣйшему плану одинакія сущесва имѣютъ одинакія назначенія? — Да.

Всѣ сошворенныя существа, кои имѣютъ разумъ и волю, однѣ съ другими сходны?

Безъ сомнѣнія.

И ежели нѣкоторое изъ нихъ думаетъ справедливѣе, обстоятельнѣе и совершеннѣе, болѣе понимаетъ предмѣшовъ, нежели другое; то однакожъ нѣтъ между ими границъ, которыябъ раздѣляли ихъ на различныя часпи, но превосходятъ одно другаго непримѣшнымъ образомъ, и сосшавляютъ одинъ родъ: не правда ли?

На сіе должно согласиться.

А ежели исключая насъ, есть еще духи насъ превосходящіе, которые непримѣшнымъ образомъ одинъ другаго въ совершенсвахъ превышаютъ, и мало по малу приближаются къ безконечному Духу, то не принадлежатъ ли и они всѣ, сколько ихъ есть, къ одному роду?

Конечно.

Какъ оныхъ качесва не существенно различаются, но мало по малу, какъ будто въ непрерывающемся порядкѣ, возвышаются: то и означенія оныхъ, касательна до существеннаго, должны сходствовать, а различаться шокмо въ непримѣшныхъ возвышеніяхъ. Ибо въ

вели-

великомъ планѣ творенія, учреждено все по совершеннѣйшимъ правиламъ согласія; почему и назначенія существъ съ ихъ совершенствами и качествами должны сходствовашь. Не сомнительно ли сіе?

Ни мало нѣшъ.

О! Друзья мои! Вопросъ, о копоромъ шеперь мы разсуждаемъ, начинается, въ разсужденіи Божественнаго плана всея вселенныя, бышъ чрезвычайно важнымъ. Заключение наши касающя не до одного человѣческаго рода, но до цѣлаго царствя существъ мыслящихъ. Назначены ли онѣ ко истинному безсмертію и къ вѣчному продолженію познанія и чувствованія себя, или сіи благодѣянія Творца, по нѣкопоромъ наслажденіи, прекращающя и мѣсто свое уступающъ вѣчному забвенію? Вопросъ сей долженъ рѣшенъ бышъ въ совѣтѣ Всевышняго, въ общемъ означеніи семъ: и мы разсуждая объ ономъ, не разсмотримъ ли его въ шакомъ же общемъ видѣ?

Такъ кажется.

Но чѣмъ общественнѣе будемъ предмѣшъ, сказалъ *Сократъ*, тѣмъ смѣшнѣе учинишя страхъ нашъ. Всѣ конечные души имѣющъ врожденныя способности, копорыя они чрезъ упражненіе открываютъ и дѣлающъ совершеннѣе. Человѣкъ вырабатываетъ врожденную ему способность чувствовашъ и мыслишъ съ достойною удивленія скоростію. При каждомъ чувствованіи изливается на него множество познаній, кои человѣческой языкъ изглаголатъ не можешъ. Когда же онѣ случаетъ чувствованія

еи, когда сравниваешь, рассуждаешь, заключаешь, избираешь, опровергаешь: по множеству оно умножается до бесконечности. Въ пошъ самое время нѣкое безпреспанное дѣйствование открываетъ врожденные ему способности духа, и приводитъ въ совершенство оспроту, умъ, разумокъ, силу изобрѣшенія, чувствование прекраснаго и добраго, великодушіе, человѣколюбіе, любовь къ сожитію, и всѣ совершенства; кои каждый смертный спарается пріобрѣсть на землѣ. Пускай бранимъ мы нѣкоторыхъ людей глупыми, дураками, безчувственными, подлецами и жестокосердыми: сравнительнымъ образомъ названія сіи могутъ бытъ иногда нѣсколько и основательными; однакожъ не было еще такого глупца, который бы не далъ чувствоватъ нѣкоторыхъ признаковъ разума; не было еще такого хирана, который бы не пипалъ въ сердце своемъ хотя малѣйшей искры человѣколюбія. Мы всѣ пріобрѣщаемъ совершенства сіи; разнось же соспоимъ шокмо въ шомъ, что или *болѣе* или *менѣе*; да, друзья мои, мы всѣ, говорю я, пріобрѣщаемъ ихъ; ибо и самому безбожнѣйшему человѣку не удалось еще поступать совершенно прошиву назначенія его. Сколько бы онъ ни прошивился, и не прошивоборспивалъ; однакожъ самое спрошивленіе сіе имѣетъ основаніе во врожденной склонности, которая по происхожденію своему есть добрая, но чрезъ несправедливое употребленіе дѣлается испорченною. Сіе - то несправедливое употребленіе дѣлаетъ человѣка несовершеннымъ и несчастливымъ;

одна-

однакожъ врожденно добрая склонность печетъ ко исполненію намѣренія бытія его, хотя, шакъ сказаць, и прошивъ желанія его. Такимъ образомъ, друзья мои! не было еще человѣка живаго во благодѣтельномъ обхожденіи съ подобными ему, который бы оставилъ землю сію, не бывъ болѣе совершенъ, нежели каковымъ пришелъ въ оную. Тоже самое происходитъ и со всѣми прочими мыслящими существами: поелику онѣ, познавая себя, чувствуютъ, думаютъ, хотятъ, желаютъ, отвращаются, по шолику исправляютъ онѣ паче и паче врожденные имъ способности; чѣмъ болѣе онія упражняются, шѣмъ дѣйствительнѣе чинятся ихъ силы, шѣмъ совершеннѣе, скорѣе и свободнѣе бываютъ дѣйствія ихъ, и шѣмъ удобнѣе могутъ они, взирая на истинную красоту и совершенство, чувствовать блаженство свое. Но чтожъ? Друзья мои! Уже ли всѣ пріобрѣтенныя нами божественныя совершенства сіи; уже ли всѣ онѣ, подобно какъ водяная пѣна, или по воздуху лѣтящая пыльца, исчезнутъ, не оставя по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ, что когда нибудь онѣ были? Малѣйшая солнечная пылинка не можетъ въ природѣ вещей пошерьаться, безъ чудотворнаго уничтоженія: а онія совершенства должны исчезнуть на вѣки? Должны въ сравненіи шѣхъ веществъ, кои ихъ имѣли, безъ всякихъ слѣдствій, безъ всякой пользы, быть шакowymi почишаемы, какъ будшобъ онѣ никогда имъ не принадлежали? Какія же понятія о расположеніи шворенія предполагаетъ мнѣніе сіе! Въ премудрѣйшемъ планѣ семъ доброе есть

безконечно полезно, всякое совершенство безпрерывныя имѣетъ слѣдствія; однакожъ здѣсь разумѣется совершенство существъ просныхъ, существъ самихъ себя чувствующихъ, копорымъ истинное совершенство въ насъ означеніи приписывать можно; напрошивъ же по совершенству, копорое мы примѣчаемъ въ вещахъ соспавленныхъ, есть совершенство переходящее и премѣняющееся, подобно какъ и сами вещи, коимъ оно принадлежитъ. Чшобъ сіе болѣе обьяснить, друзья мои, по паки потребно взять въ разсужденіе по различіе, копорое находится между проснаго и соспавленнаго. Мы видѣли, что безъ отношенія къ простому, по есть, безъ отношенія къ мыслящему существу, не можно соспавленному приписать ни красоты, ни порядка, ни согласія, ни совершенства; не можно безъ сего отношенія даже и ихъ соединить, чшобы соспавить цѣлое. И въ великомъ планѣ міра сего, конечно не произведены сіи соспавленные для себя: ибо онѣ суть бездушны, не чувствуютъ бытія своего, да и сами собою ни къ какому совершенству не способны. Намѣреніе же бытія ихъ искасть должно въ живущей и чувствующей шворенія часпи. Бездушное служитъ одушевленному орудіями чувствованій, и подаетъ ему не токмо чувственное осязаніе вещей различныхъ, но и понятіе о красотѣ, порядкѣ, равномѣрїи, средствѣ, намѣренїи, совершенствѣ, или по крайней мѣрѣ матерїю къ симъ мыслямъ, копорыя попомъ мыслящее существо само чрезъ внутреннее свое дѣйствіе

ствіе образуешъ. Въ соспавленномъ не находимъ мы ничего, что бы само по себѣ существовало; ничего, что бы продолжалось, и что бы было постоянно, такъ чтобъ послѣ одного мгновенія ока сказать можно, что оно есть еще по же. Когда я здѣсь, друзья мои, на васъ взираю, то не токмо солнечные лучи, кои о лице ваше преломляются, въ непрерывномъ находящся шеченіи; но и шѣла ваши во внушренномъ образованіи и соспавленіи ихъ прешерпѣли безконечныя переменны. Всѣ части оныхъ не суть уже шѣ, которыя были прежде; но находящся въ безпрестанномъ явленіи и шеченіи переменны, которое ихъ неопрывно влечетъ съ собою. Какъ блаженные древнихъ временъ мудрецы примѣшили, что шѣлесныя вещи не существуютъ, но раждающся и исчезающъ: то и ничего нѣтъ въ нихъ швердаго и продолжшельнаго; но все влечетъ непрерывнымъ спремленіемъ движеній, чрезъ которыя всѣ соспавленные вещи безпрестанно раждающся и раздробляющся. Сіе-то самое разумѣлъ *Омиръ*, когда онъ называлъ *Океанъ* опцемъ, *Тетиду* матерію всѣхъ вещей: симъ хотѣлъ онъ показашъ, что всѣ вещи въ видимомъ свѣшѣ происходяшъ чрезъ непреспанную переменну, и подобно какъ въ ярящемся морѣ, не бывающъ ни одного мгновенія ока на прежнихъ своихъ мѣспахъ.

Ежели соспавленное уже само по себѣ ни къ какому продолженію не способно; то шѣмъ еще менѣе будетъ шakovымъ совершеншво онаго, которое, какъ мы видѣли, не можно ему приписать

писатъ въ твореніи инако, какъ въ отношеніи къ существу чувствующему и мыслящему? И для того видимъ мы въ неодушевленномъ твореніи, что прекрасное блекнетъ и разцвѣтаетъ, совершенное портится, и паки являешся въ новомъ видѣ; что мнимой безпорядокъ и спройство, согласіе и разногласіе, пріятное и противное, благое и злое, перемѣняющся одно съ другимъ въ безконечномъ многообразіи, какъ того пребудомъ употребленіе, польза, спокойствіе, веселіе и блаженство вещей одушевленныхъ, для коихъ все сіе сотворено.

Одушевленная часть творенія содержитъ въ себѣ два рода существъ, изъ коихъ однѣ способны шокмо къ чувственности, а другія къ чувственности и къ размышленію. Оба имѣютъ то общимъ, что состоятъ изъ существа продолжающагося, и могутъ имѣть и наслаждаться внутреннимъ совершенствомъ, которое само по себѣ существуетъ. Мы примѣчаемъ при всѣхъ животныхъ, которыя обитаютъ на земномъ шарѣ, что ихъ чувствованія, знанія, желанія и врожденные естественныя побужденія, удивительнымъ образомъ съ нуждами ихъ согласуются, и всѣ вообще клонятся къ сохраненію, спокойствію и размноженію, а опъ часни и ко благосостоянію потомковъ ихъ. Согласіе сіе находится во внутренности ихъ; ибо всѣ сіи ощущенія и побужденія природы, суть свойства праснаго и невещественнаго существа, которое бывъ въ нихъ знаетъ себя и другія вещи: и потому имѣютъ они истинное совершенство, которое не

не только безъ всякаго отношенія къ другимъ такъ можетъ именоваться, но и собственныя свои части составленія и продолженіе свое имѣетъ. Ежелижъ неодушевленные вещи находясь отъ части для нихъ, дабы они имѣли пропитаніе, веселіе и спокойствіе: то и они со своей стороны способны наслаждаться благодѣяніями сими, чувствовать веселіе и скуку, пріятность и неприятность, желаніе и отвращеніе, благосостояніе и несчастіе, и чрезъ самое то бысть внутренно совершенными или несовершенными. Ежели неодушевленные вещи были средства, употребленные всемудрѣйшимъ Творцемъ: то и всѣ животныя принадлежатъ къ намѣреніямъ его; ибо для нихъ единственно сотворена иѣкопоячая часть неодушевленныхъ, и они имѣютъ способность наслаждаться, и чрезъ то, соответственнo внутренней природѣ своей, сдѣлались совершенными. Но мы примѣчаемъ совсѣмъ сему противное. Сколь много мы ихъ въ свѣтѣ семъ предъ собою ни видимъ, то ни одно изъ животныхъ сихъ не имѣетъ безпрестаннаго побужденія къ высочайшей степени совершенства. Они безъ наслажденія, безъ размышленія, безъ упражненія, безъ намѣренія, и безъ желанія къ знаніямъ, такъ сказать, непосредственнo отъ руки всемогущаго получаютъ способности, привычки и побужденія, кои потребны къ сохраненію и ко умноженію ихъ. Болѣежъ сего они ничего не приобретаютъ, хотя бы жили многіе вѣки, и размножались до безконечности. Да и то, что имѣютъ,

не

не могутъ они ни исправитьъ, ни испорчитьъ, ниже другому сообщить; но производящъ оное вкорененнымъ въ нихъ образомъ, сколь долго сходящемуся сіе обспоятельствамъ ихъ, а попомъ кажется, что сами они все сіе забываютъ. Хотя человѣческимъ стараніемъ нѣкоторыя изъ дворовыхъ живошныхъ и могутъ бытъ къ чему нибудь приучены, какъ то къ войнѣ или къ какимъ нибудь домашнимъ работамъ: однакожъ и самой способъ, которымъ они научаются, довольно уже показываетъ, что жизнь ихъ не назначена къ безпрестанному приобрѣтенію совершенства; но что нѣкоторый степень способности ими получаемыя, есть послѣдней конецъ ихъ, и что сами они ничего болѣе не желаютъ, и никогда не побуждаются къ желанію вещей вышнихъ. Но хотя сіе спокойствіе и глупое удовольствованіе имъ, что они уже получили, не желая возвыситься и получить величайшія знанія; хотя сіе и значить, что они не были главнымъ намѣреніемъ въ великомъ планѣ творенія, но послѣдними и припомъ такими средствами, которыя существамъ достойнѣйшихъ и превосходнѣйшихъ назначеній служили ко исполненію намѣреній Бога: однакожъ источникъ жизни ихъ и чувствованій есть существо простое и само по себѣ существующее, которое во всѣхъ перемѣнахъ, имъ въ печеніи вещей терпимыхъ, всегда имѣетъ нѣчто швердое и продолжительное; и пошому всѣ шѣ качества, кои оно получило чрезъ наспавленіе человѣческое, или непосредственно ошъ руки Божія, собственно при-

принадлежатъ ему, и никогда ужè обыкновеннымъ образомъ совсѣмъ исчезнуть не могутъ, но должны имѣть непрерывныя слѣдствія. Какъ чувствительная сія душа своего бытія никогда не кончается, то и никогда не престаётъ она способствовать намѣреніямъ Божіимъ въ природѣ, и привсякомъ продолженіи бытія своего чинится она способнѣйшею ко исполненію величайшихъ намѣреній Творца своего. Сіе согласно съ безконечнѣйшею Премудростію, съ кою Боги въ совѣтѣ учинили планъ свѣта сего. Все находится въ безпрестанной работѣ и прудѣ, чтобы исполнилъ нѣкоторыя намѣренія плана сего. Каждому истинному существу предписано несказанное слѣдствіе обязанностей, кои оно мало по малу исполнилъ обязано; а дѣйствующее существо, совершая послѣднюю работу, чинится болѣе способнымъ къ произведенію слѣдующей за оною. Послѣдую первоначальнымъ законамъ, духовное существо, оживошворяющее животноныхъ, есть безконечное и продолжающее во вѣки исполнять намѣренія Бога въ порядкѣ и мало по малу, какъ то ему въ общемъ планѣ показано.

Оставятъ ли сіи скоповѣ и единственно чувствующія свойства со временемъ низкой степень свой, и преселятся ли когда волею Всемогущаго во сферу духовъ, сего съ точностію сказать я не могу, хотя ко мнѣнію сему и очень склоненъ.

Разумныя природы и духи, какъ то особливо человекъ на землѣ сей, занимаютъ въ великомъ мірѣ первѣйшее мѣсто. Для вопро-
раго

раго Владыки сего творенія, природа украшаеня своею дѣвичьею красою. Неодушевленное служишь ему не токмо къ пользѣ и спок-йствію, къ пищѣ и одеждѣ, жишельству и безопасному пребыванію, но особливо и къ веселію и наслажденію его; и высочайшія сферы и отдаленнѣйшія звѣзды, кои едва могутъ узрѣшь очи наши, всѣ они въ намѣреніи семъ должны бышь ему полезны. Когда же лаемъ знашь назначенія его здѣсь: по пошрише, что онъ здѣсь же дѣлаешъ. При вступленіи своемъ на позорище міра не приносишь онъ ни искусства, ни побужденій природныхъ, ни врожденнаго влеченія, ни оружія, ни защиты, какъ что при вшествіи своемъ кажется онъ недостаточнѣе и бѣднѣе всякаго живошнаго безсмысленнаго. Но спараніе и способносшь дѣлать себя совершеннѣе, сіи высочайшіе дары, къ копорымъ токмо созданная природа способна, награждаетъ съ лихвою недостаточкъ скопскихъ побужденій и искусствъ, копорыя не могутъ уже никогда исправиться и бышь совершеннѣе. Едва начнешъ онъ наслаждаться свѣтомъ солнца, по уже вся природа соединяетъ, работаетъ ко приведенію его въ совершенство: одно изощряешъ его чувсва, воображеніе и память; другое упражняетъ благородныя способности его познанія, вырабатываетъ его умъ, разумъ, оспрощу и поняшіе; красота природы исправляетъ вкусъ, и чувствованія его дѣлаешъ тончайшими; изящное возбуждаетъ въ немъ удивленіе, и, какъ сказать, возвышаетъ мысли

сли его свѣше сферы плѣнности сея. Порядокъ, согласіе и равномѣріе служатъ ему не только къ разумному веселію; но и всѣ способности души его упражняютъ въ сходномъ совершенствѣ ихъ согласіи. Вскорѣ вступаешъ онъ въ общество подобныхъ ему, дабы взаимственно одинъ другому облегчить способъ къ блаженству: примѣчай же! въ обществѣ семъ являющіяся и образующія въ немъ высочайшія совершенства, копорыя до сего времени были, такъ сказашъ, скрыты. Онъ получаетъ должности, права и обязанности, возвышающія его въ число нравственной природы; мало по малу рождающія въ немъ мысли о правосудіи, справедливости, приспосовности, чести, знаменности и славѣ. Ограниченная прежде склонность любви его къ семейству распространяется къ обществу, а наконецъ и ко всему роду человѣческому; изъ врожденнаго же сожалѣнія происходяшъ благожеланіе, благодареніе и великодушіе. Мало по малу обхожденіе, общество, разговоры и ободреніе приводяшъ всѣ нравственные добродѣтели въ зрѣлость, воспаляютъ сердца дружбою, грудь храбростію, а духъ любовію истинны; распространяютъ въ человѣческой жизни ревность ко взаимнымъ услугамъ; производяшъ по угрюмость, по забаву, по задумчивость, по веселость; кои сладостію своею всѣ уединенныя и необщественныя пріятности превосходятъ. И для того-то не веселитъ насъ имѣніе всѣхъ благъ земныхъ, и наслажденіе жарчайшаго сладостлюбія, ежели мы наслаждашъся оными прину-

ждены бываемъ во уединеніи; даже самыя высочайшія и изящнѣйшія предмѣты природы не восхищаютъ такъ общежитіемъ пользующагося животнаго, по естѣ человѣка, какъ взоръ ему подобныхъ.

Получивъ же разумная сія пварь истинное помятіе о Богѣ и качествахъ Его, по коль же смѣлый шагъ къ высочайшимъ совершенствамъ! Изъ общества подобныхъ ему пварей гсупаешъ онъ въ общество Теорца своего, познаешъ отношеніе, въ которомъ находишься онъ, весь родъ человѣческій, и всякое одушевленное и неодушевленное, къ Вивовнику и Хранишелю всего. Тогда великій порядокъ причинъ и дѣйствій въ природѣ сдѣлается ему порядкомъ средствъ и намѣреній. Чѣмъ онъ до сего времени наслаждался на землѣ, было ему, такъ сказать, сниспосланно изъ облаковъ. Теперь же расходящіяся облака сіи; онъ зрешъ блажайшее Существо, изливающее на него благодѣянія свои. Всѣ качества душевныя и плѣсныя, всѣ достоинства и способности, копорыя онъ имѣешъ, все сіе познаешъ онъ даромъ всеблажайшаго Отца. Всякая красота, согласіе, благо, премудрость, оспорожность, средство и намѣреніе, копорыя онъ до сего времени познавалъ въ видимомъ и невидимомъ свѣтѣ, шеперь разсмаприваетъ онъ, какъ мысли Всемудрѣйшаго, копорыя позволяешся ему чипашъ въ книгѣ творенія, дабы чрезъ шо сдѣлалъ совершеннѣе. Сему любезнѣйшему Отцу и Воспипашелю, сему милоспивѣйшему Владыкѣ свѣща посвящаетъ онъ всѣ добродѣтели

тели сердца своего, копорыя во глазахъ его получающъ божественное сіяніе; ибо онъ знаетъ, что чрезъ нихъ, единственно чрезъ нихъ Всеблажайшему угодишь можешъ. Едина добродѣтель ведешъ насъ ко блаженству, и иначе не можемъ мы угодишь Творцу нашему, какъ спараніемъ о приобрѣненіи блаженства сего. Въ сихъ расположеніяхъ до какой высоты достигаешъ человѣкъ на землѣ сей! Взирайте на него, друзья мои! взирайте на благомыслящаго сего гражданина царства Божія! Какъ всѣ его мысли, желанія, склонности и спрасы между собою согласующся, какъ всѣ онѣ клоняшся ко истинному благосостоянію шварей и ко всепочитанію Творца! О еслибъ цѣлый свѣтъ могъ показашъ хотя одну шварь такого совершенства! Поколебались бы мы тогда въ семъ подражаешъ Божества, въ семъ предмѣшъ благоволенія Божія; поколебались бы мы, говорю, въ предмѣшъ семъ искашъ конца шворенія.

Хотя черпы каршины сея и не касающся всѣ до человѣка вообще, но шокмо до нѣкоторыхъ, копорыя родъ человѣческой украшающъ: однакожъ они суть границею между человѣковъ и высочайшихъ духовъ. Довольно, что они принадлежатъ всѣ въ одно опдѣленіе, и что различіе ихъ состоишъ шокмо въ болѣе или менѣе. Опъ самаго незнающаго человѣка до совершеннѣйшаго между духовъ, всѣ имѣющъ премудрости Божіей и способностямъ своимъ согласное назначеніе, дѣлашъ себя и другихъ совершеннѣйшими. Сей путь имѣ

предписанъ, и наиразвратнѣйшая воля не можетъ сойтись съ онаго. Все, что живешь и думаешь, не можетъ ни мало преспать выработываясь свои знанія и желательныя силы, превращаясь ихъ въ способности, слѣдственно болѣе или менѣе, скорѣе или пише приближаясь къ совершенству. Но когда достигнутъ цѣль сію? Сколько мнѣ кажется, по никогда такъ совершенно, чтобъ не можно было свой путь продолжая далѣе; ибо совершенныя природы не могутъ никогда достигнутъ такого совершенства, чтобы далѣе онаго и думать уже не возможно было. Чѣмъ выше онѣ взлещаютъ, тѣмъ болѣе открываютъ онѣ отдаленностей, которыхъ еще не видали, и которыхъ побуждаютъ насъ шествовать далѣе. Цѣль желанія сего подобно, какъ и время, состоитъ въ безпреспанномъ умноженіи. Подражая Богу, можемъ мы мало по малу приближаться совершенствамъ; а въ семъ по приближеніи и состоитъ блаженство духовъ; но путь къ онымъ безконеченъ, такъ что и во вѣки окончишь онаго не можно. Для сего - по и усилія наши въ жизни сей никогда не имѣютъ предѣловъ. Всякое желаніе человека простирается само по себѣ до безконечности. Желаніе наше къ знанію есть ненасытно, честолюбіе наше также ненасытно, и самая подлѣйшая скупость мучитъ насъ и безпокоитъ, и никогда совершенно удовольствована бытъ не можетъ. Чувствованіе красоты ищетъ безконечности: изящное привлекаетъ насъ неисповѣдимостию, которая ему сродна;

сласполюбіе какъ скоро преидешь предѣлы насыщенія, такъ скоро спановишься намъ прошивнымъ. Гдѣжъ мы видимъ предѣлы, кои преишишь намъ не можно, тамъ воображеніе наше чувствуешь себя, такъ сказать, прикованнымъ, и сами небеса кажутся намъ не могушъ вмѣстипшь бышія нашего: и для того даемъ мы волю воображенію нашему, и предѣлы описоянія удаляемъ до безконечности. Сіе безконечное желаніе, опдаляющее безпреспанно границы свои, согласуешся съ сущеспвомъ, качествами и назначеніемъ духовъ. Чудесныя шворенія Безконечнаго имѣюшъ довольно маперіи, чшобы во вѣки пишащъ желаніе сіе. Чѣмъ болѣе углубляемся мы въ шайности оныхъ, шѣмъ проспраннѣйшіе виды предспавляющся жаднымъ взорамъ нашимъ; чѣмъ болѣе мы внимаемъ, шѣмъ болѣе находимъ познавашъ; чѣмъ болѣе наслаждаемся, шѣмъ болѣе неизчерпаемымъ находимъ мы испочникъ сей.

И такъ можемъ мы, продолжалъ *Сократъ*, полезишь швердо, чшо сіе побужденіе къ швершенству, сіе умноженіе, сіе приращеніе внушпенной изящности ешъ назначеніемъ мыслящихъ сущеспвъ, слѣдовашельно и высочайшей конецъ шворенія. Мы можемъ сказать, чшо сіе неизмѣримое зданіе міра произведено для того, чшобы раждались мыслящія сущеспва, кои бы часъ опъ часу возвышались, приходиши въ вящшее швершенство, и въ семъ приращеніи обрѣшали блаженство свое. Но чшобъ всѣ сущеспва сіи одерживаемы были въ пупи

ихъ, не только одерживаемы, но и вдругъ низвергаемы въ пропасть, и такимъ образомъ лишались бы всѣхъ плодовъ трудовъ своихъ; сіе Всевышнему Существу никогда угодно бышь не можешь, и въ планѣ такого свѣта, который изъ всѣхъ прочихъ наиболѣе ему понравился, конечно никогда послановлено не было. Онѣ, какъ просныя существа, суть невольницы; какъ существа сами по себѣ пребывающія, но и совершенства ихъ суть продолжительны, и имѣютъ безконечныя слѣдствія; какъ мыслящія существа, но безпрестанно старающіяся о умноженіи и приращеніи совершенствъ своихъ: природа же предлагаетъ имъ довольно матеріи къ безконечному приращенію сему; а какъ высочайшей конецъ шворенія, но и не могутъ подлежать другимъ намѣреніямъ, слѣдственно и не могутъ имѣть препятствія ихъ. Прилично ли сіе Премудрости, чтобъ произвести для того, дабы духи, которыхъ Она въ него помѣстила, взирали на чудеса оной и были блаженны; но чтобъ, спустя попомъ мгновеніе ока, у самихъ духовъ сихъ опниять на вѣки и блаженство ихъ и способность къ разсужденію? Согласно ли по сѣ Премудростию, чтобъ тѣнь блаженства, которая приходитъ и опходитъ, учинить высочайшимъ концемъ чудошвореній оной? Ахъ ишь! друзья мои! не всеу Всевидящій вложилъ въ насъ желаніе къ вѣчному блаженству: оно можешь удовольствоваться, и конечно удовольствуешься. Намѣреніе шворенія продолжается сполько же, какъ и швореніе самое; а удивляющіеся боже-

спвен-

спвеннымъ совершенствамъ споль долго, какъ швореніе, вѣ которомъ сіи совершенства видящся. Подобно, какъ здѣсь служимъ Владыкѣ вселенныя, вырабатывая способности наши: такъ и вѣ будущей жизни будемъ мы проложашь, подѣ Божескимъ Его Покровительствомъ, упражняющься вѣ добродѣтели и вѣ премудрости, безпрестанно чинящь себя совершеннѣе и способнѣе, исполнящь слѣдствіе Божескихъ наміреній, прогрессирующее до безконечности. Чпобѣ найши гдѣ нибудь прелящство вѣ пуши семѣ, сіе прошиворѣчящь очевидно Премудрости, Благости и Всемогуществу Божію, копорый дѣлая планъ міру сему, желалъ сего споль же мало, какъ и величайшаго несчастія невинныхъ шварей.

Сколь много сожалѣнія достойно состояніе умирающаго, копорый чрезѣ несчастное и ложное умствование, лишалъ себя упѣшипельнѣйшей надежды, но еспь, ожиданія будущаго! Онѣ не долженъ размышлящь о состояніи своемъ, жищь вѣ заимѣніи, или опчаявающься. Чпо можешъ быщь ужаснѣе человѣческой душѣ, какъ уничтоженіе? И чпо несчастнѣе, какъ человекѣ, взирающей на скорое сего уничтоженія пришествіе, и копорый, ожидая онаго со страхомъ и опчаяніемъ, воображаешъ себѣ, чпо ужѣ оное чувствуешъ? Вѣ счастья вкравшись ужасная мысль сія уничтоженія между сласполубивѣйшими предшавленіями, подобно какъ змѣя между цвѣтами, наслажденіе жизни нашея напоешъ ядомъ; вѣ несчастіи же повергаешъ человекѣ на землю безѣ всякой на-

дежды, опираясь у него единое утѣшеніе, которое можетъ умалить несчастіе его, по еспѣ, надежду лучшей жизни въ будущемъ. Конечно! мысль сія предстоящаго уничтоженія, споль мало сходствуетъ съ природою души человѣческой и со всѣми ея свойствами, что, съ которой стороны ни спанемъ мысль сію разсмапривать, и куда ни обратимся, всюду представляющія намъ шмы глупостей и противурѣчій. Что предспавишь жизнь сія со всѣми трудами, заботами, попеченіями, и болѣзнями въ ней приключающимся, ежели пріятныя оной минуны будупъ еще исполнены страхомъ неизбѣжнаго уничтоженія? Что предспавишь время вчерась и сего дня, коихъ завпра ужё не будетъ? Нѣкую презрительнѣйшую малость, которою всѣ его труды, работы, старанія и безпокойства, съ коими оную сохраняешъ, плашмя очень худо. Однакожъ для того, кшо лучшаго не ожидаетъ, малость сія составляетъ все. Слѣдую ученію его, шеперешнее бышіе его должнобъ ему казаться высочайшимъ благомъ, съ копорымъ ничто въ свѣшъ сравнисья не можетъ; должнобъ болѣзнями и мученіями исполненная жизнь лучше предпочтенною бышь смерти, яко совершенному уничтоженію сущесва его; и любовь его къ жизни ничемъ бы не должна побѣждашья. Какое спремленіе, какое разсужденіе было бы споль сильно, чшобъ побудило его влансья въ наималѣйшую опасность жизни? *Честь и Слава!* Но сіи шѣни изчезаютъ, какъ скоро идешь рѣчь о сущесвнномъ добрѣ,

рѣ, съ которымъ сравнивать ихъ должно. — *Отъ сего записитъ благо дѣтей, друзей, отечества его?* — Хотябъ онъ того зависѣло благо всего рода человѣческаго; но ему наималѣйшее веселіе нѣсколькихъ минушъ сославляетъ все, чѣмъ только успѣшишь надѣяться, и слѣдственно сіе есть величайшей для него важности: и такъ можешь ли онъ впасть оное въ опасность? То, что онъ подвергается опасности, никакъ несравнительно съ шѣмъ, что онъ уповаетъ; ибо слѣдуя софизмамъ его, жизнь въ сравненіи со всѣми прочими благами есть наипервѣйшее.

Но не было ли такихъ Ироевъ, которые не бывъ увѣрены о безсмертіи, полагали жизнь свою за защищеніе правъ человѣчества, вольности, добродѣтели и истины? Конечно; да еще и такихъ много было, которые подвергали жизнь свою изъ намѣреній гораздо менѣе ихъ похвалы достойныхъ. Однакожъ не разсудокъ, а сердце къ тому ихъ побудило; и сими подвигами опровергали они правила свои, и сами того не зная. Кто ожидаетъ будущей жизни, и почиаетъ намѣреніемъ бытія своего приближеніе, нечувствительными степенями, къ безконечному Совершенству пошъ можешь самъ себѣ сказать: „Смапри!
 „ Ты посланъ сюда съ шѣмъ, чтобы способ-
 „ ствуя добродѣтели, дѣлалъ самъ себя совершен-
 „ нѣе: и такъ долженъ ты спараться, полу-
 „ чить доброе, ежели инако не возможно, хо-
 „ тя и съ опасностію живота своего. Грозитъ
 „ ли ширани паденіемъ опеческву твоему, у-
 К 5 „ гнѣ-

„гнѣшаемо ли правосудіе, обилима ли добродѣ-
 „шель, гонимы ли законѣ Божій и истинна:
 „но дѣлай употребленіе изъ жизни твоей,
 „для котораго она тебѣ и дана. Умри, дабы
 „чрезъ по человѣческому роду сохранишь дра-
 „жайшія средства ко всеобщему блаженству
 „его! Достоинство способствовать благу, не
 „ущадя себя, дѣлаешь твое существо гораздо
 „драгоцѣннѣе, и въ тоже время дѣлаешь бы-
 „тіе его безконечнымъ. Какъ скоро смерть
 „предлагаетъ мнѣ то, чего жизнь дать не
 „можетъ: то должность, званіе и назначеніе
 „мое велятъ мнѣ умереть.„ Тогда шокмо
 можно полагать цѣну жизни, и сравнивать
 оную съ прочими благами, когда разсмотрѣ-
 гаешься она, какъ средство ко блаженству. Но
 какъ скоро съ жизнью перьяемъ мы и бытіе
 наше, то ужё не есть она болѣе средство,
 но намѣреніе и конецъ всѣхъ желаній нашихъ,
 высочайшее благо, которое мы только приоб-
 рѣсть можемъ, которое мы стараемся получить,
 и которое мы любимъ единственно для него
 самаго. Никакое благо въ свѣтѣ съ онымъ
 сравнишь, кольми паче предпочтено оному
 бытъ не можетъ; ибо оно всѣ прочія разсу-
 денія важностию своею превосходитъ. И для
 того-то не могу я вѣрить, чтобъ челоуѣкъ,
 думающей, что съ жизнью сею все кончается;
 чтобъ такой челоуѣкъ, говорю я, слѣдуя
 своимъ правиламъ, принесъ себя на жертву
 благу отечества своего, или всего рода чело-
 вѣческаго. Напрощивъ я думаю, что сколь
 часто, на примѣрѣ, благо отечества пребу-
 етъ,

ешь, чшобъ гражданнѢ пошерялѢ жизнь, или
 чшобъ шокмо подвергнулѢ себя опасности по-
 шеряшь оную: слѣдуй мнѣнію сему, между
 опечесшвомѢ и гражданиномѢ симѢ должна
 возснать война, и, чшо еще удивительнѣе, вой-
 на сѢ обоихѢ споронѢ справедливая. Ибо опе-
 чество не имѣешѢ ли права шребовать онѢ
 гражданина сего, чшобы онѢ жершвовалѢ со-
 бою общему благу? Кто скажетѢ сему про-
 шивное? Но гражданинѢ сей имѣешѢ право
 сему совершенно прошивное, какѢ скоро жизнь
 ешь для него высочайшимѢ благомѢ. ОнѢ
 можешѢ онѢ смѣешѢ; да: слѣдуй правиламѢ
 симѢ, обязанѢ онѢ поступать шакимѢ обра-
 зомѢ, чшобъ искашь паденія опечесшву своему,
 дабы чрезѢ шо хопя на нѣсколько дней про-
 должишь драгоцѣнную жизнь свою. Слѣдуй
 мнѣнію сему, каждому нравспвенному суще-
 ству принадлежишь совершенное право, причи-
 нишь паденіе всему свѣшу, ежели чрезѢ шо
 его жизнь, шо ешь, бышіе его продолжишься
 можешѢ. Такое же право имѣюшѢ и прочія
 существа ему подобныя. Какое же всеобщее
 возмущеніе, какой безпорядокѢ, какое замѣша-
 шельство произродяшся во всемѢ нравспвен-
 номѢ свѣшѢ! Война сѢ обѣихѢ споронѢ спра-
 ведливая, война всеобщая между нравспвенными
 существами, гдѢ каждое по справедливости
 имѣешѢ на своей споронѢ право; брань, кошо-
 ря сама по себѢ и правосуднѣйшимѢ судією
 вѢ свѣшѢ по праву и справедливости рѣшена
 бышь не можешѢ. ЧшожѢ можешѢ бышь сего
 безумнѣе?

Ежелибъ всѣ мнѣнія, о коихъ человеки когда нибудь спорили и сомнѣвались, предложить предъ судилищемъ Истинны: какъ думаете, друзья мои? Не поспѣе ли бы Божество сіе рѣшило ихъ, и положило твердо, которое мнѣніе справедливо, и которое ложно? Безспорно: ибо въ царствѣ Истинны нѣтъ никакого сомнѣнія, никакого ложнаго вида; но всѣ поспѣе рѣшатся справедливо, или признаны будутъ ложными. Каждой также, думаю, согласишься и на сіе, что такое ученіе неосмѣнно должно быть ложное, которое не можетъ утвердиться, ежели въ царствѣ Истинны не полагаемъ мы прошивурѣчія, нерѣшимыхъ сомнѣній, или неизвѣстностей; ибо въ царствѣ семъ владычествуетъ наисовершеннѣйшее согласіе, которое ничемъ прервано или разрушено быть не можетъ. Въ такомъ же положеніи находится и правосудіе: всѣ споры и всѣ раздоры рѣшатся предъ трономъ ея по правиламъ вѣчнымъ и непремѣннымъ. Тутъ нѣтъ ни одного случая, который бы былъ сомнительнъ или неизвѣстенъ; тутъ нѣтъ ни одного права колеблющагося; тутъ нѣтъ двухъ нравственныхъ существъ, которыябъ на одну вещь имѣли равное право. Всѣ слабости сіи суть наслѣдіе непроницающаго человека, который не довольно вникаетъ въ прошивныя мнѣнія, или не можетъ сравнивать ихъ; но въ разумѣ Всевышняго Духа всѣ должности и права нравственныхъ существъ, равно какъ и всѣ истинны, находятся въ совершеннѣйшемъ согласіи. Всякое спеченіе правъ

и должностей, могущее ограниченное существо привесипи въ сомнѣніе, находивъ здѣсь рѣшеніе непоколебимое; и въ разсужденіи Бога, прошивныя права споль же неразсудительны, какъ и прошивныя предложенія, бышь и не бышь, приписываемыя въ одно время и одной вещи. Что же надлежитъ намъ сказать о такомъ мнѣніи, которое, чрезъ шѣсно совокупленныя слѣдствія, приводитъ насъ на пакія между собою прошивныя и колеблющіяся мысли? Примутся ли онѣ предъ шрономъ Истинны?

Другъ мой *Критонъ*, предъ нѣсколькими днями, не хотѣлъ со мною согласиться, что я республикѣ и законамъ обязанъ, подвергнушь себя назначенному мнѣ наказанію. Ежели образъ его мыслишь не совсѣмъ мнѣ неизвѣстенъ: то кажется, что въ семъ сомнѣвался онъ для того, что приговоръ мнѣ объявленный почишалъ несправедливымъ. А когдабъ онъ зналъ, что я въ самомъ дѣлѣ въ обвиняемомъ меня преступленіи виновенъ; то безъ сомнѣнія не сомнѣвался бы онъ, что республика имѣетъ право, казнить меня смертію, и я обязанъ подвергнушь себя наказанію сему. За правомъ дѣлашь всегда слѣдуетъ обязанность перпѣшь. Ежели республика, какъ и прочія нравственныя особы, имѣетъ право наказывать обидящаго ея (*); и ежели не довольно на-

(*) Право мщенія или позмездія за учиненную обиду тѣлесными болѣзнями, можетъ имѣть мѣсто и въ естественномъ состояніи; а не имѣетъ

наказанія легкаго, по хошя и смертнiю каз-
нишь: по обилищей, по самой строгой спра-
ведливости, обязаѣ шерпѣшь наказанiе се.
Безѣ

оснопанiя споего, какѣ то утперждають нѣ-
которыя Философы, на общественномѣ согла-
сiи, и отѣ принятаго прапа собственности не
записяѣтъ. Челодѣкъ и дѣ естественномѣ со-
стоянiи обязаѣ стараться о сохраненiи сева,
о здрапiи и сопершенствѣ споемѣ, и имѣѣтъ пра-
по, употребляѣть позполенныя къ тому сред-
ства: почему и можетѣ онѣ удржѣть другихѣ,
чтобы они дѣ непинномѣ исполненiи прапа се-
го ему не препятстпопали. Слѣдственнo
имѣѣтъ онѣ сопершенное прапо требопѣть отѣ
каждаго, чтобы его не обижалѣ; а для дальня-
го удржанiя отѣ обиды, пользопѣтъся
прапомѣ мщенiя или наказанiя. Тягость
наказанiя размѣряѣтъся по обидѣ, а осо-
блипо по дѣроятности, что оног достаточ-
но будѣтъ защититѣ отѣ будущей обиды.
Почему и смертныя наказанiя выпають
спрапедлипы, ежели легчайшiя къ тому не
достаточны. Ежели кто нибудѣ дѣ есте-
ственномѣ состоянiи раззоритѣ мою хижину,
пзмутитѣ поду, или вроситѣ дѣ меня кам-
немѣ, того имѣю я прапо наказѣть, хотя
прапо собственности и не ппедено, и обще-
ственное не заключено согласiе. Никто не
будѣтъ споритѣ, что каждое государство
имѣѣтъ прапо наказѣть чужестранца, оби-
дишшаго оног, хотя пладѣнiе сiе и не состоитѣ
дѣ общественномѣ сѣ ними согласiи. Государ-
ства дають пзаимственное прапо наказы-
пѣть, хотя и находятся дѣ естественномѣ
между собою положенiи.

Безъ сей спрадательной обязанности, право оное было бы пусной звукъ, слово безъ мысли и безъ означенія. Подобно какъ въ естественномъ себѣ и въ дѣйствіи безъ спраданія, такъ и въ нравственномъ не можешь быть права на какую нибудь особу, чѣобы со стороны особы сей не было обязанности (*).

Я не сомнѣваюсь, друзья мои, что Критонъ и всѣ вы въ ономъ согласны. Но мы не думали бы такъ, ежели бы послѣ жизни сея ничего болѣе не ожидали. Слѣдуя ложному мнѣнію, наивеличайшей пресупицикѣ не былъ бы обязанъ, перпѣшь наложенное на него наказаніе; но ежели онъ пропивъ республики учинился доспойнымъ смерши, по имѣющъ право при-

(* Право сильнѣйшаго не можетъ, пѣ цар. стдѣ Истинны, рѣшить никакого дѣла. Сила и право суть со естественомъ ихъ такъ различны, что какъ сила право, такъ и право силу произнести не можетъ. На одной сторонѣ право безъ обязанности, на другой должно рѣшено быть силою: но сіз есть безсмысленно. Ежели родители имѣютъ совершенное право, тревопать отъ дѣтей спохъ послушаніе; то сіи съ споей стороны обязаны имъ поинопать. Ежели дѣти до того времени, какъ сами содержать себя не могутъ, имѣютъ право, тревопать содержаніе ихъ отъ родителей спохъ: то и сіи обязаны содержать ихъ. Несопершенному праву отпѣтствуется несопершенное обязательство. Кто токмо не чуждѣ пѣ начальныхъ основаніяхъ естественнаго права, тотъ не будтъ сомнѣваться и пѣ предложеніяхъ сихъ.

причинить паденіе опечеству своему, которое желаетъ смерти его. Что случилось, то уже не перемѣнишь; а жизнь есть для него высочайшее благо: то какъ же можетъ онъ своему благу предпочесть благо республики? Какъ можетъ природа предписать такое право, которое не клонится къ высочайшему благу? Какимъ образомъ можетъ онъ быть обязанъ что нибудь дѣлать, или перѣтъ, что блаженству его совершенно противорѣчитъ? (*) И такъ не токмо не можетъ быть ему непозволено, но нагропивъ онъ еще и обязанъ, опустошить царство сіе огнемъ и мечемъ, ежели токмо чрезъ то можетъ спасти живущихъ свой. Но чрезъ что же могъ злодѣй получить сіе бѣдственное право? Прежде нежели учинилъ онъ наказанія достойное пресупленіе, какъ человекъ, былъ онъ обязанъ способствовать благу человекомъ, а какъ гражданинъ, благу согражданъ своихъ. Чтожъ теперь освобождаетъ его отъ обязанности сей? Чрезъ что же получилъ онъ право, уничтожать подобныхъ ему? Что учинило перемѣну сію въ должно спяхъ его? Кто осмѣлился опечестивовать: *Сіе самое учиненное имъ преступленіе.*

Еще

(*) Всѣ правдѣ, естественнѣмъ человекѣку предписанныя, должны имѣть концемъ своимъ его высочайшее благо. Ежели наше высочайшее благо есть блаженство; то должность наша можетъ намъ пожелать, блаженство предпочитать жизни нашей. Но ежели сама жизнь есть высочайшее благо: то не можетъ быть такой должности, которая въ принуждала насъ лишиться жизни.

Еще другое несчастное слѣдствіе мерзопышнаго мнѣнія сего есть сіе, что утверждающіе оное должны отрицать Провидѣніе Божіе. Ибо, по мнѣнію ихъ, жизнь человѣка находится въ тѣсныхъ предѣлахъ между рожденіемъ и смертію, слѣдственно и могутъ они продолженіе оной обозрѣшь очами своими, и слѣдственно имѣютъ они довольно знанія разсуждать о путяхъ Провидѣнія, ежели оно есть. Теперь видите вы въ свѣтѣ семъ многія произшествія, которыя очевидно противорѣчатъ понятію, которое имѣемъ мы о качествахъ Бога. Иное противно благости Его, иное правосудію, а иногда принуждены бываемъ думать, что жребій человѣка управляется такою причиною, которая веселился зломъ. Въ естественной части человѣка находите вы во всемъ порядокъ, красоту и согласіе; премудрѣйшія намѣренія и совершеннѣйшее согласіе между концемъ и средствами, ясныя доказательства премудрости, и благости Божіи. Но въ нравственномъ и общественномъ житіи человѣка, сколько мы оное обозрѣшь можемъ, слѣды божественныхъ свойствъ, бывають иногда совсѣмъ непримѣнны; порожествующіе пороки, увѣнчанныя злодѣйства, гонимая невинность, угнѣщаемая добродѣтель представляются не рѣдко; невинные и правдивые не рѣже страдаютъ злодѣевъ; возмущеніе удастся также часто, какъ и премудрѣйшее законоданіе; неправедная война столь же успѣшна бываетъ, какъ и истребленіе чудовищъ, или иное благодѣйственное предпріятіе,

ніе , учрежденное ко благу рода человѣческаго :
счастіе и несчастіе раздѣляюся равно какъ
добрымъ , такъ и злымъ , безъ примѣннаго
различія , и въ глазахъ софисмовъ должны раз-
дѣлены бытъ между человѣками , не взирая
на добродѣтель и достоинство. Ежелибъ все-
мудрое , всеблагое и правосудное Существо пек-
лося о жребіи человѣка , и оное разпредѣляло
по соизволенію своему : то не владычествовалъ
либъ въ нравственномъ сѣшѣ такой же по-
рядокъ , каковому удивляемся мы въ естествен-
номъ.

Правда , нѣкоторыя могутъ сказать :
„ Всѣ сіи жалобы происходятъ отъ безо-
„ койныхъ нравовъ , коихъ ни Боги , ни чело-
„ вѣки никогда удовольствоваться не могутъ .
„ Исполни всѣ желанія ихъ , возведи ихъ на
„ высочайшей степени блаженства : однакожъ
„ въ жадныхъ сердцахъ своихъ найдутъ они
„ довольно своенравія и неудовольствія , что-
„ бы жаловаться и на благодѣтелей сво-
„ ихъ . Въ очахъ человѣка умѣреннаго и
„ презваго , благая міра сего раздѣлены не
„ такъ неравно , какъ по нѣкоторыя дума-
„ ютъ . Добродѣтели по большей части со-
„ пущешествуютъ внутреннее спокойствіе , ко-
„ торое составляетъ сладчайшее награжденіе ,
„ нежели счастіе , честь и знаиность . Угнѣ-
„ шаемая невинность рѣдко пожелаетъ бытъ
„ на мѣстѣ пирана , насупающаго на выю ея ;
„ за мечущееся въ глаза счастіе заплашилабъ
„ она весьма дорого внутреннимъ безпокой-
„ ствіемъ . Вообще сказать , кто болѣе взи-
„ раетъ

раешъ на чувствованія челоѡковъ, нежели на ихъ разсужденія, пошъ не найдешъ со-
 споянїе ихъ споль достойнымъ сожалѣнїа,
 какъ они описываютъ его въ своихъ рѣчахъ
 и разговорахъ. Вошъ иной чпо скажетъ во
 оправданїе пупей премудраго Провидѣнїа. Но
 всѣ разсужденїа сїа погда шокмо дѣйсшвитель-
 ны, когда съ жизнью нашею не все еще кон-
 чаетъся, и когда надежды наши и послѣ сего
 до безконечности простираются. Въ семъ слу-
 чаѣ можешъ, да и должно, для вѣчнаго бла-
 женства нашего, быть гораздо важнѣе, ежели
 мы будучи окружены несчастїями, научаемся
 шерпѣнїю, швердосши, и преданности воли
 Божїей, нежели бывъ въ счастїи и изобилїи,
 сами себя забываемъ. Хотя я жизнь мою
 окончаетъ въ шыячѣ различныхъ мѡкахъ: шо
 чпо мнѣ до сего нужды, ежели чрезъ сїе ду-
 ша моя прїобрѣла красоту шраждущей невин-
 ности, и шѣмъ за всѣ ея мученїа награждена
 ужѣ съ лихвою? Мѡка сїа ешъ временна, а
 награжденїе вѣчно. Но чпо же награждаетъ
 шого, кпо въ мѡкахъ сихъ все бынїе свое
 шкончаетъ, и съ послѣднимъ дыханїемъ ли-
 шаетъ всей красоты духа своего, кшпорую
 прїобрѣлъ онъ на землѣ сей? Не жестокъ ли
 жребїй шакго челоѡка? Кпо сїе шакъ распо-
 рядилъ, можешъ ли шшъ бышъ благимъ и
 правосуднымъ? Но положимъ, чпо познанїе сво-
 ея невинности награждало бы всѣ горешныя
 чувствованїа, и самое мученїе смерти, кшпо-
 рую невинной получаетъ онъ рукъ гонителя
 своего; шо сей мучитель, сей нарушитель Бо-

жескихъ и человѣческихъ законовъ, скончается ли онъ, говорю я, не будучи выведенъ изъ слѣпаго жестокосердія своего, въ которомъ онъ жилъ, и не получа лучшаго понятія о злѣ и благѣ; не признавая никогда, что свѣтъ сей управляемъ такимъ премудрымъ Существомъ, которое находишь удовольствіе въ добродѣтели? Ежели мы не должны надѣяться будущей жизни, то Провидѣніе не можно оправдать, ни въ разсужденіи гонимыхъ, ни въ разсужденіи гонимыхъ.

Къ несчастію, многіе обмануты ложными сими запрудненіями, оприцають Провидѣніе. Всевысочайшее Существо, говорятъ они, ни мало не печется о жребіи человѣка, хотя и одарило его совершеннѣйшею естественною природою. Добродѣтель и порокъ, невинность и злодѣйство, служатъ ли кто ему или его проиждывающъ, все сіе, говорятъ они, ему равно. Къ сему присовокупляющъ еще многія какъ смѣшныя, такъ и порочныя мнѣнія, которыя неоптѣнно родящся, какъ скоро сойдешь съ пути истинны. Я почишаю, друзья мои, за излишнее, говоришь много о неосновательности мнѣній сихъ; ибо всѣ мы увѣрены, что находимся подъ Божіимъ покровомъ, и что доброе получаемъ отъ десницы Его, а несчастіе не иначе къ намъ приходитъ, какъ его попушеніемъ.

Но мы знаемъ вѣрнѣйшей и легчайшей путь для выхода изъ лабиринта сего. Въ нашихъ глазахъ нравственное свѣта сего смоль же мало прѣшивно совершенству Создателя,

пеля, какъ и естественное. Подобно находящіяся въ частяхъ естественнаго свѣта, безпорядки, какъ по буря, гроза, землетрясенія, наводненіе, моровая язва и прочее, клонящаяся всѣ къ совершенству неизмѣримаго цѣлаго; также равно и въ нравственномъ свѣтѣ, въ жребіи и приключеніяхъ человѣка, всѣ временныя недоспашки способствуютъ къ вѣчному совершенству, временныя несчастія къ продолжительнѣйшему исправленію; да и самыя спрдаданія прешворяются въ привычку, и которыя для нашего блаженства суть необходимы. Чшобы разсмапривать жребій единаго человѣка во всемъ его видѣ, по надлежитъ намъ обзорѣть его во всей вѣчности. Тогда шокмо можемъ мы разсуждать и разсмапривать пупи Провидѣнія, ежели мы вѣчное продолженіе разумнаго существа приведемъ подѣ одинѣ предметѣ слабости нашей приличной. Но ешьлибѣ сіе было возможно, по будыше, друзья мои, увѣрены, чшобы тогда не хулили, не роптали и не были недовольными, а будучи преисполнены удивленія, началибѣ почищать и обожать премудрость и благость Владыки міра.

Изо всѣхъ сихъ доказательствѣ, друзья мои! слѣдуетъ швердое увѣреніе будущія жизни, которое совершенно успокоить насъ можетъ. Сила чувствовать не ешь свойство шѣла или искуснаго спроенія его: но существуетъ сама по себѣ, и по ешеству своему ешь дошояніе существа проснаго, и слѣдовательно не исчезаетъ. Да и совершенство, которое

пріобрѣтено сущесвомъ симъ, въ разсужденіи его самаго должно бытъ безконечныхъ слѣдствій, и безпрестанно дѣлаться способнѣйшимъ ко исполненію намѣреній Божіихъ въ природѣ. А особливо душа наша, какъ существо разумное и спарающееся о совершенствѣ, принадлежащѣ къ роду духовъ, составляющихъ намѣреніе творенія, и непрестающихъ взирать на дѣла Божія, и прославляющѣ оныя. Начало бышя ихъ, какъ мы видѣли, естъ желаніе и безпрестанное пріобрѣтеніе одного совершенства послѣ друг-го; существо ихъ способно къ безпрестанному приращенію; склонность ихъ идетъ очевидно до безконечности; а природа неутолимою жаждою исполненнымъ желаніямъ ихъ предлагаетъ неизчерпаемый источникъ. Сверхъ же того, какъ существа нравственныя, имѣющѣ оныя порядочное собраніе правъ и должностей, которое было бы преисполнено глупости и противорѣчій, ежелибъ оныя были удерживаемы въ пущи ихъ къ совершенству, или оныя были опгоняемы. Наконецъ безпорядокъ и неправосудіе, которыя, кажущяся, нами владычествующѣ въ жребіи челоука, приводящѣ насъ на проспанную связь слѣдствій, въ которой все по рѣшился, что намъ кажущяся неповяннымъ. Кто здѣсь съ твердостью, и, такъ сказать, не взирая на несчастіе, исполняетъ свою должность, и все превращеніи сноситъ, отдавая себя въ волю Божію; тошъ долженъ наконецъ наслаждаться награжденіемъ добродѣтели своей: а порочный не можетъ безъ того умереть, чтобъ, какимъ бы

по образомъ ни было, не узналъ, что злодѣйство не есть нупь ко блаженству. Однимъ словомъ, сіе прошиворѣчило бы всѣмъ качествамъ Бога, Его премудрости, благости и правосудію, ежелибъ онъ разумныя и о совершенствахъ спарающіяся сущесва, сотворилъ шокмо на крашкое время.

Ежели кто изъ васъ скажетъ: „Хорошо, „Сократъ! ты показалъ намъ, что мы должны ушѣшаться будущею жизнію: скажи же намъ и то, гдѣ пребывашь будущъ усопшихъ дѹши? Въ какомъ мѣстѣ *Евѳра* будущъ имѣшь жилище свое? Чѣмъ будущъ упражняшь? Какимъ образомъ наградишь добродѣтельныя, а порочныя приведущи къ лучшему познанію? „

Ежели кто такимъ образомъ меня спросишь, шому въ отвѣтъ скажу: Другъ мой! ты шребуешь опъ меня болѣе, нежели въ чемъ должность моя состоишь. Я провелъ себя чрезъ всѣ кривизны лабиринта, и показалъ тебѣ изъ онаго выходъ: здѣсь кончится должность моя. Другіе душеводители могутъ тебя далѣе вести. Будущъ ли дѹши безбожныхъ шерпѣшь хладъ или жаръ, гладъ или жажду, будущъ ли онъ ушопашь въ болонѣ Ахерузскомъ, или до шого времени, какъ очиспяшся, провождашь время свое въ мрачномъ шаршарѣ, или въ пламени Пирифлегетона; а дѹши блаженныхъ находясь въ землѣ блистающей златомъ и другими каменьями, будущъ ли чистѣйшимъ воздухомъ шипашься, и наслаждашься сіяніемъ упренія зари, или покоясь во обѣщаніяхъ вѣчныя юности, вкушашь не-

кшарѣ и амвросію : обо всемѣ ономѣ , другѣ мой , ничего я подлиннаго не знаю . Философіяжѣ вѣщаешѣ намѣ о награжденіи добродѣтели и о наказаніи порока . Чпожѣ касаешся до меня , шо я довольсшвуюсь шѣмѣ , что могѣ себя увеѣришь , что я вѣчно буду подѣ покровительсшвомѣ Бога , что Его святое и правосудное провидѣніе и вѣ сей и вѣ будущей жизни обо мнѣ печешся , и что истинное блаженсштво мое состоишѣ вѣ красотѣ и совершенсшвахѣ духа моего ; а оныя суть умѣренность , правосудіе , свобода , любовь , благожеланіе , познаніе Бога , споспѣшествованіе намѣреніямѣ Его , и преданіе себя во свяшую волю Его . Всѣ блаженсштва оныя ожидаюшѣ меня вѣ будущей жизни , куда я спѣшу ; и чшобы весшупить сѣ швердымѣ духомѣ вѣ пушь кѣ оной жизни меня ведущій : шо ничего болѣе знанш я нужды не имѣю . Вы *Симмій* и *Кепитѣ* , и прочіе друзья мои ! всѣ вы послѣдуешѣ мнѣ , каждый во свое время . Неизбѣжимый жребій зовешѣ уже меня кѣ себѣ , такѣ сказалѣ бы писашель трагедій : уже время ишши вѣ баню ; ибо я почижаю за приличное приняшѣ ядѣ послѣ бани , дабы женщинѣ извбавишь опѣ шруда , омывашѣ шѣло мое .

Какѣ *Сократѣ* переспалѣ говоритѣ , шо началѣ *Критонѣ* : Да будешѣ такѣ ! сказалѣ онѣ ; но что же приказываешѣ шы мнѣ и друзьямѣ швоимѣ вѣ разсужденіи дѣшей швоихѣ , и о прочихѣ обшпояшельсшвахѣ домашнихѣ ? Чѣмѣ можемѣ мы шѣбѣ услужить ?

Тѣмъ, любезный *Критонъ*! чѣмъ вы жили такъ, какъ уже давно я васъ просилъ. Болѣе прибавивъ къ оному ничего не имѣю. Ежели вы будете наблюдать сами себя, по будете полезны мнѣ, моимъ и самимъ себѣ, хотя бы того и не обѣщали; когда же пренебрежете себя, и не будете слѣдовать по совету меня вамъ показаннымъ, то ни къ чему не послуживъ, хотя бы вы теперь и гораздо болѣе обѣщали.

Мы, отвѣчалъ *Критонъ*, употребимъ все старанія наши, чѣмъ тебѣ, дражайшій *Сократъ*, повиноваться. Но какимъ же образомъ поступать съ тобою послѣ смерти твоей?

Какъ! хочете, отвѣчалъ *Сократъ*, ежели по возможно, чѣмъ я отъ васъ не ушолъ?

Въ сіе время смотрѣлъ онъ на насъ, и улыбаясь сказалъ: Друзья! я не могу увѣрить *Критона*, что тотъ есть настоящій *Сократъ*, которъй теперь говоривъ, и нѣкоторое время разговаривалъ съ вами. Онъ все еще думаетъ, что усоще шло, которое онъ скоро узритъ, и которое теперь есть моею шокмо обершкою, что шло сіе есть *Сократъ*; и въ семъ мнѣніи спрашиваетъ, какимъ образомъ долженъ онъ похоронить меня. Всѣ мной приведенныя доказательства ко увѣренію васъ, что я, какъ скоро ядѣ окончивъ свое дѣйствіе, не буду уже болѣе у васъ, но преселюсь въ жилище блаженныхъ; всѣ сіи доказательства кажутся ему выдумкою, чѣмъ васъ и самого себя ушѣшивъ. Я прошу васъ, друзья мои! поручитесь

чипесь за меня *Критону* вопреки тому, какъ онъ ручался судьямъ. Онъ опвѣчалъ за меня, что я не убѣгу; а вы должны ему опвѣнспивовать, что я пошчасъ послѣ смерти моей уйду, дабы могъ онъ пѣло мое сжечь, или закопать въ землю, и не шакъ печалился, подобно какъ бы мнѣ случилось наивеличайшее несчастіе; и чшобъ онъ при похоронахъ пѣла моего не говорилъ: *Сократа* кладушъ на одрѣ, *Сократа* выносяшъ, *Сократа* погребаюшъ. Вѣдай, дражайшій мой *Критонъ*! что шакovia рѣчи, не шокмо прошивны истиннѣ, но и духу умершаго обидны. Будь же покоенъ, и говори, да погребешся пѣло мое. Впрочемъ ты можешь его похоронить, какъ шибъ за благо разсудишся, и какъ ты думаешь, что шо будетъ согласно съ законами. Послѣ сего вышелъ онъ въ другую комнату, чшобъ вымышся. *Критонъ* пошелъ за нимъ, а намъ велѣлъ онъ оспашся. Мы оспались, и опъ часши разговаривали о помѣ, что слышали, повшоряли нѣкопорыя доказательствъ, и разсуждали объ оныхъ, чшобы надлежаще увѣришся; опъ часши же опчаявались, ожидая великаго несчастія, копорое намъ предшояло. Ибо намъ не инако казалось, какъ бы лишались нашего опца, и оспавались во свѣтѣ семъ сиропами. Послѣ шого, какъ онъ вымылся, принесли къ нему дѣшей его, (ихъ было шрое, двое маленькихъ, а шрешей взрослой;) съ оными купно пришли женщины къ дому его принадлежащія. Онъ разговаривалъ съ ними, въ пдасушшви *Критона*, и окончивъ все шо,

что

что имѣлъ онѣ сказать имѣ, выслаалъ ихѣ
 вонѣ, а самѣ вышелѣ опяшь кѣ намѣ. Солнце
 было ужѣ на закатѣ; ибо онѣ замѣшкался въ
 помянутой компаншѣ. Вышедши сѣлъ онѣ, но
 говорилѣ ужѣ очень мало; ибо вскорѣ пошомѣ
 вошелѣ офицерѣ присланный ошѣ одинаццати
 мужей, кошорый сшавши подлѣ него, говорилѣ
 слѣдующее: о *Сократѣ*! я примѣчаю въ шебѣ
 ошѣ прочихѣ осужденныхѣ нѣчто ошмѣнное.
 Всѣ оныя, когда я, по приказанію вышней
 власши, имѣ объявлялѣ, что ужѣ время при-
 няшь ядѣ, всѣ они опчаявались и меня про-
 клинали; но ты кажешся мнѣ спокойвѣйшимѣ
 и скромнѣйшимѣ мужемѣ изѣ всѣхѣ, кошорые
 до сего времени въ мѣсто сіе вступали; осо-
 бливо же ты кажешся шаковымѣ пеперь. Я
 совершенно увѣренѣ, что и пеперь ты на ме-
 ня не негодуешь, но на шѣхѣ, (ты знаешь
 ихѣ:) кошорые причиною шому. Ты вѣдаешь,
Сократѣ, сѣ какою вѣдомосшію пришелѣ я кѣ
 шебѣ. Прости: сноси сѣ шерпѣніемѣ, чего пе-
 ремѣнишь не можно. Сказавѣ сіе заплакалѣ, и
 пошелѣ вонѣ. *Сократѣ* обратился кѣ нему:
 прости, другѣ мой, сказалѣ онѣ; мы испол-
 нимѣ, чего ты потребуешь. Пошомѣ обратив-
 шись кѣ намѣ, говорилѣ: какой чесшной мужѣ!
 онѣ часшо меня посѣщалѣ, и иногда разгова-
 ривалѣ со мною. Какой доброй и чесшной че-
 ловѣкѣ! смощрише, какѣ онѣ искренне плачетѣ
 обо мнѣ! Однакожѣ, любезный *Критонѣ*, мы
 и въ самомѣ дѣлѣ должны повиновашься ему;
 вели принеси ядѣ, ежели онѣ гошовѣ; ежели
 же нѣшѣ, то чтообы пригошвили.

Къ чему такъ скоро, любезный *Сократъ*? сказалъ *Критонъ*: я думаю, что солнце свѣшилъ на оризонтѣ, и еще не сѣло. Другіе, послѣ объявленія, обыкновенно проводящъ довольное время, и ядъ не прежде принимаютъ, какъ наѣвшись и напившись, а иногда помышляющъ и о любви. Мы можемъ еще нѣсколько обождать. — Пускай, любезный *Критонъ*, послушаютъ такъ шѣ, которые думаютъ, что чрезъ мѣшкостность сію нѣчто выиграли; но я имѣю причины дѣлать сему прошивное. Я не надѣюсь ничего выиграть, ежели буду продолжатъ; но напрошивъ самъ себя казашься буду смѣшнымъ, ежелибъ теперь спалъ скупясь жизнью, которая болѣе мнѣ уже не принадлежитъ. Исполни мою волю, и не одерживай меня.

Послѣ сего *Критонъ* далъ знакъ мальчику, споявшему возлѣ него, который вышелъ вонъ, и пригошовивъ ядъ, привелъ того человека, который долженъ былъ лишь, и дать оной *Сократу*. *Сократъ* увидѣвъ его идущаго, сказалъ: Мой другъ! поди сюда: что я долженъ припомъ дѣлать? я думаю ты знаешь. — Ничего инаго, отвѣчалъ сей, какъ выпивъ, ходишь до того времени, пока ошяжелѣютъ ноги; попомъ надлежитъ тебѣ лечь: вощъ все. При семъ подалъ ему сосудъ. *Сократъ* принялъ его, любезный *Ехекратъ*, съ самымъ покойнымъ духомъ, безъ прясенія, и не перемѣнивъ ни мало цвѣща въ лицѣ, и зирая полными глазами на человека сего, сказалъ: Какъ ты думаешь? можно ли про-

лишь

лишь нѣсколько капель въ жертву благодаренія Богамъ? Тупѣ болѣе нѣтъ, отвѣчалъ сей, какъ что неопшѣнно для себя надобно. Да будетъ шакъ, отвѣчалъ *Сократъ*. Однакъ я могу принести имъ молитву: *Вы, которые меня къ себѣ призываете, о Боги! даруйте мнѣ счастливый путь*: съ сими словами поднесъ онъ сосудъ ко рпу, и выпилъ его съ спокойнѣйшимъ духомъ.

До сего времени нѣкошорые изъ насъ могли еще воздержаться отъ слезъ; но видя его пьющаго, силы наши насъ оставили. У меня самаго не капали слезы, но лились ручьями; я принужденъ былъ закрыть лице мое епанчею, чтобы безпрепятственно плакать, не о немъ, но о самомъ себѣ, что я шакъ несчастливъ, лишаясь шакого друга.

Критонъ, который еще прежде меня плакать началъ, вспалъ и бѣгалъ взадъ и впередъ по шемницѣ; а *Аполлодоръ*, который почти все время плакалъ, зачалъ рыдать и произноситъ жалобы шакъ, что у всѣхъ сердце кровію обливалося. Одинъ *Сократъ* былъ спокоенъ. Что вы дѣлаете, вскричалъ онъ, малодушные? Для сего шочно выслаалъ я женщинъ, чтобы онъ не плакали и не рыдали; ибо я слышалъ, что должно спараться, умирать при благословеніи и добрыхъ желаніяхъ. Успокойшесь: покажите себя мужьями! — Услышавъ сіе мы стыдились, и прешали плакать. Онъ ходилъ взадъ и впередъ до шого времени, какъ уже почувшвовалъ, что ноги его начали шажелѣть; посемъ легъ на спину, какъ

какъ по ему совѣщивалъ невольникъ. Вскорѣ попомъ человекъ, принесшій къ нему ядъ, шупаль его и примѣчалъ ноги и дыханіе. Онъ подавивъ ему ногу спросилъ, чувствуетъ ли онъ? Нѣтъ, отвѣчалъ *Сократъ*. Попомъ подавивъ лядвею опниалъ руку, и далъ намъ знать, что онъ холоденъ, и началъ коченѣть. И паки его пошупавъ сказалъ: какъ скоро дойдешь до сердца, то онъ умретъ. Вскорѣ попомъ началъ леденѣть и желудокъ. *Сократъ* раздѣвся, ибо онъ былъ закрытъ, сказалъ: *Критонъ* (сіи были послѣднія слова) *не забудь, другъ мой, принести пѣтуха Ескулапу въ жертву; ибо мы ему однимъ должны.* — Исполню, сказалъ *Критонъ*; не имѣешь ли еще чего приказать? На сіе ничего онъ не отвѣчалъ. Спустия немного, началъ попягиваться. Помынушій человекъ закрылъ его паки. *Критонъ* примѣшя, что очи его были открыты, закрылъ ему оныя, такъ же и ротъ.

Вотъ, о *Ехекратъ*! кончина друга нашего: кончина шакого мужа, копорый безъ всякаго сомнѣнія, былъ честнѣйшій, премудрѣйшій и правосуднѣйшій изъ всѣхъ человекъ, копорыхъ мы покмо знали.

III.

СЕЛЬСКАЯ МУЗА.

О ты по сладостяхъ житейскихъ утопленный,
 Отъ нѣгъ и красоты природы удаленный!
 Когда для глазъ твоихъ не дикъ зеленый лѣсъ,
 Приятна красота отперстая небесъ,
 Не скученъ чистый лугъ усыпанный цвѣтками,
 И можешь сельскими прельщаться красотами;
 Когда украдѣ себя изъ градскихъ пышныхъ стѣнъ,
 Ты можешь цѣлый день пробыть уединенъ:
 Отпажься, и прійди ко мнѣ подъ тѣнь древесну,
 Взирать на красоту земную и небесну;
 Прійди, со мной мое спокойство раздѣлить,
 Не пышностію духъ, природой поселить.
 Коль можешь ты прерцать твоихъ пристрастій
 Прійди, и пѣнія послушай сельской музы. (узы,
 Того не повторю, что сладкій пѣль Маронъ:
 Открылъ сокровища псея природы онъ.
 Любимца своего природа проспѣтила,
 И въ таинственный храмъ свободно допустила.
 Не смѣю заиграть въ Мароноу спирѣль:
 Для пѣсни моя беру другую цѣль.
 Не тайну скрытую природы открываю;
 Но то, что чувствую, когда въ поляхъ бываю.
 Мнѣ кажется тогда, что трапка, что цвѣты
 Не для одной луговъ рождаются красоты.
 Встрѣчаю на поляхъ разсыпанную пищу,
 И птицъ и скоту, богатому и нищу.
 На пышномъ тронѣ Царь, порфиною покрытъ,
 Погибнетъ, коль земля плодоу не подаритъ.
 Богатый бы серебромъ и златомъ не гордился,
 О пашнѣ естли бы крестьянинъ не трудился.
 Царя и нищаго питаетъ пѣхъ равно
 Былинка тлѣнная и тлѣнное зерно.
 Остаеь гражданское свое уцеленье,
 И слушай, что меня приводитъ въ удивленье.

Въ посторгѣ я моемъ, природы по стопамъ
 Вступая на луга, схожу какъ въ нѣкій храмъ.
 Натура мнится тамъ раскинула порфиру,
 И пиршество псему приготовляетъ міру;
 Не влскомъ я прельщенъ престоломъ и корономъ,
 Зеленый холмикъ мнѣ природы зрится тронъ;
 У ней невесный сподъ сіяетъ надъ главою,
 Цвѣтками устланъ полъ и мягкой травою.
 Церера тамъ пришедъ на мягкую траву,
 Имѣетъ класами пѣнчанную главу:

Держаща серпъ одной и снопъ другой рукою,
 Являетъ жатву мнѣ картиною такою.

Сія сотрудница премудра Естества,
 Изображаетъ мнѣ щедроты Божества,
 Которы онъ летъ со отдаленна нева,
 Для размноженія питательнаго хлѣба.

Къ убранствамъ данный намъ пстрѣчаю тамъ

(примѣръ,

Изъ былій и цвѣтковъ, тамъ Флора пьетъ кодерв.

Обширныя поля Вогиня покрываетъ,

Изъ разныхъ спойства травъ покровъ она сп-

(пасть,

Премудрая пездъ мнѣ зрится простота:

Но трапка близъ другой ужъ пидима не та.

Не смертный кажется художникъ здѣсь трудится,

Который приманить едины очи льститъся:

Но каждый былія трепещущій листокъ

Являетъ мнѣ, что въ немъ течетъ отличный сокъ.

Толь спойства разныхъ и пиды ихъ наружны

Являютъ, что сіи несходства спѣту нужны.

Въ растѣніяхъ хотя природа не равна,

Но дѣйствуетъ равно по псѣхъ пещамъ она.

Трапа, какъ челодѣкъ, раждается на спѣтѣ,

Выпаетъ въ юности, выпаетъ въ лучшемъ цвѣтѣ;

Ко старости она, равно какъ мы, прійдетъ,

Лишится силъ спойхъ, упанетъ и умретъ.

Всему

Всему творенію законъ сей данъ Судьбою.
 О бѣдный челоѣкъ! переходя все съ тобою.
 Но только на лугахъ япляется песня,
 Былинкамъ прежняя жизнь выпаетъ отъгна.
 О тлѣнности споей тужити мы ли станемъ?
 Трава получитъ жизнь, такъ мыль сохнемъ
 (упянемъ?)
 Страшися челоѣкъ невозможной мысли сей!
 Природу чти: ты сынъ возлюбленный у ней.
 Мнѣ трапка изъ земли исходящая япляетъ,
 Что Богъ другую жизнь и мнѣ приготовляетъ;
 А пѣ кругѣ семъ, гдѣ я поставленъ отъ него,
 Велитъ достойну быть селенія его,
 Чтобъ я прищкнувъ здѣсь принять его устапы,
 Спидѣтель послѣ былъ его небесной слапы. —
 Едину тѣнь познать премудра Божества,
 Во храмѣ что нибудь разсмотримъ естества.
 Но гдѣ вниманіе займется наше воле,
 Какъ зрѣнію нашему по лежащему полѣ?
 Тамъ кажется, куда мой взоръ ни поглядитъ,
 Природа каждый шагъ пріемлетъ новый шидѣ.
 Протѣ хитраго мнѣ умъ поображаетъ,
 Который каждый мигъ себя преображаетъ;
 И только я коснусь рукою до него,
 Уже не пѣ томъ лицѣ упижу я сего;
 Такъ пѣ таинствахъ своихъ сокрытая природа
 Отъ проицанія уходитъ смертныхъ рода.
 Во градѣ пышности, природы здѣсь труды;
 Тамъ роскоши одѣтъ, а здѣсь ея слѣды.
 Куда я ни пойду стопами сей царицы,
 Вниманья моего теряются границы;
 И цѣлая душа заемлется моя,
 На что ни погляжу по области ея.
 Художникамъ простымъ приписывая сладу,
 Дишимся ихъ трудамъ, ихъ цымысламъ, составу:

Однако на цвѣтокъ простой сперва позри,
 Внимательно въ листкѣхъ цвѣ части разбери:
 Перебѣгающи скпозь тонкость трубокъ соки,
 Питающи цвѣтокъ въ стезлѣхъ млечныя токи:
 Пріятный шибъ его, и запахъ наконцѣ;
 Все скажетъ: пещи сей хуторъ жникъ самъ Тпорецъ. —
 Миѣ разширенное въ поляхъ природы царство,
 Япляетъ по трапахъ и пищу и лѣкарство.
 Врачуйте нздуги, она пѣщаетъ намъ:
 Я пѣсмъ помощница на спѣтѣхъ племенамъ;
 Не зданья для того поставлены пысоки,
 Но въ корняхъ и листкахъ сіи хранятся соки.
 Возможноть намъ на лугъ съ презрѣніемъ пзирать,
 И наше здрадіе ногами попирать?
 О смертный! потерявъ къ былинкѣхъ уваженне,
 Отъ смерти можетъ быть тпое попралъ спасенне.
 Не для того пишу, чтобъ трапку зря у ногъ,
 Ты нѣкимъ божествомъ ее поставитъ могъ;
 Но для того, чтобъ ты внимателенъ яплялся,
 Натуру разбиралъ, и Богу удивлялся.
 Взгляни, когда въ поляхъ пчела цвѣтокъ сосетъ,
 Узнаешь, гдѣ лежалъ тпой сладкій спрятанъ медъ:
 Во тракѣхъ и цвѣткахъ его природа скрыла,
 И меда таинство пчеламъ лишь подарила.
 Сосуды разны тамъ съ напитками стоятъ,
 Которыя хранитъ по гроздахъ диноградъ.
 Тамъ разны сладости она разсыпавъ въ полѣ,
 Жипотныхъ множеству пожертвопала полѣ.
 Помона тамъ пелитъ плоды раждать дрепамъ,
 И съ пѣтпей братъ пелитъ въ пріятну пищу намъ.
 Какъ Флорины труды въ цвѣткахъ многообразны,
 Помонины дары толико пкусомъ разны,
 Заемлютъ зрѣніе отперсты небеса:
 Всѣ чупства лопятъ здѣсь цвѣты и дреспубли.
 Не лззя внимательнымъ природѣ не япиться;
 Не лззя ступить шага, и пночь не удивиться.
Тамъ

Тамъ плага тонкая когда въ цвѣтахъ течетъ,
Благоуханіе изъ нѣдръ ея плечетъ.

Куда ни кинется приманіе перенно,
Все жизни нашея къ podporѣ сопоренно.

Пчела слѣпляющая изъ вязкой масти сотъ,
Снимаетъ со листковъ растущихъ въ полѣ тотъ.

Чрезъ малое сіе животное природа,
Даруетъ спѣтъ, питье и пищу для народа.

Природа, кажется, трудится каждый часъ
Питати, услаждать, обогащати насъ:

Одежды, бѣспы намъ въ поляхъ приготавливаетъ,
Намъ ризы тонкія изъ трапки составляютъ.

О смертный! для твоихъ увраствъ и для пленъ
Природа щедрая произраждаетъ лѣнь.

Тамъ въ полѣ для твоей прекраснѣйшей вагрянницы
Раздаются листки у ногъ сея Царицы.

Чѣмъ въ жизни красишься, и чѣмъ гордишься ты,
Разсыпанны въ поляхъ даруютъ тебѣ цвѣты.

Одеждой свѣтлою ты очи поражаешь:

Но ты забывль, что въ ней природѣ подражаешь.

Сей нищій, когдо ты хочешь удипить,

И пыше смертнаго предъ нимъ себя япить;

Сей нищій зрѣль данно такія розы въ полѣ,

Лежашія псегда природы на престолѣ.

О жены, пышностью прельщенныя одеждъ!

Познайте, что онѣ лишь динны для нещѣждъ:

И трапки и цвѣтки на нихъ изображенны,

Искусствомъ хитрыхъ рукъ на шелкъ переложены

Въ очахъ у пастуха цѣли уже давно.

Онъ ими убиралъ полюбленную радно;

Но та, живущая среди луговъ въ снободѣ,

Казалася въ пѣнкахъ подобною природѣ.

Природа пами тажъ по градъ преселена:

Въ цвѣтахъ япляется, и въ пасѣ умерщвлена.

Притпорство съ нѣжною натурою не сходно,

А подражати ей всѣмъ смертнымъ обще сродно.

Но я, когда по храмъ Царицы сей яплюсь,
 Я похищаюся, плѣняюся и диллюсь.
 Тамъ гласы слышу птицъ; тѣ гласы слаще лиры;
 Благоуханіе разносятъ тамъ зефиры;
 Очамъ япляются различны красоты,
 Составленны цвѣтоцъ изъ нѣжной пестроты.
 Біющіе ключи мой разумъ пробуждаютъ;
 Они уста, и слухъ, и взоръ мой услаждаютъ.
 Тамъ скрыцъ отъ глазъ моихъ едину часть небесъ,
 Пріятну пѣзелени яплетъ мрачность лѣсъ;
 Тамъ дивно кажется мнѣ всякое растенье,
 Сугубитъ все мое приниманье и почтенье.
 Что я ни слушаю, куда ни кину взоръ,
 Вездѣ япляется мнѣ дивноствой соборъ,
 Непостижимыя и чудныя работы,
 Неизчерпаемы источники щедроты.

О дщерь невесная! о матьъ псѣхъ временъ!
 Для псѣхъ трудишься ты растеній и племенъ;
 Стезями равными пѣ споемъ тпореньи ходишь,
 Былинку или кедръ пысокій производишь,
 Изъ нѣдръ ея всему по спѣтъ единый путь;
 Питаетъ псѣхъ равно ея отперзта грудь.
 Что дышетъ, что цвѣтетъ, что движется и
 (зрѣетъ;
 Въ объятіяхъ споекъ равно она имѣетъ;
 И безпристрастная сія по спѣтъ мать,
 Печетъ псѣхъ дѣтей съ любовью поспитать.
 Степень имѣемъ ли отъ тцарей мы далеку?
 Равно ей червячку дать жизнь или челоуѣку;
 И рацеи нашъ пѣ ея утробу оборотъ;
 Истлѣетъ червячокъ, разрушится и тотъ.
 Съ ползущей тцарію одну судьбу имѣемъ.
 Равно рождаемся, равно по смерти тлѣемъ:
 Такъ тлѣніемъ споемъ гордиться можноль намъ?
 Гдѣ будемъ пражъ, и мы конечно будемъ тамъ.

Не дидь отъ черпяка насъ тлѣнный отличаетъ;
 Но то, что душу дв насъ възсмертіе двнчаетъ.
 Но чтобъ двнецъ такой природа намъ сплела,
 Едины добрыя потребны намъ двла;
 Не злато путь къ тому, чѣмъ смертные прель-
 щенны;

Выпаютъ и праги у насъ обогащенны.
 Коль двчной жизни ты желашь челопѣкъ,
 То добродѣтелими укрась текущій двкъ;
 Ногами попирай ласкательныя двти,
 И помни, что мы дв одной утробы двти;
 Будь кротокъ, милосердъ, смиренъ, благочестивъ;
 Разрушится двсь мръ: но духъ двпой будетъ живъ.
 Увидишь Бога ты душевными очами,
 И будешь одаренъ възсмертія лучами.

На разпещренныя двзираючи поля,
 Подумай, сколь щдра для двцарей двсѣхъ земля!
 Она двтей спойхъ ни дв чѣмъ не различаетъ,
 Но дв пищей каждое животное двстрѣчаетъ.
 Какъ сына Крисова двстрѣчаетъ со млекомъ,
 Заемлется она подобно червякомъ,
 Подобное о немъ раченіе имѣетъ,
 Того по пеленяхъ, сего по трапкѣ дврѣетъ.
 Природа тысящи являетъ намъ отродъ,
 Которыхъ никогда не знаетъ скучный дврадъ.
 Тамъ дв пріятности природы усыпленны,
 А здѣсь они ея присутствомъ ожипленны.
 Что око естества дв хранилищѣ ни зривъ,
 По спойству каждому двпоренью то даривъ.
 Источники ея щдротъ неистощимы:
 Но мы по прихотяхъ спойхъ ненасытимы.
 Для многихъ что двно, щитаемъ за спое,
 Какъ будто дв насъ однихъ двногъ бытіе.
 О смертный! естели бы ты роскоши оставилъ,
 И двнныхъ естествомъ не увѣгаль отъ двцилъ!

Доволенъ будешь ты; другихъ не обижай,
И матери твоей, Натурѣ, подражай;
Она пасущихся овецъ упеселяетъ,
Во стадѣ ни одной изъ нихъ не одѣляетъ.
Для цѣхъ, равно для цѣхъ, трапа въ лугу

(цѣтетъ,
Ни тяжбы у овецъ, ни ссоръ за пастбу нѣтъ.

А ты премудростью и честью одаренный,
Для украшенія природы сотворенный,
Ея либезный сынъ, о гордый челодѣкъ!
О благѣ собственномъ печешься цѣлый дѣкъ;
Ты гласу матери и щедрости не приемлешь,
Послѣдній шагъ земли у ближняго отъемлешь,
Когда съ избытками уже обогащенъ,
Еще ты мыслишь быть, еще ненасыщенъ.
Ты средства разныя къ стяжанью составляешь,
Съ ущербомъ честности имѣнье прибавляешь;
Ты мучишься въ душѣ, зря врата твоего,
Что ты сокровищемъ не презошелъ его;
И сердце у тебя страдаетъ и томится,
Воображая то, что ближній богатится.

Остатя яснѣя ко истиннѣ пути,
Богатствомъ хочешь ты другога презойти.
Несчастный! презойди другихъ любленьемъ чести,
Не соблазняйся ты, не слушай гласа лести,
И сребролюбиемъ души не отравляй;
Во мнѣнїяхъ пустой мечты не составляй.
Не буди роскошей прїятностями разстроенъ;
То будешь предпочтенъ, и волѣе спокоенъ.
Но гласа лирнаго не слушаетъ Драконъ,
И стихослоцію уже смѣется онъ.
Какой вы Крисъ хотѣлъ тогда принимать Парнассу,
Когда не слушаетъ естественнаго гласу?
Ко злату онъ душой и сердцемъ пригножденъ,
Моимъ ли пѣнїемъ быть можетъ увѣжденъ?

Его ни сирыхъ плачь, ни поплъ допы не тронетъ,
Онъ спитъ на берегу, а другъ у берега тонетъ;
Кто стону горькому людей несчастныхъ тпердъ;
Кто слезъ не можетъ лить, такъ тотъ не ми-
(лосердъ.

Законъ, пѣщаетъ онъ, быть славу запрещаетъ,
А тотъ, кто далъ законъ, пѣхъ любитъ и проща-
Жестокій челоѣкъ! помысли, естли Богъ, (етъ.
За каждый тпой порокъ, къ отмщенью будетъ
(строгъ,

Куда отъ стрѣлъ его ты можешь укрываться?
Иль довръ будъ, иль не смѣй ты челоѣкомъ
(знаться.

Когда при злыхъ дѣлахъ тпой счастливъ пѣ мѣрѣ
(путь,

То Бога пѣ пѣчности и смерти не забудъ.

Не для сердечнаго пишу я оскорбленья;
Пишу для сельскаго пѣ поляхъ упеселенья.

Сповода каждому на спѣтѣ жить дана,

И Муза никого печалить не должна.

Когда ты пѣние мое, мой другъ, полюбишь,
Упеселение мое ты усугубишь.

Что нужды, прапъ ли кто, иль кто неспра-
Мѣрскія суеты среди полей забышь, (педлидъ,

Неизреченныя неселости пкушаю,

И душу нѣжною природой утѣтаю.

Въ зеленой ризѣ мнѣ япляется земля,

Усыпанъ разными цѣточками поля;

Въ убранствѣ такопомъ торжественно ликуетъ,
Жипущимъ пѣмъ она сокропища даруетъ.

Какъ будто признаны на общій пиръ туда,

Различныхъ птичекъ къ ней слетаются стада;

Тамъ агны по трапѣ питаемы играютъ;

Волы подъ тѣнию дрепесной отдыкаютъ;

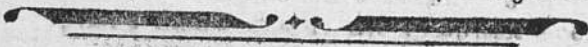
Согрѣты солнечной жипотны теплотой,

Кишатъ на поздохѣ носясь, какъ паръ густой.

Отъ стебля, кажется, цвѣточикъ отдѣлился,
Онъ ожилъ, пестретаилъ и въ воздухъ позвился.
Диплюсь, и ближе я на лилію гляжу,
Сидящу бабочку на оной нахожу;
Мой взоръ обмануть былъ сей твари пестротой,
И сходной въ бабочкахъ съ цвѣточкомъ красотою.
Пчела несуща медъ лесъ воздухъ склозъ съчетъ;
Былинку мурапей въ гнѣздо свое плечетъ;
И слогомъ, кажется, что пѣ жипотныхъ роды
Сбираются на пиръ роскошныя природы:
Въ пещери плацаетъ тамъ каждо бытїе,
И похищается прїиманїе мое.

Вся тварь желаетъ жить, и все ликуетъ въ
Гдиный челобѣкъ до градъ вѣжитъ оттолѣ. (полѣ,
Пристрастія сего причиной быть должна
Безпечность, суета и пышность лишь одна.
Давно ужѣ, давно природой поселились;
Мы въ наши дни отъ ней безъ мѣры удалились.

IV.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

Не думай, челобѣкъ, что пѣкъ твоей въ мїрѣ ску-
(ченъ):
Тебѣ къ пещелостямъ лежитъ свободный путь;
Коль хочешь на земли ты быть благополученъ,
Будь честенъ, справедливъ, покоренъ Богу будь,
И помни, что его священные законы
Полезны для насъ богатства и короны.

Съ рѣчами за всегда ты сердце соглашай,
И тѣмъ Создателя и ближнихъ утѣшай.
Когда душа твоя за правдою стремится,
Какъ солнце, разумъ твой и сердце просвѣтитъ ся:
Увидишь въ мїрѣ семь спокойствїя, тишину;
Успѣхъ по пѣхъ дѣлахъ, и радость лишь одну.
Какъ

Какъ солнце въ высоту съ величествомъ поско-
Премудрость Божию душевно поспали: (дитъ,
Во удиленье насъ и день и ночь приподитъ:
Молитвы посылай ты къ Богу отъ земли.
Молитва, человекъ! съ Творцемъ тебя спрягаетъ,
Къ нему границъ тебѣ нигдѣ не полагаетъ.

❖
Коль хочешь засегда держать въ уздѣ пороки,
Благоразумиёмъ ты страсти укрощай.
Бѣги отъ славости, и мысли пзаявъ пысоки,
Пріятной роскошью себя не заражай.
Не будь стяжательнъ, копаренъ, гордъ и злобенъ;
И будешь Ангеламъ, о смертный! ты подовенъ.

❖
Когда тебя почтутъ пысокими чинами,
Ты въ гордости споёй людей не унижай:
Намъ все даритъ нашъ Богъ, всегда онъ имѣстъ
(съ нами.

Коль счастливъ хочешь быть, ты Богу подражай;
Будь кротокъ, милосердъ, являйся терпѣливымъ;
Несчастливымъ другомъ будь, но другомъ спра-
(едливымъ;

Художества люби, науки почитай,
Ко цѣмъ будь милостицъ и бѣднаго питай.

❖
Не кройся по свои чертоги позлащенны,
Давы сокропищемъ себя упеселять;
Сокропища сіи у бѣдныхъ похищенны,
И долженъ съ ними ты имѣнье раздѣлять:
Ты стражъ имѣнія: когда его жалѣешь,
То жатвы не сверещъ, хотя обильно сѣешь.

❖
Сокропище твое исчезнетъ, будто прахъ,
Когда не помнишь ты о бѣдныхъ сиротахъ;
Отперзи дверь твою несчастнымъ и убогимъ,
И не являйся ты ко ихъ прощенью строгимъ:

Сокропища спои съ пещеліемъ дари;
За то, что ты даришь, Творца благодари.

Богатый щедростью споей не пеличайся:
Имѣніе дѣля, быть скромнымъ научайся.
Стенящихъ у твоихъ дверей не презирай,
И что отдашь ты имъ, ихъ тѣмъ не укоряй:
Не славь другимъ твое убогимъ подаянье,
То помни, что твое премѣнно состоянье.

V.

О ПИСМЕНАХЪ СЛАВЕНОРоссійскихъ и ТИСНЕНІИ КНИГЪ ВЪ РОССІИ.

Древность Славенороссійскихъ писменъ въ
такихъ же мракахъ погружена, каковые
и прочіе источники наукъ и народовъ о нѣ
шего свѣденія утаили. Были ли какія начертанія
до временъ *Владимировыхъ*, между оби
тающими въ полночной спранѣ народами,
намъ не извѣстно. Общежитіе, въ шаковомъ обшир
номъ владѣніи, построение селъ и городовъ,
учрежденное, но разнообразное правительство,
свѣденія касающіяся до Государя и народа,
военные подвиги, посольства, подаши, и проч:
заставляющъ думать, что ежели несовершен
ныя буквы, но какія ни есть знаки, или
изображенія, еще во времена Кіевскаго князя
Кія, и до учрежденія Новгородскія республи
ки существовали. Время, внѣшнія брани и вну
тренніе мятежи древности нашей слѣды заглади
ли. Можемъ быть и послѣднія открытія старо
бы-

бытности нашей во вѣки бы исчезли, ежели бы оспрая прозорливость и шщашельное о Россійской Испоріи раченіе Премудрыя ЕКАТЕРИНЫ II. отъ совершеннаго исплѣнія оныхъ не предохранило.

Другіе владѣтели ищутъ сокровищъ въ земной упробѣ: ЕКАТЕРИНА ищешъ ихъ подъ развалинами древностей, и народъ свой обогащая свѣденіями о прошекшихъ вѣкахъ и праотцахъ нашихъ, просвѣщаетъ спрану полночную и всю любопытную Европу.

Ошворились въ ея царшвованіе едва извѣстные до нынѣ книгохранишельницы, и нѣкошорые прудолюбивые Писатели ужè очистили первоначальное испорическое сіяніе, многіе вѣки пьмою окружаемое.

Но еще великую часть нужныхъ для насъ свѣденій густая ночь покрываетъ; время сокрыло оныя, время и сыщешъ ихъ. Отъ сего поздныя дошли познанія до насъ о Славенороссійскихъ писменахъ; мы не имѣемъ о нихъ сказанія [но и пѣ сомнишельны], не имѣемъ далѣе, какъ до исхода осьмаго столѣшія по *Синопису*, когда Греческій Царь *Михаилъ* учинивъ со Славянами миръ, прислалъ къ нимъ въ даръ Славенскія буквы; что надлежишъ счисляшъ еще до *Рурикопа* княженія, шо есть въ 855 годѣ. Испорія повѣстувешъ, будшо въ кругѣ пѣхъ же временъ *Константинъ* Философъ, въ инокахъ нареченный *Кирилломъ*, и братъ его *Меводій*, изобрѣли намъ писмена, и многія священныя преложили книги на языкъ Славенскій: но подлинно ли су-

существовали оныя книги, и Россіяне имѣли ли свѣденіе о нихъ, или въ опдаленной полько Иллирикѣ, и другимъ Славенскимъ народамъ они извѣсны были, все сіе мрачная древность отъ нашего любопытства и отъ нашей догадки сокрыла; однако мы должны воспользоваться тѣми знаніями, которыя до нашихъ дней достигли, и слѣпо иногда историческимъ преданіямъ повиноваться. Нѣкоторыя лѣтописатели вѣроятно утверждаютъ, что вся наша азбука принята съ Греческія азбуки; но недостатокъ подлинника по Славенскому нарѣчію въ послѣдующія времена дополненъ былъ. Тако удостоверены будучи о изобрѣшателяхъ Славенскихъ буквъ, перейдемъ вкратцѣ послѣдующіе вѣки.

Озарившее Россію во дни княженія святаго *Владимира* Хрисціанское крещеніе озарило и державу его первымъ свѣтомъ ученія. Источникъ всѣхъ наукъ, *Священное Писаніе* Россійскими юношами, Еллинскому языку обученными, и многими Греческими мудрецами предложено на языкъ Славенороссійскій. Коль великія трудности подлежали переводчикамъ, изъ того легко заключить возможно, что вся полуночная спрана до того времени была во тьмѣ идолослуженія погруженна. Образъ мыслей и самыхъ природныхъ чувствъ въ нашихъ предкахъ вдругъ долженствовалъ преобразиться; свойство ихъ языка и законоположенія весьма было удаленно отъ важности, красоты и силы православнаго Богословія; ученымъ чужеземцамъ и Россіянамъ нужно было изобрѣ-

брѣспи слова и цѣлыя составишь рѣчи, для изображенія таинственныхъ, глубокихъ, и одному Христіанскому закону приличныхъ выраженій, и для показанія важности стихословія Греческаго. Каждая новостъ дикою и не вдругъ понятною предсавляется; а душевныя чувствованія, закономъ въ насъ впечатлѣнныя, прудно словами изъясняшья могушь. Отъ того можешъ бышь вкрались въ древнія наши книги спранныя, непонятныя и несвойственныя реченія: но стези проложены; оспается благоразумію уравнишь ихъ, разширишь и совершишь.

Каковы бы ни были оныя священныхъ книгъ переводы; но то испинно, что въ самое то время, когда всѣ почти Еврпейскіе народы на чужихъ языкахъ богослуженіе опправляли, Россіяне ужѣ на природномъ своемъ языкѣ успановивъ церковныя обряды, прославляли Бога, и пѣніе къ небесамъ возсылали. Но гордостъ и самолюбіе засавляли думашъ прочія державы, что сѣверные народы, во глубѣ невѣжества пресмыкающся; таковыя ошибки не къ одному Богословію въ разсужденіи Россіи относящя, сколько могъ я примѣтити, но до многихъ нашихъ обстоятельствъ и до самыхъ нравовъ, чувствъ и мыслей нашихъ к снулись.

Ежели обстоятельства и случаи дозволяшъ, то приложу стараніе, и сравню домашнихъ испориковъ съ повѣщваніями внѣшнихъ; и тогда можешъ бышь оправдающся предки наши предъ цѣлымъ свѣтомъ; докажушь, сколь не-

несправедливо современные ви́шніе писатели обѣ нихъ судили, и еще изобличашъ въ невѣжествѣ самихъ порицателей.

Признаться должно, что художества и нѣкопорыя механическія науки поздно пришли въ Россію; но тому препяпспивовали не неспособности наши, а нѣкопорый родъ предубѣдительнаго суевѣрія, будшо свѣпскія науки Христіанскому благочестію не свойспвенны, или поврежденію нравовъ, причиною быть могутъ. Здѣсь не мѣсто подтверждать или опровергать таковыя мнѣнія; существо сего дѣла само собою доказывается въ настоящее время; прямой свѣпъ ученія людямъ никогда вреденъ не бываетъ.

Упомянувъ о художествахъ, не могу я умолчать о началѣ писненія книгъ въ нашемъ Ошечествѣ. Вскорѣ по изобрѣшеніи онаго началось въ Москвѣ писненіе, и первая книга Дѣянія свяпыхъ Апостоловъ напечатана во время царспивованія Царя *Іоанна Васильевича* при дворѣ его въ собспвенныхъ черпогахъ. Буквы тогда употреблялись, какъ по всѣмъ извѣспно, церковныя, называемыя Евангельскими, Купейпскими и прочими именами. Сей родъ писненія былъ единообразенъ до времени *Петра Великаго*, копорого прозорливоспъ всякаго рода искусства озарила. Въ бышность мою Директоромъ при синодальной типографіи, видѣлъ я набранный листъ гражданскими буквами, и собспвенною рукою сего великаго Государя подписанный тако: *Петръ*. Сохранилъ я оный листъ ошъ исполненія, при-
ка-

казавъ, яко достопамятный монументъ, соблюдашь его въ особливомъ хранилищѣ; ибо таковыя знаки попеченія о пользѣ общей, въ роды родовъ сохраняясь долженствуютъ. И такъ ежели можно сказать о семъ Великомъ Государѣ, что былъ онъ первый въ Россіи солдатъ, первый корабельщикъ, первый законоподвижникъ, то былъ онъ и первый справщикъ гражданской печати; при немъ появилось новое писменіе, и нѣкоторыя книги въ Амстердамѣ, а другія въ Москвѣ напечатаны.

Сіе заспавляяетъ думаешь, что по неискусству тогдашнихъ Россійскихъ словоупотребовъ, *Петръ Великій* повелѣлъ вырѣзать буквы, по данному ошъ него образцу, въ Голландіи; пошомъ съ примѣра оныхъ и въ Москвѣ разной величины и вида слова рѣзать и опливать начали. Разосланный по всѣмъ губерніямъ въ 1708 годѣ указъ сей доводъ ясно подтверждаетъ. Оный указъ точно касается до опливаемыхъ въ Голландіи, но недовезенныхъ въ Россію буквъ. Тако писмена и писменіе въ Россіи учредились. Мы съ охотою примемъ наставленія, ежели кпо имѣя больше свѣдѣній о двухъ таковыхъ пользахъ и основаніяхъ наукъ, сообщимъ намъ свои примѣчанія на оныя: ибо другой цѣли, кромѣ общей пользы, мы въ нашихъ трудахъ не поспавляемъ.

VI.

О СЛУЧАѢ (*).

Нѣкто изъ древнихъ мудрецовъ сказалъ: все случай дѣлаетъ на свѣтѣ, а не умъ, по естѣ, что все дѣла человѣческія не совѣтомъ и разсужденіемъ, но слѣпымъ случаемъ управляюща. И такъ по сему неосновательному заключенію слѣдуетъ, что ни правда, ни мужество, ни разумъ, ни цѣломудріе съ нашими дѣлами никакой связи не имѣютъ: но будто бы по случаю то сдѣлалось, что *Аристидъ* провождалъ жизнь свою въ нищетѣ, имѣя возможность и способы къ пріобрѣтенію богатства; что *Скиптонъ* покоривши городъ *Карвагену* никакой добычи не хощалъ ни брать, ни видѣть; что *Филократъ* получа отъ *Александра* многое число денегъ, распочилъ оныя съ прелюбодѣйцами, и на торжищахъ; что *Александръ* великій ни самыхъ прекраснѣйшихъ плѣнницъ не касался, и покусившихся воздѣланіемъ къ онымъ наказывалъ жестоко; что *Прямонтъ* сынъ *Александръ* же въ несчастіи доведенъ былъ до самыхъ поноснѣйшихъ поспупокъ. Ежели сіе припишемъ случаю, то можно сказасть, что козлы, кошки и обезьяны по случаю похопливы, и обжорливы; а естли воздержаніе, правду и мужество предасть случаю, то и разумъ ему же; а ежели отъ случая все зависитъ, то ни добрыхъ разсужденій, ни полезныхъ совѣтовъ нѣтъ на свѣтѣ. Воздержаніе естъ тошъ же разумъ, и правда

все-

(*) Переведено съ Латинскаго языка, изъ врадоучительныхъ сочиненій *Плутарховыхъ*.

всегда пребуешъ разума, котораго употребленіе въ управленіи сладоспращныхъ движеній умѣренностію и воздержаніемъ, въ шрудахъ и опасностяхъ мужествомъ и шерпвнїемъ, въ общешвенныхъ дѣлахъ судомъ и правдою называемъ. Почему ежели случаю припишешъ дѣйствія полезныхъ совѣшовъ и разсужденій, шо правда и воздержаніе опъ него же зависѣшъ будущъ; слѣдшвенно воровство, грабежъ, убійство, ложъ и обманъ опъ случая происходятъ; и мы оспавя въ свои разсужденія предадимъ сами себя случаю, какъ пепелъ развѣваемый вѣшпромъ; а безъ разсужденій ни справедливыхъ познаній, ни полезныхъ изысканій не можешъ бышъ; и по сему положенію несправедливо сказано:

Толкущему отперзается, и ищущій оврящеть. И Софокль напрасно говоритъ:

*Чего желаю я, о томъ Богамъ молюся;
А что мнѣ должно знать, тому я самъ учюся.*

Ибо чему научишся, или что избрѣши можемъ, ежели все по случаю дѣлаешся? Какихъ Царей законы, какихъ общешвѣ успавы пребудушъ незыблемы и шверды, ежели случаю все подвержено? Мы называемъ случай слѣпымъ, сами слѣпошсшвуя въ пущи своемъ, и опвергая здравый разумъ, который есть око дѣлъ нашихъ, вождемъ жизни нашей поспавляемъ случай. Защишники случая скажушъ: не взоръ и глаза, которые *Платонъ* именуешъ свѣшоносцами, подаюшъ намъ зрѣніе, но случай; не шонкій составъ движимый

біеніемъ воздуха, и опносящій оное изъ мозгу производишь въ насъ слышаніе, но случай. Чшо бы не успыдился паковымъ образомъ лишашь чувства собспвенныхъ свойствъ? Ибо природа для того дала намъ зрѣніе, слухъ, обонянiе и прочія шѣлесныя члены и свойства, дабы разумъ имѣлъ употребленіе оныхъ: ибо ни очи не видящъ, ни уши не слышащъ, но умъ видящъ и слышащъ. И какъ по мнѣнію *Ираклита* при всѣхъ небесныхъ свѣтилахъ безъ солнца мы бы никогда не имѣли свѣта: равнымъ образомъ шѣлесныя чувства никогда бы не поставили насъ въ преимущество предъ другими живошными, ешлы бы не разумъ доставлялъ намъ оное; и чшо мы превосходности имѣемъ надъ ними, повелѣваемъ, и употребляемъ ихъ на службу, шо не случаемъ, но единственно разумомъ дѣлаемъ. Сіе означали древніе подъ именемъ *Проміея*, какъ говоришь *Есхиль*:

*Стада овецъ пѣ лугахъ, скоты пѣ пространномъ
Вся покорилъ его пладѣнію и полѣ.* (полѣ,

Многія живошныя превосходящъ насъ шѣлеснымъ сложеніемъ; ибо онѣ опѣ природы вооружены или рогами, или зубами, или жаломъ; одѣшны кожами, костью, шелухою и проч. Человѣкъ одинъ безоруженъ, нагъ, безъ одежды и покрова природою оставленъ, но снабденъ умомъ; пронцапельношцію и искусствомъ награждаетъ все шо.

Слабы пѣ силахѣ челоуѣки ;
 Но уму ихѣ все подпластно ,
 Всѣмѣ пладѣютѣ на земли ,
 Служатѣ имѣ моря и рѣки .

Конь скорый и бедрами крѣпкій бѣгаетѣ для челоуѣка ; песѣ, живошное люшое и свирѣ-
 пое , служитѣ челоуѣку спражемѣ ; волѣ шуч-
 ный , и плавающія во глубинахѣ морскихѣ ры-
 бы , сущѣ пища челоуѣковѣ ; великое и страш-
 ное зрѣнію живошное слонѣ дѣлаешся игра-
 лищемѣ Африканскихѣ всадниковѣ и позори-
 щемѣ площаднымѣ , научаешся опѣ челоуѣка
 бѣгать , скакать , по его велѣнію преклоняшъ
 колѣна , поднимаешъ хоботѣ и прочая . Все сіе
 показуешѣ , до какой степени возвышаешѣ ра-
 зумѣ челоуѣка , и превосходнымѣ его дѣлаешѣ
 надѣ всемѣ , обращая все кѣ его пользѣ : ибо
 мы не возможемѣ сравнишся сѣ живошными

Ни крѣпостію мышцѣ , ни скоростію ногѣ :
 Тѣмѣ превосходитѣ насѣ елень , левѣ , носорогѣ .

Но разумомѣ , искусствомѣ и наукою все
 по пріобрѣтаемѣ , что другія живошныя имѣ-
 юшѣ . Сошы пчелѣ собираемѣ , млеко доимѣ ,
 и собшвенными произведеніями шварей распо-
 лагаемѣ по нашему изволенію . Нѣшѣ никакого
 вѣ семѣ случая ; но промысломѣ , разумомѣ и
 совѣшмомѣ вся управляющся .

Между челоуѣческими дѣлами считающся
 искусствва , художествва , домоспроипельство ,
 каменосѣчесиво и пр . вѣ копорыхѣ не видимѣ
 мы ничегѣ , что бы по случаю сдѣлано было ;
 а ежели вѣ чемѣ либо хощя маломѣ случай до-

моспроишелю или живописцу иногда пособствуешь, но все цѣлое въ совершенствѣ приводишь знаніе и искусство. *Минерпу* предводительницею наукъ и художествъ почитающъ всѣ училища, а не случай; одно только повѣствуется хитроснѣйшее дѣйствіе случая. Нѣкій живописецъ нарисовавъ коня въ полномъ видѣ со всѣми чертами его, живыми и естествену подобными красками, не могъ только изобразить, какъ ему хотѣлось, шу пѣну, которая отъ прищажанія узды съ яростнымъ дыханіемъ выскакивала изъ конскаго рта; и какъ онъ многократно заглаживалъ уже нарисованное, свараясь вновь сдѣлать лучше: но наконецъ вышедъ изъ терпѣнія и разсердясь, бросилъ на сподъ живописную кисть, напоенную красками, которая чрезъ стремленіе кисти окропя по мѣсто, гдѣ надлежало нарисовать пѣну, неподражаемою хитроснѣю изобразила оную. Художники вездѣ и всегда употребляютъ мѣру, щопы, правила и чертежи, дабы въ работѣ никакого мѣста случаю не оставишь; и меньшаго рода ремесла называющся разумомъ, или паче частями разума, разліянными въ обществѣхъ человѣческихъ на употребленіе и пользу ихъ. Повѣсть о Проміевоомъ огнѣ, заключающая въ себѣ гаданіе, учишь, что дары разума въ малѣйшія частицы раздѣлены, и каждая изъ нихъ представляетъ цѣлое. Почему ежели искусства и судожества не пребуютъ никакой помощи отъ случая къ достиженію своего совершенства; то можно ли думать, чтобы наивеличайшее и

наисовершеннѣйшее изъ всѣхъ знаній, соспавляющее всю славу и честь человѣческаго, не существовало?

Есть нѣкое знаніе напряженія и ослабленія струнъ, и называется мусикія; есть наука варенія брашенъ, и именуется поваренное искусство; есть ремесло крашенія виссоновъ и багряницъ, и нарицается красивое художество; дѣшею учимъ одѣваться, обуваться, правую рукою брать пищу, а лѣвою хлѣбъ держать; и естли все сіе не случаемъ, но разумомъ, наукою и знаніемъ дѣлаемся: то какъ можно мыслишь, чшобы шѣ вещи, копорыя особливо къ нашему счастью служатъ, не управляемы были разумомъ, и не пребовали бы прозорливости, разсужденій и совѣповъ? Можешъ ли кшо надѣяться имѣшь у себя каменное зданіе, естли смѣшавъ известъ съ водою, оставивъ случаю прочее продолженіе работы? Никшо изъ благоразсудныхъ имѣя нужду въ сапогахъ и одѣянніи, и купя надлежащія для того припасы, не сядешъ поджавъ рѹки, и начнешъ просить случай, чшобъ онъ и платье и сапоги сшилъ ему. И кшо повѣришь, чшобы богачъ, или вельможа, сидя въ чертогахъ блискающихъ златомъ и серебромъ, облеченный въ багряныя ризы, окруженъ множествомъ ласкателей и рабовъ, веселясь свѣшло, и почивая на мягкомъ ложѣ, безъ разума истинно могъ бытъ счастливымъ, и провождать жизнь безболѣзненно, безъ печали, безъ скуки и воздыханія, въ тишинѣ сѣрдца и спокойствіи духа? Нѣкшо желая под-

смѣяшъ *Ификрата* Философа, спросилъ у него, кпо онъ шаковъ, ежели ни въ числѣ музыканшовъ, ни въ числѣ судей, ни въ числѣ оруженосцевъ онъ не считается? На что *Ификратъ* ему отвѣщивовалъ, что онъ шомъ человекъ, копорой всѣми шѣми повелѣваешъ и пользуется. Разумъ ешь ни сребро ни злато, ни крѣпосшь ни слава, ни сила ни богатство, ни лѣпоша личная; но онъ ешь такая вещь, копорая всѣ шѣ съ пользою употребляшь можешъ, и каждое изъ нихъ дѣлаешъ пріятнымъ, похвальнымъ, полезнымъ; а безъ него всѣ шѣ мертвы, безплодны, вредны, и служатъ къ безчестию и поношенію шого, кпо имѣешъ оныя. Почему справедливо *Промисей* у *Исїода* говоритъ *Елимиею*:

*Не ласкай себя дарами;
Спыще данными добрами:*

Вразумляя шѣмъ, что избытокъ внѣшнихъ вещешвенныхъ благъ не дѣлаешъ насъ блаженными, ежели мы скудны разумомъ. Незнающій пѣсноложенія можешъ ли играшь на струнахъ и органѣхъ? Неучивыйся чшати, какъ можешъ разумѣши книги? Кпо не былъ искуснымъ всадникомъ, шому не лзя управляшь бодрого коня: равнымъ образомъ не надлежитъ бышь судьею шому, кпо разсуждашь не умѣешъ. На что богатство скупому, завистливому, немилосердому и къ благошворенію несклонному человеку? На что понимаешь жену шому, кпо по слабости своего разума долженъ раболѣщивовашъ ея своенравію и приходшамъ?

нямъ? Ибо счастье, не только недостойнымъ онаго и безумнымъ подаеши случай быши злодѣями, какъ говоритъ *Димосѳенъ*, но и въ мудрыхъ, есшли оно превосходитъ достоинства ихъ, дѣлается источникъ всякаго зла.

VII.

Разсужденіе Сенекино о честномъ житіи, въ которомъ преподается ученіе, какъ жить добрымъ челоѳкомъ.

О ЧЕТЫРЕХЪ ГЛАВНЫХЪ ДОБРОДѢТЕЛЯХЪ.

Мудрые почитали всегда четыре добродѣтели необходимо нужными, чшобъ сдѣлаться честнымъ челоѳкомъ. Первая добродѣтель естъ благоразуміе; вторая мужество; третья воздержность; а четвертая правосудіе. Безъ сихъ не возможно употреблять разумъ свой на доброе.

О благоразуміи.

Есшли быши поистиннѣ благоразумнымъ, и живи добрымъ челоѳкомъ, должно во первыхъ размышлять о вещахъ, а потомъ предпринимать оныя, и познавать по собственной ихъ добротѣ, а не по мнѣнію другихъ людей. Знай, что не все по хорошо, что таковымъ кажется, и что напрошивъ того по не дурно, что намъ, по виду только таковымъ является. Не буди никогда идолослужителемъ преходящихъ вещей, которыя у тебя во владѣніи, и берегись считаешь по за великое, что само по себѣ естъ бездѣлицею. Не обходишь

сѣ имѣніемъ твоимъ, сѣ вещью тебѣ только подѣ сохраненіе данною: но употребляй его въ свою помощь, и располагай имъ точно такъ, какъ собственнымъ твоимъ. Ежели симъ образомъ возлюбишь благоразуміе, поведѣ самъ себѣ будешь подобенъ. И когда дѣла и обспояпельства того попребуютъ, по удобнѣе тебѣ будетъ сѣ ними соображаться, нежели перемѣнишь нравъ свой: подобно рукѣ, которая опкрыша или сжапа, не переснаетъ бытъ рукою. Благоразумному человѣку свойственно, испытывать даемыя ему совѣщны и не бытъ легковѣрнымъ ко лжи. Не дерзай ты никогда рѣшишь сомнительное дѣло, о которомъ хотя бы и попребавали твоего мнѣнія, по подашь ты его не опваживайся; не увѣряй ни о чемъ, чего ты опыномъ не дознался, попому что не должно почитать истинною то, что нѣкошорое только правдоподобіе имѣетъ, равно какъ и ложью то, что вдругъ намъ невѣрояшнымъ кажется. Споль же часто надѣваютъ на истинну личину неправды, какъ распешряютъ и ложь цвѣтами истинны. Ибо какъ по случается иногда, что другъ взираетъ на насъ непріятнымъ окомъ, а ласкашель тогда принимаетъ видъ веселой; и такъ переображаетъ онъ истинну, дабы насъ во зло или во искушеніе привестъ. Еспли хочешь бытъ благоразумнымъ, по предсмапривай будущее, и предспавляй въ душѣ своей шѣ приключенія, коимъ подвергнуться можешь. Не дѣлай ничего шоропливо и безъ предварительнаго размышленія. Благоразумный никогда не говоритъ: я не думалъ, чтообъ

чтобы это было, или сие случилось. Онъ въ-
дешъ себя подверженнымъ несчастію; ожида-
ешъ его съ швердосшію; и съ небреженіемъ
на него взирая, всегда оспорженъ. Ежели
предпріемлешъ какое дѣло, познавай оному
причину прежде, нежели начнешъ оное; а по-
думавши гораздо объ ономъ легко будешъ уже
тебѣ сулишь и о слѣдствіяхъ его. Разсужде-
ніе обязуешъ тебя продолжашъ нѣкоторыя на-
чавшыя дѣла, а другія и начинашъ запреща-
ешъ; для того что исполненіе сихъ навлечъ
можетъ негодованіе. Благоразумный не хочешъ
никогда обманывашъ, и обманушъ бышъ не
можетъ. Смощри, чтобы мнѣнія швои были
основательны; и нелѣпымъ, или яко сонъ
исчезающимъ мыслямъ затвори душу швою.
Въ прошивномъ же случаѣ, ежели шы ихъ
разсужденіемъ своимъ допустишь, то послѣ со-
жалѣшь будешъ. Разсмащриваетъ ли что швой
разумъ, или о чемъ получаешъ свѣденіе, все-
гда придерживашъся онъ долженъ истинны.
Берегись пущословія; а имѣй предмѣшномъ
словъ швоихъ или ушѣшеніе, или совѣшъ, по-
велѣніе, или запрещеніе. Хвали не часшо, а
хули еще рѣже. Надмѣрнѣя похвала споль
же вредительна, сколь неумѣренной выговоръ.
Оная прилична ласкашело, а сей злому чело-
вѣку. Будь скупъ на обѣщаніе, и щедръ на
удержаніе обѣщаннаго. Ешъли шы любишь бла-
горазуміе, то можешъ пользоваться слѣдую-
щими шремя положеніями: беречь насшощее;
будущее предвидѣшь; а о прошедшемъ памя-
товашъ. Тотъ, кто не мыслишъ о семъ послед-

немъ, не достоинъ жить во свѣтѣ; а кто не печется о будущемъ, пошѣ безпреспанно роетъ себѣ ровъ погибельный. Предспавляй себѣ и доброе и худое, съ побою случисься могущее; впорое сносишь съ шерпѣніемъ, а первымъ умѣренно наслаждаешься. Не всегда будь въ дѣйстви, а успокоевайся, когда придетъ часъ опдохновенія; но во время досужное не преспавай исполняшь духъ швой мыслями честными, и мудрыми размышленіями. Благо-разумный не ржавѣетъ опъ лѣности: какъ бы разумъ его ни былъ въ покоѣ, но всегда не безъ дѣла. Знаетъ онъ, какъ что должно предпріяшь, какъ рѣшишь шрудное, ишпре-бись сомнишельное, превозмочь неудобное. А вѣдая пуши къ доспиженію какой либо вещи, предвидитъ конецъ ея ясно, и слѣдуя совѣшу мудрыхъ, судитъ о темныхъ вещахъ по яснымъ, о великихъ по малымъ, и объ удаленныхъ по ближнимъ, а о цѣломъ опъ частей его заключаешь. Когда важной человекъ о чемъ говоритъ съ побою, внимай словамъ его больше, нежели его соспоянію, не озабочиваясь о санѣ имъ носимомъ. Спарайся угодишь предъ всѣми, а не предъ многими; ищи шолько возможное найпи; узнавай вещи, кои разумъ швой способенъ понимаешь, и желай шѣхъ, копорыя чешью приобрѣсть можно. Восходи на высочу шполь далеко, чшобъ можно шебѣ было спояшь на ней безъ спраха; возвышайся не бояся паденія. Когда счаспіе шебѣ служитъ, воображай себѣ, чшо ходишь шы по шѣспамъ болошнымъ и скольскимъ. И шакъ
оспа.

вспановись вдругъ, и не бѣги скоро, и примѣчай, по кошорой дорогѣ, и какъ далеко ищи надлежишь.

О храбрости.

Ежели естъ въ тебѣ сіе великодушіе, которое можно назвашь силою или храбростію, то будешь жишь свободнымъ, веселымъ и оупъ спраху непобѣдимымъ. Великодушному человеку сродно бышь непоколебиму, въ намѣреніяхъ шверду, и ожидашь безъ удивленія конца своей жизни. Нѣтъ ничего величественнѣе духа, знающаго презирашь свѣтскія пыщности. Ежели храбръ ты, такъ не вѣришь, что могъ бы кто тебѣ обидѣшь. Непрѣшельмой, скажешь ты, не обезчестилъ меня, хотя можешь бышь и хотѣлъ онъ того. Вошь какъ ты говоришь будешь. Когда ты его и побѣдишь, то довольствуйся шѣмъ, что имѣлъ ты средство опомстить ему, но не желай исполнишь оное дѣломъ; и вѣдай, что великъ и честенъ сей родъ опмщенія, каковъ естъ прощенія. Не раздражай никого шупками, и всякому доброхотствуй. Не наспуай ни на кого нечаянно, и убѣгай поединка. Подлымъ шолько душамъ прилично предашельство и обманъ. Славься храбростію, ежели ты не шрусъ, и не наглъ въ опасности. Единое угрызение нечисшой совѣсти дѣлаешь духъ робкимъ. Истинная храбрость состоишь въ томъ, что бы швориши дѣла, спраху и опважностію чуждыя.

~ ~ ~

О поздержности.

Ежели тебѣ сколько нибудь нравился воздержаніе, опсѣки всякое излишество, и ограничивай спраспи души своей. Примѣчай пайнымъ образомъ, чего природа пребуешъ, и что хочешъ привычка. Есшли ты любишь воздержаніе, то достигнешъ бышь довольнымъ тѣмъ, что ты ешь: ибо человекъ самимъ собою довольный родился богатымъ. Обуздывай неправильныя похощенія свои, и предписывай имъ границы. Опвергай унижающія разумъ вещи, нечувствительна въ оной нѣкошорою сладостию вкрадывающіяся. Ышь, но не объѣдайся; пей, но не упивайся. На пиру увеселяйся честно съ другими, и не кажись хулящимъ поведенія ихъ, не послѣдуя ихъ примѣру. Не прилѣпляй чувствъ своихъ къ подлежащимъ увеселеніямъ, а желаній своихъ къ забавамъ случаемъ представляемымъ. Не будь разборчивъ въ ѣствахъ, ниже роскошенъ въ сполѣ своемъ; чшобъ голодъ заспавлялъ тебѣ ѣсть, а не видъ кушанья. Довольствуйся малымъ, помни, что главное спараніе швое должно бышь совлеченіе спраспей. Предспавъ себѣ, что будучи сошворенъ по образу и по подобію Божию, долженъ ты оберегаться грубаго и шфлеснаго, и сдѣлаться весь духовенъ. Воздержаніе научишь тебѣ довольствоваться домомъ здоровѣйшимъ, нежели веселымъ: понеже должно по господинѣ знашь домъ, а не по домѣ господина. Не приписывай себѣ шого, чѣмъ ты не былъ, или что не ешь, и берегись показываться выше соспоянія своего. Паче все-

го сперегись бышь пїяницею, вѣ бѣдноти твоей споль скупымъ, чпобъ бережливоспъ обрапилась вѣ мерзоспъ, и не заработывайся до усалосп. Каково бы мало имѣніе твое ни было, упопрбляй его чеснымъ образомъ. Не плачь, еспли дѣла твои идушъ худо; а шѣмъ меньше дивись, ежели другіе вѣ своихъ преуспѣваюшъ.

Воздерживайся отъ сквернословія: ибо безспыдство, съ копорымъ оно произносися, пишашъ наглоспъ. Прїяшной и полезной разговоръ, предпочитай всегда словамъ ласковымъ, и ради забавы выдуманымъ сказкамъ. Мѣшай иногда смѣшное слово съ важнымъ, но весьма рѣдко, дабы себя не унизисъ, и не нарушисъ правила приспойности. Смѣхъ хулы достоинъ, ежели онъ чрезмѣренъ, и подобися погда смѣху дѣтскому и женскому; а омерзипеленъ, когда громокъ, ругашеленъ и злоспію наполненъ; но хуже всего шпшъ, копорой вылеташетъ скрыпо, и раждаешя отъ недоспашка другаго чловѣка. И шакъ ежели любишь смѣяпся, смѣйся сохраняя приспойность. Забавы и игры твои должны бышь ограниченъ умѣренностію; вѣ нихъ не долженъ пы бышь сполько воздерженъ, чпобъ почли тебя сердисымъ вѣ обществѣ, ниже шoliko чрезмѣренъ, чпобъ тебя презрили. Будь учшивъ съ прїяностію, и не пришворяйся. Однимъ словомъ вѣ разговорахъ своихъ не будь язвипеленъ, вѣ насмѣшкахъ шумомъ, крикуномъ вѣ разговорахъ, спраненъ вѣ поступкахъ. Не обращай покоя своего вѣ бездѣйствіе, и когда дру-

другіе занимающся игрою, упражняйся въ полезнѣйшемъ и честномъ. Ежели пойдешь за воздержаніемъ, бѣги ласкашельства, и еспьли порочные тебя хваляшъ, по сполькожъ обѣщомъ сожалѣй, сколько и погда, когда бы тебя за самыя пороки хвалили. Радуйся, ежели злымъ не нравишься, и считай похвалою худое ихъ о себѣ мнѣніе. Знай, что при воздержаніи нѣшъ ничего труднѣе, какъ отпоргашъ ласкашельство. Ласковыя слова пріятны разуму, и служатъ въ пищу самолюбію. И для того не призывай въ помощь ласкашельство, ежели съ кѣмъ хочешь жить въ согласіи; и зашворяй сердце швое хошящему войши въ дружбу свою посредствомъ сего порока. Не буди наглъ и безчинемъ. Покоряйся безъ подлости, принимай выговоръ благосклонно, и съ терпѣніемъ сноси попреки. Ежели кто тебя оговорилъ по справедливости, знай, что онъ сдѣлалъ тебѣ добра много; а ежели напрасно, по въ швою же пользу. Не сомнѣвайся, что ласкашельство стольже опасно, сколько и колкія слова. Бѣги пороковъ своихъ, не любопытствуя о другихъ. Не попрекай имъ оными спрого, но съ пріятностію воздерживай отъ нихъ. Ты долженъ предупредишь выговоръ веселымъ видомъ, и безъ шруда прощашъ другому. Надъ мѣру не хвали, и отъ хуленія удаляйся. Слушай съ собою разговаривающихъ, и понимай скоро слова ихъ. Приклони ухо свое къ вопрошающему тебя; и ежели онъ тебя и пренебрегаетъ, по скорѣе подумай, что ты того достоинъ, нежели о семъ заведи съ нимъ ссору.

Ничемъ болѣе не изъявишь воздержанія, какъ сохраняя благоприсойность въ движеніяхъ ума и шѣла своего. Чпо нужды въ помѣ, сокрышы ли они во внушренности швоей, или другому они видны, но шокмо бы шобою они ошущаемы были. Буди больше прилѣженъ, нежели скоропоспигенъ; и поспояненъ, нежели упрямъ. Въ ученіи своемъ имѣй видомъ истинну, а не хулу, ниже новостъ испышашъ познаніе другаго. Не правъ шы, ежели чпишь себя выше ближняго швоего, и его презираешь за то, чпо онъ не однихъ съ шобою мыслей. То полько знай, чпо никому въ хорошемъ поведеніи успунашъ шы не долженъ. Берегись показашъся слабымъ въ воздаяніи показавшему шебѣ добрыя услуги. Ежели кшо шобою обязанъ, не принуждай его благодарить шебѣ. Покажи, чпо шы не любишь никому ласкашъ, чпо шы со всякимъ обходипеленъ, съ немногими искрененъ, а справедливъ со всѣми. Докажи, чпо шы на дѣлѣ доброй челошкѣ, а не словами шокмо. Возлюби милосердіе, клени жестокость. Не упражняйся въ посѣянні добрыхъ о шебѣ шокмо мыслей, и не завидуй, ежели и о другихъ хорошаго заключенія. Никогда не вѣрь несбышочнымъ, по злобѣ шокмо выдуманымъ клеветамъ и ложнымъ слухамъ; напрошивъ шого бѣгай подъ видомъ честности распавляющихъ съши добрымъ людямъ. Не приходи скоро во гнѣвъ, а спѣши прошеніемъ; будь поспояненъ въ безвременьи и покоренъ въ гоненіяхъ. Не хвастайся своею добродѣшелою, такъ какъ нѣкошорые своими пороками. Пренебрегай суешную славу, и не

ищи съ прилѣжаніемъ въ другомъ человѣкѣ добрыхъ свойствъ своихъ. Не гнѣвайся на людей за ихъ неоспорожность. Не возноси голосъ свой, а имѣй терпѣніе выслушивать говорящихъ съ побою. Вольно тебѣ быть спрогимъ, но опнюдь не жестокимъ. Паче всего не презирай человѣка забавнаго и веселаго. Будь любопытенъ и желашеленъ познавъ доброе. Такъ какъ человѣкъ опъ человѣка учимъ бываетъ: по охотно слушай, ежели скажешь кпо тебѣ о знаемыхъ побою вещахъ, и не спыдись познавать невѣдомыя побою.

О правосудіи

Что есть правосудіе, какъ шайное согласіе природы, для вспоможенія многимъ изобрѣшенное? Оно есть свойство нашего духа, законъ божественный, цѣль гражданскаго сохраненія. Ибо не изыскивая о прочихъ вещахъ, имъ намъ дозволенныхъ, довольно къ знанію нашему и шого, что предписываемыя имъ намъ полезны. И такъ ежели ты хочешь слѣдовать правосудію: бойся во первыхъ Бога и люби его, да и онъ возлюбитъ тебя. А возлюбишь Бога шогда, когда слѣдуя ему, полезнымъ будешь всѣмъ, и не вреденъ никому. Тогда услышишь опъ людей наименованіе справедливаго; увидишь, что они охотно тебѣ послѣдуютъ, и почиашъ тебя будущъ. Для справедливаго человѣка не довольно шого, чтообъ никого не обидѣшь, а должно еще препящивовать другимъ, наносишь какое либо озлобленіе. Правосудіе или справедливость не въ шомъ собственно состоишь, чтобы никому не

не вредить, но не присвоить принадлежащаго другому. И такъ начинай съ сего: не обогащайся краденымъ. Слѣдуй великодушнымъ намѣреніямъ; а ежели что и забралъ, возврати. Наказывай хищниковъ, и содержи ихъ подъ присмотромъ, чтобъ не обезпокоивали они добрыхъ людей. Не сварись за каждое слово, а паче того за двусмысленное; напропивъ того разсмапривая свойство духа своего, будь равнодушенъ, откажутъ ли, или согласяся на требованія твои. Когда приводишь Бога во свидѣтели, то хощя и кажешя тебѣ, что онъ словамъ твоимъ не внимлетъ, но ты ошибаешя. Не выходи изъ границъ истинны, такъ какъ и онъ не пресупаешъ черты правосудія. Ежели когда и принужденъ будешь солгать, то дѣлай сіе въ защищеніе правды. Однимъ словомъ, koliko полное удовольствіе быть побѣдителемъ нещасія, которымъ другіе побѣждающя! Ежели ты будешь спарашя сохранять сказанное, то не съ такою опасностію ожидашь будешь часа смертнаго, и свободенъ печали и безпокойства; поживешь въ радости, тишинѣ и веселіи, исполненъ храбрости, чуждъ страха.

О предѣлахъ благоразумія или осторожности.

Слѣдуй чешыремъ добродѣтелямъ, о коихъ мы говорили, дойдешь до пуши совершенства, ежели удаляясь неумѣренности, будешь все относить къ концу, какимъ образомъ живишь добродѣтельно. Ибо ежели осторожность пресупишь свои предѣлы, то при-

нудишь себя къ злодѣянію и прусоспи. Будушь на тебя жаловаться, что ты хочешь отгадывать сокрытыя вещи, и что разборчивъ въ маловажныхъ дѣлахъ. Робкой человекъ, скажутъ о тебѣ, во всякомъ дѣлѣ надъ мѣру шоченъ и суевѣренъ. Всегда потребуешь совѣща, безпреспанно оспороженъ, и никогда не вѣренъ въ предпріятіи своемъ. Всякое воображеніе служишь пищею его сумнипельспву. На тебя будушь показывать пальцами, и каждой будетъ называть тебя колкимъ, ханжею, беспыднымъ, врагомъ людей добрыхъ, лазутчикомъ, однимъ словомъ, все прозовутъ тебя злымъ человекомъ. Въ такіе-то пороки приведешь себя излишняя оспороженость. Умѣрай же ее такимъ образомъ, чтобъ въ дѣлахъ пвоихъ не былъ ты слѣпцомъ, ниже надъ мѣру прозорливымъ.

Како̀на должна быть истинная храбрость.

И то также правда, что чрезвычайная храбрость, дѣлаетъ человека скоропоспижнымъ, алчнымъ, замѣшаннымъ, запальчивымъ, и дерзкимъ на всякое предпріятіе; сія же буйспвенная храбрость, исполнивъ чувство звѣрскою яростію, никогда не имѣетъ покоя, а только что гонитъ сего или сражаепся съ онымъ. Настоящее упражненіе ея соспоитъ во брани, и во влеченіи въ недружбу живущихъ мирно. И такъ испинная храбрость соспоитъ въ помѣ, чтобъ не быть наглу и робку.

О Умѣренности.

Не выдешь изъ границъ воздержности, ежели слѣдующее сохраняя будешь: берегись, чшобъ не подашь повода назвашь себя щекопчивымъ; чшобъ сомнѣнiе и опасность поперяшь швое преимущество, не сдѣлали тебя даже до порицанiя подлымъ; не увеличивай малыя вещи, чшобъ не сочли тебя ябѣдникомъ. Знай, чшо умѣренностию наслаждашь будешь, ежели роскошь не учинишь тебя распочителемъ и сладострастнымъ, а скупость скарднымъ и гнуснымъ.

Какъ должно умѣрять Препосудiе.

Чшо касается до умѣренности, копорую наблюдашь ты долженъ въ пущихъ Правосудiя: шо надлежитъ оную учреждать такимъ образомъ; чшобъ отъ жудаго поступка швоего не произошла лѣность и нерадѣнiе, удобное попряспи крѣпость души швоей. Сшарайся исправляшь ближняго, но такъ благовременно, чшобъ ты опнялъ самовольство у злодѣевъ дѣлашь беззаконiе; припомъ не будь весьма сшрогъ, и осшавляй чшо нибудь прошенiю и милосшii. Въ противномъ случаѣ, ты покажешся нечувствительнымъ и врагомъ сроднаго человѣку милосердiя. И такъ располагай такимъ образомъ, чшобъ почтение, должное чешности, не уменьшилось чрезмѣрною холодноспию, и чшобъ оно не потеряло изящесшва своего, отъ необыкновенной жестокоспи.

По предположеннымъ симъ вещамъ, ежели кшо хочешъ бышь самому себѣ и другимъ полезнымъ, да соблюдетъ реченное; но паче

всего да памяшуеть соглашашься со временемъ и мѣспомъ, съ обшпояшельспвами и съ людьми.

Я еще повшорю не удаляшьяся никогдѣ отъ умѣренности; дабы неограниченное рвеніе къ послѣдованію симъ правиламъ, не евергло въ бездну погибели; а робоспъ въ повиновеніи сказанному, не наказана была за свое нерадѣніе.

VIII.

УВѢЩАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ЕРАСМА РОТЕРОДАМСКАГО.

Храброму и своею собственною добродѣтелию довольспвующемуся мужу не надобно искаши славы: ибо она за добрыми дѣлами не инако слѣдуетъ, какъ тѣнь за тѣломъ. Вѣрно о себѣ вѣдающая изящная добродѣтель похвалы не желаетъ: но сія пріидетъ къ ней тѣмъ славиѣ и испиниѣ. Пресвѣпное названіе: *отець отечества*: но похвальнѣе онсе заслужишь, нежели имѣшь по наслѣдію. Повѣрь мнѣ, что между всѣми швоими и рода швоего украшеніями, паче всего то будешъ славиѣ. Толикія швои знашныя и прехвальныя дѣла наконецъ симъ соверша и увѣнчай. Трудно воиспину, къ чему я тебя подшряю, но рода швоего и швоего духа достпойно. Отъ шаковаго корня, отъ шакой природы, и шаковхъ дѣлъ, ничего не можно ожидашь низкаго и посредшвеннаго. Ежели ты предковъ своихъ похвальнымъ дѣламъ, ежели прежней швоей

швоей славѣ, и всѣхъ людей о тебѣ надеждѣ соопшѣсповашь желаешь: но непременно надлежитъ тебѣ на самый высочайшій верхъ совершенства взойти. Помышляй, что ты обращаешься на весьма многолюдномъ позорищѣ, и что всѣ зрители обратили очи свои на тебя, копорыхъ ты никогда не удовлетворишь, ежели начашаго прехвальныхъ сихъ дѣйстви предсавленія, съ великою славою не приведешь къ окончанію. Добродѣтель сама себѣ довольнымъ есть награжденіемъ. Не живѣ шомъ, что живѣ безъ славы. А шомъ не погибаетъ, что умирая оставляетъ по себѣ пошомкамъ честную память. Хотя бы у насъ смерть и все опшнмала: однако честнаго имени слава бываетъ по смерти блиспательнѣе. Повѣрь мнѣ, что ты симъ созиждешь себѣ въ память сполнѣ долговѣщѣе мѣднаго, копорого ни свѣдающая зависѣ, ни свирѣспвующій сѣверный вѣтръ, ни безчисленное множестволѣшъ, ни скорое спремленіе временъ разоритъ не можетъ. Изображенія предковъ швоихъ обременяютъ тебя, а не прославляютъ, естьли ты знашности швоей, шакowymiжъ дѣлами, каковыми они себѣ оную заслужили, не будешь укрѣплять и бушно расшишь. Къ сему тебя побуждаетъ знашность швоего рода, къ сему любовь должная Опечесшву, къ сему гражданъ твоихъ опъ тебя зависящее благососшояніе. Ты шолько начни оказывать сей воиспинну великій швой духъ: а Всевышній въ храбрыхъ швоихъ предпріятіяхъ будетъ тебѣ спспшествовать. Богъ самъ, какъ говоряшъ, помо-

гашѣ смѣлымъ. Въ честномъ дѣлѣ всякому Богомъ есть собственныи умъ онаго. Нынѣ разсуждай, лучше ли ты желаешь предковъ твоихъ украшенія и твои похвальныя дѣла сею ушварью привести въ совершенство и будущее докончишь, или свой родъ помрачишь, и славу, которую ты доселѣ знаанными приобрѣлъ себѣ дѣлами, мгновенно потеряешь. Никакого нѣтъ спяжанія, которое бы получишь было шруднѣе и медлительнѣе, какъ честная слава; и нѣтъ никакого спяжанія, которое бы скорѣе потерять было можно. И еслили себя великихъ вещей слава не прогаешь, то по крайней мѣрѣ никакого ты имѣнія ни великолѣпнѣйшаго ни драгоцѣннѣйшаго не можешь оспавишь своимъ дѣшамъ, какъ сего дѣла вѣчно пребывающей Славы. Какъ львы и орлы не со всякими звѣрьми въ сраженіе вступаютъ, но нѣкошорыхъ изъ нихъ, какъ недоспойную своихъ когшей добычу, презираютъ; такъ и ты по дѣло, которое чѣмъ болѣе и шруднѣе, тѣмъ съ большею охотою предпринимать долженъ; ибо изящныи пущь ко славѣ, единымъ только изящнымъ добродѣтелямъ отперстѣ. Знаю, что самое шрудное сіе дѣло, къ которому я тебя увѣщаваю; и не невѣдаю, что справедливо говорятъ: не всякому то можно сдѣлать. Но ты уже прежде и больше сего дѣлалъ, и ко исполненію сего другаго равнаго не нахожу. Еслили пальмовое древо отъ наложенной тяжести не гнется, но больше прошивъ оной силился подымаяся на верхъ; то кольми наче храбраго мужа духъ долженъ

возрастать отъ самой шрудности дѣла? Я сіе не для того пишу, чтобы произвольно исполняющаго болѣе возбудишь. Я тебя не столько увѣщаваю сіе дѣлать, сколько поздравляю спѣшашаго шуда, куда желанія наши хотѣли захопишь швою добродѣтель. Во первыхъ помышляй, что прилично *Тецтону*; попомъ, что *Саксонцу*; попомъ, что *Албертоу пнуку*; напослѣдокъ, что *Филиппу*. Сугубую надежду на тебя полагаютъ, то есть, чтобы *Филиппъ* подражалъ достохвальному опцу своему *Филиппу*, и добродѣтельному брапу, котораго ты наслѣдникомъ сдѣлался. Истинное благородство рождається не отъ чего другаго, какъ только отъ знатныхъ дѣлъ; а сіе ты самъ собою приобрѣсти можешь. Для чего ты удивляешься древнимъ ушварямъ швоихъ предковъ? Ты самъ себѣ сдѣлай новые. Больше украшеніе то, которому ты виновникъ, нежели, которому наслѣдникъ. Сколь похвальнѣе собственною добродѣтелію озаряшь предковъ, нежели наслѣдіе получишь чужой славы!

Ты долженъ загладишь твоею храбростію и стараніемъ, недавно приключившійся вредъ нѣкихъ нерадѣніемъ. Приключенный вамъ уронъ всѣ припишутъ счастью, ежели ты теперь покажешь, коликую силу имѣешь на войнѣ храбрый, неуспрашимый и съ благоразуміемъ соединенный духъ вождя.

Намъ болѣе ничего не принадлежитъ, какъ то, что мы собственнымъ сыскиваемъ прилѣжаніемъ. Храбрость обитающая въ швой груди, подаетъ тебѣ смѣлость; любовь

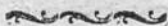
къ Отечеству даруешь желаніе: а прочее все ни пошлешь тебѣ Всевышнее Божество, любящее благочестивыхъ и возвышающее добродѣтельныхъ. Не унывай: сими спезями шеспуй къ безсмертію своего имени. Бодрствуй одаренный мужествомъ. Тако доспигають небесъ. Не ослабѣвай, храбрый юноша! Не дай себѣ покоя, доколѣ преизрядныхъ дѣлъ къ похвальному не приведешь концу. Уже ты перешелъ большую часть пруда: шѣмъ охотнѣе къ предѣлу поспѣшай, чѣмъ ближе отъ него отспозишь. Ничего нѣмъ шоль шруднаго въ дѣлахъ человѣческихъ, чего бы сдѣлать было не можно, еспли шолько возжелаешь. Чшо сперва произвело Боговъ? Не знаяны ли въ обществѣ заслуги? Чшо подобнѣ Богу, какъ высокій, или благодѣшельствовашь всему смертныхъ роду спарающейся духъ? Великолѣннѣ высочайшія достоинства спепени заслужишь, нежели получишь. Въ великомъ и желаніе за велико почишаешя. Въ похвальныхъ дѣлахъ и спараніе одно великими похвалами превозносишя. Когда ты на поприщѣ Славы всѣхъ скоростію превозшелъ, шо и въ семъ дѣлѣ будь самъ себѣ подобенъ. Еспли ты имѣешь благородныя мысли, еспли отъца швоего Иройскія свойства, еспли любовь къ Отечеству: шо весь разумъ, посшоянство, мужество и храбрость шеперь оказашь должно. Не можешь въ семъ похвальномъ шеченіи никогда прійти въ безсиліе, еспли посшопришь на предлежащія награжденія. Продолжай начатой пушь неуспрашимо, и предай имя швое

вѣчности. Истинное украшеніе не въ богатствѣ находится, но въ добродѣтели. Тотъ жизнь хорошо провождаетъ, кто оную посвящаетъ Отечеству. На тебя единого всѣ граждане обратили очи; на твоихъ раменахъ укрѣпленно лежитъ Отечество. Ты придешь въ опчаяніе, елики ты не окажешь себя, какимъ они тебя почитали. А сіе падетъ, елики ты опречется державъ оное. Думай, что сей трудъ крапокъ, а благополучіе, къ которому спѣшишь, вѣчно. Труденъ, какъ *Исидоръ* говоритъ, путь; но на самомъ верху неощущенное воздаяніе. Или за тяжелое почитать должно, чѣмъ сыскивается вѣчное благополучіе? Не разсуждай о томъ, что томъ или другой о тебѣ между тѣмъ говорятъ; но что всѣ попомки всегда о тебѣ говорятъ будутъ. Хулу сносишь за добрыя дѣла, по справедливости царское и великодушнаго естъ дѣло. Ненависть зложелателей побѣждай славою добродѣтелей. Наилучшій родъ опмщенія, непріятелиа приведешь къ удивленію самаго себя добрыми дѣлами. Лаяніе ненавистниковъ презирай, какъ негодныхъ псовъ. На то смотри, къ чему тебя всѣ честные люди согласно какъ бешо зовутъ. Понравись худымъ не меньше безчестно, какъ и за безчестныя дѣла. Спарайся тѣмъ бытъ пріятнымъ, которые всѣмъ нравятся честными поступками. Ослица въ самый большой огонь бѣжитъ подаетъ помощь своему осленку: а храбрый мужъ бѣдствующее опмститъ Отечество, въ которомъ и дѣди его? Мальца звѣзды восхожденіемъ больш-

шихъ помрачаются: но ты не можешь больше просвѣпить пращцовъ твоихъ славы, какъ только, если симъ способомъ помрачишь оную. Не шуда иди, куда отзываетъ тебя мѣръ: не шуда, куда зоветъ Хришоу. Трудность ли тебя оспанавливаетъ въ шомъ, за что обѣщаютъ небо? Опчаеваешя ли предпрѣять то, въ чемъ благоволишь и помощь подаютъ самъ Хришоу? Сомнѣваешя ли о награжденіи, которое обѣщаетъ самъ Богу? Единовременные тебѣ не узнаютъ твоего благодѣянія: но сіе-то самое достойнымъ почишаешя великаго челоука. Нѣтъ никакого благодѣянія, которое бы было больше достойно Иройскаго духа, какъ то, которое дѣлаешя потомкамъ. Съ потомъ приобрѣтающя ученія, но раждають безсмертіе. Прилѣжаніемъ снискивающя, но однажды приобрѣшенныя, никогда не теряющя. Медлительно ихъ достигають: но когда кто достигнетъ, тогъ безопаснѣйшее и вѣчное получають въ нихъ спяженіе. Въ иныхъ достохвальныхъ дѣлахъ великую часть похвалы приписываютъ счастью; а нѣкоторую и тѣ себѣ присвояють, которыхъ шудами оныя приведены къ концу: но сего дѣла слава вся будетъ твоя. Великую всѣ на тебя имѣють надежду: ради того непременно должно тебѣ оную исполнишь. Родъ, свойство врожденное, благоразуміе, высокость духа, предковъ славныя дѣла, заставили всѣхъ ожидать отъ тебя великихъ дѣйсвій. Обмануть ихъ въ шомъ безчестно; то, чего ожидали, учинишь нужно, а превзойши прехвально. Если ты по-

мыслишь о своемъ достоинствѣ, то ты въ семъ званіи такъ себя вести долженъ, чтобы ты, которые прежде тебя съ немалою похвалою оное опправляяли, будучи сравнены съ тобою, великую часть похвалы своей тебе уступили, и никто бы не сыскался, который бы и послѣ тебя могъ быть тебе равнымъ. Снарядися такъ поступать въ семъ правленіи, чтобы оное поручить наследнику своему и саномъ своимъ величественнѣе и нелицеприимствомъ и бодростию труднѣе. Разсуждай, сколько ни есть труда въ изученіи юриспруденціи, однако въ три или до крайней мѣры въ чешыре года ты оное совершишь; въ прочемъ честь на весь твой вѣкъ чрезъ то получишь. Трудъ оканчивается, а честь пребываетъ; трудъ крапокъ, а слава безсмертна. Иные для приобретенія богатства многіе годы въ трудахъ и въ пошлѣ провождаютъ, моремъ и насухомъ пути ѣздятъ: а тебе скучно нѣсколько лѣтъ въ честныхъ трудисься ученіяхъ, чѣмъ ты себя вмѣстѣ и богатство и достоинство приобретаешь? Честь пишется науки, какъ пишетъ Цицеронъ; и то тебе должно быть немалымъ побужденіемъ, что такъ у насъ начальникъ, подъ котораго правленіемъ никто вшуне не почиаетъ добродѣтели. Нѣкоторые разными образами предають потомкамъ память своего имени; однако ни едина вещь для памяти сдѣланная вѣрнѣе не сохраняетъ славы человѣческія, какъ естли ты чрезъ благодѣянія имя свое начертишь въ сердцахъ человѣческихъ: то есть, естли ума твоего

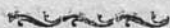
знаками въ сочиненіяхъ изображенными не только въ швоемъ Опечесствѣ, но и во всѣхъ спранахъ, не только у людей швоего вѣка, но и у попомковъ честное заслужишь имя. Смотри прилѣжно, чшобы не впаспъ въ нерадѣніе, упражняяся въ семъ дѣлѣ. Многого шруда пребуешъ избратъ по, чѣмъ начало положишь швоей славѣ. Должно всякое упошребляшь спраніе въ шомъ, чѣмъ въ первые показашься хочешь народу. Когда ужѣ шы однажды изрядныя науки въ свое покровишельство принялъ, по не надобно сходишь съ сея степени. Видишь, съ какими чудовищами надлежитъ срашиться. Безъ сомнѣнія пребуешся къ сему другой *Иракль*, кошорымъ, кромѣ шебя, никакю лучше бышь не можетъ. Молю шебя какъ для моей дружбы, такъ и для здравія обоихъ, (ибо и я тогда здравъ, когда шы невредимъ;) не вдавай себя въ опасныя шрудности. *Есопопа басня о козлѣ* учипъ насъ, чшобъ мы безразсудно не вдавалися въ такія шрудности, ошкуда, когда ужѣ и сами желаемъ, не въ соспоянніи будемъ себя избавишь. Легко снйши во адъ, но выйши опшуда шрудно. Ежели шы свою жизнь пренебрегаешъ, по сжался надъ нещасніемъ супруги швоей и дѣшей. Безъ нихъ шы самъ погибнуть не можешъ: ибо они всѣ зависяшъ опъ шебя. На шебъ весь домъ швой основанъ, кошорый шебъ должно швоимъ благоразуміемъ, швоимъ стараніемъ, швоею храброспію поддерживашъ; а въ прошивномъ случаѣ онъ упадаешъ. Слѣдуй съ непреборимымъ духомъ шому, чшо за

честн

честнѣйшее почтешь. Въ честныхъ дѣлахъ будетъ помощникомъ самъ Богъ. Помышляй, сколько ты симъ получишь похвалы и поздравленія. Чпо много говоришь? Такъ себя совершеннымъ покажи во всѣхъ добродѣтеляхъ, чпобы и непріятели инако тебя поносили не могли, какъ вмѣстѣ съ похвалою. Денно и ношно помышляй о томъ, чѣмъ можешь опъ земли вознесися, и устами всѣхъ называемъ быши побѣдишелемъ. Кпо не похвалятъ изящной сей природы? Почему я тебя, сколько можно, увѣщаваю, чпобы ты то, чпо опъ предковъ получилъ, и попомкамъ оспавилъ. Ты и одинъ можешь сдѣлать, чпобы не всѣмъ была правда, чпо обыкновенно говорятъ, чпо наше дворянство ничего въ домахъ своихъ не имѣетъ хорошаго, кромѣ изображеній предковъ своихъ. Всѣ друзья твои увѣщаваютъ тебя единими устами; будь великодушенъ, и надѣйся всего, чего надѣяться можно. А по почитай за полезнѣйшее, чпо соединено съ честію.

Такъ разсуждай о достоинствѣ, чпобъ помнишь и здравіе. Слава хотя съ прудомъ возвращается, однако возвращается. А жизнь однажды потерявъ никогда обратно не получишь. Глупость спорить съ шѣмъ, кому равнымъ быть не можешь. Кпо въ брань всупаетъ съ шѣмъ, кого побѣдишь не можешь: скажи, чпо другое онъ дѣлаетъ, какъ только, по старой пословицѣ, *дразнить шершней*? Напрасно слясь ничего болѣе не искашь, кромѣ ненависти, не послѣднее ли безуміе? Естьли про-

прошиву естества своего спремиться будешь: по не другое что, какъ съ богами брань, будешь имѣшь. Но ты самъ вѣдаешь, какой въ семъ дѣлѣ успѣхъ имѣли *Гиганты*. Какая опасность предпринимать то, что силы наши превосходитъ: баснь о *Фавонтѣ*, о *Икарѣ* и о *Гигантахъ* научить насъ можешь. А что не безопасно дерзновеннымъ бышь прошиву сильныхъ и вооруженныхъ, *Адонидопа* погибель научить насъ должна.

IX.

ЧЕТЫРЕ СТЕПЕНИ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО (*).

ОТРОКЪ.

Обращите взоръ свой на сего великую о себѣ надежду подающаго и веселіемъ преисполненнаго младенца. Зракъ лица его подобенъ Ангельскому; и сіе подобіе происходитъ отъ всесильной десницы Всевышняго Творца міра. На челѣ сего младенца просіяваетъ, такъ скажешь, красный весенній день. Лазуревый цвѣтъ очей его, уподобляется цвѣту небесъ, коего пріятность усугубляютъ еще розы, на смѣющихся ланишахъ его процвѣтающія. Живость зрится во всѣхъ жилахъ его, и на устахъ изображается веселіе. Нравъ его столь чистъ, какъ пончайшій ефиръ, и въ дѣйствіяхъ своихъ непороченъ онъ, яко голубица. Онъ по-

ви-

(*) Перепедено съ Нѣмецкаго языка.

винуется гласу родителей своихъ, и яко агнецъ незлобивый, грядетъ во слѣдъ мащери его, со шщаніемъ примѣчая ея мановенія, яко младыя ласпочки, зря родителей приносящихъ имъ пищу.

Во глубокое еще упрое, возпрянувъ отъ сна, отъ глубины души своея, благодарныя моленія предъ жертвенникомъ Спасителя своего проливаетъ, и гласъ его въ вечернее время, разверзал сводъ небесный, престола Божія достигаетъ. Хотя и во время мрачныя нощи отъ сна онъ пробуждается; однако и тогда успрашающія мечтанія не нарушаютъ его покоя: ибо недремлющее Всевышняго Око на него призираетъ, и Ангели Божіи на лице его разсыпаютъ покойствіе. Онъ чшитъ поучающія юность его уста, и заповѣди Господни душу его напаяютъ, яко вода жаждущую землю. Когда онъ возводитъ взоръ свой на ошца своего: тогда сердце его радостию исполняется, и пріятное его взываніе благоденствіе родителя соспавляетъ. Любовію преисполненныя мащерніе взоры, всю упробу его оживошворяютъ, аки лучъ солнца теплопою своею, отъ хлада ношнаго увядающимъ прозябеніямъ новья подаетъ силы; и нѣжныя ея лобызанія производятъ въ немъ живность. Тогда шльня его купно съ разумомъ возрасшатъ начинаютъ, и онъ преуспѣваетъ въ мудроспи и въ добродѣтеляхъ. Онъ со шщаніемъ изучается иностраннымъ языкамъ: ошота и прилѣжность пушь къ наукамъ (ему ошворяютъ. Все его упражненіе соспоитъ въ Ариемшикъ,

писа-

писаніи и въ прилѣжномъ чпеніи правоучи-
шельныхъ басенъ. Такимъ-по образомъ, подѣ
покровипельспвомъ родителей, безмяшежно и
спокойно, яко шихій источникъ, часы его про-
пекаюшъ; и тогда-по сей опрокъ начинаемъ
бышь *юношею*.

Ю Н О Ш А.

Се предстоишъ взору нашему добродѣ-
тельный юноша, опрада и ушѣшеніе своихъ
родителей. Все его желаніе стремится къ
тому, чшобы ходити путемъ Божіимъ, и день
и ношъ поучашися свяшому его закону. Про-
ливаемыя имъ моленія, яко кадило благовон-
ное, восходяшъ до небесъ, и воздѣяніе рукъ
его ешь, яко жершва вечерняя. Онъ испыту-
ешъ естества успавы, и находишъ Творца
своего споль же великимъ въ швореніи малаго
червя, какъ и лучезарнаго солнца.

Изъ Греческихъ и Римскихъ писателей по-
черпаетъ онъ неоцѣненную премудросшь. Пред-
водитишельспвуемъ будучи здравымъ разсудкомъ
и правдолюбіемъ, обрѣшаетъ онъ красосу въ
онихъ. Онъ не раззоряешъ сосудовъ, храня-
щихъ прахъ древнихъ племенъ народовъ, и
не ищетъ достопамятноспней во единыхъ по-
кмо гробахъ. Духъ его, яко орелъ паряшій,
на высосу возлешаетъ, оспавя сію мрачную
науку роющимъ въ землѣ слѣлымъ крошамъ.
Правопознаніе являешся предъ нимъ въ при-
пнѣйшемъ видѣ, и шворенія древнихъ сти-
хотворцевъ исправляюшъ вкусъ его. Чипая
исторіи, чудишся онъ судьбѣ шоль многихъ
и сильныхъ царствъ во вселенной, и возжигая
ношю

нощю свѣпильникъ , чинаешъ повѣствованіе о судьбинахъ своего опечеснва. Ему извѣстны уже предѣлы опдаленнѣйшихъ странъ; въ свободные часы измѣряешъ онъ проспранство полей и удолевъ , или со шщаніемъ начерпаетъ на бумагѣ человѣческой образъ съ жилами и мускулами , чшобъ узнать сложеніе его. Иногда слухъ его плѣняется пріятнымъ согласіемъ мусикійскимъ ; иногда съ добродѣтельными друзьями своими прогуливаетъ по зеленымъ полямъ , или ѣздитъ съ ними на ладіѣ по изобильному рыбою езеру. Добронравіе его и заблаговременное помышленіе о будущемъ блаженствѣ , исполнены всякаго благоуханія. Плащемъ не показываешъ онъ полуученаго умника , и шляпу не изгибаешъ шакъ , какъ вершопрашные щеголи. Тогда-шо уже собираешся онъ въ пущь , и намѣряешся осмошрѣшь опдаленные государснва и грады. Опецъ даетъ ему благословеніе въ дорогу , а манерь прерывающимися вздохами извѣялаешъ желаніе , паки узрѣшь его невредима. Сѣспры проливаютъ горчайшія слѣзы о его опшесствіи , и брашя прощаяся съ нимъ , его лобызаяшъ. По опѣздѣ своемъ имѣешъ онъ самъ надъ собою полную власшь ; но благодать небесная показываешъ ему пущь днемъ , а Божія премудрость возжигаетъ свѣпильникъ нощю въ пущи его. Онъ испытуешъ все , что ни повшрѣчается , и избираешъ себѣ лучшее. Его не искушаютъ никакія обѣщы : ибо истинная вѣра охраняешъ его опъ соблаговъ. Умѣренность въ пищу опвращаетъ опъ него всѣ болѣзни ,

лѣзни, и здравіе, яко дражайшій залогъ, спущешествуетъ съ нимъ. Онъ избѣгаетъ роскоши, яко зіяющей паси львиной, удаляясь отъ сонмища зернщиковъ, ищущихъ погибели чужестранца, почитая оное увеселеніе за непотребное дѣло. Онъ не пропускаетъ никакихъ зрѣлищъ, служащихъ ко исправленію человѣческихъ нравовъ. Танцовать и биться на шпагахъ почитаетъ за безвинное дѣло, а ѣздить верхомъ, и бить въ шомъ искуснымъ, за благоприспойность; однакожъ во время пированія, въ цѣломудріи своемъ онъ споль же непоколебимъ душою, сколь сохраненъ перспень на рукъ его. Брапа своего, который его обидишь, не умерщвляетъ, хопя и умѣетъ дѣйствовать шпагою; держитъ коней не для шого, чпобъ гоняться за зайцами и поппать нивы, но для посѣщенія живущихъ въ опдаленіи друзей своихъ. Злаяыя цѣпи, коими ко слѣпому раболѣпству привыкшій народъ возносятся, по миѣнію его сущь оковы, связующія ему руки и ввергающія пошомъ въ бѣдность. Единая вольность и добродѣпель дѣйствуютъ въ его духъ. Онъ разсмаприваетъ въ шонкоспъ и сравниваетъ (полишину придворныхъ людей съ подвигами вѣрнѣйшихъ сыновъ отечества. Въ шѣхъ обрѣшаетъ онъ обманчивое ухищреніе, и ужасается искусству ихъ въ возложеніи на выи народовъ шягосшнаго ига; въ сихъ напрошивъ шого благородное намѣреніе къ соединенію блаженства своихъ собратій, и къ соблюденію согласія и шишицы между согражданами.

Помомъ, яко пчела, изъ благоуханнаго сада возвращается онъ во свое опечесство, по приобрѣшеніи сокровища премудрости. Спрямился пасъ въ объятія своего родителя и дражайшія матери, и съ радости проливаетъ потоки слезъ. Братія и сѣстры его лобызаютъ; и въ праздное вечернее время повѣдаетъ онъ имъ о своемъ путешествіи. Благовоспитанная дщерь нѣкопорого сосѣда, которая сверхъ душевныхъ добродѣтелей, одарена всѣми прелестными цвѣтущія младости, и пріятною осанкою, такъ ему полюбилась, какъ Рахиль Іакову; и отецъ помолвилъ ее за него. Тогда начинаютъ они другъ друга любить, и увѣряютъ въ помъ себя взаимно, обѣщаясь нерушимо хранить во вѣки вѣрность брачнаго ложа. Тогда женихъ купно съ любезнѣйшею своею невѣстою, шествуютъ во храмъ, дабы утвердиши бракъ свой закона наинспвомъ; и съ сего времени начинаютъ оный *юноша* быть *мужемъ*.

МУЖЪ.

О коль счастливъ помъ, коего юношескія лѣта невинностію будучи ограждены, протекли, и копорый никакихъ зловредныхъ слѣдствій, отъ шумнаго вина и другихъ крѣпкихъ напитковъ производящихъ, не чувствовалъ. Все время супружества его протекаетъ, яко дни златыхъ вѣковъ, и брачное ложе его услаено бываетъ всегда пріятными розами. Провидѣніе даруетъ ему здравыхъ и опцелюбивыхъ чадъ; они стоятъ вокругъ сполы его, яко насажденные масличныя опросли, и

яко гроздіе виноградное, віюшя около своєя матери. О воспішаніи ихъ пекушя общими силами ихъ родители, а преуспѣяніе въ добродѣтеляхъ исполняешъ сердца ихъ веселіемъ. Бережливость располагаешъ ихъ домоводствомъ, и шруды улаждаюшъ ихъ ѣспвы; но однакожъ и щедро плашашъ они учителямъ наставляющимъ дѣшей ихъ въ полезныхъ и честныхъ знаніяхъ. и не имѣюшъ недоспашка въ деньгахъ, для веденія дѣшей своихъ поспези спраха Божія, премудрости и добродѣтели. Когда услышанъ будешъ гласъ гремящія шруды, созывающій смершнихъ предъ судилище; и когда Искупишель смершнихъ рода пріидешъ судити живыхъ и мершвыхъ: тогда возстанушъ шакые родители изъ гробовъ своихъ, покажушъ дѣшей, коихъ провидѣніе Божіе имъ даровало, и получаешъ возмездіе за вѣрность. Тако провождаетъ сей мужъ жизнь свою, будучи отецъ своей семьи, и вѣришій опечества гражданинъ. Онъ достойно чшитъ начальниковъ, опъ Бога надъ нимъ пославенныхъ, и съ радостнымъ сердцемъ клянешя предъ олшаремъ въ сохраненіи вѣрности къ своему Государю. Когда во благоденствіи опечество его процвѣтаешъ, тогда чувствуюешъ онъ въ душѣ своей успокоеніе, и злобная завистъ никогда еще въ сердцѣ его не водворялась. Онъ вѣрно должностъ свою исполняешъ, и зрѣніе его никогда не ослѣпляешя блескомъ злаша въ даваніи суда; онъ ходатайствуешъ за вдовъ и сиротъ, и шяжкое бѣдности ихъ бремя облегчаешъ. Каждый успѣ-

снен-

сненный находить у него себя покровитель-ство, и неимущие помощи его никогда лишены не бывають. Онъ всегда преклоняетъ ухо свое ко гласу приносящихъ жалобы, и ищущие правосудія не находятъ его послѣ полудни спяща. Лишь токмо день разсвѣшаетъ, то уже дверь къ дому его отверзается, и въ вечернее время никого не отпускаетъ съ отпускомъ. Онъ никакихъ даровъ не приемлетъ, и шѣмъ доходовъ своихъ не умножаетъ: ибо Господь благословилъ домъ его довольствомъ. Онъ одевается въ бодрость, и правдолюбіе украшаетъ главу его; дѣла предковъ его, служатъ ему зеркаломъ, и совѣты разумныхъ подають мыслямъ его упражненіе. Гдѣ онъ ни идетъ, повсюду грядетъ человеколюбіе, и величіе никогда не удаляется отъ него. Юноши узрѣвъ его въ такомъ видѣ, воздають ему должное почтеніе; а спаросію обремененные мѣжи желаютъ ему благоденственной и долговременной жизни. Онъ щипся изърещивъ въ обществѣ пагубную роскошь, наблюдаетъ умѣренность, избѣгая пышности и дороговизны въ потребныхъ къ жизни человеческой вещахъ; имѣетъ попеченіе о ревностныхъ проповѣдникахъ; учащихъ полезными книгами снабждаетъ; защищаетъ выгоды ремесленниковъ; достойную мзду своимъ согражданамъ воздаетъ за трудолюбіе; призираетъ учащихъ военному искусству, и валы и стѣны градскія укрѣпляетъ. Припадъ на колѣна, возсылаетъ моленіе къ небесамъ о сохраненіи спокойствія и мира въ отечествѣ своемъ. Когда

же верховныя власи принуждены бывають, начашь брань, для защищенія вѣры и своихъ союзниковъ, или для охраненія предѣловъ своей земли отъ нашествія непріятеля; тогда препоясуеться онъ мужествомъ, и вооружаеться великодушіемъ. Онъ никакой опасности не ушашаеться, и смертоносныя стрѣлы его не ужашаютъ. Живономъ своимъ жертвуетъ онъ опечеству, и кровь свою проливаетъ для защищенія вольности. Господь низлагаетъ враговъ его, и они повергаются на подобіе пожинаемыхъ класовъ, и на воздухъ раздается радостный гласъ побѣдителя. Сей славою и честью увѣнчанный Вицязь, возвратившись во свое опечество, силился пройти сквозь многочисленныя толпы воздающихъ ему похвалы народовъ, и сопровождаемъ супругою и чадами своими, повергаеться въ объятія преспарѣлаго отца своего и дражайшія матери. Блаженные родители лобызаютъ сына своего, и еще возрѣв на него, съ веселіемъ умирають. О священная, о достойная мзда крепости, мужества и спарости!

Градъ долгое время наслаждается плодами мира; опечество любящій мужъ провождаетъ жизнь свою для пользы согражданъ своихъ; и тогда глава его украшается сѣдыми власами, признакомъ почтеннѣйшія спарости.

СТАРЕЦЪ.

Пріятно бываетъ солнце, когда оно въ осеннее время скрывается на западѣ, и пріятнѣе того послѣдніе дни жизни кропкаго и опечество любящаго старца. Онъ уже поко-

ишся

иися отъ прудовъ и дѣлъ, силы его изпоше-
вавшихъ, и увеселяется одними духовными
размышленіями: проходишь мыслию въ безмол-
вномъ уединеніи, что содѣлалъ въ жизни, и
совѣсть его не избличаетъ, и предспавляя
во умѣ дѣла свои, чувствуешь и увѣряешься,
что всѣ записаны въ книгѣ живописной. Поучая
чадъ своихъ премудрости, и показывая чадамъ,
внукамъ и правнукамъ пуши Божіи увеселяет-
ся. Безвинное ихъ веселіе приноситъ ему оп-
раду, и радостныя восклицанія малолѣтнихъ
дѣтей оживляютъ его дѹшу. Споль быспро
пропекають днемъ часы его, а въ вечернее
время доблественно на молитвѣ подвижается, и
отъ глубины своего сѣрдца проситъ Создателя
о сохраненіи своего опечества. Уже скорыми
спопами шествуетъ къ вѣчности: часъ уже
приближается, и жизнь его, яко возженный
въ пользу человѣческую свѣщильникъ, угаса-
етъ. Сія вѣсть прознаменуетъ ему миръ къ
Богу. Давно уже ожидаетъ онъ блаженныя
премѣны оной жизни; смертный одръ возбу-
ждаетъ въ душѣ его благочестіе, и Ангелы
священнымъ объемлемы ужасомъ, чюдятся
кончинѣ сего къ вѣчной жизни преселяющагося
мужа. Уже вкушаетъ онъ небесную сладость,
и уже морщливое лице его преображается въ
свѣшное, каковое имѣютъ Ангелы. Вѣрная его
супруга съ прискорбіемъ у одра его сидя, въ
слезахъ упоаетъ. Онъ еще разъ, во знакъ
горестнаго съ нею разлученія, любви исполнен-
нымъ взоромъ изъясляетъ ей свою горячность,
и прерывающимся гласомъ тихо вѣщаетъ:

Скоро, скоро я тебя узрю въ жилищѣ блаженныхъ; не сътуй, дражайшая! и съ твердымъ духомъ ожидай пришествія Спасителя своего. Тогда благословляешъ онъ чада своихъ, и многочисленное племя, и закрывая томные свои очи, видишь уже Господа лицомъ къ лицу.

Смерть сего мужа всему граду чувствительна и прискорбна. Граждане оплакиваютъ въ рѣшшаго сына опечеснѣва; церковь соболѣзаетъ о добродѣтельномъ Христіанскія Вѣры подвижникѣ; чада рыдаютъ о попечительномъ родителѣ; сограждане съ прискорбнымъ лицомъ шествуютъ во слѣдъ гроба его, и проливаемые ими слезы въспо надгробныя рѣчи ему служатъ; имя его начертывается во гробницѣ ихъ сердецъ, и у позднѣйшихъ попомковъ оное никогда изъ памяти не изпребится.

Сія статья сообщена къ намъ отъ переписавшаго ее, г. гимназиста Т. Киріака.

Х.
О Д А.
Б О Г Ъ.

О ты, которому вселенна
Единый кажется чертогъ;
Кѣмъ вся природа оживлена,
Непостижимый въ тайнахъ Богъ!
Во храмъ Твой дивный и спященный
Не можетъ умъ непроспѣщенный,
Ни грѣшникъ пѣчно досягнуть.
Предъ тѣмъ труба Твоя позтрубитъ,
Кто истинну, кто ближнихъ любитъ,
И за Твоей дерзаетъ въ путь.

Куда нашъ умъ ни ползаетъ,
 И пображенъе ни паритъ:
 Создатель слыше обиваетъ,
 И тамъ по слапѣ Онъ горитъ.
 Сѣдящъ на пламенномъ престолѣ,
 Склозь тперды небеса оттолѣ,
 Склозь днепный блескъ и мракъ ночный,
 Склозь пихри пѣ кругъ мѣрыносящи,
 Склозь тучи, облака гремящи,
 Ты пидишь, Боже, шаръ земный!

Сѣя песчинка погруженна
 Въ пространной сѣта глубинѣ,
 Всегдашней тьмою окруженна,
 Склозь солнце пидима Тебѣ.
 Твоей рожденнаго отъ пѣха
 На ней Ты пидишь челопѣка;
 Сокрыто сердце пидишь пѣ немъ;
 Всѣ мысли Ты его читаешь;
 И духомъ съ нимъ Ты обитаешь
 На отдаленномъ кругѣ семъ.

Ты пидишь мысли дерзнопенны,
 Подовны легкимъ овлакамъ,
 Тебя постигнуть устремленны:
 Но умъ нашъ непонятенъ намъ.
 О смертный! къ достиженью Бога
 Тебѣ назначена дорога;
 Ищи ее пѣ душѣ тпогй.
 Но страсти сердце пзвунтопали;
 Всѣ наши мысли пзполнопали,
 И Бога скрыли отъ очей.

Еще ни звѣзды не сіяли ;
 Не колебался Океянъ ;
 Огонь , пода и пѣтры спали ;
 Начала не было премянъ :
 Но Вышній самъ спѣтилъ совою ;
 И прапилъ будущей судьюю ;
 Въ смѣшеніи стихійномъ зрѣлъъ
 Небесну тцерьдъ , моря и сушу ,
 И жизнь дающу тпарямъ душу ;
 Шаръ солнечный предъ Нимъ горѣлъъ .

Когда пѣкопъ круги начнутся ,
 Когда устроенъ будетъ спѣтъ ,
 Онъ зналъ , гдѣ кедръы познесутся ,
 И гдѣ былинка позрастетъ .
 Веѣ тайны пѣдалъ онъ природы ,
 Взиралъ на пѣкъъ жипотныхъ роды ,
 Что были , есть , и будутъ шпредъ ;
 Вещамъ не полагаю чину ,
 Ужѣ Онъ пѣдалъ ихъ судьбину ,
 И могъ имъ быть не поделѣтъ .

Какъ солнце землю оспѣщаетъ ,
 Такъ солнце оспѣщаетъ Богъ .
 Его пселенна не пмѣщаетъ ;
 Непостижимъ Его чертогъ :
 Но псе жипетъ Его дхнопеньемъ ;
 Растетъ единымъ манопеньемъ ;
 Міры псѣ дпжеть перстъ Его :
 Речетъ , и премя течь престанетъ ;
 Речетъ , и солнце цнопъ проглянетъ ,
 И паки сотцорится спѣтъ .

Но Богъ свое творенье любитъ,
 Храня порядокъ въ міръ земь;
 Безъ нужды крайней не погубитъ.
 Ни капли подъ, ни трапки въ немъ:
 Кипитъ ли море, солнце тмится?
 Все къ лучшему концу стремится:
 Что кажется нестройствомъ намъ;
 То къ пользѣ служитъ сей вселенной:
 Но нашъ разсудокъ ослѣпленной,
 Во гнѣбѣ Бога кажется тамъ.

Въ златой являясь порфирѣ
 Вскоряще солнце, гоноритъ:
 Есть Богъ, пещей правитель въ міръ,
 Который спѣту жизнь даритъ.
 Прекрасна дочь Его, природа,
 Гласитъ для каждаго народа:
 Господь единый всѣмъ Отецъ.
 Гласятъ безчисленные міры,
 Борей, громы и зефиры,
 Сколь мощенъ и великъ Творецъ.

XI.

ОДА СЧАСТІЕ (*)

Всѣхъ желаній начало,
 Счастье! нашихъ цѣль сердецъ!
 Ты насъ пшедшихъ въ спѣтъ пстрѣчало,
 Ты нашъ будешь зрѣть конецъ;
 Что ты есть, и гдѣ, не знаемъ
 Но лишь мыслить начинаемъ.

Мы

(*) Сія Ода писана къ Его Препосходительству
 Михайлу Матвѣевичу Хераскову, и сообщена
 къ намъ при письмѣ изъ Москвы, для напе-
 чатанія.

Мы грядѣмъ тебѣ по слѣдѣ.
Мы тебя цѣ ищемъ тщетно;
И заходимъ непримѣтно
Во пучину лютыхъ вѣдѣ.

Мы ища тебя, страдаемъ
И томимся всякій часъ:
Но тобой не обладаемъ,
Хоть всегда ты близко насъ.
Или нашихъ душъ то спойство,
Чтобъ терпѣти безпокойство,
Не пкушая тя по дѣкъ?....
Нашихъ вѣдѣ не ты причина:
Есть на свѣтѣ вѣдѣ пучина,
Въ коей тонетъ челопѣкъ.

Сей ища тебя, томится:
Отъ него ты прочь бѣжишь;
Сей не тѣмъ путемъ стремится,
На которомъ ты лежишь;
Тотъ нашедъ тебя, не знаетъ,
И въ твоихъ рукахъ стенаетъ,
Мысль въ пороки углубя;
За инымъ бѣжишь ты само:
Онъ старается упрямо,
Убѣгати отъ тебя.

Счастье! мы тебя имѣемъ
Засегда передъ собой:
Но пладѣти не умѣемъ,
Сообщаясь съ тобой.
Не въ могуществѣ и власти,
Не въ пысоной самой части,

Не пѣ богатствѣ , не пѣ чинахѣ ,
 Не на знатности дорогахѣ ,
 И не пѣ царскихѣ ты чертогахѣ :
 Но живешь у насѣ пѣ сердцахѣ .

Въ самой лучшей смертныхѣ части ,
 Посреди богатствѣ , утѣхѣ ,
 Величайшей люди пласти
 Иногда несчастнѣй тѣхѣ ,
 Кто средѣ жижины убогой ,
 Добродѣтелию строгой
 Наслаждаяся , живетѣ .
 Богачи слезѣ пѣ морѣ тонутѣ ,
 И Цари на тронахѣ стонутѣ ,
 Коль пѣ сердцахѣ спокойства нѣтѣ .

Ктожѣ о счастьяѣ ложнымѣ слухомѣ
 Мысль свою не попредитѣ ;
 Тотѣ споймѣ пеликимѣ духомѣ
 Счастье самѣ пѣ себѣ родитѣ .
 Кто себя не безпокоитѣ ;
 Въ сердцѣ храмѣ тотѣ счастью строитѣ ;
 Счастье пѣ немѣ спой зиждетѣ тронѣ .
 Грусть изѣ сердца удалитѣся ,
 И по пѣки не поселитѣся
 Въ немѣ тщеслапецѣ гордыхѣ стонѣ .

Кто счастливей былѣ пѣ семѣ мѣрѣ ,
 Александрѣ иль Діогенѣ ?
 Александрѣ пѣ пѣнцѣ , пѣ порфирѣ ,
 Всюду слапой окруженѣ ;
 Царѣ несчетнаго народа ;
 И казалась пѣя природа ,

Быть въ числѣ его рабовъ.
 Чтожъ покой въ немъ возмущаетъ?
 Аристотель возвѣщаетъ
 Тѣмъ другихъ ему мѣровъ.

Возвѣщаетъ, какъ сей поискъ
 И однимъ не опладѣлъ:
 Не былъ вѣчно онъ достоинъ,
 Внити счастья въ предѣлъ.
 Диогеносы желанья,
 Чтобъ лучей дневныхъ сіянья
 Александръ не отпращалъ
 Предъ его пертепомъ стоя.
 Сей мудрецъ, Царя, Героя
 Больше счастья ощущалъ.

О Херасковъ! ты спидѣтель
 Можешь вѣрный въ томъ мнѣ быть,
 Что хранящимъ добродѣтель
 Должно счастье служить.
 Естьли малымъ кто дополенъ,
 Кто не гордъ, спокоенъ, поленъ;
 Тотъ есть счастливъ человекъ.
 Ктожъ за счастьемъ стремится,
 Тотъ въ пути семъ утомится
 И не будетъ счастливъ въ вѣкъ.

В. Майковъ.

XII.

БОЗАЛДАБЪ,

Восточная поѣсть (*)

Всевышній Творецъ Небесъ! поведи меня,
куда восхощеши.

Сенека пѣ Клеант.

Бозалдабъ, Калифъ Египетскій, препрово-
ждалъ жизнь свою въ спокойствіи и прия-
тности, чрезъ многіе годы. Каждое утро
умазалъ онъ главу свою, украшенную сѣдина-
ми, елеемъ радости. Но въ единый изъ сихъ
дней, едиnorodный сынъ его *Аворамъ*, для
котораго собиралъ онъ всѣ свои неизчешныя
богатства, и разпространялъ предѣлы своего
государства завоеваніями, находясь на звѣри-
ной ловлѣ, и шамо забавляясь, пораженъ былъ
смертоносною стрѣлою, пущенною отъ руки
сокровенныя, и которая прервала печеніе жиз-
ни, на земномъ шарѣ, сего любимаго *Бозал-
дабомъ* Князя юношества.

Бозалдабъ предавшись опчаянію, не хо-
тѣлъ обидѣть въ черногохъ царскихъ; но из-
бралъ для пребыванія своего темную пещеру,
находившуюся въ горѣ, лежащей не далеко отъ
столицы. Онъ раздралъ свои ризы, шерзалъ
сѣдые власы, билъ себя во грудь, повергся
на землю, и не хотѣлъ никакова принять
ушѣ-

(*) *Переведена со Шведскаго языка.*

ушѣшенія отъ руки шerpѣливости. Никто изъ придворныхъ льстецовъ не осмѣлился тогда къ нему приближиться; даже чпо запретилъ онъ къ себѣ входъ и самымъ шѣмъ, кои искренно его любили. *Бозалдавъ* не хотѣлъ слышать никакого гласа, oprичь спрашняго крика ношныхъ ппщцъ, лешающихъ вокругъ ужасныя его пещеры, въ кошорой вознамѣрился онъ пресѣчь дыханіе свое.

„Возможно ли почиташь небо милосер-
 „ дымъ, (вопіялъ онъ въ гореспи и опчаяніи,)
 „ кошорое находишь удовольствіе, поражая че-
 „ ловѣческія дѹши злополучіями неожиданмы-
 „ ми; и кошорое попускаетъ, чпобы шворенія
 „ его спрадали въ несносныхъ несчастіяхъ? —
 „ Коль много обманывающся учители наши,
 „ утверждая безъ всякаго основанія, чпо Про-
 „ видѣніе, любя родъ челоѣческій, низпосы-
 „ лаешъ на него единое милосердіе и справед-
 „ ливость! — Не вижу ли я прошивнаго сему
 „ ученію? Вмѣсто милосердія и ушѣшенія,
 „ низпосылающся отъ неба роду челоѣческому
 „ единыя мученія. Наипрекраснѣйшіе цвѣшки,
 „ росшущіе въ садѣ надежды подсѣкающся и
 „ превращающся въ прахъ; нѣшь никому по-
 „ щады, нѣшь сожалѣнія — О ешъли бы небо
 „ одарено было благошворноспію, о коей про-
 „ повѣдуюшъ наши *Иманы* (*): шо безъ со-
 „ мнѣнія бы отвращало оно всѣ напаси и зло-
 „ получія, превращающія свѣшъ сей въ мучи-
 „ шельную шемницу, въ долину исполненную
 „ суешы,

(*) *Иманы*, Жрецы.

„суелы, скуки Ненавистна мнѣ жизнь
 „моя! Я предупреду назначенную минушу
 „кончины моея! Довольно я жилъ! „—

Произнеся сіи хулишельныя слова, подбѣмляе оубо руку свою, копорую яросшь и опчаяніе вооружили кинжаломъ, и спремился пронзить сердце свое. Но вдругъ возгремѣлъ спрашный громъ, пещера его разблась, ужасная молнія освѣтила оную. Калифъ ужаснулся, и въ сіе мгновеніе предспало предъ него нѣкое Существо, имѣвшее видъ величественный и превосходный предъ человѣческимъ. Оно было одѣпо въ ризу небеснаго цвѣща, и держало въ рукъ своей пальмовую вѣтвь; и копорое взявъ *Калифа* за препещущую руку, произнесло сіи слова, повелительнымъ, но пріятнымъ гласомъ: *слѣдуй за мною на першину сея горы!*

Небесный жипель, возведъ *Калифа* на гору, вѣщае оубо ему: *я есмь Калокъ, Ангель міра. Обрати очи твои цѣ сію долину и пещрь. Бозалдавъ* обрапя взоръ свой, увидѣлъ оспровъ пущый, никѣмъ необищаемый и безплодный. Онъ обозрѣвъ на ономъ челоуѣка, блѣдна, изсохша, полумертва и погибающа оубо глада и жажды. Сей несчастный былъ купецъ: онъ плакалъ, рыдалъ и произносилъ безпрещанно жалобы, чпо не можетъ обрѣсти никакихъ плодовъ для насыщенія, ниже какого источника, для ушоленія жажды. Просилъ помоци оубо неба, для защищенія себя оубо люшыхъ шигровъ, угрожающихъ разшерзашъ его на часши. Оно повергае оубо ма-

ленькій ящикѣ, наполненный драгоценными каменьями, яко бремя бесполезно опягощающее, и въ сей крайности ему ненужное. Съ превеликимъ прудомъ, спремился взойти на пригорокъ, дабы могъ удобнѣе опшуду дасть знашь, ешъли бы увидѣлъ пловущій мимо сея пустыни корабль. — „Правитель небесъ! вскри- „чалъ *Бозалдабъ*: не допусти погибнути сему „несчастному, или бышь пищею лшымъ звѣ- „рямъ! — *Умолкни*, вѣщаль Ангелъ, и *пни- май*. *Калифъ* умолкъ; и увидѣлъ корабль, приславшій ко берегу острова. Не можно изобразить живо радости, которую вкушалъ купецъ въ сіе время. Собираетъ оставшіяся силы; бѣжитъ съ пригорка; повергаешся къ ногамъ перваго челоѣка, вступившаго съ корабля на островъ; обнимаетъ колѣна его; цѣлуешъ прахъ ногъ его; именуешъ его избавителемъ своимъ; возвѣщаетъ крапко и смятенно о своемъ несчастіи, и проситъ, дабы онъ взялъ его съ собою, и отвезъ въ отечество. При семъ случаѣ, воспоминаетъ купецъ о брошенномъ ящикѣ, бѣжитъ за нимъ, приноситъ, и половину находящагося въ немъ сокровища вручаетъ своему избавителю, въ воздаяніе за спасеніе его жизни. Мореплавателъ прельщается сокровищемъ, созываетъ всѣхъ своихъ соповарищей, повѣспвуетъ о несчастномъ купцѣ, и предлагаетъ, чпобы опниаь оставшееся сокровище, оставя несчастнаго купца на произволь его судьбины. Мореплаватели соглашающся, опнимающъ ящикѣ съ каменьями, садящся въ судно, осмавляющъ берегъ,

и купно съ нимъ несчастнаго спранника, который проливалъ слезы, рыдалъ, рвался, и произносилъ жалобы, которыя могли бы смягчить и самыхъ лютыхъ звѣрей, обипающихъ на семъ островѣ. — Небо! вскричалъ *Бозадавъ*: ты допускаешь совершиться такой звѣрской несправедливости! — „Престань ропсать, „вѣщаешь ему Ангелъ: воззри на сей корабль, „на которомъ несчастный хоплъ плыть; видишь ли, что онъ безъ руля, безъ парусовъ, носится по пространству буншующаго моря, свирѣпыми вѣтрами ударяется о камни, и наконецъ раздробляется на части. „Смотри, какъ погибаютъ всѣ бывшие на „ономъ люди, и нѣтъ имъ спасенія. Премудрая Десница, создавшая свѣтъ сей, управляетъ онымъ по неисповѣдимымъ для „человѣковъ судьбамъ. Провидѣнiе опредѣлило, для избавленія несчастнаго, о комъ ты сокрушался, прислать къ острову другому кораблю. Сердце сего спранника обьясно было корысполубиѣмъ; и онъ сполько же былъ самъ немилосердъ къ бѣднымъ, колико оказано было ему жестокости. Онъ воображалъ, будио въ богатствѣ сокрывающая дѣйствующая сила, подобно какъ въ желѣ *Авдiелопомъ*, посредствомъ котораго можно было удовольствоваться всѣ свои желанія, и избавишься отъ страха. Но сего дня началъ онъ, не сполько что презирать богатства, но и получилъ къ нимъ омерзенiе. Онъ бросилъ свой драгоценныя каменья, уразумѣвъ, что не всегда могутъ онъ быти

„полезными человеку. Послупокъ же море-
 „ходцевъ съ нимъ, научилъ его опытомъ,
 „что самыя величайшія сокровища, часпо бы-
 „вають главнѣйшею причиною несчастія, ко-
 „торое имѣвшему ихъ приключается. Онъ
 „знаетъ уже теперь, что сокровища могутъ
 „быть добрыми, или худыми, полезными или
 „вредными, смотря по склонностямъ того че-
 „ловѣка, у коего онъ въ рукахъ находящся. —
 „Блаженъ человекъ, научившійся премудрости
 „ко днехъ несчастія! — Но обрати очи свои
 „на другую страну, и взирай на явленіе, ко-
 „торое поразитъ тебя болѣе минувшаго„.

Въ сіе самое мгновеніе, узрѣлъ *Бозалдавъ*
 великолѣпныя чертоги, украшенные Ясписоевы-
 ми испуканами его прародишелей. Двери сихъ
 чертоговъ были изъ слоновыя кости, утвер-
 жденныя въ столпахъ, сдѣланныхъ изъ *Гол-
 ландскаго* золота. Сквозь оныя видѣнъ былъ
 престолъ, украшенный алмазами и другими
 драгоценными камнями, собранными изъ
 пятидесяти царствъ. Вокругъ сего великолѣп-
 наго престола, стояли послы отъ различныхъ
 народовъ, одѣтые каждый по обычаю своей
 земли; на правой же сторонѣ возлѣ престола
 стояла младая княжна, могущая о красотѣ
 своей спорить съ небесными *Гуріями*. — Но
 какое удивленіе поражаетъ *Калифа*, разсма-
 тривающаго сіе зрѣлище! Онъ видитъ любез-
 наго своего сына *Аворама*, коего смерть онъ
 оплакивалъ, сѣдящаго на семъ престолѣ. —

„ О благошворный *Аллагъ*! (*) вскричалъ
 „ *Калифъ*: эшо сынъ мой! — Ахъ! дозвожь мнѣ,
 „ приняшь его въ объятія мои: сердце мое! —
 „ Ты не можешь обнять шѣнь, неимѣющую су-
 „ ществованія, ошвѣчалъ ему Ангелъ. Се еспь
 „ единое видѣнїе и призракъ, кошорый пред-
 „ сшавилъ я, дабы показашь тебѣ, какой уча-
 „ спи былъ бы подверженъ сынъ швой, еспь-
 „ ли бы онъ прожилъ долѣе на землѣ. — По-
 „ чшо же не позволено ему было жить долѣе?
 „ возопилъ *Бозалдавъ*; и за чшо лишенъ я
 „ сего благополучія и радости, чшобы видѣшь
 „ его въ шакомъ величїи и славѣ? — Не роп-
 „ щи! умолкни и внимай послѣдующему, въ-
 „ щалъ ему жипель пяпаго неба. — *Калифъ*
 „ повинуюсь, усугубилъ вниманїе свое. Онъ при-
 „ мѣчаешъ на лицѣ сына своего, хошя оно имѣ-
 „ ло свѣжїй и веселый видъ, знаки ужаса и ош-
 „ чаянїя; послѣ шого яроспъ и бѣшенство на-
 „ черпаваются на ономъ; рѹки его кажутся оба-
 „ греными въ крови, и вскорѣ помѣмъ увидѣлъ
 „ онъ его лишеннымъ ума. Огромные чершогї,
 „ въ кошорыхъ сіяло великолѣпїе всѣхъ воспоч-
 „ ныхъ спранъ, превращаются въ спрашную и
 „ ужасную шемницу, въ коей *Аворамъ* сидпъ
 „ ошягченный оковами, и лишенный зрѣнїя.
 „ Толпа подданныхъ, не возмогши сноспть его
 „ жестокостей, насыщаетъ мшненїе свое лише-
 „ нїемъ его жизни. *Калифъ* ужасается: но жи-
 „ шель небесный вѣщаетъ ему шако: „ Не бла-
 „ женъ ли сынъ швой, чшо Провидѣнїе не до-

 (*) Богъ.

„пустило его совершивъ величайшія злодѣя-
 „нія, и пресѣкло жизнь его, рукою смертно-
 „носнаго Ангела? И не завидна ли его участь,
 „когда небо не допустило совершиться надъ
 „нимъ шолкимъ несчастіямъ? „

„Познаю заблужденіе мое, возопилъ *Ка-*
 „*лифъ!* Я почишаю неисповѣдимыя пущи су-
 „дебъ Всемогущаго! О! коликихъ бѣдспвій,
 „горешей и злополучій избавилъ онъ меня,
 „смертію сына моего, о коей я споль безраз-
 „судно ропшалъ и проливалъ слѣзы. Онъ у-
 „меръ, но смерть не допустила его совершивъ
 „злодѣянія, оспавила по немъ блаженную па-
 „мять на земли, и водворила дѹшу его въ
 „небесныя жилища! „

„Повергни кинжалъ, сказалъ ему Ангелъ,
 „копорымъ пы намѣревался лишить себя жи-
 „зни: упоми печаль твою, премѣни вопль и
 „спенаніе твое въ подобоспращное смиреніе;
 „и на мѣсто негодованія и упрековъ, испол-
 „ни сердце твое величайшимъ благоговѣніемъ
 „ко Всевысочайшему Творцу міровъ. Никпо
 „изъ смертныхъ, не можешъ проникнуть въч-
 „ныя сокровенности Провидѣнія. Не возможешъ
 „духъ, шoliko ограниченный, каковъ еспь
 „человѣка, посшигнуть намѣренія небесныя.
 „Возмогушъ ли, скажи, рвы изкопанные по-
 „бою около бреговъ *Нила*, вмѣспить въ себя
 „всю морскую воду? — Памяшуй всегда, что
 „совершенное блаженство не можешъ быть у-
 „часнью человѣковъ: ибо оно еспь свойство
 „Существа высочайшаго. Человѣки не могушъ,

„повпоряю я, наслаждаюсь совершеннымъ
„блаженствомъ въ смертности своей.“

Ангелъ, сказавъ сіе, разпростеръ крилъ свои, и поднялся ко тверди небесной; а *Бозадавъ* возвратился въ царскіе чертоги; научась опъ Ангела, что блаженство смертныхъ состоимъ въ совершенномъ преданіи себя во власть Всевышняго Провидѣнія.

ХІІІ.

И Р И Н Ъ .

Въ единый прекрасный вечеръ, *Иринъ* съ сыномъ своимъ выплылъ въ бопикъ на море, дабы разбросити по камышамъ мрежи, которыя проспиралися возлѣ береговъ, окруженныхъ деревьями, въ недалекомъ разстояніи. Солнце тогда почти погружалось уже въ воды. Поверхность влаги и небеса, казались разкаленными въ пламени.

О! какъ преузорочно шеперь зрѣлище спраны сея, сказалъ юноша, наученный опцемъ своимъ, взираши съ примѣчаніемъ на каждое явленіе природы. Взгляни, говорилъ онъ: лебеди посреди гнѣздъ своихъ, окруженные радостными пшеницами своими, въ рлянномъ сіяніи волнъ купающся и возглашаютъ. Посмотри; они плывутъ, и видя огненные подъ собою колебанія, подѣмлютъ пернашые свои парусы на воздухъ. Зри, какъ пріятно шамо на берегу, съ изгибающимися вѣшьями,

въ боязливомъ шорахъ, шрепешутъ на брегахъ лиспие; и какъ восхипишельно онъ, въ зеленыхъ спруяхъ, съ шумомъ движущся небольшими вѣтрами. О какую цѣбность вдыхающъ въ чувство, и земля, и небо, и море! Коля красна супъ зсяческая! Коликія увеселенія и коликія изобилія предлагаешъ намъ природа!

Такъ, ошвѣталъ *Иринъ*: она шворипш насъ веселыми и счаспливыми; и блаженъ явишся ею во всѣ дни живопна швоего, когда ты будешъ праведенъ; когда неисповыя спраспи не помѣшающъ шихому ощущенію красопъ ея. О сынъ любезный! я ужѣ себя скоро оставлю; и преизящный свѣшъ, въ преизящнѣйшихъ областяхъ, наслѣдую въ возмездіе моея непопочноспи. Ахъ! пребудь и ты на всякое время добродѣтели вѣренъ. Возплачь съ плачущими. Дажь ошъ шрапезы своея алчущему. Поборспуй, коликко можешъ, ко благополучію общеспва. Будь шрудолобивъ. Возкрыляйся ко Владыкѣ еспеспва, коему вѣшпы и море супъ послушны: Онъ всю спроипш во благо духовное міра. И ты лучше избирай спыдъ и смерпъ, нежели поползнись когда на злодѣшство. Чеспъ, избышкъ и велелѣпіе супъ суща. Единая спокойная совѣспъ еспъ участъ наша. Въ шаковыхъ размышленіяхъ, сынъ мой, посредѣ никѣмъ независпвемыхъ радоспей власы главы моея посѣдѣли. Хотя осмдесяпш крапш, дубавы окреспш моея хижины зрѣлш я шо зеленѣющимися, шо желшѣющими; но моя долгоденспвенная жизнь прошла вся шакъ, между нешвинныхъ увеселеній и

забавѣ, какѣ крошкія провѣванія, проходящѣ между благоуханныхъ криновѣ. Еще весна цвѣтешѣ на челѣ моемѣ. Правда имѣлѣ и я нѣкія прискорбности. Когда умерѣ бранѣ твоей, текли слѣзы изѣ очей моихѣ. Солнце и небеса казались мнѣ мрачными. Часпо также захватывали меня непогоды среди открытаго моря; возносили меня зыбями горѣ, и на вершинахѣ холмовѣ водныхѣ, вознесенѣ бывалѣ я съ моею лодкою въ превыспренностяхѣ подоблачныхѣ. Волна съ ревомѣ упала, и я съ нею. Жилиши влаги ужасались, когда надѣ главами ихѣ гремѣли воеющія стихіи. Они уходили въ бездны; и я думалѣ также всегда, что каждый зеѣ валовѣ разтворешѣ мнѣ текущія гробы. Пришомѣ и буря, погруженныя крыла свои въ хляби когда отрясала, тогда озера на меня проливались. Но скоро укрощалася ярость вихрей. Воздухѣ спановилсѣ свѣплымѣ. Я зрѣлѣ въ шихомѣ сянніи лѣпошу небесѣ. Сребряною синевою покрышии кишѣ, изѣ пучины темныя, багровыми глазами, проглядывалѣ сквозь кристальную крышкѣ своего дома, и зрѣлѣ на равнину водѣ. Сонмы жильцовѣ проспраннаго моря играли въ волнахѣ свѣпозарныхѣ. Радоснѣ и покой возвращались душѣ моеѣ.... Но шеперь ожидаешѣ меня гробѣ: я не боюсь его. Вечерѣ жизни моеѣ будешѣ споль же хорошѣ, какѣ день и утро оныя. О чадо! будь благочестивѣ, и добродушенѣ, по будешѣ ты, какѣ и я, счастливѣ. Природа шибѣ будешѣ всегда прекрасно казашѣся.

Опрокъ възклоняся на руку *Ирину*, прижималъ ее ко ушамъ своимъ и говорилъ: Нѣтъ отецъ мой, еще не умрешь ты! Небо сохранишь себя къ моему упѣшенію. Изпочники слезъ шекли изъ очей его. Они разклали мрежи. Между шѣмъ ночь наспушила, а они шихо пригреблися обратно къ своему жилицу.

Иринъ умеръ. Его добронравный сынъ оплакивалъ его долго, и никогда не выходилъ у него сей вечеръ изъ помышленія. Священный ужасъ наполнялъ всего его, когда предспавлялся ему опеческій образъ. Благословеніе небесъ сошло на него. Древность его кажешся ему еще и нынѣ юностию дней его.

XIV.

И Д И Л Л И Я.

Уже въ лугахъ цвѣтки и трапки позрости;
 Зефиры теплоту на крыльяхъ принесли;
 Хрустальныя ручки съ першины горбъ катились;
 Долины разцвѣли, верезки распустились;
 Въ погоду тихую, и въ самый свѣтлый день,
 Лишь только въ небесахъ исчезла нощи тѣнь,
 Опечекъ пастухи гнать въ поле собралися.
 Тамъ игры разныя, и смѣхи началися.
 Такихъ песелостей, побольше чтобъ пкусить,
 Хотѣлось имъ къ себѣ пастушекъ пригласить.
 Спирѣглями они къ стадамъ ихъ пызыпали;
 Пастушки пѣснями имъ голосъ подавали.
 Къ забавамъ поспѣшить съ охотою хотятъ:
 Какъ горлицы онѣ, сядозь рощицу летятъ.

Една

Егда ко пастухамъ подъ тѣнь дренесѣ свѣжались,
 Завапы, радости и смѣхи умножались;
 Вмѣшалась въ игры ихъ и нѣжная любовь.
 Иная хочеть скрыть, что въ ней пылаеть кропъ;
 Другая пастуху не скромно открываетъ,
 Что онъ ее дажно любовью зажигаетъ;
 Являли таинство онѣ спойхъ сердецъ:
 Но имъ и рѣзвости любви плели цѣнецъ.
 Ирида лишь себя песелямъ не предавала:
 Она плясать не шла, и пѣсенъ не пѣвала:
 Одна у чистыхъ подъ задумчица сидитъ;
 Вздыхаетъ, слезы льетъ, на игры не глядитъ;
 Потупила она спой пзоръ по быстры поды.
 Другія въ запуски, другія въ карагоды,
 Рѣзлясь и бѣгая между собой въ кругу,
 Шалашъ упидѣли зеленый на лугу;
 Упидѣли; но въ томъ шалашъ пойти не смѣли,
 И рѣзвость продолжать, охоты не имѣли.
 Къ Иридѣ псѣ онѣ со трепетомъ бѣгутъ;
 Въ примѣченный шалашъ ее съ собой педутъ.
 Она хотя сама въ томъ мѣстѣ не была:
 Но то цидѣнне тотчасъ разтолковала.
 Подружки къ шалашу за нею подошли,
 И въ ономъ чудное убранство обрѣли:
 Сплелися цѣпью въ немъ два липопыя древа;
 Изъ цѣтцїя дренесѣ изображалась дѣва,
 Которая сидитъ на мягкой мурацѣ,
 И звѣзды и луну имѣя на глацѣ;
 Разсыпаны цѣтты у ногъ ея лежали,
 А розы передъ ней свѣтильникъ соружали.
 Пастушки пидя то, не знали, что начать;
 И начали онѣ прилѣжно примѣчать,
 Даццоль, и какъ сіе открылося явленье?
 Ириду меньше псѣхъ смущало удивленье.
 Чему дидитесь пы, и что псѣ такъ страшитъ?
 Ирида памъ теперь сомнѣнне рѣшитъ.

Вы зрите Божество; и въ этомъ нѣтъ обмана:
Изображенна здѣсь сѣдящая Діана.

Мы должны жертву ей усердно принести:
Она отъ всякихъ золъ удобна насъ спасти.

Пастушки мнѣніе такое поддѣрждали,
И жертву приносить онѣ Діанѣ стали.

Белиза сорвала зелену мурашу,
Вѣночикъ соплела Діанѣ на главу;
Его на жертву ей съ почтеньемъ приносила:
Упала передъ ней, и такъ ее просила:

„Діана! я тебѣ вѣночикъ подношу!

„Единой отъ тебя я милости прошу,

„Чтобъ я любимую нашла мою опечку,

„Которая вчера утопла, плывъ чрезъ рѣчку.

Белиза у отца опечку унесла,
Печаль ему чрезъ то пелику нанесла:

Хотѣла пастуха опечкой подарити,

Чтобъ ему спую горячность тѣмъ открыть.

Белиза за отца наказана была;

Ей помощи споей Діана не дала.

Белизѣ шла по слѣдъ влюбленная Циня

Различные плоды въ рукахъ спохъ имѣя,

Кидала ягоды къ Діанинымъ ногамъ:

„Діана! дай вѣнецъ двумъ тающимъ сердцамъ,

„Циня топоритъ: съ Дикастомъ мы страдаемъ,

„Вѣнца любви споей, три лѣта ожидаемъ.

„Прими дары сіи, Богиня! умягчись!

„И чистымъ пламенемъ любви не огорчись.

Циня Тирсису сперда любовь сулила,

И послѣ ту любовь къ Дикасту обратила,

За вѣтренность спую наказана она:

Удача ей въ любви Діаной не дана.

Являя нѣкую въ очахъ неселость пида,

Вступила по шалашъ прекрасная Зенида.

Изъ чистаго ручья пердо воды взяла,

Діанины цвѣты и листья полила.

„Прими сіе, прими! Зенида ей пѣщаетъ:
 „Усердіе мое пода пѣ себѣ пмѣщаетъ,
 „Какъ льетъ передъ тобой ее рука моя,
 „Да льется на меня щедрота такъ тшоя,
 „Діана! я тебѣ желанье открываю:
 „Мидону другомъ я сердечнымъ называю;
 „А мнѣ она ужѣ не хочетъ другомъ быть.
 „Діана! не пели Зениду ей забыть.
 Мидона нѣкогда Зенидѣ страсть открыла;
 Зенида тайну страсть подружкамъ отпорила;
 Пастушки начали журить ее за то,
 И знаться не хотѣлъ съ ней болѣе никто.
 Мидонѣ сдѣлала она чрезъ то обиду;
 И не поступилася Діана за Зениду.

Ирида по шалашъ послѣдняя идѣтъ;
 Опечку за собой любимую педѣтъ;
 Ее съ охотою на жертву посвящаетъ,
 Слезами облившись, Діанѣ такъ пѣщаетъ:
 „Любимую тебѣ опечку отдаю:
 „Отъ смерти споводи, Діана, мать мою.
 „Ея болѣзнями душа моя томится:
 „Да здравіе тобой и жизнь ей поздравится.
 „Пускай погибнутъ пѣ мои теперь стада:
 „Пусть жатца мнѣ пѣ сей годъ не принесетъ

(пгода:

„Пускай пѣ моихъ садахъ упрянутъ пѣ цѣточки,
 „Изохнутъ по лѣсамъ на цѣтшіяхъ листочки:
 „Готопа, все сіе со радостью стерпѣтъ;
 „Лишь толькобъ мать мою могла здорону зрѣтъ.

Пастушки жертву такъ Діанѣ совершили.
 Не къ играмъ ужѣ онѣ; къ стадамъ итти спѣшили.
 Ирида не къ стадамъ, а къ матери спѣшитъ.
 Извапленну ее ужѣ отъ скорби зрѣтъ:
 Въ ея объятія съ песелемъ упала;
 Что зрѣла пѣ шалашѣ, то матери сказала.
 Иридѣ за сіе дала награду мать:
 Велѣла ей любовь съ Лицидомъ уцѣнчать,

Дашно

Дивно взаимна страсть по духъ сердцахъ пылала:
 Но мать желанія пѣнчать не позволяла.
 Теперь смягченна стаѣ родительская кропь,
 Вѣнчала искренность, горячность и любовь.
 Ирида каждый день къ Діанѣ приходила;
 Благодаря ее, ужъ прозьбой не трудила:
 Къ ней пѣсни искренны составила она,
 Что ей пріятна часть Богинею дана.

XV.

С Т И Х И

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,
 ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ II,
 ИМПЕРАТРИЦѢ И САМОДЕРЖИЦѢ
 ВСЕРОССИЙСКОЙ,

на

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА
 Е Я,

сочиненные на случай заведенія перваго училища для бѣдныхъ дѣшей, которое *Издатели Утренняго Свѣта* учреждаютъ въ Санктпешербургѣ, и со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ

Высочайшему Имени

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

п о с п я щ а ю т ъ ,

въ 24 день Ноября 1777 года.

О Ангелъ нашихъ странъ! МОНАРХИНЯ сердецъ!
 Порфира небеса, намъ солнце ТВОЙ вѣнецъ:
 При нарѣченіи ТЕБЯ ЕКАТЕРИНОЙ,
 Намъ жребій счастливыи назначенъ былъ судьби-
 (ной.
 Оно

Оно явилось по свѣтлымъ намъ лучамъ,
 И пламень радости зажгло у насъ въ сердцахъ,
 Полнощную страну какъ утро озарило,
 Врата Россійскаго блаженства отпорило;
 Оно наполнило, родъ смертныхъ пещеля,
 Великимъ селъ числомъ и степи и поля.
 Оно печальныхъ прощъ и сирыхъ утѣшаетъ;
 Достоинства водритъ, пороки устрашаетъ;
 Щедротъ и сощности соорудило Храмъ. —
 Неколебимое спокойство зиждетъ намъ:
 О немъ гремятъ пездъ немолчной славы звуки;
 Живитъ художества, живитъ оно науки;
 И юношъ и дѣвицъ приемля въ спой покровъ,
 Готопитъ истинныхъ Отечеству сыновъ.
 Такъ пѣтщи масличны по дни песенни зрѣютъ,
 Когда на древѣ ихъ лучи златые грѣютъ;
 Они питаемы росю, процвѣтутъ,
 Согрѣты теплотой, желанный плодъ дадутъ. —
 Да пѣчно премена Астреины проглятся,
 Потомки Именемъ ТВОИМЪ позпещелятся:
 ТОВОЙ пзпещенные блаженства на степень,
 Приносимъ жертву мы, для насъ въ безцѣнный
 (день;
 Въ сей день, когда въ сердца пещелей не пмѣщаемъ,
 ТЕБѢ училища, Богиня, поспящаемъ.
 Сей малый Храмъ ТВОИМЪ поззрѣнемъ оспѣти: —
 Что лучше въ даръ ТЕБѢ имѣемъ принести?
 Какъ Ты о насъ пеклась, какъ ТЫ о насъ рачила,
 Другъ друга проспѣщать пзаимно научила.
 ТЕБѢ приносимъ то, ТОВОЙ дано что намъ:
 МИНЕРВѢ мы споей, Минерпинъ ставимъ Храмъ.

О ДОСТОИНСТВѢ ЧЕЛОВѢКА, ВЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ БОГУ И МІРУ.

Ежели захопимъ мы разсмапривать *Человѣка* надлежащимъ образомъ, во всѣхъ окрестностяхъ его: тогда неминуемо должны спвуемъ разобрать и то, въ какихъ отношеніяхъ находится онъ ко всѣмъ вещамъ, внѣ его сущимъ. Но ежели разсмотрѣнія наши ограничимъ и на одну только внутрѣнность его: то и тогда безъ прекословія должны спвуемъ признасться, что въ природѣ *человѣческой* находится много такого, что внушаетъ въ насъ истинное къ нему почитаніе и искреннюю любовь. Безсмертный духъ дарованный *человѣку*, его разумная душа, его шѣло, съ несравненнѣйшимъ искусствомъ сооруженное къ царственному зданію, и его различныя силы, сущь такія вещи, которыя безмѣрно важны и шрудны для разсмотрѣнія посредственно рачительнаго. Между шѣмъ, *человѣкъ* со всѣми дарованіями, находящимися въ немъ, тогда только являеться въ полномъ сіяніи, когда взираемъ мы на него, яко на часть безконечныя цѣпи дѣйствительныхъ существующихъ веществъ.

Когда единожды въ предисловіи нашемъ изъяснились мы, и обѣщали любезнымъ согражданамъ нашимъ, спарашься мало по малу познакомить ихъ самихъ съ собою, и прежде всего высокое достоинство *человѣческое* представить понятнымъ: то и желалибъ мы усердно,

дно, дабы всѣ почтенные чинашели наши, съ самаго начала возѣмѣли сіе высокое понятіе о свойствахъ человѣческихъ: ибо мы предполагаемъ, что ни единый человѣкъ не можешъ ни мыслишь, ни дѣлашь благородно, когда онъ возвышаясь благородно гордостію, не будетъ почиашъ себя важною часпію шворенія.

Правда, естъ много и шакихъ людей, которые ослѣпляясь шщешною гордынею, думающъ о себѣ очень много. Но мы постараемся доказать, что шаковый высокомѣрный горделивецъ ни истинныя своя цѣны, ни высокаго достоинства человѣческаго, опнюдь не знаешъ, и превозношся шѣмъ, что къ человѣческой природѣ или не шочно принадлежешъ, или соспавляешъ малѣйшую часпіцу его совершенствъ. Богашство и знашность рода, не шочно происпекающъ изъ человѣческаго природы; слѣдовашельно высокомѣріе богача или дворянина естъ смѣшная гордостъ. Но кто хочешъ мыслишь о себѣ возвышенно, и гордишья человѣческимъ достоинствомъ: шощъ долженъ разспапривашъ себя совѣмъ въ другихъ видахъ.

Много было нравоучителей, да еще и нынѣ находяшся между человѣками пресмыкающіеся души, которые человѣческую природу шполь спрашно унижающъ, что, естли бы возможно было имъ повѣришь, надлежало бы стыдишья бышь человекомъ. Иные думающъ, что Божешвенное Смиреномудріе шребуешъ, дабы о человѣчествѣ имѣшь шоль низкія понятія; и шощому почиашощъ за должностъ

свою, презрительнѣйшими и гнуснѣйшими образowanіями, учинишь человѣческую природу мерзоспною и ненависпною. Но человекъ себя за ничто почитающій, не можетъ и къ другимъ имѣть никакого почщенія, и въ обоихъ сихъ случаяхъ являетъ низкосп мыслей.

Внѣ человека находится высочайшій Виновникъ природы и весь міръ. И пакъ еспь ли мы восхоспмъ, разсмапривавъ человекъ въ опношеніи его ко всѣмъ веществамъ, внѣ его существующимъ; тогда долженспвуемъ обозрѣть нешокмо то, въ каковомъ опношеніи находится онъ къ Богу, но и сіе, сколь шѣсно связанъ онъ со всемірнымъ зданіемъ.

Когда разсмаприваемъ мы, въ какомъ опношеніи человекъ, по еспеству своему, находится къ Богу: то всеконечно должно возимѣть превосходное понятіе о человѣческой природѣ, еспь ли разсудишь, что сія человѣческая природа опъ Бога происпекаетъ, опъ Него безпреспанно сохраняется, и что Онъ самъ ее къ тому употребляетъ, дабы опкрыть Себя и свою славу доспойную обожанія, и представитъ оную въ мірѣ свѣплѣйшею и блиспапельнѣйшею. Богу было бы возможно, произвестъ другія безчисленныя шворенія: безконечно многіе иные опъ насъ опмѣнныя люди сушь возможны; и мы бы вѣчно пребыли въ нашемъ *перцомъ ничтожестпѣ*, еспь ли бы нашъ Творецъ не преимущественно насъ извелъ изъ онаго своимъ Всемогуществомъ. Онъ восхоспѣлъ успроишь міръ, которій бы Его Божества доспоинъ, и Его Премудроспи приличенъ

личенъ былъ. И такъ при семъ поступилъ Онъ, какъ мудрый спроишель, копорый лучшія дерева, лучшія каменя и проч. избираешъ; и попому мы надежно увѣрены бышь можемъ, что, понеже Богъ изъ всѣхъ возможныхъ веществъ, копорыя на мѣсто насъ могли бы произведены бышь, преимущественно насъ, какъ свое совершеннѣйшее швореніе, одушевишь удостоилъ; по слѣдовашельно мы и были лучшее въ царствѣ веществъ, изъ коихъ Господь насъ предъизбралъ. Всякое иное существо, сошворенное вмѣсто насъ, сколько бы совершенно, какъ мы, занимало наше мѣсто въ семъ мірѣ; слѣдовашельно мы Богу были угоднѣе другихъ безчисленныхъ веществъ, Имъ несошворенныхъ для того, что Онъ насъ сошворилъ. И ешьяли великій и премудрый монархъ восхошешъ, возложивъ на кого важную должность, и изъ множества особъ, ему для сего предшавленныхъ, единую изберешь; тогда по справедливости заключивъ возможно, что шакое избраніе шой особѣ шворишь великую честь. Сколь же шакое избраніе мало въ сравненіи со избраніемъ Всемогущаго и Премудраго Творца! Благоразумнѣйшій Монархъ во своемъ выборѣ можетъ ошибиться: но Всевидящій не можетъ обмануться; слѣдовашельно по справедливости можемъ мы по для себя великою честью почитать и шѣмъ гордиться, что Богъ насъ изъ многихъ другихъ возможныхъ веществъ въ челошкѣвъ избралъ, челошкѣвами создалъ, и челошкѣвами сошворилъ.

Къ сему еще слѣдуетъ, что Онъ насъ своимъ Провидѣніемъ отъ самаго перваго мгновенія времени нашего бытія во вѣки вѣковъ сохраняеть хошетъ. Мы въ пошъ же бы часъ погрузились паки въ первое наше ничпожество, еспьли бы Творецъ насъ, такъ сказать, не безпрестанно носилъ на своихъ дланяхъ; еспьли бы въ нашихъ дѣйствованіяхъ ежечасно своимъ могущесвомъ не дѣйствовалъ; и еспьлибъ все окрестъ насъ такимъ порядкомъ не учреждалъ, чтобы мы безпрестанно жить могли. Когда же Великій Богъ, Господь господей, ежечасно нами упражняется: то изъ того единственна слѣдуетъ, что Онъ непрестанно о насъ помышляетъ, что Его бдящее Око безпрестанно на насъ и на наши малѣйшія дѣянія обращено, и что Онъ въ насъ ежеминутно дѣйствуетъ. И такъ предписалъ уже Онъ начертаніе всей нашей жизни даже до будущія вѣчности; и такимъ образомъ учреждаетъ все, дабы сіе начертаніе во всѣхъ его часяхъ совершенно точно исполнено было. Какоюжъ радостію и какимъ благороднымъ возвышеніемъ духа, сія мысль долженствуетъ оживлять каждаго человѣка особенно, и всѣхъ совокупно, созерцающихъ все сіе во всей важности и во всѣхъ отношеніяхъ! Колико радуемся, и колико гордятся служащіе земному Монарху, когда познають, что онъ объ нихъ часно воспоминаетъ, и часно увѣряетъ о попеченіи своемъ о ихъ благоденствіи! Но сколь далеко отстоятъ сіи воспоминанія и увѣренія отъ тѣхъ, кои происпекають отъ Существа Все-

высочайшаго! Первыя иногда бывають для нѣкопрыхъ шолько намѣреній, для другихъ же позабывающя и безъ дѣйствія оспающя; да и одни непріятели наши часто разрушають все наше земное счастье: но въ промыслѣ Божіемъ о насъ сего измѣненія не долженствuemъ опасаться; ибо въ каждое мгновение ока приобретаемъ мы новыя доказательства о непремѣнной Его къ намъ любви, милоспи и щедростѣ; даже и тогда, когда дѣйствіями нашими и не заслуживаемъ оныхъ. И пакъ сія мысль, что Всевысочайшее Существо безпреспанно объ насъ помышляетъ, и преимущественно предъ всѣми другими твореніями объ насъ печется, не долженствуетъ ли вперяшь въ насъ почтеніе къ самимъ себѣ? Сіе Всевысочайшее и Милосердое Существо никогда не позабываетъ, и никогда не перяетъ насъ изъ вида, между безчисленнымъ множествомъ тварей. Онъ, яко Всевѣдущій, можетъ помышлять о всемъ; яко всемогущій, можетъ обо всемъ пещися; яко сущая Любовь и Милоспъ, изливаетъ благодѣнія избраннѣйшему творенію своему, даже что и безсуднѣйшая неблагодарностьъ человѣческая опъ сего не отвращаетъ.

Какое отношеніе можетъ сѣ шѣмъ сравняшья, въ копоромъ мы человѣки находимся, какъ человѣки къ нашему Богу, къ нашему Создателю, къ нашему Отцу? Познайше же, любезные сочеловѣки сего міра, величіе и достоинство, копорыми вы, въ семъ отношеніи, превознесены. Мы увѣрены, что вы чувству-

еще въ сердцахъ вашихъ ощущенія, приличныя сему вашему достоинству.

Очевидно, что Богъ насъ сотворилъ и содержишь для того, дабы нами свое Величество, Силу, Славу, и Премудрость вселенной предъявиши. Мы дѣло рукъ Его; а дѣло превозносишь творителя своего. Когда мы совершеннѣйшія изъ всѣхъ веществъ, копорыя бы могли вмѣсто насъ сотворены бышь; по Богъ поступиилъ бы пропиву собственныя своей чести, еспьли бы онѣ вмѣсто насъ другое что сотворилъ. А еспьли мы такія творенія, копорыхъ Виновникъ еспеспва самъ почелъ достойными, помѣстипь на чреду своихъ величайшихъ и славнѣйшихъ дѣяній: по для чего же сіе не должно, намъ дать достопочтеннѣйшаго и премудрѣйшаго вида во всѣхъ окрестностяхъ творенія?

Могутъ сказать, что все здѣсь о нашемъ отношеніи къ Богу говоренное, можетъ бышь сказано и о червякѣ, копорый въ нашихъ глазахъ есть презрѣннѣйшее твореніе, и слѣдовашельно не понятно, какъ сія мысль въ насъ чловѣкахъ такія высокія помышленія о самихъ себѣ внушипь удобна. Неоспоримо, что всѣ швари въ равномъ отношеніи къ Богу, въ разсужденіи ихъ бышнія и сохраненія, соспоятъ; но сіи суть пропивъ разумныхъ шварей несмысленныя, и разумнымъ подчиненныя творенія. Человѣки, какъ разумное существо, принадлежатъ ко классу твореній перваго степени; слѣдовашельно, что о всѣхъ шваряхъ сказано бышь можетъ, по преиму-

преимущественно и прежде о челоѣкахъ должно бышь сказано. Сѣ нашимъ предмѣпомъ не согласно, выискивашь изъ высочайшей Тео-логіи основанія къ доказапельству того, что Богъ челоѣковъ преимущественно, своея любви и почиванія, предъ всѣми другими тварями предпочпилъ. Сверхъ сего мы не хопимъ, сими мыслями челоѣковъ возгордишь. Гордый все окрестъ себя презираешъ, и хочешъ единый имѣти все, что имя чести носимъ. Но благородная гордость думаетъ о себѣ возвышенно, присвоетъ себѣ честь соразмѣрную своему существу; а припомъ и о другихъ думаетъ, высоко, и отъ всего сѣрдца готова, имъ такую же честь, или еще и большую, приписывать, когда того истинна пребуетъ.

Естьли теперь разсмотримъ, въ какомъ отношеніи состоятъ челоѣки, по своему естеству, къ прочимъ тварямъ и къ остатку всего міра; то предположимъ, что всѣ вещества въ мірѣ такимъ образомъ другъ со другомъ соединены, какъ рѣки сѣ океаномъ, копорыя попеременно свои воды другъ другу сообщаютъ. *Всякая пещь въ мірѣ есть цѣль псѣхъ другихъ, и средство ко псѣмъ другимъ.*

Естьли челоѣковъ почтемъ за цѣль псего міра, то какъ великолѣпно пославлены они въ ономъ, какъ средопочіе въ сей окрестности творенія; какъ владыки міра; какъ божества, для коихъ солнце сіяетъ, звѣзды блистаютъ, копорымъ звѣри служатъ, для ко-рыхъ расненія зеленѣютъ, процвѣшаютъ и плоды приносятъ. Челоѣки, преимущественно

но предъ другими швореніями, имѣютъ по еспеству своему, возможность міръ себѣ представлять, обѣ ономъ размышлять и разсуждать. И такъ можно ихъ почищать за власпителей, для коихъ нѣкто театръ со всѣми махинами великолѣпно устроилъ, оперу сочинилъ, и оную дѣйствительно представляешь, дабы и очи и ушеса сихъ власпителей увеселены были. Весь міръ есть сей театръ, а человеки суть зрители сего міра, которые должны оный созерцая, веселиться и всяческія выгоды изъ онаго извлекати; да и надежно сказать возможно, что Богъ весь міръ для каждаго человека устроилъ такимъ, каковъ онъ есть, а не иначе. Исполненъ сею мыслию, спупай, во время прекраснаго лѣшняго вечера, въ пріятный садъ прогуливаясь; тогда поспиннѣ о себѣ не низкія мысли возъмѣешь. Увидишь, какъ намъ и небо и земля свои услуги оказываютъ; какъ онѣ насъ ущедряютъ, и рачительно плапятъ намъ должную дань; луна освѣщаетъ намъ зрѣлище природы; звѣзды украшаютъ своды небесныя; зефиръ шумящій деревьями вѣетъ намъ благоуханіемъ, собраннымъ со цвѣтовъ; бдящій соловей увеселяетъ пѣніемъ нашъ слухъ; словомъ, вся пварь спремился къ намъ, дабы доставили или выгоду какую, или удовольствіе. И такъ человеки могутъ, по благоугожденію своему, всѣмъ царствовать и всѣмъ учреждать; а изъ прочаго, что не въ ихъ власни соспоишь, могутъ они себѣ по крайней мѣрѣ, когда восхощятъ, почерпать увеселеніе. И поному вся-

кій человекъ можетъ нѣкопорымъ образомъ сказать самъ въ себѣ: *песъ міръ мнѣ принадлежитъ.*

Естьли же мы воззримъ на человека, какъ на *средство* всѣхъ прочихъ вещей сего міра; шо и по сему не меньшихъ же мыслей должны мы бысть о немъ. Естьли бы люди были шолько единою *цѣлю* всѣхъ вещей сего міра, а припомъ не былибъ *средствомъ* оныхъ; шо были бы они подобны шмелямъ, копорые у шрудолюбивыхъ пчелъ поядаютъ медъ, а сами онаго не дѣлаютъ. Тщешная честь! Бѣдное достоинство, которое людей ровнялобъ со свиніями, проядающими все время жизни своея, и въ сляшполубіи валяющимися во грязи; и копорыя уже послѣ смерти спановяшся *средствомъ*. Истинные человекѣ не должны шакѣ проводить жизнь. Естьли они хошатъ бысть власшшмелями міра и достойными почшенія; шо да будутъ подобны *достопочтеннымъ* монархамъ, копорые себя опцами опечесшва своимъ сочеловѣкамъ оказывають, и копорые шо думаютъ, что чѣмъ важнѣе и достойнѣе почшенія санъ въ общежитіи, шѣмъ болѣе особа, облеченная въ оный, долженшвуетъ опечесшву служишь и бысть полезною. Какое величіе! какое достоинство! какое превосходство! Всякій, въ государствѣ ли, въ землѣ ли какой, или во градѣ живущій человекъ почиая себя *средствомъ*, долженшвуетъ своему опечесшву и каждому своему сочеловѣку служишь и бысть полезенъ. Какое благородное упражненіе, какое гармоническое велелѣпіе, какая ис-

кренняя любовь, вѣрность, честность и справедливость, въ шаковыхъ мѣсахъ будущъ въспрѣчашься на улицахъ! И когда единое сіе воображеніе вливаешъ уже во всѣ наши жилы сладчайшее чувствіе удовольствія; но чтожъ бы было, ешьли бы сіе въ самомъ дѣлѣ исполнялось? Ешьли бы всякій человекъ по величю своего достоинства поступалъ? — И такъ ешьли люди будутъ почитать себя за *средство* всѣхъ вещей сего міра; но не согрѣшая могутъ думать, что они въ ономъ много значатъ, и что оспашку прочаго свѣта въ нихъ великая нужда: общвенная польза сего міра пребуешъ онаго. Міръ и всѣ прочія творенія, исключая человеквъ, не могли бы никоимъ образомъ такъ бытъ совершенны, и споль бы хорошо имъ не было, ешьли бы мы не были человеквами, какъ теперь они то обрѣпаютъ, когда мы человекви.

Сія послѣдняя мысль открываетъ намъ, въ человеческой природѣ, еще особливую сообразность съ Богомъ, которая придаетъ ей совершенно достопочтенный видъ. Богъ никоимъ образомъ отъ вещи внѣ себя не можетъ имѣть пользы: ибо Онъ самъ въ Себѣ споль совершенъ, что ему самаго Себя для Себя довольно, и не имѣешъ нужды ни въ какой вещи. Онъ напрошивъ того самъ, всесовершенно полезнѣйшее Существо, сотворяешъ всѣ швари совершенными, сколько возможно, и имъ всѣмъ всяческое благо угошляя и подая, онымъ утверждаетъ ихъ благоденствіе, единственно шолько для нихъ, а не для Себя. Здѣсь да

вообразитъ себѣ каждый изъ человѣковъ, которые по достоинству человѣческому живутъ, какъ цари міра, себя *средствомъ* почитающъ, окрестъ себя только единое устрояющъ благо, во всѣхъ частяхъ себя до совершенства доведши старающся, и всякое благодѣяніе чинящъ не изъ какого другаго намѣренія, какъ только изъ единого удовольствія шворить добро. Таковыя человѣки да возвѣмъющъ шѣмъ болѣе божественное мнѣніе о себѣ самихъ, чѣмъ болѣе они, исполненіемъ сего своего царственнаго достоинства, Всевысочайшему Божеству уподобляющся. И такъ человѣки, почитаемые *средствомъ*, суть болѣе, нежели когда бы они только почитаемы были единою *цѣлію* или *средоточіемъ*, для котораго всѣ вещи на свѣшъ пребывающъ. — И такъ при шоліко ясныхъ доказательстввахъ и истиннахъ, нужно лишь намъ, желашъ искренно благосклоннымъ чинателямъ нашимъ, неупомимаго наблюденія и сохраненія величія ихъ достоинства.

XVII.

П И Р Ъ

СЕДМИ МУДРЕЦОВЪ.

ДИОКЛИСЪ.

Глубокою и непроницаемою шьюю невѣжества и заблужденія продолженіе времени покрешъ всѣ вещи, любезный мой *Никархъ*, ешъли и шеперь ужѣ люди вѣрящъ лжесплен-

шеннымъ вымысламъ и повѣстямъ о пѣхъ дѣлахъ, копорыя еще въ свѣжей нашей памяти содержася: ибо не седмъ шолько оныхъ Мудрецовъ присущствовали на пиру, какъ тебѣ сказано, но вдвое больше было возлежащихъ, въ числѣ копорыхъ и я находился, по знакомству съ *Періандромъ* и *Θалесомъ*, копорый по приглашенію *Періандра* ко мнѣ зашолъ. И такъ несправедливо сказалъ, кшо о бесѣдахъ происходившихъ на пиру рассказывалъ тебѣ; и видно, что онъ самъ не былъ участникомъ онаго. Но какъ мы теперь имѣемъ свободное время, а спарость наша не дозволяетъ намъ, ошкладывать смѣло бесѣду нашу до другаго времени; шо, ешлы угодно, я расскажу тебѣ подробно о всемъ, что на пиру ономъ происходило.

Періандръ дѣлалъ пиръ не въ самомъ городѣ, но въ гостинницѣ *Лихійской*, близъ храма *Венеры*, копорой въ шо время и жертвоприношеніе ошправляемо было: ибо онъ послѣ смерти матери своей *Мелиссы*, копорая ошъ любви лишилась жизни, въ первой разѣ вознамѣрился шога, умилосшвившь ее приношеніемъ жертвы, бывъ побужденъ къ тому нѣкіими свидѣніями о *Мелиссѣ*. Тогда было льпо, и вся дорога, даже до самаго моря, ошъ множества пѣшеходцовъ и колесницъ покрыта была пылью и прахомъ; почему для каждаго изъ званныхъ приугошвлены были пребогатыя колесницы. *Θалесъ* увидя одну изъ оныхъ привезенную для него у ворошъ, улыбнувшись сказалъ: *Отпустите ее домой*

къ

кѣ хозяину. И такѣ пошли мы пѣшкомѣ по пріятнѣйшему полю прохаживающѣ въ разныя стѣроны ; а кѣ намѣ и претій приспалѣ *Нилоксенѣ Напкратопѣ* , мужѣ предоспойный , имѣвшій знакомство шѣсное сѣ *Солоноубѣ* и *Фалесомѣ* во Египтѣ. Онѣ былѣ тогда вפורично присланѣ кѣ *Віасу* : и хошя не зналѣ и самѣ причины своей посылки ; однако имѣя запечатанную грамоту на имя *Віаса* , догадывался , что онѣ привезѣ ему другой еще вопросѣ кѣ рѣшенію отѣ *Амазиса* , Египетскаго государя , отѣ котораго и повелѣно было ему , чтообѣ въ случаѣ , ежели *Віасѣ* откажетѣ приняти грамоту для рѣшенія , отдастѣ оную первѣйшимѣ Мудрецамѣ Греческимѣ. Я очень радѣ , говорилѣ *Нилоксенѣ* , сему пріятнѣйшему для меня случаю , который , сверхѣ чаянія моего , доставилѣ мнѣ честь пользовающѣ сообществомѣ вашимѣ при семѣ собраніи , и подастѣ сію грамоту , (показывая намѣ оную) которую и намѣренѣ я предскавишѣ во время пира. *Фалесѣ* разсмѣявшисѣ сказалѣ ему : ежели что либо недоброе въ той грамотѣ , то можешѣ отвесити оную въ городѣ *Пріену* кѣ *Віасу* , который рѣшишѣ и сію задачу , также какѣ и первую. Какая то была первая задача , спросилѣ я? Египетскій Царѣ *Амазисѣ* , отвѣщивовалѣ мнѣ *Фалесѣ* , прислалѣ кѣ *Віасу* закланную жертву , требуя отѣ него , чтообѣ онѣ прислалѣ кѣ нему и самую лучшую и самую худшую часть оныя. На что *Віасѣ* нашѣ преславно отвѣчалѣ , препроводивѣ кѣ нему отрѣзанный у шельца языкѣ , чѣмѣ онѣ и привелѣ себя у всѣхѣ въ славу

славу и удивленіе. Не сіе одно, сказалъ *Нилосенъ*, привлекаешъ ему славу и удивленіе общее; но и то, что онъ не удаляется содружества Царей, какъ ты дѣлаешь. *Амазисъ* съ особливымъ удовольствіемъ и почтеніемъ слышишь и о тебѣ, какъ ты безъ всякаго пруда и орудія смѣрялъ высоту пирамиды, по соображенію одной стѣни происходящей отъ палки и пирамиды, полагая размѣрность стѣни къ палкѣ почною размѣрностію высоты пирамиды по ея стѣни.

Но *Амазисъ*, какъ я уже и сказалъ тебѣ, не доволенъ побойю за то только, что ты не любишь Царей; къ сему же дошли до ушей его нѣкошорыя язвительныя сказанныя побойю рѣчи противъ пиранновъ: ибо, когда *Малпаторъ Юнецъ* спросилъ тебя, что ты видѣлъ необыкновенное въ свѣшѣ, *тиранна состарѣвшагося*, отвѣщивалъ ты ему; и опять, когда въ нѣкоемъ собраніи предложенъ былъ вопросъ о животнохъ, то ты сказалъ: что *изъ дикихъ звѣрей нѣтъ хуже тиранна, а изъ ручныхъ льстеца*. Но сіе продолжалъ *Фалесъ*, *Питтакомъ* сказано шушкою нѣкогда въ разговорахъ съ *Мирсилломъ*; для меня же удивительнѣе видѣшь кормчаго корабельнаго состарѣвшагося, нежели пиранна. Почему и почитаю *Солона* премудрымъ, что онъ отказался отъ предлагаемой ему верховной власти, и *Питтакъ* ежели бы не принялъ на себя правленія, то не говорилъ бы онъ, что трудно быть добрымъ человекомъ. *Періандръ* будучи зараженъ верховною властію, какъ наслѣд-

ствен-

спвенною болѣзнію, кажешся мнѣ, не безуспѣшно освобождаешся отъ оной, будучи снабденъ полезными правилами, и бесѣдами мудрыхъ наснаваемъ, копорымъ повинуюсь не принимаетъ совѣща отъ *Фразипула* моего согражданина, копорый онъ подавалъ ему, чшобъ первѣйшихъ изъ гражданъ и лучшихъ старѣйшинъ угнѣшалъ онъ всячески: ибо нѣтъ никакого различія между тѣмъ крестьяниномъ, копорый вмѣсто ржи и пшеницы собираешъ саранчу и гусеницу, и между тѣмъ правителемъ, копорый лучше хочешъ управляшь рабами, нежели добрыми людьми. Многія прудности и попеченія, привязанныя къ царской власти, награждающя единспвенно только пою честію и славою, ешлы государь такъ управляешъ своими подданными, какъ лучшей изъ людей добрыми, и какъ большій великими. Впрочемъ госпъ нашъ завелъ насъ въ рѣчь ни мало неслужащую къ дѣлу, и позабылъ старашся о приугошвленіи всего пошребнаго къ пиру: ибо по моему мнѣнію не только хозяйнѣ, но и званный госпъ имѣешъ свои приборы и приугошвленія для онаго. *Сиваритяне* имѣли обычай, приглашашъ женщинъ на пиръ за годъ прежде для шого, чшобъ имъ довольно было времени для нарядовъ и уборовъ своихъ къ оному: а я думаю, что еще больше пошребно времени шому для надлежащаго приугошвленія, кшо хочешъ съ почтенною благоприсшойностію на пиршешствѣ шоржешествовашъ: ибо несравненно пруднѣе приобрѣсти благо нравіе, нежели украсишь себя велелѣпіемъ. Лю-

бисели мудроси на пирѣ собираются не для того, дабы какъ сосуды были наполнены брашенѣ и пишія, но чшобы сказаць, послушаць, или содѣлаць что либо достойное и пріятное, какъ случай кому дозволишь, ешьли совозлежащіе желаюшь провести время весело и пріятно. Пищу дурную можно опспавишь, и недоброе вино переменить другими напишками. Безпокойный же, неучпивый и неугомонный гость поршишь не только весь вкусъ брашенѣ и пишія, но и всю пріятность *Мусикин*, такъ чшо съ великимъ трудомъ огорченія и досады, причиненной во время пира, избавишься можно. А нѣкоторыя заспоря при спаканахъ и бушылкахъ, и язвительно браня другъ друга, пишають отъ сего случая взаимную вражду во всю жизнь свою. Почему *Хилонъ* весьма справедливо опвѣспсвовалъ шѣмъ, копорые приглашали его на пирѣ, чшо онѣ не согласися бышь на ономъ прежде, нежели узнаешъ по имени всѣхъ званныхъ: ибо ежели бы необходимосць заспавила, говорилъ онѣ, ѣхашъ вмѣстѣ съ незнаемыми на кораблѣ, или бышь въ военной службѣ, тогда и непріятное сообщество должно сноситъ; а самовольно вспупашъ на пиршеспвахъ во всякія знакомспва, и безъ разбору дружишься съ людьми, дѣло ешь неразумнаго человѣка. Египтяне имѣли обычай, во время пира приносятъ въ геспинницу предъ очи возлежащихъ мерпвыя человѣческія кости, напоминая совозлежащимъ, чшо и они всѣ не въ долгомъ времени шаковыми же будутъ. Сей образъ

образъ угощенія хошя и не у мѣста, да и не весьма пріяшенъ взору пиршествующихъ; однако имѣетъ свою пользу, научая людей не сладоспраспямъ и роскоши, но взаимной любви и дружбѣ, и показуя, что крапкая жизнь человѣческая не должна бытъ почишаема многолѣшною по худымъ дѣламъ.

Продолжая сей разговоръ, достигли мы до гостиницы. *Θалесъ* не захотѣлъ умовенія, сказавъ, что онъ лице свое помазалъ ужѣ благовоніями: однако ходилъ сморѣть поприща, мѣста угошованнаго для борцовъ, и роши до самаго моря прекрасно расположенной. Сіе сдѣлалъ онъ не для шого, якобы удивлялся чему либо изъ тѣхъ предмѣшовъ; но чшобъ *Періандру* не подашь виду, что онъ презираетъ велелѣпіе его и вкусъ. Прочихъ же служители омывши и помазавши, вводили каждаго въ гостиницу, въ преддверіи кошорой сидѣлъ *Анахарсисъ*, а предъ нимъ спояла дѣвица, кошорая расчесывала ему волосы. Она увидя *Θалеса* подбѣжала къ нему ласковѣйшимъ образомъ, а *Θалесъ* поцѣловавъ ее, разсмѣявшись сказалъ: прибири сего гостя нашего получше, чшобъ онъ не сполько былъ дикъ, и страннымъ бы не казался, хошя въпрочемъ онъ довольно смиренъ и крошокъ. Какая бы то была дѣвица, спросилъ я? Слыхалъ ли ты, сказалъ мнѣ *Θалесъ*, о премудрой и славной *Елметидѣ*? Такъ называлъ ее отецъ; вообще же она именуется *Кліопулина*. Я слышалъ, выговорилъ *Нилоксенъ*, что она весьма умно

Часть I. Т рѣ.

рѣшила нѣкоторыя гаданія, и ошѣ себя многія припчи и иносказанія вымыслила; также и многіе вопросы сокровеннѣйшей науки предложены были ошѣ нея, копорые дошли даже до Египша. Но въ семѣ единомѣ, отвѣчалѣ *Фалесѣ*, она имѣетѣ превосходность, и съ соспязашелями и совопросниками входяшѣ въ сей родѣ обращенія: но одаренная удивительною духа возвышенностію, качествами благосклонностію и кротостію украшенными, и разумомѣ челоѣколюбивымѣ, научашѣ владыкѣ земныхѣ быши опцами народовѣ. Сіе довольно видно, сказалѣ *Нилоксенѣ*, и по проспощѣ и по вкусу ея одѣянія. Но для чего бы она споль ласкова была иѣ *Анахарсису*? Для шого, говорилѣ *Фалесѣ*, что мужѣ сей естѣ воздерженѣ, презвѣ, искусенѣ въ знаніяхѣ многихѣ вещей; онѣ показалѣ ей способѣ шого сосшава, копорымѣ *Скиозы* больныхѣ своихѣ врачуюшѣ; и я мню, что она и шеперь бесѣдуешѣ съ нимѣ о чемѣ либо полезномѣ: понеже шоль ласково и дружески съ нимѣ обходшѣся.

Лишь шолько мы приближились кѣ гостинницѣ, попалѣ намѣ всшрѣчу *Алексидемѣ Милезскій*, побочный сынѣ *Оразипула* ширанна, вышедшій изѣ гостинницы съ возмущеннымѣ духомѣ, и говоря во гнѣвѣ нѣчто самѣ съ собою, чего однако мы разумѣть не могли. Онѣ увидя *Фалеса*, и пришедѣ въ себя нѣсколько: жестокою, сказалѣ, обиду мнѣ *Періандрѣ* сдѣлалѣ: во первыхѣ удержалѣ меня ужинашѣ у себя, не давѣ мнѣ расплащшѣся съ кормчимѣ

корабля, чего мнѣ очень хопѣлось; во вторыхъ позвавши на ужинѣ, назначилъ мнѣ самое послѣднее мѣсто, предпочипая мнѣ *Болянѣ*, и многихъ другихъ небольшихъ оспрововѣ жищелей. Изъ сего весьма ясно заключаешся, что онѣ презираешѣ родипеля моего *Өрази-дула*, и шѣмѣ умножаетѣ мое прощиву его огорченіе. Развѣ шы опасаетшся, выговорилъ ему *Өалесѣ*, что мѣсто, по своему положенію, приноситѣ тебѣ чешѣ или уничиженіе шакѣ, какѣ Египщяне учашѣ о звѣздахѣ, что онѣ по возвышенію и униженію мѣста, гдѣ находящся, или теряютѣ, или умножаютѣ свои силы? И развѣ шы хуже шого *Лакедемонца*, кошорый, когда вѣ нѣкоемѣ собраніи онѣ начальника посаженѣ былѣ вѣ самомѣ послѣднемѣ мѣстѣ, сказалъ ему: Государь мой! шы очень хорошо дѣлаешъ, что способѣ находишъ почшипъ и сіе мѣсто? Ибо не о помѣ спарашся надлежитѣ, вѣ какомѣ мѣстѣ, или послѣ кого сидѣшъ намѣ на пиру; но о помѣ, дабы мы довольны были шѣми, сѣ кѣмѣ доспалося намѣ сидѣшъ, и шощасѣ показашъ свое удовольствіе и исканіе дружбы совозлежащихъ, не ропща на хозяина, что онѣ посадилъ насѣ вѣ шакоемѣ мѣстѣ, но благодаря его за шо, что сѣ такими людьми помѣспилъ насѣ: ибо кшо сердипся за мѣсто, шощѣ явно показуетѣ больше неудовольствія на шѣхѣ, сѣ кѣмѣ сидитѣ онѣ, нежели на шого, кшо посадилъ его тамѣ; и сей обоимѣ непріятенѣ. Эшо однѣ шолько пустыя слова, проговорилъ шущѣ *Алексидемѣ*: а я примѣшилъ, что и вы господа мудрецы

также гоняешься за чепишкою. Сказавъ сіе, прошелъ мимо насъ. Мы смотря на него, довольно удивлялись его грубости: но *Θалесъ* прервавъ наше удивленіе, сказалъ: эпонъ чело-вѣкъ сущая скопина и уродъ: знаете ли, что онъ сдѣлалъ, еще будучи робенкомъ? Когда принесли онцу его *Θразипулу* благо-воннаго мира, то *Алексидемъ* выливъ оный въ чашу, и приливъ горячаго вина къ тому, выпилъ все, въ досаду своего родителя.

Между сихъ разговорѣвъ пришедъ слуга, сказалъ намъ, что *Періандръ* приказалъ просить насъ къ себѣ съ *Θалесомъ*, чпобъ посмотре-ть тамъ нѣкое принесенное къ нему сей часъ живописное, копорое не зналъ и самъ *Пе-ріандръ*, какъ назвать, чудомъ ли или уро-домъ, или по было слѣпымъ случаемъ произ-веденное швореніе, что его мнѣніе весьма сму-щало: ибо казалось ему, что шаковымъ при-ношеніемъ жершва осквернишся. Выговоря сіи слова, повелъ насъ въ одну изъ находящихся избушекъ около саду, гдѣ увидѣли мы моло-даго паспуха, лицомъ недурнаго, копорый развязавъ мѣшокъ, показалъ намъ жеребенка, по словамъ его, у копорого однако верхнія ча-сти до шѣи и до рукъ челоуѣкообразныя бы-ли, а другіе члены конскіе; впрочемъ голосъ былъ новорожденнаго младенца плачущаго. *Нилоксенъ* посмотреа, и съ омерзѣніемъ вдругъ опврапя глаза, вскричалъ: дьяволъ побери его! Но *Θалесъ* посмотреа нѣсколько на паспуха, и по обыкновенію своему улыбнувшись сказалъ: развѣ ты думаешь, *Діоклесъ*, что можешь
уми-

умилоспивишь духовъ поборниковъ зла страшнымъ приношеніемъ? А для чего же нѣтъ, сказалъ я *Θалесу*? Ибо ясно можно видѣть изъ сего нѣкое предзнаменованіе брани и несогласія; и я опасаюсь, чтобы сіе зло не коснулось ложа и попомства, судя по сугубому показанію гнѣва Бсгини *Венеры*, которая и по первому опкровенію еще не умилоспивлена. *Θалесъ* ничего не опвѣнспивовалъ на сіе, но разсмѣявшись вышелъ. Когда же *Періандръ* встрѣнясь съ нами у дверей спросилъ, что мы думаемъ о томъ чудовищѣ, то *Θалесъ* взявъ его за руку сказалъ: что тебѣ прикажетъ *Діоклесъ*, ты сдѣлай то въ свободное время; впрочемъ я совѣтую тебѣ, молодыхъ паспуховъ заранѣе женишь. *Періандру* сіе показалось очень забавно: ибо онъ и хохопалъ довольно, и *Θалеса* обнявши поцѣловалъ. Тогда *Θалесъ*: я думаю, сказалъ *Діоклесу*, что мнимое шобою предзнаменованіе уже сбылось: ибо видишь, какой уронъ послѣдовалъ намъ, что и *Алексидемъ* ужиналъ съ нами не захопѣлъ. Помѣмъ вошли мы внутрь гостинницы, и *Θалесъ* погромче закричалъ: гдѣ же то мѣсто, за которое *Алексидемъ* сердился, что его тамъ сажаютъ? И когда указали ему оное, то *Θалесъ* сѣвши тамъ, а мы подлѣ его, сказалъ, что онъ заплашилъ бы дорого, чтобы за однимъ споломъ быль съ *Ардаломъ*. *Ардалъ* же оный былъ *Трезенскій* жишелль, первосвященникъ и шрубачъ *Ардалидскихъ* музъ. *Есопъ*, присланный отъ *Креза* къ *Періандру*, и припомъ въ *Дельфы* къ *Капищу* опправленный,

находился шупъ же, и сѣвъ на низкомъ спулѣ близъ *Солона*, предсѣдшаго всѣмъ, зачалъ говоришь слѣдующую прищчу. „*Лидійскій* „ оселъ увидя лице свое въ рѣкѣ, и удивляясь „ стану своему, красотѣ и важности шѣла сво- „ его, началъ вдругъ рѣзвиться и прыгашъ, „ какъ конь: но вспомня, что онъ ословъ сынъ, „ опушилъ голову, и всю спесь сѣною. „ Вы- слушавъ сіе *Хилонъ*: и ты кажешься мнѣ, ска- залъ ему лаконически, очень шупъ, и ослино- му шествию подражаешь. *Мелисса* между тѣмъ присупя къ *Періандру*, сѣла подлѣ его, а *Епметида* заужиномъ сидѣла. Я на- ходился близъ *Віаса*. *Θалесъ* посмотри на ме- ня, для чего, говоришь мнѣ, не сказалъ ты, *Діоклесъ*, *Віасу*, что *Напкратскій* гостъ прибылъ отъ своего государя съ нѣкопорыми вопросами къ нему для рѣшенія, чтобъ онъ при презвомъ и здоровомъ разумѣ подумалъ объ нихъ. Ты безпреспанно спращаешь ме- ня, *Θалесъ*, шакowymi швоими насшавленіями: а я знаю, что *Ваххъ* всегда силу свою имѣ- ешь, и отъ мудрыхъ *Лизійскимъ*, по ешь, удоборѣшительнымъ называешься. Почему я и не опасаюсь, чтобъ по мѣрѣ исполненія даровъ сего Бога, потерялъ я силы разума, и мень- ше бы имѣлъ способности къ прѣнію. Такими шупками они между собою забавлялись заужи- номъ.

Когда я смотрѣлъ на пиръ, и примѣшилъ, что все было шамъ умѣреннѣе обыкновеннаго, шо пришло мнѣ въ мысль, что пиры мудрыхъ и честныхъ людей не умножають, но умень- шаютъ

шающѣ издержки: ибо излишнія приправы пищи не употребляются у нихъ, ни чужезранные дорогія вины и закуски, на которыхъ *Періандръ* издерживаетъ ежечасно великое число денегъ; да и онъ же самъ созвавши Мудрецовъ на пиръ, самой умѣренной и скромной шолъ имъ предложилъ, и не только во всемъ касающемся до шола и убранства гостиницы приказалъ наблюдать посредственности, но и супругу свою, впрочемъ пребогато одѣную, предшавилъ имъ въ простомъ и скромномъ одѣяннн. Подали плоды и питье, мы онаго не много прикушали, и *Мусикія* на трубахъ здворье наше мало поигравъ ушла. *Ардалъ* между тѣмъ спросилъ *Анахарсиса*, ешлы у *Скиопъ* мусикійскія трубы? На что онъ вдругъ отвѣчалъ ему, что у *Скиопъ* и дѣрева таково нѣтъ, изъ чего дѣлающся Мусикійскія трубы. Но я думаю, продолжалъ *Ардалъ*, что у *Скиопъ* есть богослуженіе и Боги? Конечно ешь, сказалъ *Анахарсисъ*, Боги, разумѣющіе человѣческой языкъ; и *Скиопы* не такъ думаютъ, какъ *Греки*, которые хотя преимуществують надъ всѣми вишійствомъ и знаніями; однако мнятъ, что буд по Боги лучше внимаютъ гласу дровъ или костей, нежели человѣческому языку. Чпобы сказалъ ты, проговорилъ шушь *Есопъ* госню, ежели бы увидѣлъ ты нашего времени дѣлашелей мусикійскихъ трубъ, которые бросающъ кости молодыхъ лошаковъ, и лучше употребляютъ ослиныя, утверждая, что сіи лучшей голосъ дающъ; и сіе заподлинно удивленія достойно, что оселъ, живошное

грубое, и ошѣ мусикии весьма удаленное, имѣ-
ешѣ косыи весьма тонкія и преспособныя къ
мусикійскимѣ прубамѣ. По сему насѣ и ху-
ляшѣ, выговорилѣ при семѣ *Нилоксенѣ*, *Бу-
зиритскіе* жипели, что мы имѣемѣ во упо-
требленіи ослиныя прубы; а у нихѣ за нече-
спіе почищаются, имѣшь какую либо мусикій-
скую прубу, попому что она, по мнѣнію ихѣ,
голосѣ издаешѣ подобный ослиному крику;
извѣстно же вамѣ, что ослы у *Египтянѣ* не-
чистыми почищаются, по причинѣ повѣсти о
Тифонѣ.

По семѣ разговорѣ всѣ замолчали. *Пери-
андрѣ* примѣшя, что *Нилоксенѣ* хочешѣ, но
не смѣешѣ начать говорить: я похваляю, ска-
залѣ онѣ, обычаи гражданскіе, гдѣ прежде
госпямѣ, а попомѣ ужѣ своимѣ сограж-
данамѣ даюшѣ ошѣшны. И пакѣ ешѣли уго-
дно, прекрашимѣ мы нашу бесѣду, какѣ ма-
ло значущую и пріятельскую; да предложашѣ
же здѣсь *Египетскіе* оныя вопросы, копорые
почтенный *Нилоксенѣ* привезѣ къ *Віасу*, и
Віасѣ вмѣстѣ съ нами имѣешѣ рѣшишѣ оные.
И гдѣ же лучше, проговорилѣ *Віасѣ*, или съ
къмѣ удобнѣе можно сдѣлашѣ опышѣ въ рѣше-
ніи задачѣ? А шѣмѣ паче, что *Амазисѣ* Го-
сударѣ повелѣлѣ предложитѣ оныя мнѣ преж-
де, а попомѣ и всѣмѣ вамѣ, достойнопочтен-
нымѣ Мудрецамѣ. *Нилоксенѣ* по семѣ под-
несѣ граммому *Віасу*, прося его, чтобѣ распе-
чашавѣ, читалѣ онѣ вслухѣ всѣмѣ написанное,
копорого содержаніе было слѣдующее,

„*Амазисъ*, Царь Египетскій, *Віасу* премудрѣйшему изъ Грековъ здравія желаетъ!
 „Египетскій Царь спорилъ со мною о превосходствѣ разума, и бывъ мною побѣжденъ во многихъ другихъ, нынѣ пребуешь наконецъ ошъ меня нелѣпой и спранный вещи, чпобы я море выпилъ, съ шѣмъ условіемъ, чпо ешьли я сдѣлаю сіе, то многіе города и села ошдастъ онъ въ мое владѣніе: а ежели не буду въ состояніи учинить того, то пошряю лучшія мои селенія, находящіяся около *Елефантины*. Прошу тебя, разсмотрѣшь сіе, какимъ бы способомъ можно произвешти въ дѣйствіе, и немедлѣнно съ симъ же подяпелемъ *Нилоксеномъ*, о шомъ меня увѣдомъ. Впрочемъ, ешьли чпо пошребно для согражданъ и пріяпелей швоихъ, я не ошпаваю сдѣлать имъ удовольствіе. Прости!“

Прочитавъ сіе и не много помедля, *Віасъ* нѣсколько подумалъ съ собою, и поговоря мало съ *Клиоцуломъ*, копорый подлѣ его сидѣлъ, обращаясь къ *Нилоксену*, сказалъ: не ужѣ ли *Амазисъ*, Царь шоль богатыхъ спранъ, имѣющъ во своей державѣ шоликое множество народовъ, захочетъ выпить море для того, чпобъ получишь во владѣніе свое нѣсколько кусочковъ земли и убогихъ деревушекъ? Тебя, ошвѣчалъ ему *Нилоксенъ*, спрашиваютъ шолько, какимъ бы образомъ можно выпить море, а не для чего выпить? Донеси же своему Государю, продолжалъ *Віасъ*, чпобъ онъ Египетскому царю сказалъ, дабы шомъ всѣ рѣки впадающія въ море ошпановилъ, пока *Амазисъ* будетъ выпивать

вѣ морѣ шу только воду, которая нынѣ вѣ
 немѣ: ибо о настоящемѣ только морѣ дѣло
 идетъ, а не о томѣ, которое опѣ будущаго
 впечатенія рѣкъ имѣетъ умножаться. *Нилок-*
сенъ услыша сей опвѣстѣ, опѣ удовольствія не
 могъ удержаться, чѣобѣ не обнявъ *Віаса* и
 не облобызавъ его. Но когда всѣ другіе хва-
 лили и ободряли опвѣстѣ *Віасопѣ*, то *Хилонѣ*
 подъявшись сказалъ: любезный гостѣ *Нилок-*
сенъ! прежде нежели *Амазисѣ* выпьетъ море,
 поспѣши возвратиться на корабль вѣ домѣ, и
 донеси ему, чѣобѣ онѣ не имѣлъ попеченія о
 томѣ, какимѣ образомѣ такую бездну соле-
 ныхъ влагѣ выпить, но о томѣ бы больше
 стараться, какѣ царствованіе свое для под-
 данныхъ сдѣлать пріятнымѣ и удобоносимымѣ:
 Вѣ сихъ правилахъ *Віасѣ* преискуснѣйшій че-
 ловѣкъ, и естли Царѣ *Амазисѣ* послушаетъ
 его наставленій, то не будетъ имѣть надоб-
 ности вѣ золотыхъ сосудахъ ради умовенія
 ногѣ своихъ, чѣобѣ тѣмѣ величаться предѣ
 Египтянами, и за добродѣтель всѣ возлюбивъ
 его, и будуще почитавъ вѣрно. Не бесполез-
 но будетъ, сказалъ *Періандрѣ*, ежели и всѣ
 мы такимѣ же почтимъ *Амазиса* подаркомѣ:
 ибо симѣ способомѣ и посольство больше возъ-
 иметъ важности, и для насѣ оное будетъ
 полезнѣе. Такѣ по справедливости, прогово-
 рилъ *Хилонѣ*; *Солону* надлежитъ начать рѣчь:
 во первыхъ, чѣо онѣ и лѣпами спарѣ всѣхъ,
 и вѣ большомѣ мѣстѣ сидитъ; во вторыхъ
 онѣ же пресвосходнѣйшее и важнѣйшее имѣетъ
 званіе Аѣинскаго законодавца. Тогда *Нилок-*
сенъ

сень пихонько мнѣ сказалъ: во многомъ ошибаются люди, и вѣрять ложно; многіе на счетъ мудрыхъ забавляются пуспыми слухами, которые или сами вымышляютъ, или отъ другихъ скоропоспѣшно принимаютъ, какъ и къ намъ дошло въ Египетъ, что будто *Хилонъ* прервалъ дружбу съ *Солономъ* за то, что сей назвалъ законы премѣнныя подверженными. Смѣшная сія выдумка, сказалъ я ему: такъ по сему *Хилонъ* долженъ былъ перваго опровергнуть *Лихурга*, пошому что съ законами и всю республику *Лакедемонскую* перемѣнилъ. Между тѣмъ *Солонъ* не много подумавъ съ собою, зачалъ говорить о дѣлахъ до Государей касающихся, къ чему *Віасъ*, *Фалесъ*, *Анахарсисъ*, *Клиопулъ*, *Питтакъ* и *Хилонъ* не упустили и своихъ мнѣній прибавить. Но *Есопъ*, привыкшій къ насмѣшкамъ: надлежалобъ, сказалъ, о семъ говорить намъ особливо, дабы воображая быши совѣтниками и друзьями Государей, не сдѣлались мы судьями ихъ. Наконецъ же *Періандръ* разсмѣявшись: доспойны мы по справедливости, сказалъ, посмѣянія, что опасая прочіе вопросы *Амазиса Царя*, въ поспоронія совѣтмъ вступили словопрѣнія. Не угодно ли шебѣ господинъ *Нилоксенъ* предложитъ послѣднія задачи своего письма, пока присутствіе сихъ господъ продолжается. Тогда *Нилоксенъ* вышупя на средину, говорилъ слѣдующее: вопросъ оный, или требованіе *Еѳіопскаго Царя*, не иное что есть, какъ то, о чемъ говорилъ *Архилохъ*:

Изломанну стрѣлу кто назопетъ стрѣлой?

Но государь мой *Амазисъ* въ родѣ вопросовъ и задачъ благороднѣе и скромнѣе онаго. Онъ пишетъ, чшобъ Еѳіопскій Царь прислалъ ему отвѣсы на слѣдующіе вопросы: что древнѣе всего? Что прекраснѣе всего? Что наибольше? Что премудрѣйшее? Что общее всѣмъ? Что наиполезнѣйшее? Что наивреднѣйшее? Что сильнѣйшее? Что удобнѣйшее? Какъ же онъ отвѣчалъ, спросилъ *Периандръ*? Услышите попчасъ, продолжалъ *Нилоксенъ*; и прошу ваше дашь о помѣ мнѣніе: ибо *Амазисъ* щщашельное прилагаетъ вниманіе къ тому, чшобы данные отвѣсы сходственно испиннѣ не хулимы были; а въ которыхъ есть погрѣшности, шѣ не оспавались бы безъ вида и доказательства.

Я хочу вамъ донести, что отвѣчалъ Еѳіопскій царь. Что древнѣе всего? Время. Что наибольше всего? Міръ. Что премудрѣйшее? Правда. Что прекраснѣе? Сіяніе свѣта. Что всеобщее? Смершь. Что наиполезнѣйшее? Богъ. Что наивреднѣйшее? Злый духъ. Что сильнѣйшее? Счастіе. Что наивудобнѣйшее? То, что пріятно. Выслушавъ сіи отвѣсы *Фалесъ* спросилъ *Нилоксена*: доволенъ ли былъ *Амазисъ* сими рѣшеніями? И когда *Нилоксенъ* отвѣчалъ, что нѣкоторыя похвалилъ онъ, а другія не показались ему; такъ надобно же, продолжалъ *Фалесъ*, взявъ оныя въ разсужденіе, и испышашъ щщашельно: ибо всѣ онѣ, кажешся мнѣ, заключающъ въ себѣ несправедливой смыслъ, и ложное понятіе.

ше. Какъ можешъ бышь, на примѣрѣ, время древнѣе всего, когда часть нѣкая онаго естъ ужè прошедшая, другая часть будущая, а прешья настоящая? А что правду называешъ онѣ мудростию, по сіе все тоже, какъ естъли бы назвалъ онѣ свѣтъ окомъ; и естъли для него прекраснѣе всего сіяніе свѣта, по для чего онѣ освѣтилъ самое солнце? Что же онѣ говоришь о Богѣ и о духахъ, по мнѣ кажешся, сія мысль его дерзкая и опасная; пакже и сказанное имѣ о счастіи не сходно съ здравымъ разсужденіемъ: ибо естъли бы оно было нѣчто сильнѣйшее и крѣпчайшее, по такъ скоро и удобно не перемѣнялось бы.

Но ниже смерть самая можешъ назваться всеобщею; поелику она до живущихъ не принадлежитъ. Впрочемъ чтобъ не показались мы оговорщиками чужихъ мнѣній, по лучше скажемъ и наши мысли; и я первый хочу произнести на всѣ помянутые вопросы мои отвѣсы. Что естъ древнѣйшее? Богъ: ибо онѣ безначаленъ. Что наибольшее? Мѣсто: ибо всѣ вещи объемлющя міромъ, а міръ мѣстомъ. Что прекраснѣе? Міръ: ибо все въ немъ стройно и порядочно. Что премудрѣйшее? Время: ибо оно изобрѣло все, и изобрѣшетъ еще многое. Что всеобщее? Надежда: ибо и неимѣющіе ничего имѣютъ нѣкую надежду. Что наиполезнѣйшее? Добродѣтель: ибо она и посредственныя вещи добрымъ употребленіемъ дѣлаешъ полезными. Что навреднѣйшее? Душевный порокъ: ибо онѣ и всѣ прочія добра расплѣваешъ. Что сильнѣйшее?

шее? Нужда: ибо она едина непреборима есть. Что наиудобнѣйшее? То, что сходственно съ природою: ибо есть удовольствія и пріятности такія, которыя часно скуку наводятъ, и раждають сами собою омерзѣніе.

Когда сіи отвѣсы *Оалесопы* начали всѣ похвалять, то *Клиодимъ* обратясь къ *Нилоксену* сказалъ: такіе по вопросы и отвѣсы Царямъ приличествуютъ. Варваръ же оный, который предлагалъ *Амазису* Царю, чпобъ выпить море, достоинъ былъ такого же отвѣса, который *Питтакъ* въ *Леспакъ* сдѣлалъ *Аліатину*, писавшему къ нему нечто нелѣпое: ибо пошъ мудрецъ ничего больше въ отвѣсѣ не сказалъ ему, какъ только, что онъ долженъ ѣсть лукъ и горячій хлѣбъ. На сіе *Періандръ* *Клиодиму* сказалъ: у древнихъ Грековъ обычай былъ предлагать такого рода задачи: ибо извѣстно намъ, что спихошворцы собирались въ *Халкиду* къ погребенію *Амфидаминта*, которые въ то время почиались между лучшими мудрецами. *Амфидаминтъ* былъ мужъ славнѣйшій качествами градоначальника, который многія оказавъ достопамятныя услуги *Этетріенскимъ* жишелямъ, наконецъ въ сраженіи за городъ *Дилантъ* убишъ. Опличныя достоинства сего мужа, были предлогомъ пѣсноложенія многихъ спихошворцовъ: и когда великое множество спихошворческихъ пѣсней сочиненныхъ на войну оную, наводило сомнѣніе въ побѣдѣ такъ, что читая однихъ, можно было думать, что первая сторона побѣдительница, прочетши же

дру-

другихъ, не лзя было не признахся, чшобы прошивная спорона не была побѣдоносная, къ каковому сомнѣнію много придавали уваженія, и славнѣйшіе оныя пѣсношворцы *Омиръ* и *Исіодъ*; по они сошедшись въ помянушый городъ сдѣлали, говоритъ *Лесхисъ*, слѣдующую задачу:

*Скажи, о Муса! намъ, чего ни пѣ дрепни пѣки
Не пидѣли, и прредъ не узрятъ челѣпѣки?*

На что *Исіодъ* ошвѣчалъ въ то же самое время безъ малѣйшаго замедленія:

*Тамъ кони бурные огнемъ дыша вѣжатъ,
Запеса спертнули со колесницей пѣ адъ.*

Сей ошвѣтъ *Исіоду* приобрѣлъ великое поштеніе ошъ всѣхъ, и онъ злшнымъ шреножникомъ подаренъ былъ. Сіе весьма различествуетъ, сказалъ шущъ *Кліодимъ*, ошъ шѣхъ сочиненій *Епметиды*, копорая сплетаетъ оныя, шакъ какъ нѣкія жены дѣлаютъ плешенія злапа для забавы, и предлагають ихъ можетъ бышь своимъ же собесѣдницамъ: однако смѣшно бы было, ешлы бы мудрые почитали оныя слова важными. *Епметида* хотѣла ошвѣпшсшвовашъ прошиву *Кліодима*: но спыдъ покрылъ лице ея, и непорочность заградила ея усна. Тогда *Есопъ* желая ошмспишь за ея *Кліодиму*: не смѣшно ли паче то, сказалъ ему, что мы не можемъ рѣшишь задачу ея? Какова на примѣрѣ ша, копорую она предложила намъ предъ ужиномъ. *Мнисифилъ Авинеецъ*, сошоварищъ и другъ *Солонопъ*, ошрашясь шущъ къ *Періандру* сказалъ: мнѣ каженся, что разговоръ, какъ вино на пиру,

всѣмъ долженъ быть общій, какъ и дѣлается во общенародіи. Все то, что вы здѣсь сказали о самодержавіи и царствованіи, не касается до насъ проспаковъ; и такъ не бесполезно было бы, если бы подъ руководствомъ *Солонна*, всякъ изъ васъ сказалъ намъ и что о правленіи такого общества, гдѣ всѣ равные, и равными правами пользуются. Сіе предложеніе понравилось всѣмъ; и первый *Солонъ* началъ говорить ему такъ: не безъизвѣстно ужѣ тебѣ, почтенный *Мнисифиль*, какое мое мнѣніе есть о правленіяхъ народныхъ: но если и нынѣ хочешь слышать что либо отъ меня, то я скажу тебѣ: тотъ градъ, по моему мнѣнію, долженъ быть счастливъ, и сохранитъ свое народное правленіе, въ которомъ обидящіе со вредомъ или безъ вреда подвергаются суду. Второй *Віасъ* сказалъ: тамъ народное правленіе и состояніе счастливо, гдѣ всѣ такъ боятся закона, какъ самовластнаго Государя. Третій *Оалесъ*: гдѣ граждане ни весьма бѣдны, ни весьма богаты. Четвертый *Анахарсисъ*: гдѣ все прочее равно для всѣхъ: но добродѣтель всему предпочитается, а порокъ паче всего унижается. Пятый *Клиопулъ*: тотъ народъ благоуспѣшенъ въ своемъ правительствѣ, гдѣ граждане больше боятся стыда, нежели закона. Шестой *Питтакъ*: гдѣ чиновначаліе препоручается добрымъ, а не злымъ. Седьмой *Хилонъ*: то счастливо общество, гдѣ больше слушаютъ законовъ, нежели законниковъ. *Периандръ* выслушавъ сіе, и посмотря на всѣхъ сказалъ: то народное

ное общеспво кажешся ему бышь блаженно, гдѣ правительспво наиподобнѣйшее лучшему изъ градоначалій. По окончаніи сей бесѣды, я просилъ господъ Мудрецовъ, чпобъ они дали свое мнѣніе, какъ надлежитъ управляшь домоу: ибо не много естъ шаковыхъ, копорымъ бы доспалось правленіе царствъ и градовъ, а каждый изъ насъ имѣетъ свой домъ, и свое семейспво. На сіе *Езопъ* разсмѣявшись, сказалъ мнѣ, несправедливо ты думаешь, ежели и *Анахарсиса* полагаешь въ число домоспроишелей, копорый не только не имѣетъ дома, но еще и величается шѣмъ, чпо не имѣя дома обпекаетъ, какъ солнце, разныя страны. *Анахарсисъ* услыша сіе, въ отвѣтъ ему рекъ: по сему то или солнце естъ одно только Божеспво вольное, или вольнѣйшее всѣхъ другихъ Божествъ, всѣми управляешъ, ни кому не подвластно, и держитъ Скиперръ правленія: конечно солнцева колесница красою и великолѣпіемъ удивительная, плѣняетъ тебѣ? А инако бы ты не дѣлалъ сравненія для шушки съ шюю колесницею и нашими. Но кажешся мнѣ, продолжалъ онъ говоритъ *Езопу*, чпо ты домами называешь сіи глиняныя и скудельныя вмѣстилища, пакъ подобно, какъ естли бы коспаную крышку, а не самое живошное одѣшое оною, называлъ ты черепахою. И пакъ не напрасно показался тебѣ смѣшнымъ *Солонъ*, копорый посмопря великолѣпныя чершogi *Крезопы*, не сказалъ шощасъ, чпо господинъ оныхъ наслаждается счастливою и блаженною жизнію: ибо онъ бы

хотѣлъ лучше видѣть добро и счастье сокровенное въ сердцѣ *Крезопомъ*, нежели во внѣшнихъ велелѣпіяхъ. Мнѣ кажется, что ты позабылъ свою лилицу, которая вступя въ споръ съ пигромъ о красотѣ и преизящесствѣ своихъ уборовъ, сказала своему сопернику, чтобъ онъ смотрѣлъ больше на внутреннія превосходства ея достоинствъ, а не на внѣшній видъ: ибо она шѣми несравненно превосходнѣе была пигра. Ты же смотря на зданія каменносѣчцовъ и художниковъ, называешь шворенія рукъ ихъ домами, а не то, что внутри дома есть у всякаго: ш. е. супруга, дѣти, друзья, родственники и проч: въ нѣдрѣ которыхъ естьли кто благоустройство ведетъ, то будетъ имѣть наилучшій домъ и наивеликолѣпнѣйшій, хотя бы онъ и внутри земныхъ вершеповъ или язвинъ звѣринныхъ жилъ. Я сіе сказалъ за *Езопа* и за себя, а теперь слѣдуетъ каждому изъ васъ произнести свое мнѣніе. Тогда *Солонъ* началъ говорить слѣдующее:

По моему мнѣнію, пошѣ домъ счастливъ, гдѣ имѣніе не собрано не праведно, ни въ сохраненіи снаго не нарушается добрая довѣренность, ни во употребленіи нѣтъ никакого раскаянія. Пошомъ *Віасъ*: гдѣ господинъ дому, поже по своей доброй волѣ дѣлаетъ у себя, что по закону въ гражданствѣ. По семъ *Фалесъ*: гдѣ домоспроишель довольно наслаждается спокойствіемъ. *Клиопулъ*: гдѣ больше любящъ господина, нежели боящся. *Питтакъ*: гдѣ лишняго не шребуется, а въ нужномъ

номъ нѣтъ недоспашка. *Хилонъ*: хорошій домъ долженъ бытъ весьма похожъ на хорошій городъ, гдѣ добрый Государь владычествуетъ; по чему и *Ликургъ*, когда ему нѣко предлагалъ, чтобъ устанавишь въ *Спартѣ* общенародное правленіе, сказалъ: сдѣлай ты се прежде въ собственномъ швоемъ домѣ. По окончаніи сея бесѣды *Епметида* и *Мелисса* вышли. *Періандръ* поднесъ *Хилону* великую чашу вина, и *Хилонъ Віасу*. *Ардалъ* смотря на се, и подошелъ къ *Езопу*, для чего ты, сказалъ ему, не хочешь передашь мнѣ шой чаши, шакъ какъ и сіи господа между собою попчиваютъ другъ друга? Развѣ ты не видишь, опвѣчалъ ему *Езопъ*, что оная чаша не для всѣхъ, но для одного *Солона* посшавлена. Тогда *Мнисифиль* обращаясь къ *Питтаку*: для чего же, говоришь ему, *Солонъ* не пьетъ, и поспунаетъ самъ пропивъ своихъ словъ, сказанныхъ имъ въ слѣдующемъ стихѣ:

*Венеры прелести и Вакховы богатства,
Влипаютъ мудрецамъ песелье и пріятства.*

Анахарсисъ прервавъ рѣчь *Питтакопу*, сказалъ ему: для шого онъ не пьетъ вина, что боишься строгаго закона швоего, которымъ ты установилъ, что шотъ вдвое будешь наказанъ, кто въ пьянствѣ сдѣлаетъ какое преступленіе. Но ты, опвѣчалъ ему *Питтакъ*, шакъ поносно узаконеніе мое преступилъ, что и прошедшаго года и нынѣ будучи пьянъ, пребуешь бытъ увѣнчанъ и награжденъ. И для чего же не пребывашъ онаго, продолжалъ *Анахарсисъ*? Ибо ештли бы предложено было на-

гражденіе пому, кто больше выпьетъ, я первый напился бы пьянъ, и пребовавъ бы за по награжденія. Или вы научите меня, на какой другой конецъ пьющъ много вина, ежели не для того, чпобъ бытъ пьянымъ? *Питтакъ* выслушавъ сіе не могъ удержаться отъ смѣха, а *Езопъ* сказалъ слѣдующую припчу: волкъ увидя, чпо паспухи ѣдятъ баранье мясо, подспупя ближе къ нимъ, сказалъ: о какой бы шумъ шумъ и смятеніе произошло, естлибы я дѣлалъ сіе! Доспойно *Езопъ* отпспилъ за себя, выговорилъ *Хилонъ*, копорому мы прежде заградили уста, а теперь сами же не дали говорить *Мнисифилу* на вопросъ, для чего *Солонъ* не пьетъ вина. Тогда *Мнисифилъ* сказалъ слѣдующую причину: я знаю, чпо сіе естъ правило *Солона*, чпо всякаго искусства или знанія какъ Божеспвеннаго, такъ и человѣческаго, сущеспвенное дѣло естъ по, чпо отъ нихъ происходитъ, а не образъ, какимъ оно производится, и сила всякаго дѣла состоитъ въ концѣ, а не въ помѣ, чпо къ концу принадлежитъ. Такъ на примѣрѣ, у ткача сущеспвенное дѣло его холстъ, или сукно, а нерасположеніе солнечныхъ лучей, и движеніе попребныхъ къ пому орудій; и кузнецъ остріе сѣкиры за дѣло свое почишаетъ, а не раскаленіе углей и другія нужныя для того приуготовленія; также Архиспекпоръ назоветъ насъ невѣжами, ежели мы почтемъ за работу его не корабли и черпоги, но песаніе досокъ, мѣшаніе извѣспи и проч. Равнымъ образомъ и Мусы прогнѣваются на насъ; естли-

ли мы скажемъ, что ихъ дѣло есть гусли и свирѣль, а не очищеніе нравовъ, и умѣренность спрасшей, которыхъ достигаютъ любящіе упражняясь въ пѣснословеніяхъ и стихословіи. По сему разсужденію и *Венеры* дѣло есть не плошское смѣшеніе, ниже *Вакха* пьянство: но пріобрѣтеніе истинныя любви, взаимнаго согласія сердецъ, и дружбы, называетъ *Солонъ* дѣломъ Божественнымъ, дѣломъ Богини *Венеры* и Бога *Вакха*; и въ сихъ по чувствованіяхъ изливаемыхъ не иначе, какъ опъ небесъ, находишь онъ въ спароспи своей сладчайшее удовольствіе и веселіе. *Венера* есть Богиня взаимной любви между супруговъ, связующая и сердца и пѣла во едино. Опъ *Вакха* же многіе, яко опъ нѣкоего испочника, по черпнувъ знакомство, смягчивъ сердца виномъ, и приведъ въ благораспореніе нравы, полагаютъ начало пріятельскаго обращенія и дружбы. И мнѣ кажется, что въ такомъ пиру для таковыхъ званыхъ, каковыхъ нынѣ имѣетъ васъ *Періандръ*, нѣтъ чашѣ никакого дѣла: но самыя Мусы взаимною бесѣдою, яко чашею цѣломудрія распореннаго пріятствомъ, забавными словами, и важными припомъ разсужденіями, упокоеваютъ сердца чувствованіями дружескими. Мнѣ извѣстно, что у древнихъ былъ обычай, другъ друга подчивашъ, и всякъ по порядку пилъ чашу извѣстной мѣры, какъ и у *Омира* видѣшь можно, что *Аяксъ* подалъ чашу мяса шому, кто близъ его сидѣлъ. По окончаніи рѣчи *Мнисифила*, *Херсіасъ* стихотворецъ, котораго *Періандръ*

просилъ уже тогда, и по прозвѣ *Хилона* пани въ милость принялъ, вспавъ съ смѣсью сказалъ; не въ мѣру ли раздаешь свой Некшаръ и самъ *Юпитеръ* званнымъ на пиръ, шакъ какъ *Агамемнонъ* своимъ *Ироямъ*? Ежели правда, выговорилъ шупъ *Клиодимъ* врачъ, чшо голуби приносяшъ *Юпитеру* Некшаръ, пролѣшая шрудныя и каменисшыя мѣсца, шо не думаешь ли ты, чшо Боги для шого въ мѣру и раздаюшъ сіе пишье, поелику оное съ шанимъ шрудомъ снискивается? Можешъ бышь и шакъ, опвѣчалъ *Херсіасъ*: но мнѣ бы весьма хотѣлось, чшобы бесѣда о домоспроишельсшвѣ возобновилась, и пообсшояшельнѣе бы о шомъ кшо либо изъ васъ поговорилъ: ибо мнѣ кажется, чшо въ прежнемъ разговорѣ нашемъ не упомянуто было, какую бы мѣру положишь въ домоспроишельсшвѣ. На сіе *Клиодулъ* опвѣщевовалъ: чшо законъ умнымъ назначилъ мѣру: а для несмысленныхъ скажу я одну шпчу, кошорую мать моя брашу моему нѣкогда пересказывала.

Луна просила матери своей, чшобъ она шила ей приличное одѣяніе; но мать сказала ей въ опвѣщъ слѣдующее: какъ могу я сдѣлать тебѣ плашье, когда ты перемѣняешь шпанъ швой, и иногда кажешся круглою, иногда въ полукружии видъ швой, иногда же съ острыми рогами? Равнымъ образомъ, другъ мой *Херсіасъ*! безумный и нечешивый никакой мѣры въ богашсшвахъ не знаетъ: ибо нужды его по приходямъ и случайнымъ перево-
рошамъ премѣняющся, подобно шому псу *Еза-
поду*,

попу, копорый зимою стигається въ кружокѣ опѣ морозу, и ищетѣ въздѣ найши себѣ убѣжище и домѣ, а лѣпомѣ пропинувшись на зеленой справкѣ, думаетѣ о себѣ, что онѣ великой господинѣ, и не почитаетѣ за нужное промыслишь себѣ домѣ и жилище. Не видишь ли ты *Херсіасѣ*, что многіе находяся въ убогомѣ состояніи, иѣнясь въ семѣ образѣ жизни, и стараются скромно и умѣренно веспи себя; а не много времени спустя, получа нѣкій доспашокѣ, боясь, чтообѣ сѣ голоду не умереть, еспыли они не будутѣ имѣшь всѣхѣ царскихѣ сокровищѣ? *Клиодимѣ* выслаушавѣ рѣчь *Клиопула*, сказалѣ: но мы видимѣ, что и вы господа Мудрецы не всѣ въ равную мѣру пользуетесь добрами. На сіе *Клиопулѣ* ему такѣ отвѣтствовалѣ: другѣ мой! законѣ, какѣ порпной, всякому приличную и соразмѣрную часть даешь: ибо и ты, какѣ законѣ, не всѣмѣ равную мѣру лѣкарствѣ предписываешь, не всѣмѣ одинѣ родѣ жизни и пищи имѣшь повелѣваешь, но всякому сходспвенно сѣ его состояніемѣ. Такѣ по сему видно, сказалѣ *Ардалѣ*, что и пріятелю нашему, *Солонопу* госпиу *Епимениду*, нѣкопорой законѣ велицѣ воздерживаешь опѣ пищей, и пишашься только маюю частію зелія утоляющаго голодѣ, не вкушая никогда никакихѣ брашенѣ. Сіи слова всѣ присѣдящіе со вниманіемѣ и молчаніемѣ слушали: но *Фалесѣ* разсмѣявшись сказалѣ: хорошо дѣлаешь *Епименидѣ*, что онѣ симѣ образомѣ прописанія избѣгаетѣ пруда, чтообѣ молодць въ жорнахѣ и варить пищу для себя,

такъ, какъ *Питтакъ* принужденъ работать; ибо когда я былъ въ городѣ *Деспѣ*, то случилось мнѣ слышать пѣсню, копорую хозяйка, сидя за жорнами пѣла: „мели, мели жорна; „когда и *Питтакъ* Царь *Митилинскій* самъ „мелешъ. „ Я удивляюсь, сказалъ *Солонъ Ардалу*, что ты не читалъ у *Исioda* правила, написаннаго стихами о образѣ пищи *Епименида*: ибо онъ первой *Епимениду* семѣна сея пищи далъ. И ты думаешь, сказалъ *Периандръ*, что *Исiodъ* въ мысли имѣлъ какое либо зелье, а не паче то, чтобъ пріучить насъ къ самой проспой пищѣ, въ копорой наилучшій вкусъ положенъ природою? Правда, что полезно ѣсть бобы и сочевицу; но шѣ коренья и приправы, копорыя почитаются ушляющими голодъ, больше лѣкарствомъ должны называться, нежели пищею, поелику состояющая съ медомъ и сыромъ; и ешлы такія приправы гоповишь для пищи, то справедливо будетъ оное *Исiodo* слово:

И ратая труды пропали и пощѣ.

Но я удивляюсь швоему госпию, любезный мой *Солонъ*, что онъ въ бышность свою у *Делійскихъ* жипелей не примѣшилъ, что во храмы свои приносятъ они достопамятности и примѣры первыя пищи ихъ, но ешть самородныя произрастѣнія, копорыхъ пользу и доброту безъ сомнѣнія и *Исiodъ* похваляетъ. Кромѣ сего, сказалъ *Анахарсисъ*, оныя произрастѣнія весьма споспѣшествуютъ къ сохраненію здравія въ цѣлоспи. Можно видѣшь, выговорилъ шущъ *Клиодимъ*, что *Исiodъ* былъ иску-

искусный врачъ, что онъ такъ умно о способѣ пищи, о умѣренности вина, о пользѣ чистой воды, о баняхъ для женскаго пола, и о дѣпорожденіи написалъ. Но мнѣ кажется, что *Езопъ* справедливѣе ученикомъ *Исіода* можеть назваться, нежели *Епименидъ*: ибо пошъ онъ бесѣды и яспреба съ соловьемъ взялъ начало своей мудрости, пошь изящной и пошь многочисленной. Я бы желалъ, услышать отъ самаго *Солона*, по какой причинѣ, и по какому уставу *Епименидъ* употреблялъ сей образъ пищи: ибо я думаю, что онъ въ бытность свою въ *Афинахъ* частое и шѣсное велъ съ *Епименидомъ* обращеніе. Я не имѣлъ нужды, опшѣчалъ *Солонъ*, спрашивать у него причины пому образу его жизни, когда сіе весьма ясно видно, что ближайшее изъ шѣлесныхъ къ лучшему и верховному добру ешь наименьшее употребленіе пишей: ибо по мнѣнію *Мудрецовъ*, верховное добро ешь въ пошъ, чшобъ не употребляшь совѣмъ никакой пиши. Ежели дозволено говорить по, что я думаю, сказалъ *Клиодимъ*, по мнѣ сіе предложеніе не кажется бышь основательно. Какъ можно уничтожить употребленіе спола и пишей, вещь посвященную Богамъ, дружбы и спраннолюбія? Ибо, какъ *Оалесъ* говоритъ, ешьли огонь изъ свѣта вынесеть, по смѣсь послѣдуетъ во всей громадѣ вещей: такъ равнымъ образомъ, ешьли сполъ и пиши оставишь, по вѣ семейства уничтожащся, испразднишся *Вестальскій* священный огонь, не надобны будущъ чаши Боговъ, сонмища и гостинницы, первые между человекѣвъ человекѣ-

колюбнѣйшіе союзы, и весь образъ жишїа человѣческаго разспроишся: ибо люди послѣ прудовъ имѣюшѣ нужду въ отдохновенїи и забавахъ. Между прочими же лучшая для нихъ забава прїуголовленїе стола, и наслажденїе онаго. Сїе зло коснешся и самаго земледѣлія, безъ упражненїя кошораго земля останецся не очищена и не успроена, безплодна и пуста, а съ земледѣліемъ вмѣстѣ пропадутъ художества и ремесла, копорыя оное питаешѣ и содержишѣ, и жершвоприношенїя Богамъ испребашся. Солнцу честь будетѣ воздаваема малая, а лунѣ и шого меньше: ибо люди опѣтѣхъ свѣщилѣ ничего больше не будутѣ получать, кромѣ свѣща и шеплошы. Какая жершва принесешся *Юпитеру* росодателю, *Церерѣ* плодохранишельницѣ, и *Нептуну* полей питашелю? Кому будетѣ изливашѣ свои дары *Вакхъ*, Богъ веселїа, ежели мы не спанемѣ искашѣ оныхъ? Чшо принесемѣ на жершву, чшо посвяшимѣ олшарю, какое первое всесоженїе возложимѣ на жершвенникахъ? Все сїе связано съ паденїемъ священнѣйшихъ вещей. Правда, чшо скошское дѣло ешѣ всѣхъ и во всемѣ искашѣ сладоспращїй; но и убѣгашѣ всѣхъ удовольствїй, и во вся опвращашѣ опѣ наслажденїа оными, дѣло ешѣ несмысленнаго. Духъ человѣческой имѣешѣ свои собшвенныя и превосходныя добра и ушѣшенїа; но изъ шѣлесныхъ удовольствїй, по истиннѣ сказашѣ, нѣшѣ просшѣе и непорочнѣе, какѣ наслажденїе пишей, чшо всякому самымѣ опшпомѣ извѣсно.

Когда

Когда *Клиодимъ* окончалъ рѣчь свою, то я заснуя мѣсто его, сказалъ ему: для чего же ты умолчалъ о томъ, что съ пищею вмѣстѣ и сонъ возбуждается? А ежели сонъ оспавишь, то и сновидѣній никакихъ не будешь, а чрезъ сіе древнѣйшій оный образъ гаданія и предсказанія уничтожишь. При томъ и самая жизнь наша будетъ безпорядочна, и щѣло духу нашему нѣкопорымъ образомъ будетъ бесполезно; ибо многія и нужнѣйшія часпи онаго суть орудія питанія, какъ на примѣрѣ языкъ, зубы, желудокъ, печень, изъ коихъ всякой членъ сотворенъ на службу другаго. И такъ кто пищи не принимаетъ, тотъ и не имѣетъ надобности въ своемъ щѣлѣ; а сіе не иное что есть, какъ не имѣть никакой надобности въ себѣ самомъ: никто же изъ насъ не можетъ быть безъ себя самаго. Я сіе сказалъ, какъ будто ходатайствуя за чрево и брашна; оспьли же *Солонъ*, или кто другой имѣетъ что либо сказать мнѣ въ возраженіе, то я готовъ слушаю. Я и весьма охотно скажу, опвѣщивовалъ *Солонъ*. Ежели только не хошимъ мы имѣть меньше здраваго разсужденія, нежели Египтяне, которые разрѣзавъ чрево мертваго показываютъ оное солнцу, потомъ брося внутренности въ рѣку, намазываютъ шрупъ разными благовонными масьями, и хранятъ оный. По истиннѣ сказавъ, внутренности чрева нашего суть нечистота и мерзость, подобно какъ преисподній адъ наполненъ пагубными водами, духами бурными съ огнемъ и жупеломъ смѣшенными,

и плавающими въ нихъ жертвами смертію прупами. Ничто живущее не пипается живущими: но мы убивая живущихъ и одушевленныхъ, несправедливо поступаемъ. Воздержась отъ яденія мясъ, какъ пишушъ и о древнемъ *Орфеѣ*, что онъ такимъ образомъ поступалъ, больше походилъ на оспроумный вымыслъ, нежели на запрещеніе сладостей въ мясояденіи ощущаемыхъ: ибо бышь въ семъ разумъ непорочнымъ, и представилъ себя чистымъ предъ Богомъ есть то, ежели кто довольствуясь самъ собою, и не ища внѣ себя ничего, жизнь ведетъ мудраго; кого же судьба такъ сотворила, что онъ не можетъ сохранить своего здравія безъ погубленія другихъ животныхъ, тому она показала природу, яко начало несправедливости. И такъ, любезный мой *Диоклисъ*, недостойнѣйшее ли Божескаго служенія дѣло было бы, чтобы чрево, желудокъ и печень вмѣстѣ съ неправдою вырѣзать? Оныя шѣла часпи никакого добраго желанія и чувствія не производяшъ, и подобны орудіямъ поваровъ, копорыми они готовятъ пишу. Во многихъ можно примѣпить, что душа въ шѣлѣ ихъ, какъ на поварню посажена, и только для шѣлесныхъ нуждъ печется и суешился. Также какъ и мы, не много прежде сего, ничего ни слышали, ни видѣли; но каждый изъ насъ былъ заняшъ нуждою пипанія: нынѣ же по опняпїи споловъ и брашенъ, мы бесѣдуемъ прїяпно, взаимными пользуемся разсужденіями и спокойшвїемъ сердечнымъ, будучи освобождены отъ нужды

жды голода. Еспьли бы могли мы въ семъ соснояннѣ прожить во весь нашъ вѣкъ, по не всегдашнимъ ли наслаждались бы мы покоемъ, не боясь нищеты, и не зная вкуса богашствъ? Ибо гдѣ кончипся желаніе нужнаго, шамъ не посредственно послѣдуетъ вождельніе излишняго. Что же касается до мыслей *Клиодима*, который думаетъ, что необходимо должны быть богатые столы съ пищамя, и виночерпныя чаши, и чшобы можно *Церерѣ* и *Прозерпинѣ* жерпву приносить, шо сіе, миѣ кажешся, похоже на шо, какъ еспьли бы кто сказалъ, что война и бипвы необходимо нужны бытъ для шого, чшобъ была у насъ морская сила, крѣпоспи вооруженныя, и оспрые мечи, и чшобы мы умерпвивши нѣсколько пысячъ непріятелей, принесли на жерпву спо воловъ, какъ у *Мессинцопъ* законъ повелѣваетъ; или еспьли бы сказалъ кто, что здравіе бесполезно: ибо ежели всѣ будущіе люди здоровые, шо къ какому употребленію послужашъ мягкія постели? На что будущіе кровопускашельныя орудія? Какую жерпву *Ескулапію* приносить спанушъ? И вся врачебная наука съ врачебствамя и орудіямя своими брошена будетъ и презрѣна: ибо нѣтъ никакого различія между симъ и онымъ. Пища принимается, какъ лѣкарство, для голода; и шѣ сами себя вручаютъ, которыя умѣренную употребляютъ пищу, не ища роскоши и сладоспрассія, но стараясь удовольспвовать еспественную нужду. Припомъ отъ пишей больше болѣзней, нежели удовольспвія вычислить

можно. Для произведенія удовольствія въ тѣлѣ нашемъ и мѣсна мало и времени: и сколько раждаетъ попеченій одно неудобство и трудность въ приуголовленіи пищи, и коликими нечистотами и наконецъ болѣзнями обременяется тѣло наше отъ яденія оныхъ! Я думаю, что *Омиръ* на сіе взиралъ, когда безсмертіе Боговъ тѣмъ доказывалъ, что они не употребляютъ никакой пищи.

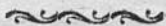
Ни пьютъ, ниже ядятъ тѣ Существа духовныя: И по сему они безсмертны и безкропны.

Симъ хотя показавъ, что пища не только служитъ запасомъ жизни, но и смерти: ибо отсюда болѣзни въ тѣлахъ зараждаются, копорымъ больше и чаще вредитъ объяденіе, нежели постъ и неяденіе; и часто большаго труда спобитъ сварить снѣденную пищу, и обратитъ въ нужныя соки тѣлесныя, нежели доснать оную. Но что же бы мы дѣлали, спросимъ сами себя, естли бы перестали искать на земли и на морѣ всего того, что только къ пресыщенію нашему служитъ, и не имѣя понятія о другихъ превосходныхъ дѣлахъ, кромѣ сладостраспной жизни рабствующей нуждамъ тѣлеснымъ? Какъ рабы, получившіе свободу, для себя и для другихъ по дѣлають, что прежде будучи въ рабствѣ дѣлали для господъ своихъ: такъ и душа наша многими нынѣ обременена попеченіями и трудами въ пропитаніи тѣла; но когда избавишься отъ сего служенія, тогда пользуясь свободою, сама себя будешь питать, и живя внутри себя самой будешь созерцать безпрерывно-

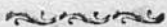
спѣнно самую истинну. Такова, любезный мой *Никархъ*, происходила бесѣда о пищу. И еще *Солонъ* не окончалъ рѣчи своей, какъ вдругъ явился *Горгіасъ* братъ *Періандръ*, пріѣхавшій изъ *Тенара*, куда онъ посланъ былъ, чшобы по увѣщанію *Оракула* принести жертвенное всеожженіе со всемъ обрядомъ церковнымъ. Мы всѣ поздравили его съ пріѣздомъ, а *Періандръ* облобызавъ его, посадилъ близъ себя. *Горгіасъ* говорилъ нѣчто ему шайно, и можно было примѣшисъ, что разговоръ томъ шрогалъ его чувствительнѣе: ибо онъ изъяслялъ то видѣ сожалѣнія, то неудовольствія, то недвѣрчивости, то удивленія. Помѣмъ разсмѣявшись, такъ сказалъ намъ: мнѣ весьма хочется рассказать вамъ, что я теперь слышалъ отъ брата, но не смѣю, помня сказанное нѣкогда *Θалесомъ*: надобно то говорить, что вѣрояшно, а о томъ молчать, что не правдоподобно. Но *Θалесъ*, выговорилъ шушъ *Віасъ*, и сіе премудро сказалъ: непріятелямъ не должно вѣришь, хощя бы они и вѣрояшнѣе доспойное что либо говорили, а пріятелямъ надлежитъ вѣришь и въ томъ, что превосходитъ правдоподобіе. И я думаю, пріятелями разумѣемъ онъ умныхъ и честныхъ людей, а непріятелями безумныхъ и нечестныхъ. Между шѣмъ, любезный братъ, сказалъ *Періандръ* *Горгіасу*, скажи всѣмъ шу новосъ, о которой шу мнѣ говорилъ теперь. *Горгіасъ* началъ повѣствовать слѣдующимъ образомъ: Принесли мы шридневное всеожженіе жертвенное, въ послѣдній день въ шоржесшѣ всю ночь на берегу въ

пѣніяхъ и спихословіяхъ провождали. Луна освѣщала тогда сіяніемъ своимъ море; не было ни малѣйшаго вѣтра, тишина и безмолвіе царшвовали во снранѣ шой. Вдругъ примѣшили мы нѣкій спрашный призракъ моря къ споронѣ мыса, копорый возмущеніемъ волнъ ужасный шумъ съ ярою пѣною производилъ. Всѣ находившіеся шамо бывъ поражены зрѣлищемъ, побѣжали ближе къ шому мѣспу, гдѣ оное казалось. И прежде, нежели могли мы увидѣшь, кшо носимъ былъ волнами, примѣшили множество Дельфиновъ, изъ коихъ нѣкіе плавая шолпою, соспавляли кругъ, иные къ берегу, сколько можно было, ближе подходили, другіе же слѣдовали назади, и замыкали спрой собою; верьху ихъ на лицѣ морскомъ было видно нѣчшо похожее на человѣческое шѣло, копорого однако мы не могли распознать, и разсмопрѣшь, пока Дельфины приспавъ къ берегу всею кучею, выбросили шамо человека живаго и движущагося; а пошомъ возвращаясь обратно къ шому мысу, гдѣ казались прежде, еще большій шумъ играніемъ своимъ сдѣлали, какъ будшо бы находились они въ воспоргѣ своего удовольшвія. Многіе изъ сошоваришей нашихъ обьяшы спрахомъ, убѣжали опшуда: но я, и еще нѣкіе не многіе спважились подойши и посмопрѣшь онаго чуда. Присшупя къ шому мѣспу выброшеннаго, нашли мы и узнали, чшо шо былъ *Аріонъ* музыканшъ, копорый самъ свое имя намъ сказывалъ, и мы узнали его по плашью: ибо онъ имѣлъ тогда на себѣ одѣяніе, копорое въ собраніяхъ *Мусикійскихъ* обьт.

обыкновенно носятъ соперники *Мусихин*. Мы отнесли его въ шаперъ, и онъ никакой не чувствовалъ болѣзни, кромѣ того, что онъ чрезвычайной скорости плаванія слабъ сдѣлался. Онъ рассказалъ намъ странное приключеніе и другимъ кромѣ насъ почти невѣроятное, которые видѣли конецъ онаго. Положа намѣреніе говорилъ онъ, оставивъ Ипалію, получилъ я письмо отъ *Періандра*, чтобы перемѣнить по путешествію и ѣхать въ *Коринѳъ*, куда я на купеческомъ кораблѣ и отправился. Въ продолженіи пути при тихомъ времени и хорошей погодѣ, примѣтилъ я, что корабельщики умыселъ прошивъ меня имѣютъ, чтобы меня убить, о чемъ я узналъ обстоятельно отъ самаго кормчаго, что они неоплошно согласились умертвить меня въ слѣдующую ночь. Въ сихъ обстоятельствахъ я не могъ имѣть никакой помощи ни отъ кого, и колебался жестокими смущеніями внутренно. Божественное нѣкое вдохновеніе побудило меня, надѣвъ по мое плащѣ, которое обыкновенно носятъ въ сонмищахъ *Мусихійскіе* соперники, и при концѣ жизни моей поспѣвъ наипрямѣйше въ подражаніе лебѣдей. Такимъ образомъ одѣвшись, сказалъ я корабельщикамъ, что пришло мнѣ на мысль, чтобы о спасеніи корабля и сушихъ въ немъ пропѣвъ *Пиѳическое* стихословіе; и спавъ на краю корабля, призвалъ я морскихъ Боговъ, взялъ цитру, и началъ пѣть и играть *Пиѳическую* пѣснь. Еще и половины пѣсни не пропѣлъ я, какъ солнце уже зашло, и виденъ спялъ *Целопонисъ*. Корабельщики

пользуясь наступленіемъ ночи, начали дѣлать
 приуготовленія къ убивству моему, обнажая
 мечи и изошряя оныя въ глазахъ моихъ, чего
 убѣгая, бросился я въ море сколько можно бы-
 ло подалѣе отъ корабля. Но прежде, нежели
 погрузился въ воду, Дельфины вдругъ при-
 плывъ, на себя меня подхватили. Спрахъ,
 смущеніе и недоумѣніе объяли меня тогда.
 Примѣшилъ я, что они толпою собирались ко
 мнѣ, какъ будто бы другимъ въ помощь, и
 несли меня спокойно; а припомъ увидѣлъ, что
 по скорости плаванія ихъ корабль мой уже
 оспался далече назад; тогда ни спрахъ смерт-
 ный, ни любовь жизни не занимали сколько
 меня сколько мнѣ хотѣлось, чтобы отъ поги-
 бели спасшись, прочее время провести во бла-
 гоугожденіи Богамъ, и въ совершенномъ при-
 заніи ихъ. Когда воззрѣлъ я на свѣтлозарное
 Небо, сверкающими испещренное звѣздами, на
 блестящую въ полномъ видѣ своемъ взшедшую
 Луну, на тишину морскую и благоуспѣшный
 путь въ плаваніи, духъ мой разлился въ раз-
 мышленія, и я предсавлялъ себѣ, что око
 Божіе не на едину только взираетъ правду,
 но оно проникаетъ во всѣ міры, во всѣ шва-
 ри, и во всѣ дѣла на земли и на морѣ. Сіи
 мысли одобрили во мнѣ расслабленныя тѣле-
 сныя силы. Между тѣмъ Дельфины приплы-
 ли къ мысу, котораго берегъ былъ кру-
 шой, и приспавъ имъ удобно было; тогда
 успрямясь они къ берегу, какъ бы нѣкій ко-
 рабль на берегъ меня вынесли, и я въ сердцѣ
 моемъ исповѣдалъ, что промыслъ Божій по-
 слалъ

слалъ мнѣ сіе средство спасенія. По окончаніи рѣчи *Аріона*, спросилъ я его, сказалъ *Горгіасъ*, гдѣ бы приспалъ тотъ корабль, на которомъ онъ отправился изъ Италіи? Конечно въ *Коринѣ* долженъ онъ прибыть, отвѣчалъ *Аріонъ*, но не такъ скоро: ибо когда я бросился въ море при началѣ ночи, пихая наснала погода, и не способно было скоро плыть кораблю. *Горгіасъ* продолжалъ припомѣть, что онъ узнавъ имя корабля и кормчаго, и свѣдавъ онаго знаки, послалъ ладійцы и мореплавателей во всѣ приспани, и самъ отправился съ ними, не объявляя, что онъ везетъ съ собою *Аріона*, дабы виноватые узнавъ не убѣжали. Случай соопвѣщивалъ Божию провидѣнію: ибо онъ прибылъ сюда, и я извѣстился, что посланные нашли оный корабль и корабельщиковъ взяли. *Періандръ* выслушавъ сіе, повелѣлъ брашу своему немедленно итти и приказать, чтобъ тѣ взятыя посажены были въ темницу, и имъ никоимъ образомъ не объявлялъ, что *Аріонъ* живъ. Тогда *Езопъ*, не удивляясь, сказалъ, что мои вороны и сороки бесѣдуютъ съ разумомъ, когда видятъ, что и Дельфины есть такого рода. Сія повѣсть, отвѣчалъ я *Езопу*, больше тысячи лѣтъ уже извѣстна отъ *Инусопыхъ* и *Амазонскихъ* временъ... и сіе, выговорилъ *Солонъ* къ *Діоклису*, принадлежащій больше Богамъ, и превосходитъ силы наши: что же со *Исидомъ* случилось, есть дѣло человеческое и до насъ касается. Я думаю, что ты слышалъ то повѣствованіе, и оно достойно вниманія.

Нѣкто *Миллсскій* жипель, копорому *Исіодъ* былъ пріятель, и часто съ нимъ обращался, будучи въ городѣ *Локрахъ*, прельспился дочерью своего хозяина, и подговоря тайно обезчестилъ ея дѣвство. Узнавъ домашніе о семъ поносномъ поступкѣ, думали, что и *Исіодъ* по вѣдаешъ, и спарается скрывать, сколько можно: ибо онъ никогда не внималъ клеветѣ, и не осуждалъ людей по однимъ наговоркамъ. Братья оной дѣвицы злобствуя на него за сіе, согласились его умертвить, и засѣвши въ *Локринской* рошѣ убили и его и товарища его *Троила*, потомъ шрупы убіенныхъ бросили въ море, изъ копорыхъ *Троиловъ* шрупъ выплылъ въ рѣку *Дафну*, и близъ камня нѣкоего въ недалекомъ расстоіаніи находящагося отъ моря оспановился, копорый камень называется *Троиловъ*; *Исіодовъ* же шрупъ, какъ только брошенъ былъ въ воду, то *Дельфиновъ* шолпа подхвапая его, понесла къ мѣстамъ называемымъ *Ріа* и *Моликрія*, гдѣ *Локрийскіе* жипели праздновали тогда шоржешвенное жертвоприношеніе, копорые увидя, что шрупъ человѣческой несется къ берегу, побѣжали къ оному съ восхищеніемъ, и усмошря, что то было шѣло *Исіода* недавно убіеннаго, поражены были страхомъ и сожалѣніемъ. Слава сего великаго мужа подвигнула ихъ къ опмщенію злодѣямъ, и они положили непременно сыскашь убійцевъ, копорыхъ въ скорости нашедъ, бросили живыхъ въ море, и дома ихъ разорили до основанія, самого же *Исіода* погребли въ *Немѣйской* рошѣ: но гробъ его

его никому изъ чужестранцовъ не былъ извѣстенъ: сокрыто же было сіе ради *Орхоменійскихъ* жипелей, копорые всегда искали и спарались, по совѣту *Оракула*, шѣло *Исідодо* перенести въ свое опечесшво, и шамо погребсши оное. И пакъ, ежели *Дельфины* къ мершвымъ имѣютъ такую любовь и привязаноснь, шо върояшнѣе, что они еще больше живыхъ любяшъ, особливо же, ешъли пѣніемъ или играніемъ приласканы бываюшъ: ибо извѣсно, что сіи живошныя весьма любяшъ музыку, и слѣдуютъ за нею, ешъли когда пловущіе припишинѣ морской играюшъ и поюшъ; любяшъ также дѣшей, и играюшъ съ ними въ плаваніи; никто ихъ никогда не вредитъ и не ловитъ, развѣ сами случайно попадутся въ сѣти рыбарей, или портятъ оныя, тогда наказываютъ ихъ, какъ дѣшей, розгами. Я помню, что въ *Леспакъ* слыхалъ я, что одна дѣвица упопающая въ море спасена была *Дельфиномъ*. Сіе, сказалъ *Питтакъ*, и многіе помняшъ, и довольно извѣсно всѣмъ.

При созиданіи города *Леспа* *Оракулъ* повелѣлъ, чтобъ строили онаго, когда отправяшя въ путь моремъ, приплыли къ нѣкопорой присшани называемой *Мозогейя*, шо ешь Средиземная, и принесли бы шамо въ жертву *Нептуну* шельца, для *Амфитриты* же и *Нереяда* живую дѣвицу бросили бы въ море. Всѣхъ градостроителей было семь, а восьмый *Есхелай* отъ *Оракула* назначенъ былъ вождемъ имѣющихъ селилися шамо пришельцовъ. Онъ же былъ безбрачный. Помянушыя семь на-

чальниковъ мешнули жребій, чью изъ дочерей ихъ слѣдуетъ отдать на жершву *Оракула*; и палъ жребій на сестру *Сминфія*, копорую одѣвши велелѣпно, повели шоржественно къ морю, гдѣ соверша моленія свои, хопѣли ужѣ бросишь въ воду. Но одинъ изъ находящихся съ ними на кораблѣ юноша, именемъ *Еналъ*, любя нѣжно оную дѣвицу, и желая спаси ее отъ смерти ей предлежащей, въ самое по мгновеніе, когда хопѣли ее бросишь, побѣжавъ къ ней спремипельно и поцѣловавъ ее бросился съ нею и самъ въ море. Скоро потомъ слухъ пронесся, что они пребыли невредимы; и хошя слухъ рѣдко вѣроянія достоинъ, однако многіе утверждали по за истинну, что оный *Еналъ* былъ въ *Леспѣ*, и самъ рассказывалъ, какъ онъ Дельфинами спасенъ, и изъ воды на сушу ими вынесенъ безъ всякаго вреда. Я бы и много еще удивительнаго и достойнаго Божіихъ дѣлъ могъ сказашь, но прудно всѣхъ увѣришь о всемъ. Ибо когда жестокія волны около острова поднимались, и никто не смѣлъ присупишь къ морю, по сказуюшъ, что одинъ *Еналъ* подошелъ шуда, и увидѣлъ многочисленную толпу *Полиповъ*, копорыя слѣдовали за нимъ до самаго храма *Нептунопа*, гдѣ онъ посвятилъ ему принесенный съ собою камень, копорый и по нынѣ называюшъ камнемъ *Еналопымъ*. Вообще сказашь: кто можѣтъ различишь между невозможнымъ и необыкновеннымъ, и знаѣтъ, что отъ самой истинны, и что отъ понятія человѣческаго удалено, пошъ умѣришь свою довѣренность ко всему, слѣдуя *Ва-*

лесопу правилу: не буди ни пѣ чемъ излишенъ. По окончаніи сей рѣчи Анахарсисъ сказалъ: ежели справедливо мнѣніе Валесопо, что въ лучшихъ и важнѣйшихъ частяхъ міра сего находится душа, то и не удивительно, что все лучшее творится Божіимъ мановеніемъ. Ибо шѣло есть орудіе души, а душа есть орудіе Бога; и какъ шѣло многія имѣетъ движенія отъ себя самаго, наибольшія же и наилучшія дѣйствія заимствуетъ отъ души: тако и душа нѣкія дѣла творитъ собственнымъ своимъ движеніемъ, въ другихъ же передаетъ себя расположенію Божію и управленію Его воли, будучи наилучшее изъ орудій Его: ибо несправедливо было бы успроено, еспьли бы Богъ употреблялъ на службу свою огонь, воздухъ, воду, облака и дождь, копорыми Онъ, яко орудіями своими безчисленныя вещи питаешъ и хранитъ, многія же разрушаешъ и испребляешъ, а живопныхъ ни на какое бы не употреблялъ служеніе. Сходспвеннѣе съ разумомъ еспь мыслишь; что живопныя силою Божіею водимы, ей служатъ, ея мановенію повинуются, такъ какъ лукъ и стрѣла послушаютъ Скиѣопъ, а цитра и гусли Грековъ. Выслушавъ сіе пѣснопворецъ Херсіасъ, рассказалъ еще нѣкія достопамятности спасенныхъ удивительными образами, и между прочими о Кипсилѣ опцѣ Періандропомъ, копораго когда въ младенчеспевъ посланные на убіеніе его хопѣли умерпвишь, и много искавъ, не могли найти, ибо мапъ его скрыла въ Кипсилъ, такъ называемое мѣсто, то онъ будучи тамо сокрышь, Божіимъ

мановеніемъ удержанъ отъ дѣтскаго плача, и такимъ случаемъ отъ оныхъ посланныхъ избавленъ смертоубійства: по чему въ Дельфахъ и храмъ сооружилъ онъ Богу Спасителю, который и нарекъ Кипсиловымъ храмомъ. Я благодарю *Херсіасу*, сказалъ *Питтакъ*, что онъ напamятовалъ о семъ храмѣ: я многократно хощу спросить тебя, любезный *Періандръ*, на что тамо столько жабъ вырѣзано въ концѣ шипа: и какая мысль связуетъ въ семъ образѣ Бога и человека. *Періандръ* отвѣчалъ ему, что надлежитъ спросить о семъ *Херсіаса*: ибо сіе ему должно быть свѣдомо, поелику онъ былъ при посвященіи храма Кипсилова. На что *Херсіасъ* разсмѣявшись сказалъ: я не прежде вамъ располкую, что заключаетъ въ себѣ по изображеніе, какъ узнаю отъ сихъ господъ, что значитъ: не буди ни въ чемъ излишенъ: познай себя самаго: поручися, шупъ и бѣда. Сіе послѣднее многихъ отъ бракосочетаній, иныхъ отъ содружествъ, а нѣкоторыхъ и со всѣмъ отъ людскаго общежитія удержало. На что же ты, сказалъ *Питтакъ*, пребуешь отъ насъ, чтобъ мы исполковали тебѣ оныя сказанія, когда ты доволенъ словомъ *Езоповымъ*, сочиненнымъ отъ него о всѣхъ оныхъ? Тогда *Езопъ* обращая къ нему: *Херсіасъ*, сказалъ, всякой разъ, когда шупишь со мною, и шупишь всегда съ разсужденіемъ, утверждаешь, что *Омиръ* шворецъ былъ оныхъ сказаній: ибо онъ говоритъ, что *Гекторъ* зналъ самъ себя, когда насупая на другихъ поразительно,

*Обидѣть не хотѣлъ смущеннаго Аякса.
И Улиссъ, любитель сего правила: не бу-
ди ни въ чемъ излишенъ: говоришь Диомиду
шако:*

*О чадо Тидида! словамъ моимъ пнемли!
Чрезмѣрно не ручай, чрезмѣрно не хпали.
Нѣкоторые думаютъ, что онъ ручатель-
ство почипалъ опаснымъ дѣломъ говоря: ру-
чаться за худыхъ, есть по же, что быть ху-
дымъ. Херсіасъ же намъ говоритъ, что Атисъ
за то была низвержена отъ Юпитера съ не-
бесъ, что она была при ручительствѣ о рож-
деніи Геркулеса, которыми Юпитеръ былъ
обманутъ. Послѣ сего Соловъ сказалъ: такъ
прислушаемъ же премудраго Омира словъ:*

Ужъ солнце скрылось за моря,

И наступаетъ темна ночь.

„Друзья! покоиться пора:

„Уйдемъ же мы отсюда прочь!

*Принесемъ убо жертву Мусамъ, Нептуну
и Амфитритѣ, и шѣмъ, есѣли вамъ угодно,
окончимъ нашу бесѣду. Такой былъ конецъ
сего пира.*

XVIII.

Н О В Ы Я

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

кѢ

СИСТИМѢ ПОГОДѢ

учиненныя

ВБЕРГАРДОМѢ ІОАННОМѢ ШРЕТЕРОМѢ

1777 года

въ Санктпетербургѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Искусные древнихъ временъ испытатели Естества выдумали барометры для измѣренія воздуха, чпобы чрезъ оныя узнавать шяжестъ и легкостъ онаго. О бывающихъ припомѣ явленіяхъ думали они, что уже довольно учинили обьясненіе, когда они сіи явленія производятъ отъ систимы *давленія воздуха*. Причину сего давленія искали они въ перемѣнѣ погодъ. Они замѣчали возвышеніе и опущеніе ршупи на размѣрѣ барометра. Чрезъ частыя опыты они въ семѣ мнѣніи утвердились; а наконецъ и совсѣмъ кѢ шому привычку сдѣлали.

Однакожъ нѣкоторыя изъ новѣйшихъ и шщательнѣйшихъ испытателей Естества примѣтили, что шаковыя правила не весьма были основательны, потому что они часто видѣли, что шой ихъ систимѣ прошивныя погоды послѣдовали. И шакъ возвышеніе ршупи въ барометрѣ при худой, опущеніе же оной при хорошей

шей погодѣ, сдѣлалось уже почти задачей. А какъ лучшихъ причинъ пому не знали, древнихъ же оныхъ Философовъ мнѣнія презирали, то брали доказательство опъ единого шокмо *давленія воздуха*, и говорили, что *барометръ не перемѣну погодѣ, но паче тяжесть воздуха показываетъ*.

Долгое время подверженъ былъ я сему мнѣнію; но наконецъ присупилъ къ рѣшенію сего вопроса. Ежели перемѣна барометра происходитъ опъ давленія воздуха, то въ чемъ надлежитъ искать начала или первой причины сего давленія? Ежели вольной воздухъ въ водномъ сосудѣ вхваченъ будетъ, и потомъ съѣшенъ, то легче ли онъ будетъ при опущеніи ршупи, нежели когда оная высоко спомъ? Не имѣютъ ли можетъ быть другія тѣла какого ни ешь давленія на нашу Атмосферу?

Сіе побудило меня разсмотрѣть со вниманіемъ ученіе о дѣйствіи *Планитъ* на нашъ земный кругъ. Довольно извѣстно, сколько древніе Философы въ своихъ сочиненіяхъ, намъ о семъ дѣлѣ объясненія подали, и сколь мало припомъ учинили намъ откровеній о способахъ, какъ намъ постигнуть оное своими чувствами. Любопытство мое увеличилось, когда я примѣтилъ, что сіе опъ давнихъ временъ приемлемое мнѣніе весьма многими людьми даже до нашихъ временъ достигло, и что многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ мужей съ великою скромностію о помъ въ сочиненіяхъ своихъ

(*) упоминаютъ, и по дѣйствіямъ Солнца и Луны доказываютъ ясно, что сіе мнѣніе должно быть основательно.

Дѣйствіе Солнца на нашу Землю споль неоспоримо, что того, копорый бы оное опвергнушь покусился, должно почипашь за лишившагося всѣхъ чувствъ. Мы видимъ, какъ всѣ растѣнія зеленеютъ, зрѣютъ и цвѣтутъ, лишь только дни прибавляться спанутъ, и послѣдуешь жаркой воздухъ; на прошивъ того видимъ также, что все обратпо спремится и склоняется ко своему спокойствію, какъ скоро окончитъ дѣла свои, и дни наши опять короче спановишься будущъ. Отъ Солнца бываешь жарко, весело, и вся шварь оживляется; а какъ скоро оный жаръ Солнца ослабнетъ, или оно удалится, то все бышіе облакается паки въ печальный и пасмурный видъ. О лунѣ вообще утверждается и за подлинно извѣстное дѣло пріемлется сіе, что она своимъ хладомъ и влагою, по опять умѣряетъ, что отъ солнечнаго зноя погорѣло и высохло.

Можетъ ли кто показатъ намъ такія растѣнія или цвѣтки, кои бы имѣли хорошей запахъ, вкусъ, цвѣтъ и плоды, и выросли въ запершомъ погрѣбѣ, куда ни сіяніе Солнца, ни.

(*) Смотри: Доктора Іоан. Апг. Унцера второе собраніе мѣлкихъ Физическихъ тпореній: стр. 340. также сочиненія называемаго der Arzt или врачъ, часть 4 стр. 91 и слѣд. еще Іоан. Милса Сквейръ опытъ о погодѣ съ примѣчаніями на прапила Банбарія сочиненными, цѣ 5 отдѣленіи.

ниже свѣтъ Луны проникнуть не могутъ? И для чего осенніе цвѣты не имѣютъ споль пріятнаго запаха и прекраснаго цвѣту, какъ вѣшніе? За чѣмъ лѣтомъ въ большемъ количествѣ растутъ свѣжія алыя цвѣты, а осень по большой части вялыя и желтыя произрастаетъ? Отъ чего все молодая растѣнія наклоняются къ Солнцу, и растутъ по печенію онаго? И за чѣмъ цвѣтки свертываются, когда оное не освѣщаетъ, или когда скрывается подъ оризонтъ? Когда все сіе и другое, что щедрое Божество на насъ въ различныя времена изливаетъ, безъ солнечнаго и луннаго свѣту соспояны можетъ, то должно опровергнуть и то, что оныя Планы имѣютъ на все вліяніе.

Но довольно ли ясно разсмотрѣли ли мы то, отъ чего нѣкоторыя растѣнія въ иное лѣто лучше растутъ и удаются, нежели въ другое, и отъ чего происходитъ, что другія растѣнія не восходятъ до зрѣлости? Чувствованія растѣнія и животныхъ, покажутъ намъ настоящую причину таковыхъ дѣйствій, если мы щастельнѣе разсмотримъ признаки ихъ. Мы сами оказываемъ въ нѣкоторыя времена равное и общее всѣмъ чувствованіе, кое погда лѣкари наши приписываютъ воздуху, и почитаютъ причиною такой то болѣзни. Спрашивается: отъ чего происходитъ, что въ иныя времена одни помято дѣти сколькихъ нибудь лѣтъ больны бываютъ, а на прошивъ того, кои ихъ спарѣе, никакой болѣзни не чувствуютъ, хотя ихъ родъ жи-

зни, воспишаніе, дієтя, и сему подобное весьма различны? Или какая тому причина, что пожилые люди, страждущіе грудною болѣзнію и ломошою въ костяхъ, скорбные заспарѣлыми ранами и другими какими нибудь закоренѣлыми болѣзнями, въ иное время чувствуютъ большую ошъ оныхъ боль, въ другое же имѣютъ облегченіе, и словомъ подобясь барометру, означаютъ приближающееся ненастье; а на прошивъ того малые дѣши ничего о томъ не знаютъ? На сіе лѣкари намъ ошвѣспвуютъ, что то ошъ воздуха происходишъ. Я же увѣренъ, что сему виною Аспекты съ Планишою Меркуріемъ, особливо когда оныя послѣ полудни случашся, и когда на той же недѣлѣ Луна перемѣнишся также послѣ полудня; и при маломъ наблюденіи увидѣшъ можно, что люди, выше сказанные припадки имѣющіе, больше обыкновеннаго жалуются на ломъ въ головѣ, въ соспавахъ и въ груди; а какъ скоро оный Аспектъ пройдетъ, то почувствуютъ великое облегченіе во всемъ шѣлѣ. Сіе подшверждаютъ дѣланные мною нѣсколько лѣшъ опышы.

Когда уже мы силы и дѣйспвіе сихъ трехъ Планишъ видимъ, то за чѣмъ мнѣ и другимъ оспроумишшимъ меня сомнѣвашся, способспвуютъ ли чѣмъ нибудь другія Планишы къ соблюденію нашего Земнаго Круга? Мнѣ не безвѣстно, что Природа, въ своихъ многообразныхъ приключеніяхъ, разсудку нашему не вдругъ открываешся, но иребуешъ, чшобъ мы долго ее разсмашривали, изслѣдовали и уди-

вляли; да и при самыхъ глубокихъ размышленіяхъ о ея сокровенностяхъ, она не вдругъ, но мало по малу познается. Отъ сего происходитъ, что новыя открытія весьма рѣдко достигаютъ во своемъ началѣ совершенства, но въ слѣдствіи времени по большей части пребываютъ исправленій.

Такимъ образомъ приступилъ я къ разсмотрѣнію дѣланыхъ долгое время открытій съ другаго конца; и онѣ начали мнѣ извѣщать оную нерѣшимость, и полагали, что и при опущеніи ртутни можешь случиться хорошая погода, и при возвышеніи оной вѣпрѣ, дождь и поному подобное послѣдовать могутъ. Изъ сего выводилъ я правила, которыхъ старался сдѣлать общими, сколько учиненныя мною доселѣ открытія допускали; и такимъ образомъ произошла слѣдующая *поденная записка опытовъ моихъ Метеорологическихъ наблюденій*, въ которыхъ находясь причины и основанія, показующія поль достопамятныя дѣйствія не только сихъ произшедшій, но и перемѣнъ погоды.

Что сіе возобновленное мною открытіе подвергнуто той же судьбѣ, какую имѣли прежнія открытія великихъ Философовъ, то я могу легко себѣ представить поному, что не имѣю преимущества предъ тѣми и другими гораздо меня искуснѣйшими мужами, и что склонность человѣческихъ нравовъ еще не измѣнилась. Я ужè и теперь вижу, что сіи мои труды нѣкоторые похваляютъ; другіе же ради вліянія Платона и опредѣленія времени

хулящѣ; а еще иные равнодушно на оныя взирающѣ. Но сколь мало я хочу прославиться онымѣ мнѣ лучше всѣхѣ извѣстнымѣ несовершенствомѣ, споль же мало успрашающѣ напрошивѣ шого и другіе, чпобѣ я не наслаждался чистѣйшимѣ удовольствіемѣ о семѣ моемѣ отккрытіи. Радость, чпо я ничего въ цѣломѣ физическомѣ свѣшѣ не нашелѣ безѣ гармонической связи; увѣреніе, чпо ничто отѣ Всемогущаго Творца безѣ причины и безѣ пользы, въ разсужденіи нашей земли, не создано; и наконецѣ шо, чпо отдаленнѣйшіе міры по своей напурѣ и расположенію вѣрно наблюдающѣ и исполняющѣ свою службу, все сіе естѣ единственное награжденіе, которое я желалѣ получить отѣ оныхѣ своихѣ прудовѣ, и ужѣ по милости моего единачаго Довлешворителя Творца оное получаю. Прищомѣ же увѣренѣ я, чпо придетѣ еще шакое время, въ которое сіи не многіе листы любопытному испышашелю Ествества въ руки попадутся, и его побудятѣ, сіи размышленія больше обѣяснишь для общаго употребленія, чѣмѣ я въ нынѣшніе дни доволенѣ буду и легко соглашусь.

Ненависть прошиву вліянія Планишѣ распространилась не прежде, какѣ послѣ бывшаго въ Триденшѣ собора. Лицемѣрство и невѣжество дали девятому правилу сего собранія шакое общее знаменованіе, чпо полезнѣйшія и для челошечскаго рода необходимо нужныя науки, скоро пришли въ великой отѣ шого упадокѣ; при чѣмѣ не сдѣлано было различія, чпо въ пользу и во вредѣ употребляшь можно

Всякую вещь. И хотя сановитѣйшіе церков-
 ные учители держалися и защищали испинну,
 однакожъ не преспавали и тогда, когда про-
 чія науки начали по прежнему возникашь, со-
 дѣйствіе Планишъ презирашь, не имѣя ни-
 какой другой прошиву того причины, какъ
 только сей, что оно занятымъ предразсужде-
 ніемъ людямъ не понятно. Но опъ непоси-
 жимости можно ли дѣлать заключеніе на не-
 возможность? Когда о Планишахъ въ другихъ
 случаяхъ пріемлютъ ученіе вѣроподобія, то
 за чѣмъ не имѣшь онаго и о вліяніи ихъ?
 Воспящаетъ ли вліяніе оное теченіе и дѣйствіе
 природы? Опасно ли то для Закона, для го-
 сударства, и для общества? Не лучше ли при-
 нятое правило, по коему мы по крайней мѣ-
 рѣ девять разъ безопасно пройши можемъ,
 того, по коему мы всѣ десять разъ заблу-
 димся и упадемъ? Не заслуживаетъ ли под-
 твердительное сіе искусство пакой имовѣрно-
 сти, чтобы его лучше разсмотрѣшь и освидѣ-
 шельствовать чрезъ опыты?

Но о семъ довольно. Намѣреніе мое не
 въ томъ состоятъ, чтобы склонить кого ни-
 будь ко принятію моего мнѣнія за справедли-
 вое; но я желаю, чтобы узнали мои о семъ
 дѣлѣ свѣденія, и по онымъ бы безъ всякаго
 предразсужденія нѣсколько времени, хотя то-
 кмо одинъ мѣсяць по всякой день поступали,
 и изслѣдовавъ хорошенько, попомъ безприспра-
 спно бы объ ономъ разсуждали. Сіе мое же-
 ланіе столь искреннѣ, сколь и неубыточно бу-
 детъ для любители испытующихъ воздуш-
 ныя явленія; попому, что оно не сопряжено

не покмо съ великими трудами, но и ниже съ малѣйшими для 1778 года издержками, чпобы сіе сколь достопамятное, сшоль важное и полезное опкрышіе болѣе изслѣдовать. Я приглашаю къ сему только охотниковъ, которые бы употребили малой трудъ для точнаго наблюденія, и во первыхъ смощрѣли бы на то, какимъ образомъ я начиналъ и поступалъ въ эшомъ дѣлѣ. Малое терпѣніе, прилѣжное примѣчаніе и никакими предразсужденіями незнамый умъ, попребны покмо ко всей оной наукѣ; и таково свойсшва охотниковъ прошу я, предпріяшь сей малый трудъ въ пользу челоѣческую. Можешъ бышь сыщешся изъ нихъ кто нибудь, который во изысканіи истинны болѣе меня успѣешъ, показанныя правила распроспранішь и умножішь, и для распроспраненія Физики, Земледѣлія, Коммерціи и кораблеплаванія полезнѣе сдѣлаешъ. Но какъ скоро кто изъ сихъ пріяшелей мнѣ покажешъ, чпо изъ десяти Аспекшовъ, правильно вычисленныхъ, съ печеніемъ созвѣздій согласующихся, и по истиннымъ часамъ расположенныхъ, два прошивныя моимъ правиламъ дѣйствія окажущся, то я охотно сіе приму, и научусь лучшему. Но скорыя и безъ дальнихъ изслѣдованій поданныя разсужденія, кои выведены изъ приняныхъ по произволению положеній, и не основанныя пришомъ на повсядневномъ искусствѣ, истинны не опровергають. Потерялъ ли магнитъ свою силу, когда неискусный еспешсшва испышашель оной не узналъ? И пересшалъ развѣ онъ бышь магнитомъ, когда ошносительные къ его дѣйствію

спвію вопросы не довольно рѣшены? И пакъ все, что благоразумный человекъ при семъ сдѣлать можетъ, состоятъ въ слѣдующемъ: чтобы онъ не вдавался во управляющее имъ предразсужденіе; чтобы онъ въ безвинномъ семъ упражненіи, по елику оно имѣетъ видъ новости, хотя самымъ дѣломъ и очень не ново, не препинался; и наконецъ чтобы чрезъ опыты открывалъ путь ко истинѣ, по елику сей способъ есть самый надежнѣйшій ко изысканію возможности. Уже Плиній (*) предлагаетъ намъ разумный совѣтъ, чтобы мы въ ономъ не причины естества, но шокмо волю онаго изслѣдовать спарались. Попомки же наши да учинявъ въ семъ дѣлѣ, практическими своими наблюденіями, большія открытія.

Н О В Ы Я

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

§. 1. Нижеслѣдующія наблюденія и правила, для Метеорологическихъ упражненій дѣланы были двадцать девять лѣтъ, при чемъ употреблено всякое прилѣжаніе и непрерывной трудъ.

§. 2. Ежели кто пожелаетъ по симъ правиламъ сочинить Календарь, то сіе весьма легко можно учинить изъ поденныхъ записокъ о перемѣнѣ воздуха. Но должно остерегаться, чтобы одной такой записки за основаніе сего Календаря не принявъ.

Х 2

§. 3.

(*) Плин. Натур. Исторіи кн. 37, гл. 4.

§. 3. Надлежитъ взять разныя Ефемериды или поденныя аспрономическія записки, какъ на пр: *Корабельный Календарь* (Nautical Almanaks), *Знаніе временъ* (Connoissance des Temps), *Берлинскія*, *Венскія*, *Бононскія* и *Медиоланскія* аспрономическія записки. Должно изъ оныхъ сдѣлать выписки, и оныя одну съ другою сравнить; по найдемся, что многіе Аспекты въ показанныхъ часахъ не согласуются, естли примѣченные въ оныхъ Аспекты вычислены будутъ по тому мѣсту, въ коемъ надобно дѣлать наблюденія.

§. 4. Я находилъ часно различіе многими не токмо часами, но и цѣлыми днями, какъ на пр: по Берлинскимъ запискамъ надлежало бы въ 1776 году 4 Генваря \odot \odot \ominus въ 6 часу 10^1 предъ полуднемъ случиться, а случилось на противъ того оное по Парижскимъ 3 Генваря въ 8 часу въ 31^1 предъ полуднемъ.

§. 5. Записки же подъ шипуломъ *Знаніе Временъ* предвѣщали явленіе \odot \odot \ominus по полудни 4 Марта, въ 6 часу 42^1 , и послѣдовавшая тогда погода доказала, что сіе счисленіе вѣрно было. Но по Берлинскимъ запискамъ должно было ожидать \odot еще 5 числа.

§. 6. Въ Берлинскихъ запискахъ вычислено, что \odot \odot \ominus по полудни 12 Маія случится; но по Парижскимъ ожидали онаго еще 14 Маія въ 6 часу по полуночи.

§. 7. Когда изъ сихъ записокъ о воздушныхъ явленіяхъ сдѣлано будетъ сокращеніе, какое я сдѣлалъ, и Аспекты внесены будутъ въ *Метеорологической Журналъ*, то можно будетъ, помощію оныхъ, разсмотрѣть вычис-

еленія, и наконецъ окажется, что Аспекты весьма различно означены.

§. 8. Которое же между сими несогласными вычисленіями будетъ тогда справедливо и вѣрно? Кому должно послѣдовать? Или онѣ чего происходяшъ споль великія и многія несогласія? Не должно ли сей знашный недоспашокъ, который не великую дѣлаетъ честь нашей Аспрономіи, побудитъ наконецъ истиннаго сына опечеспва, чшобъ онѣ сообщалъ намъ о Аспектахъ, каковые сущъ σ . ρ . Δ . Π . \ast , правильную Теорію или умозрѣніе, и сдѣдалъ точныя таблицы о печеніи Планитъ и ихъ часахъ?

§. 9. Но до того времени, пока не сыщется такой въ пользу общеспва услуги свои оказатъ желающій охощникъ, надлежитъ опсперетаться, ежели кшо правдолюбивъ, и шаковыя неправильныя означенія Аспектовъ и несбывающіяся пошому переменныя погодъ, не спавитъ въ вину моимъ правиламъ.

§. 10. При сихъ несходныхъ вычисленіяхъ Аспектовъ, которыхъ я не могъ разрѣшитъ, часто случалось, что учиненное помощію барометра наблюденіе погодъ и сравненіе онаго съ моими правилами рѣшили и показали, кшо изъ нихъ въ вычисленіи вѣрнѣе поступалъ.

ГЛАВА I.

МНѢНІЕ ДРЕВНИХЪ

о

СИЛЪ ПЛАНИТЪ.

§. 1. Древніе писашели съ шоликою смѣлошю о природѣ и свойствѣ Планитъ говорили

и писали, что, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ должно оное побудить насъ къ обращенію вниманія къ сему шоль безвинному упражненію. Они говоряшъ, что

§. 2. ☉ *Солнце* горячо и умѣренно сухо; и что оно при явленіи добрыхъ Планишъ и ихъ Аспектовъ добро, а при соединеніи къ худымъ, худо.

☾ *Луна* сама собою нѣсколько холодна и влажна; и соединясь съ другими Планишами возбуждаетъ въ нихъ дѣйствіе.

♂ *Марсъ* жарокъ и безмѣрно сухъ, по чему онъ и почитается злымъ.

☿ *Меркурій* непосояненъ, и приемиетъ напуру той Планишы, съ коей онъ соединяется, или дѣлаетъ одинъ Аспектъ; по чему онъ то хорошъ, то худъ, то шепель, то холоденъ бываетъ.

♃ *Юпитеръ* шепель и влаженъ; дѣйствіе же его производить бродкосшь.

♀ *Венера* умѣренно холодна и влажна, а по своей напурѣ благопріятна.

♄ *Сатурнъ* холоденъ и влаженъ, вліяніе его почитается не добрымъ.

§. 3. По качествамъ и свойству Планишъ заключали древніе о ихъ дѣйствіяхъ. Они видѣли, что сіи дѣйствія то увеличивались, то уменьшались, то ослабѣвали, то и совсѣмъ уничижались, смотря пошому, сколько различныхъ Планишъ придуть въ одно мѣсто на небѣ.

§. 4. Мы предложимъ здѣсь для объясненія нѣсколько шому примѣровъ. Они говорили, что соединеніе

* * *

⊙ сь ☾ въ аспектахъ производитъ засуху,
♂ ♀.

⊙ сь ♂ въ аспектахъ производитъ жаръ, су-
хой вѣтеръ, време-
немъ сильной дождь съ
громомъ, молнією и
градомъ.

⊙ сь ♀ въ аспектахъ производитъ вѣтеръ,
сушу, временемъ и
дождь.

⊙ сь ♃ въ аспектахъ производитъ теплую,
ясную, умѣренную и
пріятную погоду, не
большіе вѣтры, пло-
доносные дожди съ
весьма малымъ гро-
момъ.

⊙ сь ♀ въ аспектахъ производитъ солнечное
сіяніе, ясную погоду,
временемъ дождь.

⊙ сь ♄ въ аспектахъ производитъ холод-
ный воздухъ, дождь
или градъ, сильный
вѣтеръ, также влаж-
ную погоду, а зимою
снѣгъ.

*

☾ сь ♂ въ аспектахъ производитъ дождь и
♂ ♀.

☾ сь ♀ въ аспектахъ производитъ вѣтеръ и
♂ ♀.

- ♁ сѣ ♃ вѣ аспектахъ производитъ чистой умѣренной воздухъ, также и легкіе вѣтры.
- ♁ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ умѣренной лѣпомъ жаръ.
- ♁ сѣ ♄ вѣ аспектахъ производитъ пасмурную погоду, шуманъ, дождь, а зимою холодно и снѣгъ.

*

- ♂ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ жаръ, засуху, также вѣтръ, временемъ громъ, градъ и сильной дождь.
- ♂ сѣ ♃ вѣ аспектахъ производитъ великой жаръ, засуху, сильной дождь, бурю, громъ и градъ.
- ♂ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ ясную и умѣренную погоду, временемъ дождь, а зимою снѣгъ.
- ♂ сѣ ♄ вѣ аспектахъ производитъ великую сушь и сильной дождь, худую погоду, градъ и бурю.

*

- ♁ сѣ ♃ вѣ аспектахъ производитъ обыкновенно сухой вѣтръ.
- ♁ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ по большей части дождь и вѣтеръ.
- ♁ сѣ ♄ вѣ аспектахъ производитъ сильныя вѣтры, сжужу и изрядную погоду.

♃ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ пріятную
♂ П ♀ погоду, временемъ и
облачное небо, и неболь-
шіе плодоносные дожди.

♃ сѣ ☿ вѣ аспектахъ сїи суть жестокіе Ас-
♂ П ♀ пекты, по причинѣ ши-
хаго ихъ движенія. Они бывають причи-
ною великихъ перемѣнъ
погоды вѣ воздухѣ, по
своему свойству и по
насурѣ того знака, вѣ
которомъ они находящ-
ся; ибо находясь вѣ ог-
ненномъ знакѣ, причи-
няютъ они жаръ и за-
суху; вѣ земномъ зна-
кѣ дурную и холодную
погоду; вѣ водяномъ
знакѣ много дождя; вѣ
воздушномъ знакѣ силь-
ные вѣспры; при чемъ
также еще должно смо-
трѣть, и на чешыре
времени года.

♀ сѣ ☿ вѣ аспектахъ производитъ сильной
♂ П ♀ дождь, наводненіе, спу-
жу и снѣгъ.

Сего довольно будетъ для нашего намѣ-
ренія. Естлижъ кто болѣе объ ономъ знаетъ
желаетъ; тошъ можетъ прочесть *Іоанна Штеф-
фелера* книгу, содержащую *древнія* такія за-
писки сѣ 1499 до 1528 года; *Юлія Фирмика*

Натуральную Астрологию и Марсилія Фидина книгу de vita coclit. comparand.

§. 5. Но какъ уже примѣчено, что дѣйствія сихъ Аспектовъ зависящъ отъ знаковъ Зодіака, гдѣ они находящяся, и отъ того времени, или отъ того, въ которую пору предъ полуднемъ или послѣ онаго Солнце въ сіи знаки вступитъ; по.

§. 6. Не бесполезно также будетъ знать и о мѣнѣнн дреннихъ, какое они имѣли, о напурѣ и свойствахъ 12 знаковъ Зодіака или круга живонныхъ, пошому что сіе къ распространенію и почивѣшему опредѣленію сея науки много способствовать можетъ.

ГЛАВА II.

Правила, по которымъ опредѣлить можно по пыщепомянутымъ Аспектамъ, какая будетъ погода.

§. 1. Изъ стонія и времени явленія Планетъ въ ихъ Аспектахъ, можно шеперь, по слѣдующимъ правиламъ, весьма вѣрно опредѣлишь и предсказать не шокмо какая будетъ погода, но и какіе послѣдующъ вѣщры, естли только вычисленіе помянутыхъ Аспектовъ справедливо.

§. 2. I. *Правило.* Солнце, которое печеніемъ своимъ дѣлаешъ четыре разныя времена года, причиняешъ также и главные вѣщры помощью часовъ, въ которые вступашъ во знаки γ . σ . π и ρ . Чшобъ объ ономъ имѣшь свѣденіе, по послѣдующая таблица о вѣщрахъ пошребна.

N.	n.i.o.	N.N.O.	n.o.i.n.	N.O.	n.o.i.o.	O.N.O.	o.i.n.	O.	o.i.s.	O.S.O.	s.o.i.o.	S.O.	s.o.i.s.	S.S.O.	s.i.o.
XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI				

часы послѣ полуночи.

S.	s.i.w.	S.S.W.	s.w.i.s.	S.W.	s.w.i.w.	W.S.W.	w.i.s.	W.	w.i.n.	W.N.W.	u.w.i.w.	N.w.	n.w.i.n.	N.M.w.	n.i.w.	N.
XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII				

часы послѣ полудня.

§. 3. Употребленіе сея таблицы состоитъ въ слѣдующемъ: на прим. сего 1777 года вступило здѣсь Солнце

въ знакъ γ . 8 Марша въ 9 часу 12¹ послѣ полуночи, и шакъ главные вѣтры были SO въ O.

Объ 10 Юня въ 6 часу 24¹ послѣ полуночи, и шакъ главные вѣтры были O въ S.

Въ знакъ Γ 11 Сентяб. въ 7 часу 54¹ послѣ полудня; и шакъ главные вѣтры были WNW.

Ъ 10 Декабря въ 0 часу 35¹ послѣ полу-

полудня; и такъ главные вѣшры были S въ W.

§. 4. Помѣмъ примѣшилъ также я, что естли въ которой день не бываетъ Аспектовъ, то главной въ то время вѣшеръ по сей таблицѣ идетъ довольное время отъ определеннй своей спороны. Естлижъ въ которой день видѣнъ примѣшнй и точно показанной Аспектъ, то перемѣняется оной главной вѣшеръ и поворачивается по часу Аспекта въ другую спорону.

§. 5. Еще примѣшилъ я, что естли вспупленіе Солнца въ знакъ Зодіака предъ полуднемъ случится, то главные вѣшры слабы бываютъ; естли же по полудни, то оныя вѣшры сильнѣе спановяшся. Иногда же бываютъ и дополуденные вѣшры также сильны, ежели Луна послѣ полудня перемѣнится.

§. 6. II. *Правило.* Ежели Луна къ Календарѣ, правильное счисленіе имѣющемъ, отъ о до 7 часа послѣ полуночи измѣнится, ш. е. свой образъ или видъ перемѣнитъ, не смотря на то, новой или полной будетъ Мѣсяцъ, первая или послѣдняя его четверть; то бываетъ тихая, ясная и сухая погода въ томъ мѣстѣ въ той недѣлѣ или во оной недѣлѣ.

§. 7. III. *Правило.* Ежели Луна перемѣнитъ видъ свой отъ 6 до 12 часовъ передъ полуднемъ; то бываетъ въ той недѣлѣ солнечное сіяніе съ облачнымъ нѣсколько небомъ.

§. 8. IV. *Правило.* Ежели случится прѣмѣненіе Луннаго вида съ о до 6 часовъ послѣ полудни; то Солнце проглядываетъ при маломъ дождѣ и вѣшрѣ, а зимою бываетъ снѣгъ.

§. 9. V. *Правило.* Ежели сдѣлается пере-
мѣна въ Лунѣ отъ 6 до 12 часа послѣ полу-
дни; то бывають обыкновенно сильныя вѣп-
ры и много льешъ дождя.

§. 10. При сихъ правилахъ усмопрѣль я,
что какъ скоро Луна сойдешия съ другими
Планишами въ Аспектѣ; то принимаетъ она
ихъ качества, т. е. она подвержена бываетъ
иногда въ томъ перемѣнѣ, по причинѣ влія-
нія другихъ Планишъ.

§. 11. VI. *Правило.* Всѣ правильно опре-
дѣленные и почно вычисленные часы Аспек-
товъ Планишъ, хотябъ они случились въ зна-
кахъ σ . ρ . \ast . \square или \triangle , показывающъ свое
содѣйствіе во дневной перемѣнѣ погодъ на на-
шей землѣ.

§. 12. VII. *Правило.* Ежели случится пе-
ремѣна въ Лунѣ, такъ какъ въ §. 6. означе-
но, безъ другихъ Аспектовъ Планишъ; то
показанная въ томъ §. погода непременно по-
слѣдуетъ.

§. 13. VIII. *Правило.* Ежели въ томъ са-
мой день и въ тоже время случатся также
Аспекты Планишъ; то означенная еѣ выше-
показанномъ §. погода будетъ тѣмъ пріят-
нѣйшая.

§. 14. IX. *Правило.* Ежели Аспекты
Планишъ или въ томъ же день, когда учи-
нился перемѣна въ Лунѣ, или и въ послѣдую-
щіе дни сея Лунныя недѣли, по Календарю
случится имѣть послѣ полудня, и оное весь-
ма почно опредѣлено и вычислено будетъ; то
въ томъ день, а часпо и въ томъ же самой
часѣ будетъ перемѣняться погода и вѣтеръ.

§. 15. X. *Правило.* Аспекты Планетъ послѣдующъ шѣмъ же самымъ правиламъ, кои въ §. 6. 7. 8. и 9. положены: ибо естли оныя *предъ полуднемъ* случашся, то послѣдуетъ днемъ ясная и сухая погода; а когда оныя *послѣ полудни* случашся, то причиняютъ ненашливое время, облачное Небо, вѣтеръ и дожди. И шакъ не явствуетъ ли изъ сего гармоническое ихъ содѣйствіе на нашу землю?

§. 16. Учиненныя мною наблюденія увѣряютъ меня, что естли Планеты ♀ и ☿ одна съ другою, или копорая нибудь изъ нихъ съ Планетами ☽. ♃. ♄. или съ ♂ *послѣ полудня* въ Аспектѣ находящся; то возстаютъ припомъ сильныя и долговременныя вѣтры и дожди; да они же одни причиною припомъ бывають, что въ барометрѣ ршуть въ по времени споль ниско упадають, чего я еще при другихъ Планетахъ не примѣшилъ.

§. 17. Напрошивъ шого усмотрѣлъ я, что ршуть въ барометрѣ въ по время, какъ скоро Планета ♃. или ♄. или ♂. въ упреннее время, или всѣ шри между собою, или одна копорая нибудь изъ нихъ, съ раждающеюся рано Луною въ Аспектѣ показались, весьма высоко спояла.

§. 18. Сіи Аспекты со Планетами показывають намъ шакже и вѣтры, копорые во весь день у насъ бывають. Надлежитъ шолько примѣчать время Аспектовъ, какъ выше въ §. 2. и 3. объявлено, и искашь часа въ показанной таблицѣ; то можно увидѣшь, что означенной на ней вѣтрѣ непременно послѣдуетъ. Однакожъ сіи опъ Аспектовъ произходящіе

дѣющіе вѣтры не суть *главные*, но *посторонніе*, поному чпо главные вѣтры происходятъ отъ состоянія Солнечнаго.

§. 19. Сія Теорія о вѣтрахъ можетъ подать случай не токмо къ лучшему изъясненію всего о вѣтрахъ ученія, да и причинѣ, отъ чего происходятъ то, чпо два, а иногда и при разные вѣтра съ идущимъ облакомъ примѣчаются; но также и къ содѣланію безопаснаго въ моряхъ плаванія, и слѣдственно принесетъ она не малую пользу Коммерціи.

§. 20. Сіе достойно примѣчанія, чпо восточные вѣтры дымъ, производящей изъ трубъ, въ низѣ давятъ, и такъ сказать, по землѣ распилаютъ; а напрошивъ того западные вѣтры оной вышиною около 50 или 60 степеней поднимаютъ. И такъ не можно ли причины онаго искасть въ положеніи Земли нашей въ разсужденіи произхожденія вѣтровъ?

Г Л А В А III.

О томъ, какоѣ долженъ быть Календарь съ Аспектами.

§. 1. Еслили кпо не имѣетъ почно вычисленнаго, на все дни и часы хорошо сочиненнаго, и исправно показющаго порядокъ Аспектовъ, какъ оныя послѣдуютъ, припомъ же очищеннаго отъ Типографскихъ погрѣшностей *Календаря съ Аспектами*; тому все вышеписанное не можетъ быть полезно.

§. 2. Такой Календарь долженъ на всякой день показывать, не токмо состояніе всѣхъ Планетъ, какъ на прим. ☉. ☽. ♃. ♄ и ♀, но также и слѣдующіе одинъ за другимъ Аспекты по ихъ положеннымъ часамъ.

§. 3. Такъ на прим. 26 Августа 1777 года послѣ σ . η . θ . должно было случиться π . θ . ζ , а не прежде, какъ въ Календарѣ поставлено было. И кто на сіе положился, того конечно выше показанныя правила обманули. Но ежели бы въ немъ показано было σ . η . θ и π . θ . ζ , тобы видно было, за чѣмъ въ барометрѣ вечеромъ ртуть опустилась, и для чего жестокая съ дождемъ по 27 число продолжавшаяся послѣдовала съ N. въ W. спорныя погода.

§. 4. При такихъ Типографскихъ погрѣшностяхъ не должно искашь ошибки, что не сбылась означенная погода, въ данныхъ правилахъ; но въ поставленномъ неправильно порядкѣ, или въ назначенныхъ невѣрно часахъ, и въ непоказаніи для каждаго дня Аспектовъ въ Календарѣ: ибо гораздо болѣе Аспектовъ на Небѣ находится, нежели сколько мы въ нашихъ Календаряхъ находимъ.

§. 5. А чпобы показанной въ §. 2. Календарь былъ полезнѣе для всѣхъ, то надобно изъ Ефемеридъ присовокупить Таблицу, показывающую разность Меридіановъ во времени: ибо симъ способомъ, можно будетъ для каждаго отдаленнаго мѣста, хотябъ оно къ Западу или къ Востоку лѣжало, въпрѣ и погоду назначить.

§. 6. Сіе доказывается тѣмъ: ежели на нашемъ мѣстѣ въ упреніе часы Аспекты бывають, кои у насъ по вышеписаннымъ правиламъ шихую погоду производятъ: то тѣ мѣста, которыя на 6 на 8 или болѣе часовъ отдалены, противную той погоду и въперѣ имѣ-

имѣютъ. Въ ономъ весьма часто увѣрился я въ домосшяи и другими извѣсшяи, когда я доспопамяшныи дни въ Календаръ своемъ съ Аспектами пересматривалъ. А причину онаго можно весьма легко изъ вышеписанныхъ правилъ усмотрѣшь.

§. 7. И такъ ежели мы будемъ имѣть впредь такой исправной Календаръ, и когда учинены будутъ въ разныхъ мѣсцахъ искусными Метеорологами, по вышеписаннымъ моимъ правиламъ, наблюденія и онья записаны будутъ; то я увѣренъ, что починаемое доселѣ загадкою возвышеніе и опущеніе ршущи въ барометрѣ большей получили свѣтъ, нежели донынѣ оное учинено. Покрайней мѣрѣ откроемся лучшія причины, для чего ршущъ въ барометрѣ не при всякой бурѣ и дождѣ весьма низко опускается, и не при всякой ясной и шихой погодѣ въ неимущемъ воздуха пространствѣ высоко очень поднимается.

§. 8. Изъ сего будетъ видно, отъ чего происходитъ то, что при ясной погодѣ ршущъ въ барометрѣ упадетъ, а во время дождя и въпроевъ подымается, и также отъ чего ршущъ въ барометрѣ долгое время неподвижно на одной мѣрѣ стойтъ, и отъ чего она на малое разстояние непримѣнно мѣсно свое перемѣняетъ, хотя погода стойтъ непоспоянная? Какая также и тому причина, что она очень скоро въ верхъ поднимается и упадетъ въ то время, когда стойтъ изрядная погода?

§. 9. Можетъ быть, что отъ возвышенія и опущенія ршущи въ барометрѣ, можно будетъ производить новыя доказательства о оп-

даленіи каждой Планишы опѣ Земли нашея, и о скоромѣ или шихомѣ около оной ихѣ движеніи, когда нынѣ не имѣя къ тому причины, думаютѣ узнавать по барометру тяжесть воздуха, или еще и могущую послѣдовать погоду.

§. 10. Сіе заподлинно извѣстно, что ежели по онымѣ правиламѣ, сочиненѣ будетѣ Календарь, по предсказаніе въ обыкновенныхѣ нашихѣ Календаряхѣ погодѣ не будетѣ больше слышѣ пословицею; тогда земледѣлецѣ не будетѣ больше на удачу трудиться и пахать землю; и мореплаватели заблаговременно будутѣ поспѣшать къ шихому пристанищу. Такого рода Календарь по справедливости заслужилѣ бы названіе *Метеорологическаго съ показаніемѣ Аспектовѣ Календаря для мореплавателей и домостроителей.*

§. 11. Неимѣніе шакого Календаря и мои обспояшельства были причиною, что я, для удовольствования нѣкоторымѣ образомѣ своей охоты и склонности къ сей наукѣ, учинилѣ на первой случай изѣ разныхѣ поденныхѣ аспрономическихѣ записокѣ выписки. А чтобы показатѣ, какѣ я въ семѣ дѣлѣ поступилѣ, или какѣ можно пробавишь, пока оная рѣдкая вещь не родишь, присовокуплю я примѣрный тому образецѣ.

§. 12. Чего ради каждый благоразумный читатель легко увидитѣ, что въ одномѣ моемѣ образцѣ не всѣ находящяся Аспекшы Планишѣ, да и не всѣ въ надлежащемѣ своемѣ порядкѣ споятѣ, притомѣ же и не вездѣ точно назначены часы, но многіе изѣ сихѣ Аспектовѣ не въ своемѣ мѣстѣ положены, многихѣ не до-

спаешь, и многіе не исправно примѣчены и вычислены (*); слѣдственножъ и оный Календарь не имѣешь такого совершенства, какого бы я желалъ, ш. е. чшобъ онъ для общенароднаго употребленія могъ изданъ бышь во свѣтъ.

§. 13. Но какъ прилѣжное наблюденіе погодъ и барометра, ежели къ тому присоединены будущь мои правила; исправяшъ и наградяшъ сей недоспашокъ, шо думаю я, чшо такого образца въ началѣ шоль полезнаго и пріяшнаго подвига, въ шоль важномъ отккрытіи довольно будешъ, для подшверженія шого, на чемъ основаны и на чшо ссылающся мои правила. Помянушой образецъ будущаго моего Метеорологическаго Журнала съ Сентября 1777 года, и Календаря по Аспектамъ на 1778 годъ, ешь слѣдующей.

Въ сообщенныхъ нами *Метеорологическихъ наблюденіяхъ* предложили мы чшашелямъ своимъ о шакоемъ дѣлѣ, которое хошя собственно и не принадлежшъ ко принятому нами при семъ Журналѣ намѣренію, однакожъ по обширной своей пользѣ въ общей жизни, и по причинѣ дальновидныхъ проспектовъ къ будущему о *Аспектахъ* ученію намъ весьма понравилось. А какъ желаніе наше, приносшъ всевозможную любезному нашему Опечесшву пользу, не имѣешъ предѣловъ, папріотическая

Ц 2

же

(*) По той причинѣ замѣчалъ я разность Аспектовъ на примѣрѣ такимъ образомъ: по Париж. Берлин. или Лондон. пыкладкамъ; потому что они показаны по Парижскому знанію временъ, по Берлинской астрономической лѣшописи и по Лондонскому карабельному календарю.

же искренноспъ г. Сочинителя оныхъ наблюдений заслуживаетъ всякую благодарноспъ, вспоможеніе и поощреніе со стороны ученаго свѣща, особливо любительей *Метеорологическихъ наблюдений*, попому, что онъ въ оспавленномъ доселѣ и почти въ забытіе и презреніе пришедшемъ дѣлѣ, открываетъ съ трудомъ пушь, и подаетъ новой свѣщѣ; по все сіе побудило насъ къ обнародованію оныхъ, и обнадежило, что можеть бытъ сія чеспъ предоспавлена любезному нашему Опечеспву, чпобы безъ предразсуждений разсмотрѣть ученіе древнихъ о Аспектахъ, и учинить оное общеполезнымъ.

Единое желаніе г. Сочинителя, сколько мы усматриваемъ, спремится къ тому, чпобы *изданъ былъ нѣкогда пѣ свѣтъ полный и на всякій день пѣ году исправно и пѣрно пычисленный Календаръ съ Аспектами*: и онъ, кажеться намъ, весьма справедливо ушверждаетъ, что безъ сего Календаря ни погоды поочно назначить не можно, ни основательнаго подаетъ разсужденія о его правилахъ. И хопя сіе его требованіе заслуживаетъ уваженіе; однакожъ мы опасаемся, что шоль трудное и долговременное вычисленіе ежедневнаго споянія нашихъ Планищъ, хопя ихъ шолько по пяти Аспектамъ вычислять, вопще останеться, ежели не совокупятся къ тому истинные челоѣколюбцы и любители своего Опечеспва, и положивъ въ награжденіе нѣкошорую сумму, не преодолѣютъ сопряженныхъ съ шakovыми задачами трудностей. Но ежели бы симъ образомъ проложена была дорога; по бы ужѣ весьма вѣрно можно было ожидать непрерывныхъ тому послѣдствій. Но

Но чпобы чпашелямъ нашимъ подашь хо-
пя нѣкопорое малое свѣденіе о обширной поль-
зѣ Календаря съ Аспектами; по мы должнѣ
объявишь имъ о нѣкопоромъ письменными до-
куменшами засвидѣпельствованномъ произше-
ствіи. Г. Сочинитель сихъ *Метеорологическихъ*
наблюденій, за годъ почши предъ симъ време-
ни, далъ одному опсюда въ Амстердамъ опѣ-
ѣжжающему своему пріятелю писменное наспа-
вленіе о всѣхъ вѣпрахъ, и случающихся опѣ-
шого погодахъ, кои во время его пушешествія
въ дорогѣ каждой день бышь могли. По сему
рописанію проинаи первые семь дней при споль
благопріятномъ и попушномъ вѣпрѣ, что ко-
рабль, на копоромъ онъ ѣхалъ, гошовилса про-
ѣхашъ ужѣ зундъ; но въ семъ мѣспѣ пріятелю
его дано было знашь, что случишса и продол-
жишса два дни сильная буря, копорая и послѣ-
довала шакъ вѣрно, что корабль прибило къ
Норвежскимъ горамъ, и единспвенно онъ спас-
ся шѣмъ, что сей спушникъ началъ корабле-
водцу предспавляшь, что сія буря имѣешъ
продолжишса два дни, и что слѣдспвенно
должно ему въ безопасномъ мѣспѣ спашъ на
якорѣ. Въ осмнашцаши миляхъ опѣ Амстер-
дама предсказано было имъ, имѣшь еще силь-
нѣйшую прежней, но не споль долго продол-
жашса могущую бурю, копорая и послѣдова-
ла дѣйспвительсно, и была споль жестока, что
корабль со всѣмъ своимъ грузомъ цѣлые девашъ
часовѣ ожидалъ очевидныя погибели. — О
какая бы произошла опѣ шого для Коммерціи
польза и выгода, ештли бы ученіе о Аспек-
тахъ сполько объяснено и исполковано было,

чпобѣ можно было предсказывать навѣрное корабельщикамъ, какія въ пущи ихъ могутъ случиться погоды! Оное опкрышше, естли бы не превзошло, по конечно сравнялось бы со избрѣшеніемъ и употребленіемъ компаса или магнитной иглы. Какой же пользы не можнобѣ было ожидать отъ того для домоспроишельства? Сего не довольно; польза отъ онаго ученія распространилась бы на всѣ дѣйствія человѣческія, кои отъ погодъ хотя бы ни малѣйшей зависимости не имѣли. Такъ должно ли поликаго уваженія доспойное дѣло быть предметомъ презрѣнія и посмѣянія, и не заслуживаетъ ли оно, чпобѣ испинные и вѣрные сыны Опечества обрапили къ изслѣдованію онаго всякое вниманіе и раченіе? — Мы сообщили уже шеперь своимъ чипапелямъ самыя *Матееорологическія наблюденія*, и произведенныя изъ нихъ почпеннымъ г. Сочинишелемъ привила. Чпо же касаешся до самаго Календаря по Аспектамъ, по разсудили мы сообщить шеперь шолько одну таблицу на Январь мѣсяцъ; а прочія будутъ сообщаемы въ изшеченіи каждаго мѣсяца на будущій мѣсяцъ, при Журналѣ нашемъ.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ

по Аспектамъ расположенной для мореплавателей и домостроителей

КАЛЕНДАРЬ,

Для употребленія въ Санктпетербургѣ на 1778 годѣ по старому стилю.

Изъясненіе календарныхъ знаковъ.

1. *опенат. знаковъ небесныхъ.*

♈ овенъ, Марша
♉ шелецъ, Апрѣля
♊ близнецы, Майя
♋ ракъ, Юня
♌ левъ, Юля
♍ дѣва, Августа
♎ вѣсы, Сентября
♏ скорпионъ, Октября
♐ стрѣлецъ, Ноября
♑ козерогъ, Декабря
♒ водолей, Генваря
♓ рыбы, Феврала

2. *Аспектѣ.*

☾ Соединеніе, или спояненіе двухъ или больше Планетъ на одномъ мѣстѣ или градусѣ Зодіака, по долготѣ, хотя по широтѣ и опсоянѣ одна опѣ другой на нѣсколько градусовъ.

♁ Проливоспояненіе или распояненіе Планетъ, въ которомъ онѣ одна опѣ другой находясь на шестъ небесныхъ знаковъ или на полкруга, ш. е. на 180 градусовъ.

✳ Шестая доля свѣта, или пространство на два небесныхъ знака, составляющихъ шестую часть Зодіака, или 60 градусовъ.

□ Четвертая доля сіянія или пространство на три небесныхъ знака, или на $\frac{1}{4}$ Зодіака, ш. е. на 90 градусовъ.

△ Третья доля сіянія или пространство на чепыре небесныхъ знака, или на 120 градусовъ, по естѣ на $\frac{1}{3}$ Зодіака.

3. Мѣсячныхъ	спд. по полудни
☉ новый мѣсяцъ. ♀ пер. четверть. ☽ полный мѣсяцъ. ☾ послѣд. четверть.	Главные вѣспры въ будущемъ 1778 году будущъ. 9 Марша SW въ S
4. Времень.	— 10 Юня - S въ W
ч. часъ	— 12 Сеншября - NNO
шпн. по полуночи	— 10 Декабря - W

У ВѢДОМЛЕНІЕ.

Дабы чинашелямъ нашимъ преподашь хощя малѣйшее наставленіе во употребленіи изданныхъ нами *Метеорологическихъ наблюденій*; при семъ сообщаемъ имъ слѣдующее примѣчаніе.

Недавно въ здѣшнихъ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ спояло о жестокой бурѣ, возпослѣдовавшей 21 числа Сеншября прошлаго года въ Сибири.

20 Сеншября помянушаго года произошла перемѣна новага мѣсяца въ *Змеиноторскѣ*, по астрономическому изчисленію въ 8. ча. 23¹. 20¹¹. по полуднижъ.

Въ шомъ день было шамъ ☉ ♀ въ 11. ча. 27¹. 20¹¹. по полуднижъ.

Солнце вступило 11 числа въ знакъ ♄ въ 11. ча. 21¹. 20¹¹. по полудни.

Какъ сіи при аспекта должны были явишь свое дѣйствіе вмѣстѣ по полудни; шо согласно прапилу о перемѣнѣ мѣсяца отъ 6 часовъ вечера до 12 часа ночи, и свойству аспекта ♀ съ ♄, опредѣленнаго въ таблицѣ о мнѣннхъ дрепнихъ въ разсужденіи силы Планетъ, и надлежало необходимо бышь упомянушымъ слѣдствіямъ.

КОНЕЦЪ I. ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страниц.
× I. Жизніе и свойства Сократовы.	1
× II. <i>Федонъ</i> , или разговоры о безсмертіи души. - - - - -	41
— Разговоръ второй. - - - - -	104
— Разговоръ третій. - - - - -	145
× III. <u>Сельская муза.</u> - - - - -	191
IV. Нравоучительные стихи. - - - - -	200
× V. О писменахъ Славенороссійскихъ и писаніи книгъ въ Россіи. - - - - -	202
× VI. О случаѣ, переводъ изъ Плутарховыхъ нравоучительныхъ сочиненіи.	208
× VII. Разсужденіе Сенекино о честномъ житіи, въ которомъ преподается ученіе, какъ жить добрымъ человекомъ. - - - - -	215
× VIII. Увѣщательное письмо Ерасма Роттердамскаго. - - - - -	228
× IX. Четыре степени возраста человѣческаго. - - - - -	238
X. Ода <i>Богъ</i> . - - - - -	248
× XI. Ода <i>Щастіе</i> . - - - - -	250
× XII. <i>Бозалдавъ</i> , восточная повѣсть. - - - - -	255
× XIII. <i>Иринъ</i> . - - - - -	263
× XIV. <i>Идиллія</i> . - - - - -	266

- XV. Стихи ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ на благополучный день
Тезоимеништва ЕЯ отъ Издашелей. 270
- XVI О достоинствѣ челоѣка, въ отноше-
ніяхъ къ Богу и міру. - - 272
- XVII. Пиръ седми Мудрецовъ. - - 283
- XVIII. Новыя Метеорологическія наблюде-
нія къ систимъ погодъ, учиненныя
Евергардомъ Іоанномъ Шретеромъ,
1772 года въ Санктпетербургѣ. - 330

№ VII § 325

D. U. 1986

$\frac{7}{55}$

1779

 $\frac{10}{9}$

4.1

Aug. 2⁰⁰